ЦИК СССР
ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

7

В. Бартольд

ИСТОРИЯ

ИЗУЧЕНИЯ ВОСТОКА В ЕВРОПЕ И РОССИИ

ЛЕКЦИИ

ЧИТАННЫЕ В УНИВЕРСИТЕТЕ И В ЛЕНИНГРАДСКОМ ИНСТИТУТЕ ЖИВЫХ ВОСТОЧНЫХ ЯЗЫКОВ

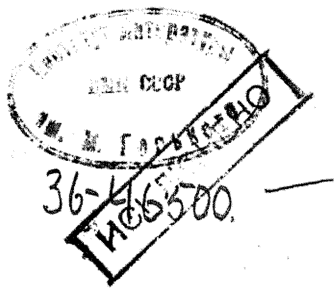
ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

ЛЕНИНГРАД
1925

3-й экз

DS
28

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
327
56



Ленинградский Гублит № 5488. Тираж 3000 экз.—20.

Гос. учебно-практ. школа-тип. им. тов. Алексеева. Ленинград. Красная, 1.

Первое издание настоящей книги было выпущено в 1911 г., как воспроизведение содержания курса, читавшегося мною для студентов факультета восточных языков. В предисловии мною было изложено происхождение этого курса, в связи с историей кафедры истории Востока, учрежденной при факультете уставом 1863 г. Как моим предшественникам, так и мне казалось полезным знакомить начинающих студентов-ориенталистов, до изучения ими истории отдельных восточных стран и народов, с историей изучения европейцами Востока вообще, чтобы дать им возможность сравнить достигнутое в той области, которую они намерены изучать, с достигнутым в других отраслях востоковедения. Вместе с тем такой курс может дать слушателям некоторое представление о том, какое место занимает данный восточный народ среди других и вообще в истории человечества. В том же предисловии мною, однако, были отмечены и отрицательные стороны такого курса. Преподаватель, являющийся, конечно, специалистом только в одной какой нибудь отрасли истории Востока, при составлении такого общего обзора вынужден большею частью касаться вопросов, не составляющих предмета его специального изучения, что находится в некотором противоречии с общими требованиями, предъявляемыми к высшей школе.

Несмотря на этот основной недостаток, книга, повидимому, не оказалась бесполезной ни в качестве руководства для студентов, ни в качестве библиографического пособия для читателей — не специалистов. Преимущественно в качестве руководства для студентов она была издана в 1913 г. в немецком переводе, причем были опущены две первые главы, вследствие их „слишком общего“ содержания (als zu allgemein). В тексте мною самим были сделаны некоторые поправки; в библиографических обзорах издателем были прибавлены заглавия некоторых немецких трудов.

В основанном после революции (в 1920 г.) Петроградском (ныне Ленинградском) Институте Живых Восточных Языков соста-

вителями учебных программ был установлен общий курс того же типа, обязательный для всех студентов без различия специальности; чтение этого курса было поручено мне. В связи с этим было признано необходимым переиздать печатный курс с необходимыми поправками и дополнениями и с принятием в расчет успехов науки с 1911 г. Труднее всего было удовлетворить последнему требованию; известно, что русскому ученому уже с 1914 г. было гораздо труднее, чем прежде, следить за успехами западно-европейской науки; за последние годы культурная изолированность России ослабела, но далеко еще не восстановлено, даже на западе, довоенное международное общение. Несомненно, что по отношению к литературе 1911 — 24 гг. во втором издании окажется еще больше пробелов, чем в первом издании по отношению к литературе предшествующего времени. Само собою разумеется, что библиографическая полнота не имелась в виду ни в том ни в другом издании; цель библиографических обзоров — дать необходимые указания начинающим. Книга с самого начала была задумана как пособие к лекциям, но не как учебник, именно потому, что она предназначена не для одних студентов. Несомненно, что бо́льшая часть библиографических указаний была излишней для студентов университета и будет еще более излишней для студентов специального института, особенно в условиях современной жизни, когда доступ к книгам еще труднее, чем был прежде. Столь же излишне было бы обременять память слушателей массою имен и дат, которых во втором издании еще больше, чем в первом. Если бы сохранить в книге только то, что предназначено для запоминания, исключив все то, что предназначено для чтения и справок, книга утратила бы всякое значение для не-студентов; между тем потребность в таком пособии в широких кругах теперь, по ходу событий на Востоке, еще настоятельнее, чем прежде. Надо надеяться, что слушатели сами сумеют выделить из заключающихся в книге данных то, что необходимо запомнить для сколько нибудь отчетливого представления о постепенном расширении сведений европейцев о Востоке.

Вопреки мнению немецких издателей, первые две главы показались мне не совсем лишними, притом не только для русских читателей; насколько мне известно, на западе тоже не было такой попытки в кратких словах установить, как изменялся в европейской науке взгляд на историю Востока и на необходимость предъявлять к ее изучению те же научные требования, как к изучению истории Европы. Библиографические

прибавления, сделанные в немецком переводе, во многих случаях являлись бы лишними для русских читателей и потому не были использованы во втором издании.

Из допущенных в первом издании ошибок я, конечно, старался исправить все те, на которые было обращено мое внимание, или которые были замечены мною самим. С благодарностью были использованы мною поправки, сделанные в печати моим учителем, ныне покойным, Н. И. Веселовским в отзыве о моем труде (в Зап. Восточ. Отд. Арх. Общ., т. XXII), и моим бывшим слушателем С. В. Жуковским, в его книге: „Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие“ (1915).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

стран.

ПРЕДИСЛОВИЕ . . . . . III—V

Первая часть . . . . . 1—66

ГЛАВА I . . . . . 1—22
Понятие об истории 1. — Эпос 3. — Исторические надписи и летописи 4. — Повествовательная история 5. — Геродот 7. — Фукидид ibid. — Поливий и прагматическая история 9. — Средневековая историография 12. — Мусульманская историография 13. — Новая европейская наука 15. — Историческая критика 18.

ГЛАВА II . . . . . 22—36
Европейские ученые и история Востока 22. — Увлечение Индией 23. — Египтология 25. — История Передней Азии 26. — Ассириология 28. — Школа Винклера 30. — Вопрос об упадке культуры Востока и причинах этого явления 32.

ГЛАВА III . . . . . 36—52
Греки и Восток 36. — Геродот 38. — Ктесий и друг. 40. — Походы Александра и их значение 41. — Римская эпоха 44. — Морская торговля 47. — Географическая наука в Византии 50.

ГЛАВА IV . . . . . 52—62
Арабская культура 52. — Географы 53. — Сведения китайцев о „западном крае“ 57. — Монгольская империя; Рашид-ад-дин 60.

ГЛАВА V . . . . . 62—80
Отношение к Востоку средневековых европейцев 62. — Деятельность сирийцев 63. — Легенда о „священнике Иоанне“ 65. — Монголы и европейские посольства к ним 67. — Марко Поло 72. — Другие купцы и миссионеры 75. — Армяне 78.

ГЛАВА VI . . . . . 80—86
Европейцы у Тимура 80. — Венецианские послы XV в. 82. — Николо Конти 84. — Морские открытия, карты и атласы 85.

ГЛАВА VII . . . . . 86—92
Португальцы в Индии, Китае и Японии 86. — Гоэс 89.

ГЛАВА VIII . . . . . 92—105
Голландцы в Японии 93. — Изгнание португальцев 94. — Кемпфер и друг. 95. — Миссионеры в Китае 96. — Значение трудов иезуитов 101.

ГЛАВА IX . . . . . 105—125
Изучение Передней Азии в XVI и XVII вв. 105. — Вартема 108. — Делла-Валле 109. — Предприятия англичан 110. — Олеарий 112. — Французские путешественники 113. — Ориентализм 115. — Путешествия XVIII в. 117. — Англичане в Индии 122.

ГЛАВА X . . . . . 125—144
Востоковедение в XIX в. Китай 126. — Синология 129. — Япония и Корея 131. — Индия 132. — Индо-Китай 136. — Тибет 138. — Восточный Туркестан 139. — Афганистан 140.

СТРАН

ГЛАВА XI . . . . . 145—16
Изучение Передней Азии в XIX в. Персия 145.—Малая Азия 148.—Палестина 150.—Арабский полуостров 151.—Арабская культура 154.—Месопотамия 155.—Гумбольдт и Риттер 157.—Современные научные задачи 161.

Вторая часть. Обзор русских трудов по изучению Востока . . . . . 165—29

ГЛАВА XII . . . . . 165—18
Россия и мусульманский Восток 165.—Принятие христианства; паломничества в Палестину 169.—Монгольское нашествие и его последствия 171.—Аф. Никитин 173.—Географические сведения в XVI в. 175.—Сношения со средне-азиатскими ханствами 176.—Искание путей в Индию 179.

ГЛАВА XIII. . . . . 184—20
Завоевание Сибири 185.—Казаки на Амуре и столкновение с Китаем 188.—Картографические работы 191.—Посольства в Китай 193.—Нерчинский трактат 195.—Меры Петра Великого и его преемников 196.—Миссия в Пекине 197.—Школа для изучения японского языка 200.

ГЛАВА XIV . . . . . 203—21
Предприятия Петра Великого в Средней Азии 203.—Конец предприятий, вызванных слухами об Эркети 211.—Первая Камчатская экспедиция ibid.—Первая академическая экспедиция 212.—Академический атлас 215.

ГЛАВА XV . . . . . 216—2
Подчинение киргиз-кайсацких орд 216.—Оренбург 219.—Отношения к ханствам 223.—Изучение Сибири 225.—Вторая академическая экспедиция 226.—Лаксман в Японии 229.—Словарь императрицы 230.

ГЛАВА XVI . . . . . 232—24
Востоковедение в России в XIX в. 232.—Сношения с Японией 233.—Изучение Сибири 235.—Деятельность русского географического общества 238.

ГЛАВА XVII . . . . . 241—25
Изучение Средней Азии в XIX в. Киргизские степи 241.—Войны с ханствами 244.—Семиречье и Кульджа 249.—Изучение Тянь-шаня 251.—Покорение туркмен и железная дорога 252.

ГЛАВА XVIII . . . . . 255—2
Изучение средне-азиатских ханств. Бухара 255.—Хива 258.—Коканд 260.—Туркестанское генерал-губернаторство 261.—Вопрос о старом русле Аму-Дарьи 265.

ГЛАВА XIX . . . . . 268—2
Изучение Дальнего Востока; Монголия 268.—Китай 271.—Тибет 274.—Восточный Туркестан 275.—Индия 277.—Афганистан 279.

ГЛАВА XX . . . . . 282—2
Русская литература о Передней Азии 282.—Персия 283.—Малая Азия 287.—Палестина 288.—Египет и Сирия 290.—Кавказ 291.

Указатель 2

Дополнения и поправки 31

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ.

ГЛАВА I.

История есть наука о прошлом человека. В учебниках по методологии истории обыкновенно дается более пространное определение истории, как науки; но в этом едва ли есть необходимость, так как понятием о „науке" вообще вполне определяются и те требования, которым должно удовлетворять научное изучение человеческого прошлого.

Требования, которым должна удовлетворять каждая отрасль знания, чтобы быть признана наукой, следующие: 1) признание закона причинности и установление причинной связи между отдельными фактами; 2) систематическое расположение фактов, в зависимости от выяснившейся причинной связи между ними; 3) установление объективных признаков достоверности фактов, вошедших в эту систему. Подчинение всех фактов закону причинности — аксиома, на которой основано всякое логическое мышление; расположение фактов в систематическом порядке, на основании нескольких руководящих принципов — необходимое условие всякого отчетливого знания [1]); установление объективных признаков достоверности факта необходимо для того, чтобы дать науке ту основу, без которой выводы ученого остаются только его личными мнениями, не имеющими никакой обязательной силы для других. Подобно представителям других специальностей, историк из общей массы фактов, находящихся в его распоряжении, выделяет те, которые кажутся ему необ-

[1]) Шопенгауер видел в этом отношении различие между историей и другими науками; историк, по его мнению, может распределять факты только по времени их совершения, а не по их содержанию. Группировка исторических фактов по иным признакам, с тем, чтобы этими признаками определялись все частные факты, вошедшие в какую-нибудь группу, казалась Шопенгауеру невозможной. Исходя из такого взгляда, он был вполне последователен, когда отказывался признать историю наукой.

ходимыми для объяснения и систематического изложения фактов в их совокупности, и достоверность которых может быть точно установлена. Принципиального различия между историей и естественными науками в этом отношении нет; ботаник и зоолог также оставляют в стороне факты из жизни отдельных особей, не имеющие отношения к жизни рода или вида; подобный прием во всех отраслях знания составляет необходимое условие отчетливого, систематического изложения. Если признавать историю *наукой* о прошлом человека, то нет необходимости прибавлять, что история рассматривает факты этого прошлого в их причинной связи и останавливается только на фактах, имевших значение для жизни общественных групп.

Нередко высказывалось мнение, что предмет истории составляют только те факты, которые относятся к жизни человека, как разумного, сознательного существа, а не к его анатомическим и физиологическим свойствам. Такое ограничение не выдерживает критики; историки всегда бывали вынуждены уделять свое внимание таким вопросам, как вопросы о происхождении человеческих рас, о результатах их скрещивания, о признаках вырождения и т. п. Провести в этом отношении границу между областью историка и областью естествоиспытателя едва ли возможно.

Указывают еще на другое различие между историей и естествознанием; предмет естествознания — жизнь рода или вида в совокупности; предмет истории — жизнь отдельных человеческих обществ. Но конечная цель исторической науки — выяснить ход всемирной истории, т.-е. прошлое всего человеческого рода; между конечными целями естествоиспытателя и историка, таким образом, нет принципиального различия, хотя исключительные свойства человеческой жизни заставляют историка итти к своей цели особыми путями, отличными от путей естествоиспытателя. Только в человеческом мире условия жизни отдельных обществ представляют картину постепенного развития, доступного изучению; только ход жизни человеческого рода определяется постепенным сближением между собой все большого числа отдельных обществ. Если бы человеческие общества в этом отношении не отличались от обществ животных, историку столь же мало приходилось бы останавливать свое внимание на жизни каждого общества в отдельности, как зоологу — на жизни отдельных ульев и муравейников.

Человечество ни на какой ступени своего развития не могло быть равнодушно к своему прошлому, как не могло быть

равнодушно к явлениям окружающей его природы. Мы не будем останавливаться на вопросе о том, как слагались среди первобытного человечества рассказы о прошлом и какое место занимали эти рассказы среди произведений творчества первобытных народов; достаточно сказать, что уже на очень ранних ступенях развития мы, рядом со случайными рассказчиками, видим класс рассказчиков по призванию, отовсюду собирающих предания о прошлом; как знатоки преданий, они получают известность в народе и приглашаются в торжественных случаях, особенно при устройстве пиров, для сообщения своих рассказов многочисленной толпе слушателей. Обрабатываемые рассказчиками для этой цели предания получают более определенный вид и в таком виде, без существенных изменений, передаются следующими рассказчиками. Чтобы усилить впечатление и вместе с тем облегчить усвоение всего рассказа, или только наиболее характерной части, рассказчик нередко прибегает к форме мерной речи (стихов) или к таким приемам, как созвучие, аллитерация и т. п. Такие рассказы, для которых в науке установился греческий термин „эпос“, до начала письменности являются единственными произведениями исторической литературы. На этой ступени развития для человека еще нет разницы между правдоподобным и достоверным, между свободным творчеством художника и точными исследованиями ученого. Нет также науки, в смысле изучения фактов в их естественной причинной связи. В явлениях природы человек видит проявления действия стоящей вне мира силы, дружественной или враждебной человеку; события человеческой жизни излагаются им сверх того с точки зрения свободы человеческой воли и вытекающей отсюда ответственности человека за свои поступки; та же сила, проявляющаяся в природе, награждает добрых, карает злых и надменных. Стремление установить известную последовательность и закономерность фактов человеческого прошлого проявляется только в характерной черте, свойственной эпическим преданиям едва ли не всех народов: картина прошлого представляется рассказчику в виде постепенного перехода от лучшего к худшему, постепенного упадка физических и духовных сил человека. Представление Гесиода о золотом, серебряном, медном и железном веке повторяется, в том или другом виде, в самых различных странах. Эта черта вполне объясняется тем, что носителями преданий везде являлись представители старших поколений, всегда находившие, что в старину люди были лучше, чем их современники; кроме того, человеку

равнодушно к явлениям окружающей его природы. Мы не будем останавливаться на вопросе о том, как слагались среди первобытного человечества рассказы о прошлом и какое место занимали эти рассказы среди произведений творчества первобытных народов; достаточно сказать, что уже на очень ранних ступенях развития мы, рядом со случайными рассказчиками, видим класс рассказчиков по призванию, отовсюду собирающих предания о прошлом; как знатоки преданий, они получают известность в народе и приглашаются в торжественных случаях, особенно при устройстве пиров, для сообщения своих рассказов многочисленной толпе слушателей. Обрабатываемые рассказчиками для этой цели предания получают более определенный вид и в таком виде, без существенных изменений, передаются следующими рассказчиками. Чтобы усилить впечатление и вместе с тем облегчить усвоение всего рассказа, или только наиболее характерной части, рассказчик нередко прибегает к форме мерной речи (стихов) или к таким приемам, как созвучие, аллитерация и т. п. Такие рассказы, для которых в науке установился греческий термин „эпос“, до начала письменности являются единственными произведениями исторической литературы. На этой ступени развития для человека еще нет разницы между правдоподобным и достоверным, между свободным творчеством художника и точными исследованиями ученого. Нет также науки, в смысле изучения фактов в их естественной причинной связи. В явлениях природы человек видит проявления действия стоящей вне мира силы, дружественной или враждебной человеку; события человеческой жизни излагаются им сверх того с точки зрения свободы человеческой воли и вытекающей отсюда ответственности человека за свои поступки; та же сила, проявляющаяся в природе, награждает добрых, карает злых и надменных. Стремление установить известную последовательность и закономерность фактов человеческого прошлого проявляется только в характерной черте, свойственной эпическим преданиям едва ли не всех народов: картина прошлого представляется рассказчику в виде постепенного перехода от лучшего к худшему, постепенного упадка физических и духовных сил человека. Представление Гесиода о золотом, серебряном, медном и железном веке повторяется, в том или другом виде, в самых различных странах. Эта черта вполне объясняется тем, что носителями преданий везде являлись представители старших поколений, всегда находившие, что в старину люди были лучше, чем их современники; кроме того, человеку

порядок. Но эти рассказы уже не являются, подобно эпическим сказаниям, достоянием всего народа, распространяются только среди немногочисленного в эту эпоху класса грамотных людей и остаются неизвестны остальной массе населения. В лучшем случае народ по-прежнему довольствуется эпическими сказаниями; чаще он, порабощенный светскою властью и духовенством, вследствие изменившихся условий жизни забывает свои прежние сказания, не слагает новых и живет почти без всякого представления о своем собственном прошлом.

Исторические надписи и летописи были, повидимому, у всех народов, имевших письменность; но только немногие из них воспользовались письменностью для создания другого рода исторической литературы—так называемой „повествовательной истории". В этом отношении замечательна аналогия между представителями трех самостоятельно возникших культур Старого Света, египетской, вавилонской и китайской, остановившихся на одной и той же стадии развития. Ни один из этих народов не совершил до конца (заметны только отдельные шаги в этом направлении) перехода от иероглифов и идеограмм к буквенному письму, открывающему доступ к письменности более широким слоям народа, от употребления слитков золота и серебра, в качестве мерила ценностей, к употреблению чеканенной монеты из тех же металлов, существенно облегчающему торговые сношения, от оффициальных записей об отдельных фактах прошлого к связным рассказам, объединенным общей идеей и независимым от интересов власть имеющих.

Произведения повествовательной исторической литературы впервые, насколько известно, появились в Сирии, где развитие культуры происходило под влиянием не только Вавилона, но и Египта. Временем наибольшего культурного и экономического развития Сирии был период между XI и IX вв. до Р. Х., когда временный упадок могущества как Ассирии, так и Египта доставил стране период сравнительной безопасности от внешних нашествий. Этот период был временем наибольшего развития морской торговли финикийских городов; в Финикии или в одном из других торговых пунктов Сирии было изобретено буквенное письмо, которое финикийскими мореплавателями приблизительно в одно и тоже время (X — IX вв. до Р. Х.) было принесено на запад в Грецию [1]) и на юго-восток в Индию.

[1]) Мы не касаемся вопросов, связанных с существованием, в очень ранний период, письма на острове Крите, развившегося, повидимому, под влиянием египетской иероглифической письменности. Семитские названия гре-

В эти же века в Палестине возникло царство Давида и Соломона, распавшееся потом на царства израильское и иудейское. Труды неизвестных авторов, посвященные жизни этих царств в связи с предшествующей жизнью еврейского народа, были первой известной нам попыткой письменного изложения преданий о прошлом в связном, последовательном рассказе, объединенном общей идеей. Вопрос о том, насколько повествовательной истории у евреев и впоследствии у греков предшествовало развитие летописной литературы, остается спорным. Нет никаких доказательств, чтобы те „словеса дней", на которые ссылаются дошедшие до нас исторические книги евреев, действительно были оффициальными летописями, в которых события излагались хотя бы по годам царствований, а не произведениями свободного творчества, мало отличавшимися по форме от эпоса и не дававшими никаких точных дат. Таким же образом нет указаний на то, чтобы у греков до Геродота были летописные своды, с изложением событий по годам царствований (напр., в Спарте) или по именам ежегодно сменявшихся должностных лиц, напр., афинских архонтов. Хронология событий греческой истории была установлена, главным образом, позднейшими греческими историками, особенно александрийскими учеными; между тем без установления хронологии, конечно, не могло быть летописи. И впоследствии у арабов важнейшие летописные своды были составлены в такую эпоху, когда на том же языке было уже несколько произведений повествовательной исторической литературы.

Столь же мало выяснен вопрос, были ли греки в историографии, как во многих других отраслях науки и литературы, учениками народов древнего Востока. Первые греческие историки, как и первые греческие философы, появляются в Малой Азии, в Милете, что уже само по себе указывает на влияние Востока. Этот процесс, вероятно, был бы для нас яснее, если бы до нас дошли какие-нибудь остатки древней литературы финикийцев, оказавших наибольшее влияние на греческую культуру. Греческий термин — lógos (речь, рассказ), которым обозначались исторические рассказы, вполне соответствует библейскому слову dabar, которое могло употребляться также финикийцами; но доказательств этого мы не имеем, так как до нас не дошли никакие произведения древней литературы ни финикийцев, ни других сирийских народностей, кроме евреев.

ческих букв во всяком случае заимствованы от финикийцев, что несомненно свидетельствует о влиянии финикийской письменности на греческую.

Произведения первых греческих „составителей рассказов“ (logopoioí—термин, употребляемый Геродотом) дошли до нас только въ незначительных отрывках. Первым обширным историческим трудом, дошедшим до нас, был знаменитый труд Геродота (V в. до Р. Х.), также происходившего из Малой Азии и писавшего на малоазиатском ионическом наречии. Геродота нередко, еще со времени Цицерона, называли „отцом истории“. Несомненно, что его труд по широте замысла и по художественности изложения был значительным шагом вперед по сравнению с трудами его предшественников; в самом труде, однако, нет никаких доказательств, чтобы автор его принципиально расходился со своими предшественниками во взглядах на задачи историка и на форму изложения истории. По отношению к отдельным рассказам своей книги Геродот (напр., V, 36) употребляет тот же термин „lógos“, какой употреблялся его предшественниками. Все произведение, как одно целое, названо „историей“, причем нет указаний на то, чтобы Геродотом этот термин был употреблен впервые. Позднейшие греческие ученые, употреблявшие слово „история“ также в смысле отдельного исторического рассказа, назвали труд Геродота „историями“; но у самого Геродота, как и у других греческих авторов до эпохи Александра Македонского, слово „история“ встречается только в единственном числе. Этимологическое значение этого слова — „ведение, ознакомление“, так что „историей“, по первоначальному значению этого термина, могла бы быть названа каждая отрасль знания. Этим объясняется существование такого термина, как „естественная история“,— термина также греческого происхождения (он находится уже у Платона, Федон, гл. 45), в русском языке теперь вытесненного терминами „естествознание“ и „естествоведение“.

В отношении Геродота к своим источникам, письменным и устным, еще не видно никаких признаков научного исследования; Геродот еще не имел представления ни о закономерности исторического процесса, ни о естественной причинной связи между событиями человеческой жизни. Подобно своим предшественникам, он допускает возможность изменения хода событий вследствие непосредственного вмешательства стоящих вне мира, сверхъестественных сил.

Первым научным историческим трудом должна быть признана история Пелопоннесской войны Фукидида—труд, прерванный смертью автора в последние годы V или в самом начале IV в. до Р. Х. В противоположность Геродоту, Фуки-

дид (I, 21—22) вполне определенно противополагает свой труд трудам предшествующих ему „логографов“ (от слов lógos = „речь, рассказ“ и gráfein = „писать“), к числу которых он несомненно причислял и Геродота, хотя нигде не называет его по имени. Фукидид признает, что отсутствие в его рассказе фантастического, сказочного элемента делает его менее занимательным для слушателей (и читателей), чем рассказы логографов, но надеется, что его книгой воспользуются те, кто пожелает получить ясное понятие о происшедшем и о том, что̀, по человеческим рассчетам, должно, при соответствующих условиях, произойти в будущем. Уже в этом сопоставлении прошедшего с будущим видно признание закона причинности, по которому одинаковые причины, при одинаковых условиях, имеют одинаковые последствия.

Мысль описать ход борьбы между Афинами и Спартой явилась у Фукидида тотчас после первых военных событий, так как он предвидел, что война по своим размерам и своему значению далеко оставит за собой все прежние события греческой истории. Такое различие между Пелопоннесской войной и прежними греческими войнами Фукидид, однако, объясняет не волей богов и не личными качествами деятелей той и другой эпохи, а теми общими условиями, которыми жизнь современной ему эпохи отличалась от жизни Греции прежних времен. Для выяснения этого различия, он посвящает первые главы своего труда изложению постепенного развития государственной жизни в Греции, начиная с той эпохи, когда все население носило оружие, когда в действиях морских разбойников не видели ничего постыдного и когда между отдельными греческими городами и областями не было почти никаких общих интересов, до возвышения Спарты и Афин и распадения почти всего греческого мира на два союза, образованные этими державами. Из этих глав, в которых Фукидид несколько раз сравнивает жизнь древней Греции с жизнью современных ему „варваров“ и отсталых греческих племен, ясно видно, что Фукидид в постепенном изменении условий человеческой жизни видел результат медленного процесса, происходящего по известным законам, одинаковым для всех стран, хотя попытки более точного определения этих законов мы у него не находим.

Фукидид был современником событий, рассказанных в его труде, и мог писать о них частью по своим личным воспоминаниям, частью по рассказам очевидцев; но и в этих рассказах

встречались противоречия, которые могли быть устранены только путем сложного исследования (zétesis). По словам Фукидида, рассказчикам в некоторых случаях изменяла память, в других они давали событиям одностороннее освещение, под влиянием симпатии к той или другой стороне. В главах, посвященных событиям прежних времен, Фукидид, наряду с письменными известиями и устными преданиями, пользуется также археологическим материалом; доказывая, что остров Делос в древности был населен карийцами, он ссылается на способ погребения в древних могилах, разрытых при очищении острова отъ могил афинянами в 426 г. (I, 8). Такимъ образом, уже Фукидидом применялись на деле основные требования так называемой „исторической критики“: сопоставление свидетельских показаний, определение степени осведомленности и степени беспристрастия каждого свидетеля и привлечение, наряду со свидетельскими показаниями, также вещественных следов событий. Но требования „исторической критики“, подобно требованиям „исторического построения“, не были отчетливо формулированы Фукидидом и применялись им далеко не во всех случаях. Современные ему события он сознательно старается излагать так, как они произошли в действительности, а не так, как казалось бы ему правдоподобным; рассказывая о событиях прежних времен, он не идет дальше так называемого „рационалистического толкования“ мифов и сказаний, т.-е. более или менее правдоподобных, но совершенно бездоказательных предположений о том, как могли происходить в действительности события, подавшие повод к сочинению легендарных рассказов и явно преувеличенных описаний.

Принципы научного изложения истории были установлены с большею определенностью Поливием (II в. до Р. Х.), автором истории событий 264 — 144 гг. до Р. Х. Поливию принадлежит и термин „прагматическая история“, которым с тех пор стали обозначать изложение событий в их причинной связи, в противоположность прежней „повествовательной“ истории. Прилагательное pragmatikós происходит от слова prágma „дело“; в применении к поступкам государственных деятелей, полководцев и т. п. оно употребляется Поливием в смысле „деловитый, целесообразный, разумный“ (напр. II, 43, 9; 44, 5), в применении к истории — в смысле рассказа, остающегося на почве реальных фактов и их действительных, естественных причин. Поливию кажется несообразностью „вводить в прагматическую историю богов и детей богов“ (III, 47, 8). Другой признак,

которым история, как предмет изучения (máthema), отличается от истории, как предмета развлечения (agónisma), заключается в том, что прагматический историк старается ответить на вопрос, „вследствие чего, как и ради чего“ произошли события, т.-е. изложить их причины, последовательный ход и последствия.

Эпоха, отделяющая Поливия от Фукидида, имела большое значение в истории древнего мира. Образование сначала македонской, потом римской державы положило конец самостоятельному существованию греческих городских республик и сделало Грецию частью более обширного целого; возникла и получила широкое распространение стоическая философия, впервые поставившая понятие „человека“ выше понятия „гражданина“; римское государство, объединившее культурные народы древнего мира, содействовало дальнейшему развитию понятия „гуманности“ (термин, часто употребляемый латинскими писателями I в. до Р. Х.), т.-е. прав человеческой личности, независимо от национальности и общественного положения. Поливий уже не различал эллинов и варваров и еще яснее, чем Фукидид, сознавал, что жизнь народов и государств развивается в известной закономерной последовательности, независимо от личных качеств деятелей той или другой эпохи, что за периодом постепенного развития неизбежно следует период постепенного упадка. Исход борьбы между Римом и Карфагеном Поливий объясняет тем, что в Риме сенат еще сохранял всю свою власть, тогда как в Карфагене в то время уже начинался тот переход власти к демократическим элементам, который кажется Поливию первым признаком упадка государства (VI, 51). Римская держава, по мнению Поливия, достигла последнего предела государственного могущества, которого ни одно государство будущего не в состоянии превзойти (I, 2, 7); тем не менее и для римской державы наступит неизбежный в жизни государств переход от лучшего к худшему (VI, 9, 13). Государства подчинены, таким образом, закону природы, одинаковому для всего живущего. Кроме установления этого общего принципа, Поливий приводит и подвергает дальнейшему развитию положения, установленные еще Платоном, о последовательности основных форм государственного устройства (монархии, аристократии и демократии); но более всесторонне разработанной теории исторического процесса он нам не дает.

Взгляд Поливия на требования исторической критики еще в меньшей степени может быть признан шагом вперед по сравнению со взглядом Фукидида. Вопрос о степени достовер-

ности и беспристрастия каждого свидетеля ставится Поливием не только для устных рассказов, как у Фукидида, но и для письменных источников. Кроме того, Поливию известно, что, помимо сознательного искажения событий, т.-е. желания обмануть других, рассказчик, пристрастный к той или другой стороне, может невольно обманывать самого себя и создавать картину событий, не соответствующую действительности, хотя бы он сознательно старался говорить правду (I, 14). Но такое применение требований критики остается и у Поливия, как у Фукидида, только поверхностным; подобно Фукидиду, Поливий считает возможным пользоваться мифами и подвергать их рационалистическому толкованию.

Сочинения Фукидида и Поливия остались последним словом античной историографии. Последующие греческие историки частью подражали этим образцам, частью были представителями нового направления, так называемого „риторического“, представлявшего шаг назад в науке, так как требования научной достоверности вновь были подчинены требованиям литературного вкуса, частью, наконец, органичивались собиранием исторического материала и приведением его в систему исключительно в зависимости от хронологической последовательности событий, не обращая внимание на причинную связь между ними. Римляне в области историографии, как в других отраслях науки и литературы, были только учениками греков. Если сочинения некоторых римских историков, напр. Тацита, могут быть признаны шагом вперед по сравнению с сочинениями греков, то только как произведения искусства; научные требования истории не сознавались ни одним римским историком и ни одним греческим историком римского периода хотя бы в той степени, как Фукидидом и Поливием. Можно было ожидать, что развитие мирных сношений между народами, входившими в состав римского государства, в эпоху империи приведет к установлению более широких и менее односторонних взглядов на ход всемирной истории и на степень участия каждого народа и государства в этом процессе; но этого не случилось. Современник Августа Диодор задался целью „рассказать события (истории) всего мира, как бы одного города“; но, в противоположность этому намерению, его обширный труд является только сводом данных об истории различных народов древности, без установления связи между историей одного народа и историей другого и без критической проверки известий об истории каждого народа в отдельности. Для выяснения действительного

хода исторической жизни различных народов греки и римляне, не говоря уже об отсутствии научно установленных методов исторической критики, не располагали достаточным запасом фактических данных о жизни человеческих обществ в прошлом и настоящем. В сочинениях греческих философов и историков мы находим отдельные замечания о смене форм государственного устройства, о развитии деления труда, об отношении общества в различные периоды и у различных народов к воинской доблести и мирному труду, о значении крупного и мелкого землевладения, об образовании денежной аристократии и т. п., но без попытки объединить эти наблюдения в стройную систему. Несмотря на сознательное стремление Фукидида и Полибия сделать историю предметом научного изучения, история до конца существования греко-римской культуры оставалась более искусством, чем наукой.

Общий упадок культуры в Европе, вызванный так называемым „великим переселением народов", отразился на всех сторонах народной жизни: вместо самоуправляющихся городских общин мы снова видим господство земельной аристократии, вместо денежного хозяйства — натуральное. Таковы же должны были быть последствия этого переворота для всех отраслей науки и искусства, в том числе и для истории. В средневековой Европе происходит возвращение к пережитым формам летописи и повествовательной истории; вновь получает исключительное господство религиозное миросозерцание.

Последнее явление, вследствие распространения новых религий — христианства и ислама, наблюдается и в тех странах, где в течение этого периода поддерживались, отчасти даже подвергались дальнейшему развитию традиции античной культуры, именно в Византии и в мусульманском мире. В Византии традиции античной историографии, хотя преимущественно риторической, отражались на внешней форме исторических произведений; кроме того, учеными собирателями фактического материала, из которых наиболее известен патриарх Фотий (IX в.), делались обширные выписки из сочинений античных авторов; но господство в науке богословского направления не допускало выяснения событий в их естественной причинной связи. Мусульманское богословие нашло способ примирить догматы о всемогуществе божием и о предопределении с законом причинности, признав, что все происходит по воле всемогущаго бога, но что бог имеет обыкновение делать все на основании известных причин, хотя это обыкновение тоже является результатом

его свободной воли и может быть им оставлено, когда он признает необходимым; но опыт прошлого показывает, что обыкновения божии, согласно слову корана (сура 48, ст. 23), не изменяются. Такая теория открывала полный простор деятельности как натуралистов, так и историков; тем не менее мусульмане в исторической науке не достигли тех успехов, как во многих других отраслях знания, что объясняется особыми условиями развития историографии в мусульманском мире.

В области математики, астрономии, географии, естествознания, медицины и философии мусульмане были прямыми учениками греков; ознакомившись, через посредство сирийских переводчиков, с трудами греческих ученых, мусульманские ученые, писавшие на арабском языке, существенно обогатили каждую из этих наук новыми наблюдениями и выводами, хотя ни в одной отрасли знания не сделали попытки заменить систему, унаследованную от греков (с присоединением некоторых данных, заимствованных из других источников, особенно из Индии), новой, выработанной на иных началах. С другой стороны, мы не знаем в арабском переводе ни одного произведения греческих или римских историков, как и ни одного произведения греческой или римской поэзии. Мы находим в арабских исторических сочинениях данныя об истории греко-римского мира со времени Филиппа македонского, заимствованные из хронологического руководства Птолемея (II в. по Р. Х.), у византийцев и сирийцев; изучение греческих философов ознакомило арабов с греческими теориями о формах государственного устройства; возможно, что традиции античной историографии, через посредство византийцев и сирийцев (из последних некоторые издавали свои труды также на арабском языке), оказали некоторое влияние на форму арабских исторических трудов. Но вообще мусульманская историография развивалась не под влиянием античных образцов, а под влиянием традиций, унаследованных от до-мусульманской культуры арабов и персов. Несмотря на высокую степень культуры, достигнутую персами в эпоху Сасанидов, персидские предания о прошлом, переведенные на арабский язык, еще сохраняли, подобно арабским, характер произведений эпического творчества. Уже в эпоху ислама арабы и персы перешли к формам летописи и повествовательной истории; в конце XIV в. арабский историк Ибн-Халдун сделал первую и единственную в мусульманском мире попытку перейти от повествовательной истории к прагма-

тической и установить те принципы, которые давали бы возможность объяснить ход событий всемирной истории в их естественной причинной связи.

Система Ибн-Халдуна, изложенная в знаменитом введении к его всемирной истории, безусловно независима от взглядов греческих историков, перед которыми она имеет несомненные преимущества, так как Ибн-Халдун располагал гораздо более обширным и разнообразным историческим материалом. В основу этой системы, вместо изменения форм государственного устройства, был положен более общий признак: развитие и ослабление чувства солидарности среди членов человеческого общества. С этой точки зрения устанавливаются различные эпохи в жизни народов и определяется значение таких фактов, как переход от кочевого быта к земледельческому, от сельской жизни к городской, распространение наук и искусств, появление новых кочевых завоевателей и покорение ими культурных стран. Ход всемирной истории представляется Ибн-Халдуну в виде картины постепенного развития и упадка политических групп, объединенных национальным самосознанием или общей религией; развитие и упадок совершаются по непреложным законам, которым подчинены все народы. Вопреки основным догматам ислама Ибн-Халдун в этом отношении не делает исключения для мусульманской державы, которую он, несмотря на ее фактическое распадение на ряд отдельных государств, рассматривает как одно целое, и отмечает признаки упадка этой державы сравнительно с ее прежним блеском. Требований исторической критики Ибн-Халдун не касается совсем; выработанные им теоретические положения о ходе исторической жизни представлялись ему настолько обоснованными, что степень достоверности фактов вполне определялась в его глазах степенью их соответствия требованиям этих теорий.

Ибн-Халдун был убежден в том, что своей системой исторического построения он создает „новую науку“. В действительности им только был указан путь, который мог бы привести в созданию такой науки, но этим путем не воспользовались ни последующие мусульманские историки, ни даже сам Ибн-Халдун. В его сочинении наблюдается такое же несоответствие между главной частью труда и введением, как в сочинении Диодора. Ни по стройности расположения материала, ни по степени критического отношения к источникам собственный труд „создателя новой науки“ не отличается от обычного типа мусульманских исторических компиляций.

Одновременно с упадком мусульманской культуры происходило возрождение наук и искусств в западной Европе. В некоторых отраслях знания, особенно в медицине, европейцы были непосредственными учениками арабов; но вообще первые деятели эпохи возрождения ставили себе почти исключительной целью восстановление культуры греков и римлян, уничтоженной эпохой средневекового варварства. В противоположность арабам, европейцы старались собрать и изучить все, что сохранилось от этой культуры. Первое время произведения античных поэтов, философов и т. п. считались неподражаемым образцом и непререкаемым авторитетом; постепенно стала выясняться возможность дальнейших успехов художественного творчества и научной мысли; в различных отраслях знания греческие системы стали заменяться новыми, представлявшими шаг вперед в науке. В настоящее время только в двух научных дисциплинах, логике и геометрии, сохраняют свое значение системы, выработанные греческими учеными (Аристотелем и Евклидом), хотя были попытки построить и эти науки на новых началах.

Сравнивая успехи истории с успехами естествознания, мы в западной Европе наблюдаем то же явление, как прежде в греко-римском и в мусульманском мире. В древней Греции попытки научно объяснить происхождение мироздания начинаются уже с Фалеса (начало VI в. до Р. Х.), попытки научного изложения истории — только с Фукидида (конец V в.); у арабов только в конце XIV в., через 300 лет после эпохи расцвета естествознания, философии и точных наук, появляется попытка дать научное объяснение историческому процессу; таким же образом в западной Европе в области естествознания уже система Коперника (ок. 1530 г.) представляла полный разрыв с античными традициями, и только „Римская история“ Нибура (1811 г.) и труды Ранке (с 1824 г.) выяснили необходимость выработать иные методы изучения и изложения истории, чем методы древних. Получают дальнейшее развитие основы исторического построения, только в общих чертах намеченные греками; впервые вырабатываются основы исторической критики.

Успехи исторического построения тесно связаны с выяснением законов исторического процесса. Попытка Ибн-Халдуна, не нашедшего продолжателей в мусульманском мире, была возобновлена на европейской почве итальянским мыслителем Вико (1726 г.). Подобно Ибн-Халдуну, Вико хотел определить те стадии постепенного развития и упадка, через которые про-

ходят все народы; это общее содержание истории всех народов должно было составлять главный предмет той исторической науки, которую он хотел создать и которую он, подобно Ибн-Халдуну, называл „новой наукой“. Вико, о котором в XIX в. возникла целая литература, подобно Ибн-Халдуну, не был оценен своими современниками, хотя и в XVIII в. он не был так одинок, как иногда утверждают. Итальянские юристы ставили его выше Монтескье; Гете, ознакомившийся с его идеями в 1787 г., также ставил их чрезвычайно высоко.

В XIX в. попытка создать новую науку о законах развития человеческих обществ была сделана Огюстом Контом. Конт оказался счастливее своих предшественников; его труды получили широкое распространение и вызвали целый ряд других исследований; название, данное Контом науке о человеческих обществах — „социология“ — было принято последующими учеными и получило права гражданства, несмотря на то, что оно представляло едва ли не первый пример соединения, вопреки законам филологии, латинского слова с греческим (впоследствии таким же способом были образованы слова терминология, бальнеология и друг.). Если бы задача, поставленная на очередь Контом, была разрешена им самим или его преемниками, то этим самым были бы установлены основы исторического построения; историкам оставалось бы только применять к конкретным фактам теоретические положения, выработанные социологами. В действительности ни одна из многочисленных социологических систем, предложенных после Конта, не получила общего признания. Несмотря на обилие достоверного фактического материала, которым располагают современные европейские исследователи по сравнению с греками и арабами, этот материал остается безусловно недостаточным для определения законов, которым бы всегда и всюду подчинялась жизнь человеческих обществ. Выводы социологов основаны почти исключительно на фактах истории Европы, между тем даже если принимать во внимание только народы, входящие или входившие в круг всемирно-исторического общения, то и среди этих народов народы Европы составляют только незначительное меньшинство. При современном состоянии исторической науки вполне естественно, что выводы социологов постоянно опровергаются или открытием новых фактов, не принятых ими во внимание, или более тщательным критическим исследованием известий о фактах, на которых были основаны предложенные обобщения.

Рассматривая законы, которым подчинена жизнь человеческих обществ, и порядок, в котором совершаются изменения условий этой жизни, социология старается определить характер исторического процесса, не касаясь вопроса о его смысле и конечных целях. Решение этого вопроса составляет задачу так называемой „философии истории“. Стремление получить ответ на вопрос о конечных результатах истории человечества замечается еще в период эпического творчества; наряду со взглядом на исторический процесс, как на непрерывный переход от лучшего к худшему, выражается надежда, обыкновенно связанная с именем какого-нибудь бога или героя, что в конце дней, когда мера зла исполнится, произойдет восстановление царства правды и счастия. В учении многих религий эта надежда приняла более определенную форму мессианизма. С развитием научного мышления делаются попытки создать, на основании фактов прошлого, научно-обоснованные теории о будущих судьбах человечества, о конечных целях так называемого „прогресса“ и о культурной работе отдельных народов и эпох, как части общей работы человечества для создания своего будущего счастия. Европейская наука XVIII и XIX вв. представляет несколько попыток в этом направлении, из которых наибольшее влияние оказали взгляды Гердера и Гегеля; тем не менее вопросы о будущности человеческого рода и в особенности о конечных целях его существования всегда, повидимому, будут составлять только предмет веры и личного миросозерцания. Попытки создать „теорию прогресса“ также едва ли когда-нибудь увенчаются успехом, и самое понятие о „прогрессе“ едва ли поддается точному научному определению. Если из области философии истории исключить вопрос о прогрессе и его конечных целях, то философия истории становится тожественной с социологией; и действительно, термины „философия истории“ и „социология“ рассматриваются некоторыми исследователями, как различные названия одной и той же науки.

Во многих руководствах по исторической методологии „прагматической“ истории греков противополагается „генетическая“ история, созданная западно-европейскими историками XIX в. и основанная на признании закона „эволюции“, т.-е. постепенного и последовательного изменения всех условий жизни человеческих обществ. Исторические события не рассматриваются как результат действий отдельных лиц, направленных к той или иной цели; напротив, как появление так называемых исторических деятелей, так и степень их успеха объясняются всей

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР
им. М. Горького

предшествующей жизнью тех обществ, среди которых они выступают. Однако, вопреки часто высказывавшемуся мнению, в этом отношении нет принципиального различия между трудами новейших историков и трудами Фукидида и Поливия. Приведенные выше мнение Фукидида о причинах, объясняющих значение Пелопоннесской войны по сравнению с прежними событиями греческой истории, и мнение Поливия о причинах исхода борьбы между Римом и Карфагеном наглядно показывают, что создатели „прагматической“ истории также смотрели на ход исторических событий, как на результат последовательного и закономерного процесса, и столь же мало искали ключа к объяснению хода истории в области индивидуальной психологии. Принцип эволюции, таким образом, применялся на практике и античными историками, хотя в их теоретических положениях он не был выражен с такой отчетливостью и полнотой, как учеными XIX века.

Основное различие между современной исторической наукой и наукой греков заключается не в приемах исторического построения, но в приемах исторической критики. Греческие историки, как вообще греческие ученые, заботились исключительно о логической стройности системы, о полноте и ясности общей картины; вопрос о степени достоверности отдельных фактов, особенно в тех случаях, когда автор писал не о событиях своего времени, решался только на основании общих соображений о том, что́ правдоподобно и неправдоподобно, и в зависимости от вопроса, насколько данный факт соответствует предшествующим, которыми он должен был быть вызван, и последующим, на которые он в свою очередь должен был оказать влияние. Те же приемы употребляются и современными учеными; но вместе с тем в области истории, как во всех других отраслях научной мысли, предъявляются иные требования к определению степени достоверности каждого отдельного факта, независимо от стройности и последовательности системы, обнимающей всю совокупность фактов. В области точных наук ради этой цели выработаны несравненно более сложные приемы наблюдения и опыта, чем приемы, известные в древности; факты прошлого, недоступные ни непосредственному наблюдению, ни воспроизведению путем опыта, могут быть изучены только на основании свидетельских показаний и вещественных доказательств, т.-е. вещественных следов, оставленных событиями. К этим двум категориям могут быть отнесены все исторические „источники“, причем те источники, из которых мы извлекаем свидетельские показания о фак-

тах, в то же время могут быть рассматриваемы как вещественные следы культурного состояния, мыслей и стремлений той эпохи, когда они возникли. Когда рассказ о событиях принадлежит их современнику, ценность такого рассказа, как вещественного памятника событий, редко находится в соответствии с его ценностью, как свидетельского показания. Чем объективнее и беспристрастнее рассказ, тем больше доверия возбуждают сообщенные в нем факты, но за то тем меньше в нем отражаются цели и стремления, определившие ход событий. С другой стороны, рассказ, всецело проникнутый взглядами определенного круга или определенной партии, может представлять для исследователя большой интерес, как памятник данной эпохи, но как свидетельское показание, конечно, не имеет большого значения.

Из всех приемов исторической критики к наиболее достоверным выводам приводит сопоставление двух или нескольких свидетельских показаний, независимых одно от другого. Исследователь при этом исходит из следующих аксиом, установленных опытом: последовательность восприятия впечатлений и способы их словесного выражения до такой степени разнообразны, что изложение события в двух рассказах в одном и том же порядке подробностей или с употреблением одних и тех же выражений неопровержимо доказывает зависимость одного рассказа от другого или зависимость обоих от общего источника; с другой стороны, столь же разнообразны способы искажения факта, так что согласное показание двух источников, заведомо независимых один от другого и не восходящих к общему источнику, неопровержимо доказывает правдивость данного известия. При определении степени зависимости одного источника от другого исследователь выясняет различие между „первоисточниками“, восходящими непосредственно к событию, и „компиляциями“, передающими чужие письменные рассказы о событии. В тех случаях, когда первоисточник утрачен, исследователь посредством сличения двух или трех компиляций, в которых использован один и тот же первоисточник, часто имеет возможность восстановить содержание, иногда и текст последнего.

Выводы, основанные на согласном показании двух или нескольких независимых один от другого первоисточников, обладают такой доказательной силой, что с ними принуждены считаться и представители естественных наук наравне с выводами, полученными посредством применения методов естествознания. К сожалению, историк только в редких случаях рас-

полагает материалом для таких выводов; часто ему приходится довольствоваться каким-нибудь одним рассказом о событии, без возможности отделить черты действительного происшествия от подробностей, внесенных в рассказ личными взглядами или симпатиями автора. Отчасти, но в гораздо меньшей степени, эта цель достигается посредством сопоставления такого рассказа как с вещественными памятниками соответствующей эпохи, так и со следами, оставленными данным событием в дальнейшей жизни народа. Вещественным памятникам нередко придается большое значение, как единственным вполне достоверным источникам, свободным от всякого субъективного элемента, неизбежно вносимого в рассказ о событии каждым рассказчиком. Но субъективный элемент, которого в этом случае нет в самом источнике, неизбежно вносится исследователем при пользовании этим источником, притом в гораздо большей степени, чем при пользовании письменными известиями. Выводы так-называемой до-исторической археологии, вообще суждения о народах и эпохах, оставивших нам только вещественные памятники, большею частью остаются до настоящего времени личными мнениями ученых и не получили общего признания. Даже выводы, основанные на кажущемся согласии вещественных памятников с письменными известиями, нередко оказывались несостоятельными, когда сопоставление этих письменных известий с другими заставляло изменить мнение о достоверности первых, а ближайшее исследование вещественных памятников заставляло отнести их к другой эпохе, чем эпоха, к которой относились письменные известия. Тем не менее успехи исторической критики тесно связаны с успехами вспомогательных наук, посвященных изучению вещественных памятников: археологии, нумизматики, палеографии и друг. Когда все свидетельские показания, находящиеся в распоряжении исследователя, принадлежат одному лицу или одной стороне, только изучение следов событий, в том числе вещественных памятников, позволяет исследователю внести необходимые дополнения и поправки в то одностороннее освещение событий, которое он находит в своих письменных источниках.

Современные курсы по методологии истории обыкновенно разделяются на три главных отдела: источниковедение, методы исторической критики и методы исторического построения. Такой порядок изложения определяется тремя главными стадиями работы историка в их логической последовательности: 1) история старается собрать, в качестве необходимого материала для своей работы, возможно большее число источников и привести их в

систему, в зависимости от степени их достоверности и от влияния одного источника на другой; 2) среди этого материала им выделяются отдельные известия и отдельные предметы, относящиеся к одним и тем же фактам, с целью перейти от свидетельских показаний о фактах и следов, оставленных фактами, к самим фактам; 3) имея в своем распоряжении ряд критически проверенных фактов, историк располагает их в порядке хронологической и логической последовательности, с целью выяснения хода события в их причинной связи. В действительности такой порядок работы соблюдается только при установлении окончательных выводов, причем и в этом случае вопросы исторической критики и исторического построения нередко решаются одновременно; причинная связь данного факта с предыдущими и последующими является одним из доводов в пользу его достоверности. Первоначальная работа историка обыкновенно совершается в обратном порядке: еще до начала своих самостоятельных работ историк на основании трудов своих предшественников составляет себе мнение о последовательном ходе фактов, чем обыкновенно определяется выбор темы исследования; приступив к своему труду и изучая те же вопросы по первоисточникам, историк обращает внимание на сомнительную достоверность некоторых фактов и вследствие этого подвергает критическому исследованию весь материал; чтобы такое исследование могло привести к достаточно обоснованным и прочным выводам, необходимо привлечение возможно бо́льшего числа источников. В таком же порядке первоначально были выработаны методы исторической науки: попытки выяснить основы исторического построения предшествовали установлению требований исторической критики; еще позже было признано значение археологии и других вспомогательных наук, связанных с источниковедением.

E. Bernheim, Lehrbuch der historischen Methode und der Geschichtsphilosophie, 3-e und 4-e Auflage, Lpz. 1903. Бернгейм. Введение в историческую науку, перев. с нем., Москва 1908.—P. Barth, Die Philosophie der Geschichte als Sociologie, Teil I, Lpz. 1907 (есть русский перевод).—Ланглуа и Сеньобос, Введение в изучение истории, перев. с франц. А. Серебряковой, Спб. 1899. О методологии истории еще А. С. Лаппо-Данилевский, Методология истории, Изв. Акад. Наук 1918. Л. П. Карсавин. Введение в историю, Петр. 1920. Об эпохе А. Н. Веселовский, История эпоса, Спб. 1884—86 (литогр.) и замечания В. В. Радлова в предисловии к „Образцам народной литературы северных тюркских племен", ч. V (Спб. 1885). О еврейской исторической литературе H. Gunkel в книге „Die orientalischen Literaturen". Berl, und. Lpz. 1906, S. 73f. (Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. P. Hinneberg, Teil I, Abt. 7). О финикийской литературе Б. Тураев, Остатки финикийской литературы, Спб. 1903, где неудачная попытка доказать, что раз „у евреев уже в X веке существовала письменность и историография", то „у гораздо более культурных и древних финикиян

не могло быть иначе“ (стр. 89). О хрониках финикиян Б. А. Тураев говорит также в своей „Истории древнего Востока“, 2-ое изд., I, 16 и сл. О древней культуре на островах и берегах Эгейского моря R. Dussaud, Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egée. Paris 1910. Об античной историографии С. А. Жебелев, Древняя Греция. Ч. I. Эллинство. Пет. 1920 г. Ч. II. Эллинизм. Пет. 1922. Об открытиях на Крите В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира. II. Греческий мир. Пет. 1924, стр. 152—167. Французский перевод предисловия к труду Ибн-Халдуна в Notices et Extraits des manuscrits de la Bibliothèque Nationale, tt. 19, 20, 21; там же (t. 19) автобиография Ибн-Халдуна. Мнение Гете о Вико в Italiänische Reise, I, 236 (изд. 1856 г.; письмо из Неаполя 5 марта 1787 г.).

ГЛАВА II.

Принципы исторического построения и методы исторической критики были выработаны исследователями, изучавшими историю античного мира (Нибур и друг.) или историю средневековой Европы (Ранке и друг.), преимущественно вторыми; до настоящего времени в курсах по методологии истории теоретические положения почти всегда объясняются примерами, заимствованными из истории средних веков. Западно-европейские историки не могли не сознавать преемственной связи современной им жизни с прошлым тех же народов и с античной культурой, под влиянием которой развилась западно-европейская; труднее было установить связь между историей Европы и историей народов других частей света. Долгое время под „всемирной“ историей понимали только историю европейских народов; на этом основано деление „всемирной“ истории на древнюю, среднюю и новую, предложенное в XVII в. и сохраняющее значение до сих пор, хотя против него и были сделаны существенные возражения. Еще в XIX в. высказывалось мнение, что народы Востока не имеют и никогда не имели истории в европейском смысле этого слова и что поэтому методы изучения истории, выработанные европейскими историками, к истории Востока неприменимы.

Этот последний взгляд выражен с наибольшей полнотой и последовательностью во введении к „Истории XVIII века“ Фр. Шлоссера. Шлоссер видел коренное различие между историей Востока и историей Европы в том, что в государствах Востока, с их деспотическим и иерархическим устройством, „религия, обряды, литература, светское государственное устройство, даже искусства основаны на том, чтобы все суще-

ствующее оставалось неизменным, чтобы не допускалось ни дальнейшее развитие собственной культуры, ни влияние культуры иноземцев". По мнению Шлоссера, достаточно сказать, какой державе принадлежало господство в определенную эпоху, чтобы установить все черты быта страны в это время; как бы долго ни продолжалось господство одной державы, описание страны в любой момент этого периода дает понятие о том, что происходило в ней в течение всего периода; для характеристики такого периода, поэтому, нет необходимости рассматривать последовательный ход истории страны; достаточно дать понятие о возникновении могущества державы, о величайшем расцвете этого могущества и о его падении.

Понимание истории Востока, кроме скудости фактических сведений, долгое время затруднялось для европейских ученых предвзятым отношением к предмету исследования. С XVII в., под влиянием определившегося в то время превосходства европейской культуры, начинается пренебрежительное отношение европейцев к отсталым народам Востока; реакцией против такого отношения было, в новейшее время, чрезмерное увлечение вновь открытыми памятниками древней восточной культуры и преувеличенная оценка культурного уровня народов древнего Востока по сравнению с бытом современных народов западной и восточной Азии.

До второй половины XVIII века европейцы, кроме книг Ветхого Завета, не знали никаких литературных памятников древне-восточной культуры. В 1771 г. Анкетиль дю-Перрон ознакомил европейцев во французском переводе с Авестой, т.-е. со священными книгами древних персов, вывезенными им из Индии и представляющими один из замечательных памятников религиозного творчества, хотя вопрос о времени и месте возникновения этой религии до настоящего времени остается нерешенным. Приблизительно в то же время утверждение английского владычества в Индии привело к более основательному изучению санскритского языка и литературы. Родство между санскритским языком и языками Европы, на которое еще в XVI в. обратил внимание итальянец Сассетти, теперь было окончательно доказано, преимущественно трудами Джонса (1783—1794). С тех пор началось чрезмерное увлечение языками и культурой древней Индии, более всего связанное с именем Фридриха Шлегеля, труд которого вышел в 1808 г. В санскритском языке видели прямого родоначальника языков греческого, латинского, германского, персидского и других

индо-европейских; священные гимны на санскритском языке, так называемые *Веды*, относились к той эпохе, когда общие предки индийцев и европейцев, будто бы сложившие эти гимны, еще кочевали в Средней Азии; в философии индийские мудрецы признавались учителями греков, в астрономии — даже учителями халдеев. В настоящее время все эти мнения давно опровергнуты. Доказано, что санскритский язык не является предком других индо-европейских языков, но только восходит к общему с ними источнику; что гимны Вед являются произведением индийского, а не индо-европейского творчества, хотя и относятся к глубокой древности, когда индийцы еще не имели ни городов, ни письменности; наконец, доказано семитское происхождение санскритского алфавита, вследствие чего индийцы, наравне с греками, должны быть признаны не учителями, но учениками культурных народов Передней Азии; в астрономии они были даже учениками греков.

При изучении Авесты и санскритской литературы европейцы пользовались содействием туземных ученых: в обоих случаях знание мертвого языка, на котором были написаны священные тексты, передавалось в среде ученых из поколения в поколение, как знание латинского языка в Европе. В Египте и Передней Азии европейские ученые должны были самостоятельно искать ключ к объяснению памятников древней культуры, не изучавшихся никем из местных ученых в течение более тысячи лет до начала европейских исследований.

Увлечение Египтом сменило в XIX в. увлечение Индией. Из рассказов греческих авторов, особенно Геродота и Диодора, и европейских путешественников ученым еще раньше было известно, что древний Египет был высоко-культурной страной, оставившей миру единственные в своем роде памятники. Благодаря исключительным климатическим условиям в Египте могли сохраниться до наших дней не только древнейшие памятники строительного искусства, скульптуры и живописи, но и набальзамированные тела деятелей отдаленнейших эпох; исследователь видит перед собой, без посредства писателей и художников, черты лица древних царей, управлявших страной в эпоху высшего развития ее культуры и политического могущества. Поход Наполеона (1798 г.) дал французским ученым возможность ближе ознакомиться с памятниками египетской культуры; одним из научных результатов похода было открытие ключа к чтению памятников древне-египетской письменности; изучение этих памятников положило начало новой науке — египтологии.

Основатели этой науки имели перед собой задачу, которую европейским ученым, приблизительно в то же время, приходилось разрешать в Передней Азии, впоследствии также в других странах: разобрать надписи, составленные на неизвестном языке неизвестными письменами. Для разрешения этой задачи во всех случаях применялся приблизительно один и тот же метод: определялось число различных знаков; если письмо оказывалось буквенным, то выделялись знаки, встречавшиеся между двумя тождественными знаками, т.-е., как можно было предполагать, служившие для обозначения гласных звуков; рассматривался вопрос, какие собственные имена, известные исследователю, должны были упоминаться в надписи и какие группы знаков, по количеству последних и по положению в них гласных букв, могли обозначать эти собственные имена. Если исследователю удавалось прочитать несколько имен, он этим самым определял значение нескольких знаков и мог пользоваться этим результатом для разбора других, нарицательных слов; последняя работа значительно облегчалась, если удавалось установить родство неизвестного языка с каким-нибудь из известных исследователю. Главная часть всей работы — установить, какие собственные имена встречаются в надписи и определить их место — иногда представляет почти непреодолимые трудности; самый благодарный материал доставляют исследователю те памятники, где рядом с надписью, подлежащей разбору, помещен ее перевод на какой-нибудь известный ему язык. Такой материал имели в своем распоряжении египтологи, благодаря открытию в 1799 г. в Розетте французским инженером Бушаром камня с текстом постановления жрецов в честь царя Птолемея V Эпифана в 196 или 195 г. до Р. Х.; рядом с двумя египетскими текстами (один написан письмом иероглифическим, т.-е. употреблявшимся жрецами, другой — демотическим, т.-е. распространенным в более широких кругах народа) помещен перевод постановления на греческий язык. Задача исследователя еще облегчалась тем, что имена царей в иероглифическом тексте обведены картушем. Тем не менее, вследствие сложности египетского письма, только в 1822 г. мог быть прочитан доклад Шамполлиона младшего, в котором был дан ключ к чтению надписи; язык оказался сходным с языком коптов, современных потомков древних египтян. Попытку чтения демотического текста, хотя и не вполне удачную, сделал еще в 1802 г. Окерблад.

Благодаря труду Шамполлиона европейские ученые получили доступ к богатой древне-египетской литературе; кроме

надписей, было найдено значительное число рукописных прои
ведений по различным отраслям знания (письменный материа
папирус, приготовлялся из растения Papyrus antiquorum
Как и следовало ожидать предания, рассказанные Геродоту
V в. до Р. Х., были опровергнуты письменными памятникам
более ранних веков; с полной достоверностью могли быть уст
новлены, хотя и без точных хронологических дат, период
постепенного развития, упадка и временного возрождения егип
ской культуры.

Долгое время эта культура признавалась древнейшей
существовавших на земном шаре; только в новейшее врем
после открытия в Передней Азии более древних письменны
памятников, чем можно было предполагать по известиям гр
ческих писателей, по наблюдениям путешественников и по пе
вым открытиям ученых, этот вопрос признан спорным. В П
редней Азии на поверхности земли не сохранилось таких дре
них памятников строительного искусства, как египетские пир
миды и храмы; наиболее грандиозным памятником, привлека
шим к себе внимание исследователей, были развалины двор
в Персеполе, столице персидских царей, построенной в VI
до Р. Х. На стенах дворца и на скалах и камнях в нек
торых других местах сохранились, рядом с барельефами, надпис
представляющие три системы неизвестных письмен; эти письмена
своему внешнему виду получили от европейцев название к л
н о о б р а з н ы х. Для разбора надписей исследователи не ра
полагали, как в Египте, греческим переводом, и задача пре
ставлялась более сложной; после нескольких неудачных поп
т к вопрос был решен гениальной догадкой Гротефенд
(1802 г.). Гротефенд исходил из соображения, что надпи
сделаны по распоряжению персидских царей и что, следов
тельно, в них должны встречаться имена царей вместе с
титулом. Поэтому им были выделены две кратких надпис
в которых несколько раз повторялась одна и та же гру
знаков; эту группу еще раньше определили как идеограмму, сл
жившую для обозначения царского достоинства. Идеогра
повторялась при двух различных словах, x и y, поставленны
рядом; отсюда он вывел заключение, что x и y — имена дв
царей и что x был сыном y. В другой надписи после то
же слова y стояло другое слово, z, без идеограммы для об
значения царского достоинства; отсюда следовало, что z, отец
не был царем, т.-е. что y был основателем династии. Так к
надписи принадлежали персидским царям, то речь могла ит

только о Кире или Дарии; по числу букв второе было признано более вероятным, тем более, что второй знак слова *y* был пятым знаком слова *z*, что вполне соответствовало чтению Дарий и Гистасп. Таким образом Гротефендом были прочитаны имена Ксеркса, Дария и Гистаспа. Точное произношение этих имен на языке древних персов было ему неизвестно, и его догадки впоследствии не вполне подтвердились, но все-таки из тринадцати знаков, определенных им в связи с чтением трех имен, девять были определены правильно.

Несмотря на блестящую догадку Гротефенда, ни сам он, ни современные ему ученые не воспользовались этой догадкой в полной мере. Разбор клинообразных надписей первой системы был закончен только в 40-х годах XIX в. Ролинсоном, который ознакомился с открытием Гротефенда уже после того, как самостоятельно пришел к таким же результатам. Ролинсоном была открыта и издана (1846—1851 гг.) самая длинная из клинообразных надписей, историческая надпись Дария на горе Бисутун (собств. Бахистан, древне-перс. Bagistana, т.-е. место божества). Язык надписей, как и следовало ожидать, оказался иранским диалектом.

Разобрав древне-персидский текст, ученые имели в руках ключ к чтению двух параллельных текстов, т.-е. надписей второй и третьей систем. Язык надписей третьей системы оказался семитским наречием, очевидно, языком покоренной персами Вавилонии; язык надписей второй системы не поддавался сближению с существующими лингвистическими группами; по историческим соображениям, в нем были склонны видеть то язык древних скифов, то язык мидийцев. В настоящее время доказано, что те и другие были арийцами и что народ, язык которого сохранился в надписях второй системы, принадлежал к другому племени, жившему в юго-западной части нынешней Персии и задолго до персидского завоевания достигшему, под влиянием Вавилона, значительной культуры. Между надписями второй системы и надписями прежних царей Сузианы (т.-е. нынешнего Хузистана) существует только диалектическое различие.

Благодаря разбору надписей третьей системы ученые ознакомились и с языком и письменами Вавилонии и воспользовались этим, когда началось исследование, путем раскопок, древних столиц ассирийских и вавилонских царей. Начало работам в этом направлении положили изыскания французского консула Ботты (1842—45 гг.) на месте Ниневии; за наукой,

посвященной изучению древней месопотамской культуры, сохранилось до настоящего времени название ассириологии, хотя южная часть Месопотамии, Вавилония, давно уже привлекает к себе внимание представителей этой науки в гораздо большей степени, чем северная, Ассирия. Даже из открытий сделанных в Ниневии, важнейшие относятся к области памятников вавилонской литературы, увезенных ассирийскими завоевателями в свою столицу. Наиболее плодотворными были изыскания Джорджа Смита (1866—76 гг.), открывшего библиотеку царя Ассурбанипала (668—626 гг. до Р. Х.), остающуюся до настоящего времени единственной известной нам библиотекой древности, составленной по определенному плану Библиотека состояла из небольших квадратных кирпичей с клинообразными письменами, перенумерованных и положень один на другой. Кроме исторических хроник и сочинений по некоторым наукам, например, по математике, библиотека заключала в себе словари, давшие возможность изучить язы истинных основателей вавилонской культуры, населявших Месопотамию до завоевания ее семитами.

Мнения ученых об этом языке, который теперь называю сумерийским или шумерским (сначала различали два диалекта сумерийский и аккадийский, потом было доказано, что слов „аккады“ относится к завоевателям семитам), еще не вполн согласны. Некоторые (Халеви) отрицали самое существование такого языка и утверждали, что мнимые сумерийски слова представляют только условную транскрипцию семитски слов, другие (Хоммель) доказывали родство языка сумерийцев с так называемой урало-алтайской семьей языков, обнимающей языки финнов, самоедов, турков, монголов и тунгусов Некоторые (Юсти) сближают сумерийский язык с языко Сузианы и ахеменидских надписей второй системы; был также, притом еще в новейшее время, попытки сблизить сумерийский язык с китайским, но все эти предположения оста ются недоказанными.

Большинство ассириологов в настоящее время считае сумерийцев народом не-семитского происхождения, положивши начало культуре, принятой семитскими завоевателями, вследствие чего этот язык еще много веков после того, как на не перестали говорить, остался языком культуры, подобно латинскому языку в Европе. Вопрос о том, к какому времен можно отнести начало вавилонской культуры и к какому—завоевание страны семитами, еще не вполне решен. Исходны

пунктом хронологических определений служат слова вавилонского царя Набунида (VI в. до Р. Х.), что царь Нарамсин, сын Саргона, царствовал за 3200 лет до него. До нас дошли надписи как Нарамсина, так и его отца Саргона, принадлежавших уже к числу семитских владетелей; их царствование таким образом должно бы быть отнесено к первой половине четвертого тысячелетия до Р. Х.; но многие ученые, в том числе проф. Винклер, главный представитель новейшей школы ассириологов, доказывают, что в таком случае в хронологии вавилонских царей получается незаполненный промежуток приблизительно в 1000 лет; вследствие этого Винклер, предполагая ошибку в словах Набунида, относит царствование Саргона, отца Нарамсина, приблизительно к 2800 г. до Р. Х. Начало вавилонской культуры относится Винклером и его последователями к гораздо более раннему периоду, главным образом на основании астрономических данных. Первоначальная система вавилонской астрологии предполагает положение солнца, во время весеннего равноденствия, в созвездии близнецов; этот астрономический период (для передвижения солнца из одного знака зодиака в другой требуется период приблизительно в 2000 лет) начался около 5000 г. до Р. Х.; следовательно, к этому периоду (по мнению Винклера, скорее к началу, чем к концу его) приходится отнести возникновение вавилонской культуры. Однако, до сих пор не найдено никаких текстов, которые бы указывали на существование в Вавилоне научных астрономических вычислений ранее VI в. до Р. Х.; для предшествующих эпох сохранились только астрологические тексты.

Кроме Месопотамии, за много веков до Р. Х. были культурные государства также в других областях Передней Азии: в Сирии, Малой Азии, отчасти в Аравии. Исследователи Востока почти до последнего времени рассматривали развитие культуры каждой народности как самостоятельный процесс, определявшийся исключительно расовым происхождением, политической жизнью и религией данного народа; возможность иностранного влияния принималась в рассчет только в случаях покорения одного народа другим, преимущественно в связи с образованием обширных монархий ассирийцев, вавилонцев и персов. Так, развитие еврейского монотеизма, несмотря на ясные указания самой библии на влияние Египта и Вавилона, рассматривалось только как самостоятельный переход народа от кочевой жизни и общесемитских верований к более высоким формам быта и религии.

Опровержение этого взгляда составляет, может быть, главную заслугу школы Винклера, доказавшей, что культурные успехи отдельных народов Передней Азии были, главным образом, результатом сближения этих народов с Вавилоном. Блестящим подтверждением новой теории было открытие в 1887 г. в Египте, в месте Тель-эль-Амарна, серии дипломатических документов XV в. до Р. Х. из разных городов и областей Сирии, Месопотамии и острова Кипра, написанных на вавилонском языке клинообразными письменами. Таким образом был установлен факт, что вавилонский язык был в Передней Азии языком дипломатических сношений, как латинский в средневековой и французский в современной Европе, и что этим языком продолжали пользоваться и те местности, которые в то время в политическом отношении подчинялись Египту; даже сам египетский царь пользовался при этих сношениях не египетским, а вавилонским языком и письмом. После такого открытия уже не могло подлежать сомнению, что ход истории древнего Востока в такой же степени, как ход истории Европы, определялся влиянием одного народа на другой и распространением культуры одного или нескольких передовых народов на все более обширный географический район.

Но школа Винклера пыталась использовать свое открытие еще в другом направлении, едва ли плодотворном для науки. Опровергнув мнение о самостоятельном развитии отдельных народов и установив господствующее влияние Вавилона, Винклер и его последователи рассматривали все черты вавилонской культуры, как развитие одной идеи, положенной в основу так называемого „древне-восточного мировоззрения“ (altorientalische Weltanschauung). Это мировоззрение, сложившееся в Вавилоне и принятое всем древним Востоком, будто бы заключается в веровании, что происходящее на земле есть только отражение происходящего в небесах, и что жизнь человеческих обществ должна быть устроена на подобие движения небесных светил (на этой идее основана вся система астрологических предсказаний, изобретенная в Вавилоне и в течение многих веков пользовавшаяся успехом даже в Европе). С таким мировоззрением связано, по той же теории, основное различие между психологией европейцев, со времени греков, и психологией восточных народов. Индуктивный метод, являющийся характерным признаком европейской науки, будто бы совершенно чужд Востоку; на Востоке общие положения создаются не в зависимости от наблюдений над частными фактами; на

против, восточный человек находит в общей идее, которой проникнуто все его мировоззрение, ключ к объяснению каждого явления, и ею определяются все его мысли и действия. Объясняя всю жизнь и все творчество народов древнего Востока одной идеей, вышедшей из Вавилона, та же школа вполне последовательно считает до-историческую эпоху, когда сложилась эта идея, эпохой высшего расцвета древне-восточной культуры, не признает никаких культурных заслуг за другими восточными народами, кроме вавилонцев, и в истории самого Вавилона, насколько она доступна нашему изучению, видит только картину постепенного упадка, а не постепенного развития. Современные восточные народы признаются только выродившимися потомками древних. Таковы главные черты научного направления, известного под названием „панвавилонизм“.

Взгляд этой школы ассириологов на историю Востока, таким образом, по существу не отличается от взгляда Шлоссера и историков его направления: история Востока рассматривается, как результат одной причины, определяющей всю дальнейшую жизнь народов и все черты их быта в любую эпоху, т.-е. освобождающей историка от необходимости путем подробного изучения самих фактов выяснять ход исторической эволюции. Если бы мировоззрение восточных народов действительно отличалось такой простотой и цельностью, то изучение истории Востока было бы несравненно легче, чем изучение истории Европы. Между тем ориенталисты, изучающие более новые периоды жизни Востока и располагающие бо́льшим количеством источников, все более приходят к убеждению, что люди с безусловно цельным и последовательным мировоззрением встречаются на Востоке так же редко, как в Европе, что религия и на Востоке чаще должна была применяться к окружающим условиям, чем наоборот, что под знаменем религиозной идеи и на Востоке, как в Европе, нередко происходили движения, в действительности вызванные сословными, экономическими и политическими интересами. Данные для изучения истории древнего Востока пока еще более скудны, но в последнее время и в этой области появились исследования, цель которых, путем сопоставления относящихся к разным эпохам данных, выяснить постепенное изменение бытовых черт народа. Производство таких исследований было значительно облегчено открытием, в декабре 1901 и январе 1902 г., свода законов вавилонского царя Хаммураби (XXIII в. до Р. Х.); сопоставляя положения этого свода с документами более поздних

эпох, исследователи получили возможность выяснить постепенное изменение правовых взглядов народа.

И в других отраслях истории Востока еще не вполне устранены предвзятые взгляды, затрудняющие выяснение действительных причин исторической эволюции. Религии, исповедываемые главными народами Востока — ислам, буддизм, брахманизм и учение Конфуция — казались долгое время единственными источниками их мировоззрения, их государственного и социального строя; с этой точки зрения обсуждалось прошлое, настоящее и будущее различных народов; ею же определялся ответ на вопрос о причинах упадка культуры в странах, где жили древнейшие культурные народы.

При определении размеров этого упадка часто руководились преувеличенной оценкой культуры древнего Востока по сравнению с бытом современного населения тех же стран. До изучения письменных памятников восточных народов европейцы располагали только одним источником для определения их культурного уровня — вещественными памятниками, преимущественно памятниками строительного искусства. В этом отношении легко было доказать, что мусульманский Восток не создал ничего, что могло бы сравниться с египетскими пирамидами и храмами, с дворцами ассирийских, вавилонских и древне-персидских царей и что мусульманские постройки первых веков хиджры, особенно по качеству строительного материала, стоят значительно выше последующих. Но упадок строительной техники еще не является доказательством общего упадка культуры. И в Европе постройки последних веков, за редкими исключениями, по качеству материала и прочности значительно уступают остаткам древних и средневековых зданий; в современных городах здания XVIII и начала XIX вв. построены лучше и прочнее, чем более новые. Вследствие этого возможно, что и на Востоке упадок строительной техники, по крайней мере в некоторых случаях, должен быть объяснен не упадком культуры, но, как в Европе, изменением потребностей, увеличением числа населения и построек и уменьшением средств, находившихся в распоряжении отдельных лиц или правительств.

В настоящее время мы, однако, располагаем более вескими доказательствами (сведениями о доходности отдельных областей), что некоторые области Передней Азии, как Месопотамия и юго-западные провинции Персии, в эпоху ислама никогда не достигали того уровня экономического благосостояния, на котором их застали арабские завоеватели, хотя некоторые другие обла-

сти, как северо-западная и северо-восточная части Персии, только при исламе достигают значительного культурного развития. Упадок культуры часто объясняли религиозными догматами ислама, особенно пресловутым мусульманским фатализмом, будто бы убившим в мусульманских народах все порывы к самостоятельной деятельности, направленной к увеличению собственного благосостояния. История и современная жизнь мусульманских народов показывают, однако, что фатализм (впрочем, нигде не выраженный в Коране с бо́льшей определенностью, чем в послании апостола Павла к Римлянам, гл. 9) никогда не препятствовал ни мусульманским полководцам, министрам, торговцам и друг. принимать меры к достижению своих целей, ни даже мусульманским историкам определять причинную связь событий. Подобно многим христианам мусульманин ищет и находит в фатализме только опору при неотвратимых опасностях и бедствиях. Какова бы ни была сила религии, она только в небольшом числе людей, а не в целом народе может уничтожить все порывы, связанные с инстинктом самосохранения; каково бы ни было место религии среди других сторон жизни народа, она не в состоянии уничтожить во всех отраслях жизни все, чем жил народ до принятия новой веры. История показывает, что ислам даже в области религиозных верований должен был считаться с домусульманскими традициями и посторонними влияниями; в некоторых странах, как в Восточном Туркестане, мы имеем возможность документально доказать, что места, бывшие предметом религиозного культа в до-мусульманскую эпоху, сохраняли свое значение и после распространения ислама; ради этой цели создавались легенды о мусульманских святых, как в западной Европе — легенды о христианских мучениках. Если даже в области религиозных верований мусульманских народов не все объясняется влиянием ислама, то еще меньше успеха могла бы иметь попытка найти в догматах ислама ключ к объяснению хода политической и культурной истории этих народов, их прежних культурных заслуг и современной отсталости. Как при изучении истории Европы, так и при изучении истории мусульманских стран нет другого пути к выяснению причинной связи событий, как путь критического изучения, без предвзятых идей, самих фактов.

В настоящее время пройдена только небольшая часть этого пути, и значительная часть первоисточников остается никем не исследованной; при таком состоянии науки еще не могут считаться выясненными, в их причинной связи, даже главные

моменты истории Передней Азии. Из причин, независимых от религии, влиявших задерживающим образом на развитие культуры, наиболее заметны, даже при поверхностном исследовании, частые перерывы культурной работы вследствие нашествия варварских народов, которому Передняя Азия, по своему географическому положению, подвергалась несравненно чаще, чем западная Европа. Такие события, как переселение народов в Европе, происходили в жизни Передней Азии несколько раз, хотя ни одно из них, не исключая монгольского завоевания, не вызвало такого продолжительного и полного упадка культуры, с возвращением от денежного хозяйства к натуральному, от развития городских общин к господству землевладельческой аристократии.

Еще в меньшей степени может считаться исследованной, согласно требованиям исторической науки, история не-мусульманских стран Востока, в том числе, несмотря на обилие и полноту источников, даже история Китая; но и в истории этих стран постепенно выясняется, рядом с влиянием религиозных учений, влияние других причин. Если буддизм остановил политическое и экономическое развитие Тибета и Монголии, то это было достигнуто не столько догматами религии, сколько связанным с религией социальным явлением — развитием монастырской жизни, которому китайское правительство, из политических расчетов, оказало поддержку, в то же время остановив его успехи в самом Китае. Пресловутый китайский консерватизм объясняется не столько учением Конфуция, сколько изолированным положением культурного народа среди варварских соседей и постоянной опасностью от внешних врагов. Такой же характер, по тем же причинам, имела в средние века история Византии.

Вообще по мере успехов востоковедения все более выясняется, что история Востока может быть объяснена только путем применения тех же научных методов, как история Европы, что в истории Востока, как в истории Европы, развитие и упадок культуры объясняются, главным образом, сближением с другими культурными народами или отчуждением от них, что в этой цепи культурного взаимодействия нет промежутка между „Востоком“ и „Западом“. Этим определяется необходимость изучения истории Востока для понимания „всемирной“ истории, под которою уже нельзя понимать только историю Европы, и для создания науки „социологии“, положения которой не могут считаться установленными, пока они опираются только на факты истории европейских народов. В новейших трудах по всемирной истории и по социологии уже замечается стре-

мление пользоваться фактами истории Востока; если эти попытки редко приводят к правильным выводам, то это объясняется состоянием науки истории Востока, еще далеко не вполне удовлетворяющей требованиям источниковедения и исторической критики, выработанным европейскими историками XIX в.

Ф. К. Шлоссер, История восемнадцатого столетия и девятнадцатого до падения французской империи, перев. с 4-го испр. изд., изд. 2-е, т. I, стр. 1—2. О Сассети Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 222; о Джонсе и дальнейших работах ibid, S. 346 f.—Fr. Schlegel, Ueber die Sprache und Weisheit der Inder, Heidelb. 1808.—Примеры увлечения Индией еще в XVIII в.: J. S. Pallas, Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, St.-P. 1776; в начале II тома мнение, что индийцы были учителями халдеев и египтян. Langlès (Voyages au Japon, перевод книги C. P. Thunberg, III, 279) полагал, что евреи заимствовали законы Моисея у египтян, египтяне у индийцев.—Изложение прежних взглядов на индийскую культуру на русском языке: С. С. Уваров, Речь президента Имп. Акад. Наук, попеч. Спб. учебн. округа, в торж. собр. Главн. Педагогич. Института 22 марта 1818. Спб. 1818. О происхождении индийского алфавита G. Bühler, Indische Paläographie, Strassb. 1896 (Grundriss der Indo-Arischen Philologie. Bd. I, Heft 2; в том же „Grundriss" (Bd. III, Heft 9) работа G. Thibaut (Strassb. 1899) об индийской астрономии (стр. 43 и след. о влиянии греков). Кроме, того краткие сведения по истории изучения Индии у R. Pischel в издании Die Kultur der Gegenwart, herausg. v. P. Hinneberg, Teil I, Abt. VII, Die orientalischen Literaturen. Berl. u. Lpz. 1906, S. 211 f. О дешифровке иероглифов и о первых работах по египтологии J. Dümichen в серии Онкена (Allg. Gesch. in Einzeldarstellungen): Geographie des alten Aegyptens, Schrift und Sprache seiner Bewohner (введение к Ed. Meyer, Geschichte des alten Aegyptens, Berl 1887), S. 267—322. Б. А. Тураев, История Древнего Востока², I, 31—33. И. Г. Франк-Каменецкий. Как научились читать египетские письмена, Москва 1922. История изучения Авесты и древне-персидских надписей: Grundriss der iranischen Philologie, Bd. II, Strassb. 1896—1904, S. 40 f., 64 f. История ассириологии: Fr. Hommel, Geschichte Babyloniens und Assyriens, Berl. 1885 (в серии Онкена), S. 58—134. На русском языке Б. А. Тураев. История Древнего Востока I, 5—39. Мнение о родстве шумерийского языка с языком Сузианы—F. Justi, Geschichte der oriental. Völker im Altertum, Berl. 1884, S. 137; сближение с китайским напр. C. J. Ball, Chinese and Sumerian, Oxford—London 1913. Краткий хронологический обзор истории Вавилона, Ассирии и других стран: H. Winckler. Auszug aus der vorderasiatischen Geschichte, Lpz. 1905. Астрономические вычисления VI в.: Fr. X. Kugler, Sterndienst u. Sternkunde in Babel, I. Buch, Münster in Westfalen 1907, S. 61 f. О Тель-эль-Амарна: H. Winckler, Die Thontafeln von Tell-el-Amarna, Berlin 1896. The Tell Amarna Tablets, transl. by C. X. Conder, Lond. 1893 О „древне-восточном мировоззрении": H. Winckler, Die Weltanschauung des Alten Orients (Ex oriente lux. Bd. I, Heft 1, Lpz. 1905) и его же Altorientalische Geschichts-Auffassung (ibid. Bd. II, Heft 2, Lpz 1906). О законах Хаммураби: V. Scheil, La loi de Hammourabi, 2-me éd., Paris 1904. Б. А. Тураев. История Древнего Востока, I, 105-122. Об изменении взглядов Б. А. Тураева по вопросу об относительной древности культуры Вавилонии и Египта см. мою статью в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIV, 261 и сл.: сначала мнение о большей древности вавилонской культуры, потом об одновременном начале „двух великих культур древнего Востока"; в настоящее время склонны признавать более древней египетскую культуру (В. В. Струве в журнале „Анналы", IV, 333 и сл.). Об успехах востоковедения еще В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира I. Восток. Пет. 1923. Рецензия В. Авдиева в журнале „Восток", IV, 180 и сл. В предисловии к сборнику „Колониальный Восток" (Москва 1924) изложены взгляды на ход истории Востока Маркса, Энгельса и Каутского. Пример исследования об эволюции правовых взглядов у народов древнего Востока: E. Revillout, La femme dans l'antiquité (Journ. Asiat. 10, VII, 1906). Сопоставление буддийских и мусульманских святынь Восточного Туркестана: M. A. Stein,

*

Ancient Khotan, Oxford 1907, I, 122; также его же Preliminary Report on a journey of archeological and topographical exploration in Chinese Turkestan, Lond. 1901, и рецензия С. Ф. Ольденбурга в Зап. Вост. Арх. Общ. XIV, 0140. Сопоставление Китая с Византией: Th. Lindner, Weltgeschichte seit der Völkerwanderung, Bd. I, Stuttg. u. Berl. 1901. S. 123. О значении труда Линднера для изучения Востока, в особенности мусульманского мира см. В. Бартольд, Мусульманский мир, Пет. 1922, стр. 86 и сл.

ГЛАВА III.

Первым европейским народом, который, по своему географическому положению, должен был ознакомиться с Востоком, были греки. Вопрос о влиянии культурных народов Востока на создание греческой образованности еще не вполне выяснен. С культурой Египта греки могли знакомиться непосредственно, и следы этого знакомства можно указать как в археологических памятниках, так и в произведениях греческого эпоса; культура Вавилона, насколько известно до сих пор, оказывала влияние на Грецию только через посредство народов, живших на берегу Средиземного моря, главным образом финикийцев. Отсутствие источников для изучения финикийской культуры более всего затрудняет выяснение вопроса о культурном воздействии Востока на Грецию; до настоящего времени на месте древних финикийских городов не найдено ни надписей, ни других памятников более раннего периода, чем эпоха персидского владычества; по отношению к истории Финикии европейские ученые находятся и до сих пор в таком же положении, в каком находились по отношению к истории Египта и Вавилонии до открытия иероглифических и клинообразных надписей.

На влияние культуры Востока указывает уже тот факт, что греческая наука получила начало в той части греческого мира, которая по своему географическому положению более всего должна была подвергаться влиянию восточных народов, именно в Малой Азии.

Начало греческому естествознанию и греческой географии было положено в малоазиатском городе Милете в VI в. до Р. Х. Как известно, основатель греческого естествознания, Фалес, называл хаотическую массу, из которой образовалась вселенная, „водой“, что вполне соотвествует терминологии как библейских, так и египетских и вавилонских космогонических сказаний.

Столь же вероятно восточное происхождение первого географического обобщения греческой науки — разделения земли на две части света, Азию (собств. Асию) и Европу, к которым впоследствии была присоединена третья, Ливия (у римлян Африка). Происхождение этих названий было давно забыто уже в эпоху Геродота, который сообщает об этом только мифические сказания. Европейские ученые старались объяснить слова „Асия" и „Европа" из греческого (такому толкованию поддается только второе слово) или из семитических языков (предполагая влияние финикийцев или, через посредство Лидии, ассирийцев). Теперь Н. Я. Марр старается доказать, что слово „Европа" перешло к грекам по наследству от „яфетидов", т. е. в данном случае от до-индоевропейского населения Европы. Оба термина употреблялись греками, конечно, не в том значении, которое было им присвоено впоследствии. „Европа" упоминается уже в гомеровском гимне Пифийскому Аполлону, где так названа часть Греции к северу от Пелопоннеса, в отличие как от этого полуострова, так и от островов. Представители возникшей в Милете „ионической" географической школы (уже ученику Фалеса, Анаксимандру, приписывают составление первой географической карты) обозначали словами „Асия" и „Европа" части материка, разделенные Средиземным и Черным морями. Острова не причислялись к Европе и Геродотом (IV, 45). Из рек, впадающих в Черное море, некоторые географы признавали границей между Азией и Европой реку Фасис (Рион), другие — реку Танаис (Дон); о странах к востоку от бассейна Черного и Азовского морей греки знали слишком мало, чтобы определить здесь границы частей света. Еще Поливий (III, 37, 7) представлял себе Европу, как часть света, расположенную к северу от Азии и Африки по всей длине обеих, от востока к западу.

Сочинения ионических географов не дошли до нас; сведениями об их трудах мы обязаны главным образом Геродоту. Между прочим у Геродота (V, 49) сохранился рассказ о медной доске, на которой были изображены „окружность всей земли, все море и все реки"; по этой доске Аристагор милетский зимой 500 — 499 г. показывал спартанскому царю Клеомену, у которого просил помощи против персов, пути в столицу персидского царя. Геродот пользовался также сочинением Аристея проконнесского (VII в. до Р. Х.) о скифах и живших к северу от них племенах. Колонии, основанные Милетом на северном берегу Черного моря, должны были сблизить греков

с кочевниками черноморских степей, от которых они могли получить сведения о других кочевых народах. По представлению Аристея, часть Европы к северу от Черного моря была занята несколькими народами, причем, по направлению с севера на юг, происходили постоянные нападения одного народа на другой, иногда вызывавшие передвижение народов; только на самом севере, на берегу океана, жил мирный народ — гиперборейцы, не принимавшие участия в этих нападениях и передвижениях. Таким же движением племен, причем каждое вытесняло своих южных соседей, Аристей объясняет происшедшее в его время нашествие народа киммерийцев, о котором упоминают также ассирийские надписи, на Месопотамию и Малую Азию. Очевидно, уже при Аристее было заметно то передвижение народов, которым определяется вся дальнейшая история кочевников Средней Азии и восточной Европы и которое имело значительное влияние на судьбу прилегавших к степям культурных земель; но это движение в действительности происходило в направлении с востока на запад, а не с севера на юг. Если предположить ошибку со стороны Аристея и исправить его сообщение в том смысле, что перечисленные им народы жили в порядке с запада на восток, то в легенде о гиперборейцах можно будет признать древнейшее смутное известие о китайцах, проникшее в западную Азию. Во всяком случае эта легенда рано приняла у греков настолько фантастический характер, что уже Геродот сомневался в существовании гиперборейцев; в виду этого мы едва ли имеем право сделать какой-нибудь вывод из рассказа Геродота о перевязанной стеблями пшеницы святыне, будто бы отправлявшейся из страны гиперборейцев и доходившей до Адриатического моря, причем на этом пути каждый народ передавал ее своим соседям; еще меньше из рассказа его же о пребывании гиперборейцев на острове Делосе.

Геродот (происходивший из города Галикарнасса в Малой Азии) в своем сочинении, о котором мы уже упоминали, собрал обильный материал, не только исторический, но и географический, частью извлеченный из трудов его предшественников, частью собранный им самим путем личных наблюдений и расспросов. Какие именно страны были посещены им лично, не вполне ясно; во всяком случае он был в Египте и во многих областях по берегу Средиземного и Черного морей, в том числе и в греческих городах южной России. Из местностей внутренней Азии он был в Вавилоне; дорога в Сузы ему,

повидимому, была известна только по рассказам. Из восточных языков ему или тем лицам, от которых он получил свои сведения, был хорошо известен язык южно-русских скифов; с египтянами, семитами и персами он мог объясняться только через посредство переводчиков, иногда вводивших его в заблуждение. Страны и народы, входившие в состав персидской монархии, известны ему больше по названию. О географическом положении областей, расположенных к востоку от Вавилона и Суз, он имел только смутное представление; из данных о быте населения он мог сообщить только сведения об одежде и вооружении народностей, участвовавших в походе Ксеркса. Насколько приведенный им список персидских провинций и взимавшихся с них податей соответствовал действительному административному и финансовому устройству Персии, трудно сказать; едва ли он, хотя бы через переводчика, пользовался оффициальным документом. Самая восточная из провинций Персии, Индия, была также восточным пределом расспросных сведений Геродота. Геродот знал, что индийцы превосходят своею многочисленностью все прочие народы, хотя под Индией понимал только бассейн Инда; песчаные степи, расположенные к востоку от этого бассейна, были, по его представлению, пределом населенной части света. На северо-востоке пределом точных сведений Геродота было Каспийское море. Ему было известно, что к востоку от этого моря простирается необозримая равнина, где живет народ массагетов; но в то же время он заставляет Кира во время похода на массагетов переходить через Аракс, который, по его же рассказу, впадал в море с запада. Несмотря на это, сведения Геродота о Каспийском море также отличаются большей точностью, чем сведения последующих географов. Геродот знал, что Каспийское море со всех сторон окружено сушей, тогда как впоследствии, с III в. до Р. Х. до II в. по Р. Х., его считали заливом Северного океана; он же замечает, что Каспийское море занимает в длину (очевидно, с севера на юг) пространство в 15 дней плавания, в ширину пространство в 7 дней; в последнем случае, очевидно, имеется в виду расстояние от одного из пунктов юго-восточного прибрежья (единственной населенной части восточного берега) до одного из пунктов северо-западного; так и арабский географ Истахри считал неделю плавания по „ширине“ Каспийского моря от берега Мазандерана до Дербента. По представлению более поздних греческих географов Каспийское море занимало с востока на запад более значительное пространство,

чем с юга на север; даже в западно-европейской науке эта ошибка была исправлена только в XVIII в.

Следующий греческий автор, писавший о Востоке, Ктесий (в конце V и начале IV в. до Р. Х.), находился в более благоприятных условиях, чем Геродот. Ктесий жил на Востоке, знал персидский язык и был хорошо знаком с условиями жизни восточных народов; по своему оффициальному положению (он был придворным врачом царя Артаксеркса II Мнемона) он мог иметь доступ ко всем источникам. Тем не менее его труды, от которых до нас дошли только отрывки, далеко не имеют того значения, как труд Геродота. В рассказах Геродота можно установить только невольные ошибки; Ктесий нередко умышленно вводит в заблуждение своих читателей. Произвольно переделывая рассказы Геродота или сочиняя рассказы о событиях древности по образцу современных ему событий, он уверяет, что пользовался книгами библиотеки персидского царя. Географический кругозор Ктесия был обширнее кругозора Геродота; Индия была ему хорошо известна; но и о ней он сообщает только баснословные сведения. Рассказы Ктесия об истории ассирийцев, мидян и персов, не имея никакого исторического значения, представляют некоторый легендарный интерес; помимо вымыслов и переделок самого Ктесия, в них мог сохраниться некоторый отголосок легенд восточного происхождения; эти легенды, повидимому, слагались главным образом в северо-восточной части персидской монархии, на что указывает явная тенденция всех рассказов в пользу средне-азиатских народов — бактрийцев и скифов. Труды Ктесия оказали большое влияние как на греческую историографию, так и на географические представления греков, в том числе и на географические взгляды главного представителя греческой науки — Аристотеля. Отрывки из сочинений Ктесия сохранились в сочинениях Диодора и Николая Дамаскина и в „Библиотеке“ византийского патриарха Фотия.

Современник Ктесия, Ксенофонт, был предводителем греков во время знаменитого отступления отряда 10000 греческих наемников, пришедшего в Вавилонию из Малой Азии с Киром Младшим, восставшим против своего брата Артаксеркса (401 г. до Р. Х.); после поражения и смерти Кира греки отступили к берегу Черного моря, проложив себе оружием путь через области персидских сатрапов и независимых горных народов. В сочинении Ксенофонта (Anabasis) приводится маршрут пути из Малой Азии в Вавилонию и из Вавилонии через

Курдистан и Армению в Трапезунт, сообщаются сведения об областях, городах и быте населения.

Аристотелю принадлежит едва ли не первая попытка установить связь между человеческой жизнью и условиями окружающей человека природы и таким путем определить, каким странам и народам суждено иметь первенствующее значение в истории. По мнению Аристотеля, в Европе холодный климат содействует сохранению военных доблестей, но делает невозможным развитие культуры; в Азии жаркий климат содействует развитию культуры, но делает невозможным сохранение военных качеств; только в стране эллинов, расположенной на границе холодных и жарких стран, возможно развитие культуры без утраты военных качеств; следовательно, эллинам предназначено господство над миром. Как ни ясна теперь несостоятельность этой теории, она по логичности нисколько не уступает новейшим попыткам объяснить климатическими и физико-географическими особенностями Европы существующее только недолгое время политическое и культурное первенство этой части света.

Походы Александра Македонского (334 — 326 гг. до Р. Х.) значительно расширили географический кругозор греков; представители греческой науки получили возможность изучить страны Востока, казалось бы, при самых благоприятных условиях. Ученик величайшего ученого древности, Аристотеля, Александр вполне понимал значение науки; рядом со штатом историков, которые должны были описывать маршрут завоевателя и его подвиги, в его войске был штат ученых для собирания новых материалов по географии и естественным наукам. После распадения империи Александра греки оставались господствующим народом в Египте и Передней Азии; власть династии Селевкидов, господствовавшей в Сирии и Месопотамии, простиралась некоторое время до Сыр-Дарьи и Инда; даже после вытеснения Селевкидов из Ирана парфянами на крайнем востоке прежней персидской монархии продолжало существовать греко-бактрийское царство, занимавшее некоторое время обширное пространство; впоследствии утверждали, что бактрийские цари покорили большее число народов, чем Александр. Сами парфяне, несмотря на свои войны с Селевкидами, не были враждебны грекам; их монеты имеют греческие надписи; среди их титулов встречается титул Philellen (друг эллинов).

Для науки завоевания Александра Македонского и господство греков в Азии имели, однако, менее значительные последствия, чем можно было ожидать. Несмотря на сопровождавший

Александра штат историков, мы не имеем достоверной истории его походов; несмотря на штат ученых, мы не находим в греческой литературе описания пройденных им областей, которое могло бы сравниться хотя бы с описаниями Геродота и Ксенофонта. Историки Александра больше заботились о прославлении своего героя, чем о достоверности своих сообщений; даже рассказы наиболее достоверных летописцев, Птолемея и Аристобула, которыми впоследствии (во II в. по Р. Х.) воспользовался Арриан, часто вызывают сомнение. Сами греки отмечают стремление спутников Александра найти во всех местностях, посещенных Александром, и во всех его действиях черты сходства с мифами о богах и героях. Повидимому, этому стремлению не противодействовал и сам Александр; некоторые его действия, как поход к оракулу Аммона в Ливийской пустыне и к Сыр-Дарье, которую смешивали с Танаисом (Доном), объясняются, повидимому, сознательным подражанием героям Ктесия. Еще меньше сведений мы имеем об истории греков в Азии после Александра. Несмотря на столетнее существование греко-бактрийского царства, греческие источники не дают нам ни сколько-нибудь подробных сведений о его истории, ни описания города Бактр (нынешнего Балха), ни описания входивших в состав царства областей с их городами.

Ученые предприятия, связанные с походами Александра, иногда имели целью решение вопросов, которые могли считаться решенными уже в эпоху Геродота, как вопрос о морском пути из Индии в Переднюю Азию и о соединении Каспийского моря с океаном. Для решения первого вопроса еще сам Александр отправил из Индии флот, под начальством Неарха, к устью Евфрата; описание этого плавания, составленное Неархом, дошло до нас благодаря труду Арриана об Индии и было источником всех позднейших описаний берегов Индийского океана и Персидского залива в греческой литературе. Намерения исследовать Каспийское море Александр не успел осуществить; Селевк I Никатор поручил эту задачу Патроклу, плаванье которого относится к 285 — 282 гг. до Р. Х. Патрокл, посетивший, очевидно, только южную часть моря, пришел к убеждению, что оно соединяется с океаном на севере и такой взгляд продолжал господствовать в греческой науке до римской эпохи. Ко времени того же Селевка относится путешествие Мегасфена, отправленного послом к индийскому царю Сандрокотту (Чандрагупта), правившему в долине Ганга. Описание этого посольства, дошедшее до нас благодаря тому

же труду Арриана, заключает в себе самые подробные сведения об Индии в греческой литературе.

Еще в меньшей степени походы Александра повлияли на распространение сведений о языках, литературах и истории Востока. Несмотря на тесное сближение с Востоком, греки не создали востоковедения; до нас не дошло ни одно сочинение греческого автора, который бы пользовался восточными источниками. О существовании такого труда мы имеем только одно известие, именно слова Плиния о Гермиппе, современнике Птолемея III Эвергета (247 — 222 гг. до Р. Х.), будто бы изучившем в подлиннике персидские религиозные книги и изложившем содержание двух миллионов стихов. Из персидского эпоса в греческой литературе сохранился один отрывок — любопытный рассказ Хареса Митиленского, камергера Александра Македонского; в нем мы имеем древнейшую версию одного из эпизодов персидского эпоса, собранных в XI в. по Р. Х. в поэме Фирдауси „Шахнамэ“. Туземные источники по истории Востока были обработаны для греков двумя представителями восточной науки, вавилонским жрецом Беросом для Антиоха I Сотера (281 — 262 до Р. Х.) и египетским жрецом Манефоном для Птолемея I (305 — 284 до Р. Х.). Оба сочинения известны нам только по позднейшим цитатам и ссылкам. Исторические предания сохранялись в Египте лучше, чем в Вавилоне; Берос располагал сведениями только с VIII в. до Р. Х., Манефон мог перечислить все династии, правившие в Египте с древнейших времен. Труды обоих авторов высоко ценятся современной европейской наукой, и открытие клинообразных и иероглифических надписей вполне подтвердило их сообщения; до настоящего времени египтологи руководятся перечнем династий, приведенным у Манефона. Но на античную науку Берос и Манефон не оказали почти никакого влияния; авторы римского периода, как Диодор, несмотря на существование труда Бероса, продолжали излагать историю Ассирии и Вавилонии по Ктесию.

Средоточием греческой науки после Александра, где, между прочим, приводился в систему добытый, благодаря его походам, географический и естественно-исторический материал, был город Александрия в Египте. Из географических систем александрийских ученых известны системы Дикеарха, ученика Аристотеля, и Эратосфена, жившего в III в. до Р. Х. Дикеарху принадлежит гипотеза, которой придерживались еще арабские ученые, о непрерывном ряде горных цепей, разделяющем материк Азии на две части по всей его длине от запада к востоку.

Теории александрийских ученых известны нам главным образом по компиляциям, составленным уже в эпоху римского владычества, именно по „Географии“ Страбона (писал в начале I в. по Р. Х.), „Естественной истории“ Плиния старшего († 79 г. по Р. Х.) и „Географии“ Птолемея (II в. по Р. Х.). Астрономическая и географическая система Птолемея была, в этих отраслях знания, последним словом античной науки; еще в XVII в. представителями европейской университетской науки осуждалась каждая попытка отступить от авторитета Птолемея при описании какой-нибудь страны и при изображении ее на карте, даже в тех случаях, когда составитель описания и карты мог ссылаться на свои личные наблюдения.

В истории отношения европейцев к Востоку римская эпоха имеет важное значение. Объединение областей греческой культуры под властью Рима и распространение греко-римской культуры на западную Европу создали понятие о „Востоке“, как особом мире, противоположном греко-римскому и вообще европейскому. В этом смысле слова „восточный“ и „Восток“ впервые встречаются у римских авторов (ср. res orientales у Трога Помпея, Oriens у Тацита, Germania 37). В связи с этим под Азией теперь стали понимать часть света, расположенную к востоку от Африки и Европы, по всей их длине, причем Африку иногда присоединяли к Европе. Но фактический материал о Востоке, находившийся в распоряжении римлян, мало отличался от материала греков. Из войн римлян на Востоке только поход Помпея в области между Черным и Каспийским морем до Кавказского хребта доставил новый материал для географии; но и этот поход не установил в науке более правильных понятий о Каспийском море и расположенных за ним странах. Еще Страбон и Плиний представляли себе Каспийское море заливом Северного океана; эта ошибка была исправлена Птолемеем, очевидно, на основании имевшихся в его распоряжении сведений о торговом пути по северную сторону моря (у Птолемея впервые упоминается Волга под ее финским или, по мнению Н. Я. Марра, яфетическим названием — Ра); но и Птолемей разделял заблуждение прежних авторов о впадении в Каспийское море Аму-Дарьи и Сыр-Дарьи и о сплошном водном пути к Каспийскому морю из Индии. О местоположении Бактрианы, о расположенной к северу от нее Согдиане и о городах обеих областей представление Птолемея было еще менее точным, чем представление Страбона. Вообще труд Страбона —

самое замечательное из географических сочинений римского периода и дает наиболее наглядное представление о взглядах этой эпохи. В противоположность Аристотелю, Страбон уже говорит о Европе, как о части света, которой суждено занять первое место в мире и по военным доблестям населения, и по успехам цивилизации (§ 126 и сл.). Могущество Рима объясняется географическим положением Италии (§ 286). Страбону казалось, что даже азиатские соперники римлян, парфяне, скоро совершенно подчинятся римской власти (§ 288). В одном месте (§ 64) Страбон говорит о возможности плавания из Испании в Индию, „если бы этому не препятствовала величина Атлантического океана"; из этого видно, что уже тогда существовали те же предположения, которыми впоследствии было вызвано предприятие Колумба.

Население восточных областей Римской империи оставалось греческим по языку и культуре; Рим мог наложить на население этих областей свое имя, но не мог подчинить его, как население западной Европы и северной Африки, влиянию латинского языка. Первоначальное название греков на Востоке, „ионяне", постепенно было вытеснено названием „румейцев"; это название было принято самими греками и сохранилось в народе до сих пор, несмотря на употребление в византийской литературе названия „эллины" и на оффициальное восстановление этого названия после освобождения Греции от турецкого владычества. Но языком „румейцев" оставался греческий. На греческую литературу и науку, в том числе и на географию, Рим, вследствие превосходства греческой культуры, не мог оказать почти никакого влияния; единственная географическая компиляция на латинском языке (сочинение Плиния) составлена по греческим материалам и по точности изложения фактов значительно уступает компиляциям Страбона и Птолемея. На работы по географии могли, однако, оказать влияние потребности римского правительства; так, во время войн с парфянами для правительства было важно получить сведения о военных и торговых путях, проходивших через парфянское государство. До нас дошел подобный маршрут, составленный Исидором характским (около времени Р. Х.) и доведенный от берега Евфрата до Александрии в Арахосии, т.-е. до нынешнего Кандагара. Другой памятник этой литературы — географическая карта II в. по Р. Х., известная под названием tabula Peutingeriana, открытая в XVI в. ученым Цельзиусом, но получившая название от ученого Пейтингера, которому она была передана.

Дорожники Исидора харакского и tabula Peutingeriana—единственные дошедшие до нас первоисточники (впрочем, даже tabula Peutingeriana отчасти имеет компилятивный характер и воспроизводит сведения, относящиеся к различным эпохам); остальные сведения о путях торговли на суше дошли до нас только в обработке Птолемея. Греки из западной Азии в то время, повидимому, редко проникали в парфянское государство; торговые пути из Средней Азии оставались в руках парфян; когда в конце II в. до Р. Х., после появления в Средней Азии китайских посольств и военных отрядов, начались непосредственные сношения между Средней Азией и Китаем, парфяне сделались посредниками при торговых сношениях между Дальним Востоком и Римской империей.

Главным товаром Дальнего Востока, вывозившимся на запад, был в то время шелк, известный в Риме под названием *sericum*; народ, выделывавший шелк, назывался Seres. Китайское слово для обозначения шелка, по современному пекинскому произношению, — *сы*; о древнем произношении мы можем только догадываться по названиям шелка у восточных народов, заимствовавших этот товар из Китая (у корейцев *сир*, у монголов *сиркек*, у маньчжуров *сирге*). Присутствие горлянного звука в словах монгольском и маньчжурском, как и в славянском шелк (это слово считают заимствованным с Востока непосредственно, помимо греков), приводит лингвистов к мнению, что слово sericum не было произведено от Seres, а образовано из какого нибудь восточного слова, служившего для обозначения шелка; только впоследствии окончание этого слова сблизили с греческим и латинским суффиксом для образования прилагательных и произвели от него название народа „серов“. Судя по словам Страбона (§ 693), слово „serica“ (во множ. числе) впервые слышал в Индии Неарх.

Еще Дионисий Периегет (в начале II в. по Р. Х.) полагал, что серы занимаются исключительно выделкою шелковых тканей и что эти ткани приготовляются из древесных листьев. Павсаний (в конце II в. по Р. Х.) уже имел правильное представление о разведении шелковичных червей.

По географической системе Птолемея серы были последним народом в северо-восточной Азии, жившим на берегу восточного океана. Парфяне сохраняли за собой выгодную роль посредников сухопутной торговли и, по сведениям китайцев, всячески старались препятствовать непосредственным торговым сношениям между Китаем и Римской империей. Несмотря на

это, все-таки были случаи таких сношений. Птолемей приводит описание торгового пути из Бактр в столицу серов, причем с этим путем соединялся, вероятно в нынешней Ферганской области, путь согдийских купцов; описание заимствовано у другого географа, Марина тирского; последнему доставил эти сведения македонский купец Maes Titianus, приказчики которого будто бы совершали это путешествие несколько раз. Птолемей вынес впечатление, что и сам Марин не доверял рассказам купцов. Путь в столицу серов по Птолемею вызвал со стороны европейских ученых целый ряд исследований, но еще не может считаться вполне выясненным. Исследователям не всегда была ясна трудность толкования собственных имен, несомненно искаженных, как приказчиками македонского купца, так и авторами, пользовавшимися их рассказом; кроме того, успеху исследований препятствовал неправильный метод, еще до сих пор не вполне устраненный в ученой литературе: географические названия классических авторов сближались не с названиями древнейших восточных источников, а с современными названиями, без рассмотрения вопроса, могли ли последние употребляться в классическую эпоху. Так, упоминаемый у Птолемея город Auzakia отожествляется всеми исследователями, по сходству звуков, с городом Аксу (по-турецки „белая вода“) в Восточном Туркестане, несмотря на отсутствие доказательств, что население этой страны уже тогда говорило по-турецки, и не смотря на факт, что в восточной географической литературе название Аксу не встречается раньше XIV в.

Обогащению географических сведений, кроме сухопутной торговли, содействовала и морская. До Птолемея мы имеем на греческом языке два описания берегов Азии: „Перипл моря Эвксинского“ (Черного) и „Перипл моря Эрифрейского“ (Красного, т. е. Индийского океана); оба приписывались Арриану; на самом деле второе сочинение, как теперь полагают, написано более ранним автором между 70 и 75 г. по Р. Х. Средоточием морских сношений империи с Индией был Египет. Еще при Александре Македонском были собраны некоторые сведения о берегах Индии и об острове *Тапробане*, в котором некоторые из европейских исследователей видят Цейлон, другие — Суматру. Приведенные у Страбона (§ 691) слова Онесикрита о 20-ти днях плавания от материка Индии до Тапробаны скорее говорят в пользу Суматры, хотя отожествление Тапробаны и Цейлона сделано еще в VI в. Козьмой Индоплавателем. При Птолемеях, в начале I в. до р. Х., начались прямые сноше-

ния Египта с Индией. Эта торговля оказала некоторое влияние на развитие гражданственности и культуры в Иемене (т.-е. в юго-западной Аравии). В гораздо более раннюю эпоху сюда, благодаря морской торговле между передней Азией и Индией, был принесен семитский алфавит; теперь мы видим здесь чеканку монет, сначала, как у афинян, с изображением совы и надписью АΘЕ (сокращенное обозначение города Афин, Athenai), потом с изображением римских императоров. Благодаря той же морской торговле могли быть получены греками, путем расспросов в Индии или путем непосредственных сношений, сведения о морском пути в Китай.

Уже в I в. по Р. Хр. был известен народ „сины“ (у автора „Перипла“ Thinai, у Птолемея Sinai), страна которого была крайним пунктом плавания по Эрифрейскому морю, т.-е. по Индийскому океану. Слова „Чина“ и „Махачина“ (великая Чина) употреблялись для обозначения Китая в Индии, откуда, по всей вероятности, были заимствованы египетскими мореплавателями; слово „Чина“ производят от названия китайской династии Цинь (255 — 206 до Р. Х.), что указывает на время начала морских сношений между Индией и Китаем. Замечательно, что китайцы, по всей вероятности, также на основании (неправильно понятых) слов индийцев, отнесли название Махачина к Римской империи (у китайцев Да-цинь). О непосредственных сношениях между Египтом и страною синов мы у классических авторов не находим сведений; китайские источники сообщают о „посольстве“ императора Ань-дун'я, прибывшем в 166 г. по Р. Х. в Китай из Аннама, куда оно, очевидно, проникло морским путем. В Риме правила в то время династия Антонинов; „посольство“ относится к царствованию Марка Аврелия (163 — 180 гг.); слово „Ань-дунь“ представляет, повидимому, транскрипцию слова Антонин. Едва ли можно полагать, что римские императоры действительно хотели вступить в дипломатические или хотя бы в торговые сношения с китайскими; на Востоке, особенно в Китае, прибытие купеческих караванов или торговых судов часто рассматривалось как посольство, тем более, что и сами купцы, чтобы не платить таможенных сборов, нередко выдавали себя за послов своего государя.

Из китайского рассказа об этом „посольстве“ можно заключить, что купцы отправились из своей страны в Индию и только там решились воспользоваться каким-то благоприятным случаем для путешествия в Китай; с ними были только индий-

ские товары и ни одного из тех, которые обыкновенно привозились из Римской империи. Вообще около 160 г. морские сношения Китая с Индией достигли высшего развития; этим же путем при императоре Хуань-ди (147 — 167) проникали в Китай буддийские миссионеры. Таким же образом собранию сведений о сухопутной дороге в Китай, приведенных у Птолемея, могли содействовать политические успехи китайцев в Средней Азии в конце I в.

Сведения о берегах Индийского океана, вошедшие в систему Птолемея, были еще более сбивчивы, чем сведения о пути к серам. Птолемей знал, что рассказы моряков о пройденных ими расстояниях часто бывают преувеличены, но не располагал никакими данными для проверки отдельных рассказов; поэтому он придерживался общего правила — сокращать расстояния, указанные моряками, до $^2/_3$. Очертания берегов, особенно начиная от Бенгальского залива к востоку, отмечены крайне неточно; весь материк получил с запада на восток значительно большее протяжение, чем имел в действительности, и эта ошибка была исправлена только в XVIII в., на основании астрономических определений иезуитов. Дальше Аннама моряки не проникали, и потому не было опровергнуто неправильное представление о соединении южной Африки с Азией. Кроме того, Птолемей считал синов, к которым можно было проехать морем, и серов, от которых привозился сухим путем шелк, двумя различными народами и помещал страну первых к югу от страны вторых, хотя из китайских источников мы знаем, что не только в Индии, но и в Средней Азии Китай получил название по династии Цинь. Под влиянием различных названий Китая, проникавших в Европу из Средней Азии и Индии, подобные ошибки повторялись в европейской науке несколько раз до XVII в.

Морские путешествия в Китай из Римской империи упоминаются еще в III в.; в IV в. господство над путями мировой торговли на суше и на море перешло к персам.

С образованием в III в. по Р. Х. персидской монархии Сасанидов была связана национальная реакция против влияния греческой культуры. Уже в IV в. было вытеснено римское влияние из некоторых восточных областей, чем были остановлены успехи греческой географии; в следующие века исключительное преобладание богословской науки в первое время после распространения христианства и напряженная борьба с варварами вызвали ослабление научных интересов даже в тех областях империи, которым удалось избежать завоевания вар-

варскими народами. Вследствие этого географическая наука в Византии мало воспользовалась даже теми благоприятными случаями, которые все же представлялись ей и в эпоху Сасанидов. Персидские цари, воюя с Византией, в то же время давали у себя убежище греческим философам и ученым; при взятии городов Сирии они увозили в плен часть жителей для насаждения в Персии промышленности и техники; сирийские христиане, несмотря на некоторые религиозные гонения, распространяли свое учение в Персии, Индии, Средней Азии и в Китае. Греческий переводчик Сергий в VI в. даже получил доступ к книгам царской библиотеки, из которых извлек некоторые сведения для своего друга, историка Агафия. Все это могло бы содействовать распространению в Византии тех географических сведений, которые имелись в Персии.

Торговля Персии с другими странами во все эпохи ее истории была главным образом сухопутной. Часто повторяли, что равнодушие к морю во все времена составляло одну из характерных черт персидского народа, но в эпоху Сасанидов в руках персов была морская торговля на Индийском океане; при Хосрое I Ануширване (531 — 578 гг.) мы, единственный раз во всей истории Персии, видим такие обширные морские предприятия, как завоевание Цейлона и южной Аравии. Следы успехов морской торговли Персии мы находим и в византийской литературе, именно в „Христианской топографии" Козьмы Индоплавателя (VI в.). По исследованию проф. Патканова, настоящее имя этого египетского мореплавателя было Константин антиохийский (так назван автор „Христианской топографии" в армянской географии, приписанной Моисею Хоренскому); прозвание Козьмы было дано ему за описание мира (kosmos), прозвание индоплавателя за плавание в Индию. В Индии он получил сведения о Китае, который упоминается у него под названием Tzintitza — очевидно, транскрипция персидского слова *Чинистан* (страна чинов, т.-е. китайцев). В мусульманский период персы не совершали обширных морских походов, но до монгольского нашествия в их руках оставалась морская торговля; даже образовались колонии персидских купцов в некоторых гаванях Сирии и Аравии.

В том же VI в. византийцы вступили в непосредственные сношения с одним из среднеазиатских народов, именно с турками, образовавшими в то время обширное государство от границ Китая до границ Персии и Византии. Поводом к отправлению турецкого посольства был вопрос о сбыте шелка

приготовлявшегося в то время в Средней Азии, в Согде (область с городом Самаркандом). Неудачная попытка согдийцев найти сбыт для своего товара в Персии вызвала разрыв между турками и персами и попытку турок сблизиться, ради торговых целей, с Византией. Император Юстин II отправил в 568 г. ответное посольство к туркам, во главе которого стоял Земарх; посольство было принято турецким ханом в ставке у горы *Эктаг*, которую теперь считают одной из цепей Тянь-шаня, к северу от города Кучи. Отчет о посольстве Земарха сохранился в сочинении историка Менандра Протектора „О посольствах". Обмен посольствами между греками и турками по вопросу о совместных действиях против общего врага — персов — продолжался еще некоторое время, но не оказал существенного влияния ни на ход исторических событий, ни на распространение географических сведений. Послы не оставили подробного описания пройденных ими областей и не внесли никаких поправок в систему Птолемея. В стране турок до византийцев дошли темные известия о китайцах, которые упоминаются у автора VII в. Феофилакта Симокатты под названием *Taugast* (искажение турецкого слова *Табгач*, как называются китайцы в турецких надписях VIII в., открытых в новейшее время в Монголии). Как и в эпоху Птолемея, не было попытки сблизить это известие с теми известиями о китайцах, которые доходили до Византии морским путем; не сознавали также тожества „тавгастов" с серами Птолемея.

После VI в. мы уже не видим никаких географических открытий европейцев на Востоке до XIII в. Сочинения классических географов были переведены сирийскими авторами, которые сделали к ним некоторые дополнения; от сирийцев произведения географической науки перешли к арабам, обогатившим эту науку гораздо более обширным материалом.

О скудости известий по финикийской истории Б. Тураев, Остатки финик. литер., стр. 1. О новейших находках В. П. Бузескул, Открытия и т. д., I, 201. A. Forbiger, Handbuch der alten Geographie, 2 te Ausgabe, Hamburg 1877 (3 тома; свод фактического материала). — H. Berger, Geschichte der wissenschaftlichen Erdkunde der Griechen, Lpz. 1887—93. — H. F. Tozer, A history of ancient geography, Cambridge 1897 (Cambridge Geographical Series). О слове Европа Н. Я. Марр в „Новом Востоке", № 5, стр. 320. Зависимость греческих космогонических теорий от восточных идей отметил еще К. Риттер, Geschichte der Erdkunde, Berl. 1861, S. 43. — Об Аристее проконнесском и гиперборейцах W. Tomaschek, Kritik der ältesten Nachrichten über den skythischen Norden (Sitzungsb. der Kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil-histor. Classe, Bd. CXVI, S. 730 f., 769 f.). О влиянии Ктесия на Аристотеля и о географических взглядах последнего P. Bolchert, Aristoteles Erdkunde von Asien und Libyen, Berlin 1908 (Quellen und Forschungen zur alten Geschichteundl Geographie herausg. von W. Sieglin, Heft 15). О других писателях см. статьи в новом издании Pauly's Real-Encyclopädie der klassischen Altertumswissen-

*

schaft. О значении памятников греческой литературы как источников по истории Востока см. Б. Тураев, История Древн. Востока, I, 23—29. Мнение Аристотеля о Европе и Азии: Политика Аристотеля VII, 6 (перевод С. А. Жебелева, Спб. 1911, 314). О Патрокле K. J. Neumann, Die Fahrt des Patrokles auf dem Kaspischen Meer und der alte Lauf des Oxus (Hermes 1884, S. 156—185). Об эпохе Селевкидов еще E. B. Bevan, The House of Seleucus, Lond. 1902. М. Ростовцев, Эллинистическая Азия в эпоху Селевкидов (Научный истор. журнал, 1914). Слова Плиния о Гермиппе еще у A. V. Williams Jackson, Zoroaster, New York 1901, p. 231. О Харесе митиленском и его рассказе моя статья в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXII, 259 и сл. О Манефоне и Беросе еще Б. Тураев, Ист. Древн. Востока I, 27 и сл. О слове „Ра" Н. Я. Марр в Изв. Р. Акад. Ист. Мат. Культ., III, 263. Об известиях, связанных с походом Помпея, K. J. Neumann, Strabons Landeskunde von Kaukasien, Lpz. 1883 (Jahrbücher für classische Philologie, Supplementband XIII, S. 321—354). Исидор Характский: Isidori Characeni Stathmos Parthicos recens. B. Fabricius, Dresdae 1849. О том же маршруте и о tabula Peutingeriana W. Tomaschek, Zur historischen Topographie von Persien (Sitzungsb. der Kais. Akad. d. Wiss. in Wien, phil.-hist. Cl. CII, 145—231). Характеристика римских карт и других географических работ у К. Риттера, Geschichte der Erdkunde, S. 93. О слове sericum O. Schrader, Reallexicon der Indogermanischen Altertumskunde, Strassburg 1901, S. 758. О пути к серам по Птолемею В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, вып. II, Спб. 1873, стр. 61—76; W. Tomaschek в Sitzungsber. etc., CXVI, 736—748 (там же ссылки на другие работы). К вопросу о торговле бактрийцев и римлян с Китаем и о маршруте Птолемея см. еще мою статью „Греко-бактрийское государство и его распространение на северо-восток" в Изв. Акад. Наук 1916 г., 823—828. О неменских монетах G. Schlumberger, Le trésor de San'á (monnaies himyaritiques). Paris 1880. О сношениях между Китаем и Римской империей F. Hirth, China and the Roman Orient, Lpz. 1885. H. Yule, Cathay and the way thither, Lond. 1866, vol. I. М. Хвостов, История восточной торговли греко-римского Египта, Казань 1907. М. Хвостов, Очерки организации торговли и промышленности в греко-римском Египте, Казань 1914. Об употреблении слова „Чин" (от дин. Цинь) в Средней Азии P. Pelliot в T'oung Pao, XIII (1192), 727—742 и XIV, 1913, p. 427 и сл. О морской торговле Персии с Китаем еще Chau Ju-kua, transl. by Fr. Hirth и W. W. Rockhill, St. P. 1911, особенно стр. 7 и сл., и моя рецензия в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXI, 0161 и сл. О труде переводчика Сергия слова Агафия (Agathias IV, 30) в Historici Graeci minores, ed. L. Dindorfius, vol. II, Lipsiae 1871, p. 344. Об авторе „Христианской топографии" К. Патканов, Армянская география VII в. по Р.Х. (приписывавшаяся Моисею Хоренскому), Спб. 1877, стр. XI—XII, 10—11. Текст „Христианской топографии" в Patrologia Graeca, т. 88; о ее значении А. А. Васильев, Лекции по истории Византии, стр. 159 и сл. О путешествии Земарха и других византийских известиях Ed. Chavannes, Documents sur les Tou-Kiue (Turcs) occidentaux, St.-P. 1903 (Сборник трудов Орхонской экспедиции, VI), стр. 233—253.

ГЛАВА IV.

Возникновение арабской культуры связано с появлением новой мировой религии — ислама и новой мировой державы — арабского халифата; в состав последнего вошли, кроме всего государства Сасанидов, ближайшие к Ирану области Средней Азии и Индии, арабский полуостров, почти все азиатские провинции Византийской империи, Египет, северная Африка и Испания. В противоположность прежним восточным государ-

ствам, между различными областями халифата, кроме внешних признаков государственного объединения, установилась, на почве общей религии, тесная внутренняя связь, не утратившая значения и после распадения государства. Области Средней Азии, еще в древности (при Ахеменидах, Александре Македонском и Селевкидах) входившие в состав передне-азиатских мировых держав, только при исламе были вполне приобщены к передне-азиатскому культурному миру. Создатели государства и новой религии, арабы, в эпоху завоевания стояли в культурном отношении несравненно ниже покоренных ими греков, семитов и персов; вполне естественно, что культурная работа, на почве сближения различных культурных элементов в бывших византийских и бывших персидских владениях, большею частью совершалась лицами не-арабского происхождения; тем не менее арабский язык, как язык общей веры, сделался также языком общей культуры.

Начало этому культурному обмену во всех отраслях научной мысли, в том числе и в области географии и тесно связанной с нею астрономии, было положено при халифе Мансуре (754—775 г.), когда одновременно начали переводить на арабский язык произведения греков, через посредство сирийцев, и произведения индийцев, через посредство персов. Наибольшего развития достигла переводческая деятельность при халифе Мамуне (813—833). Научные системы греков (индийская астрономия, как теперь полагают, получила развитие также под влиянием греков, после Александра Македонского) были положены в основу арабской науки и даже впоследствии не были заменены, как в западной Европе, новыми теориями; так, арабы сохранили греческое деление населенной части земли на семь климатов (поясов), в порядке от юга к северу, и теорию о горной цепи, пересекавшей материк с запада на восток. Деление земли на климаты имело для арабской науки даже больше значения, чем для греческой; главные центры мусульманской культуры, Багдад и Исфахан, находились в среднем, четвертом климате, одинаково свободном от чрезмерного зноя и чрезмерного холода; таким образом была найдена географическая причина для объяснения культурного первенства мусульман, как в свое время искали таких причин для объяснения первенства греков и римлян. Но по обширности и точности собранного ею географического материала арабская наука значительно превзошла греческую. Составленные арабами описания областей и городов халифата заключают в себе по-

робные и точные сведения не только о физико-географических климатических условиях, но и о быте населения, о различных траслях промышленности, о степени культурного развития. Географические познания арабов не ограничивались пределами халифата; благодаря торговым сношениям, им был хорошо известен морской путь в Индию, к Зондским островам и в Китай; берега последнего были ими исследованы до Корейского полуострова (о Японии до арабов доходили только темные слухи). На суше, кроме торгового пути в Китай, подробно описанного в мусульманской литературе, были известны путь в Тибет и пути к ставкам ханов средне-азиатских кочевников на берегу Чу в Семиречье, на берегах Иртыша и верхнего Енисея в Сибири.

Эпохой расцвета арабской географической литературы были IX и X вв. по Р. Х.; большая часть памятников этой литературы вошла в состав серии, изданной покойным голландским ориенталистом де-Гуе под заглавием „Bibliotheca Geographorum Arabicorum". Из сочинений IX в. наибольшее значение имеет труд Ибн-Хордадбеха; из сочинений X в.— труд, судьба которого представляет наиболее яркое доказательство оживленного культурного обмена между различными областями халифата даже после его распадения. Описание мусульманских областей, составленное в Средней Азии географом ал-Балхи, уроженцем Балха, было обработано и дополнено географом из Фарса, ал-Истахри, который в свою очередь передал свой труд, для дальнейших поправок и дополнений, Ибн-Хаукалю, происходившему из Багдада и жившему преимущественно в северной Африке. Сведения об областях, не входивших в состав халифата, излагаются в дошедших до нас арабских сочинениях менее подробно, главным образом потому, что до сих пор не удалось найти ни полного экземпляра труда Ибн-Хордадбеха, ни экземпляра труда Джейхани, который в X в. обработал и дополнил изложенные у Ибн-Хордадбеха данные. В дошедших до нас извлечениях из обоих трудов мы находим подробное описание морского пути до Кореи, но только краткие сведения о пути к Китай через Среднюю Азию; между прочим описывается путешествие переводчика Селлама к Китайской стене, предпринятое по поручению халифа Васика (842—847 гг. по Р. Х.), видевшего во сне, что стена, построенная, по Корану (XVIII, 93 и след.), Александром Македонским против библейских народов Гог и Магог (у арабов Яджудж и Маджудж), подверглась разрушению. Более подробные извлечения из

трудов Ибн-Хордадбеха и Джейхани, относящиеся к средне-азиатским торговым путям, сохранились в персидской литературе, особенно у неизвестного географа X в., сочинение которого, под заглавием „Границы мира“ (*Худуд-ал-алем*), было открыто в Бухаре в 1892 г., и у автора XI в. Гардизи. Много географических и этнографических сведений о Средней Азии дает открытый в новейшее время и изданный в Турции труд Махмуда кашгарского (XI в.) о турецких наречиях.

Морской путь арабов в Индию и Китай известен нам, кроме общих географических сочинений, из сочинения (X в.) Абу-Зейда сирафского (Сираф — гавань в Фарсе), который воспользовался трудом путешественника IX в., ссылающегося в одном месте на купца Сулеймана, и дополнил его по устным сообщениям Ибн-Вахба и других путешественников. Главными гаванями Китая были, по словам арабов, города *Ханфу* (ныне, как полагают, Кантон) и *Зайтун* (ныне Цюань-чжоу-фу); в обоих были значительные мусульманские колонии. Арабам были известны пути от гаваней Китая внутрь страны; в противоположность грекам и впоследствии западным европейцам, арабы знали, что пути с суши и с моря ведут в одну и ту же страну *Син* (от перс. *Чин*, см. выше стр. 50). Повидимому, арабы нашли о морском пути в Китай в персидской литературе более подробные сведения, чем в греческой; столица Китая (теперь город Си-ань-фу) сохранила у арабов свое персидское название *Хумдан* (то же самое название, которое сближают с китайским Гун-дянь „столица“, было известно византийцам, вероятно, также заимствовавшим его у персов); сохранялось также древне-персидское название китайского императора — *фагфур* (букв. „сын божества“) — не совсем точный перевод китайских слов *Тянь-цзы* („сын неба“).

Вследствие расширения географических познаний всемирно-исторический кругозор арабов был гораздо обширнее кругозора греков; уже в IX в. были арабские историки, старавшиеся собрать предания о прошлом всех культурных народов, в том числе китайцев и индийцев. Кругозор великого астронома IX в. Абу-Ма'шара еще ограничивался тем миром, который был известен уже в древности; культурных народов, по его словам, было всего восемь (родство между ними не определяется): индийцы, персы, халдеи (жители Вавилонии), греки, римляне, египтяне, арабы и евреи; все другие народы по образу жизни не отличались от животных и предавались только еде, питью и половым сношениям. Но уже в том же IX в. Джахиз

(умер в 869 г.) отмечает первенство китайской промышленности. Автор XI в. Саалиби говорит, что китайцы в деле промышленности называли зрячими только себя, всех других народов — слепыми, за исключением жителей Вавилонии, которых называли одноглазыми. Тот же анекдот повторяется и впоследствии много раз, причем вместо жителей Вавилонии называли сначала греков, потом франков (европейцев). Автор X в. Мас'уди делит все известные ему народы на семь групп: 1) персы; 2) халдеи и родственные им народы, в том числе арабы; 3) греки и другие (европейцы); 4) ливийцы и другие (в том числе египтяне); 5) турки; 6) индийцы; 7) китайцы. Из этого видно, что при арабах уже было установлено существование семитской группы, хотя для нее еще не было придумано название. Средств для определения достоверности преданий в то время, конечно, не было; кроме того, количество материала, находившегося в распоряжении историков, далеко не было достаточно для всесторонней оценки чужой культуры и для выделения тех черт быта, которые оказали наибольшее влияние на судьбу народа. Значение религии для мусульманского общества побуждало историков придавать и в жизни чужих народов первенствующее значение религиозным верованиям; так замкнутость Китая объяснялась заветом вероучителя, будто бы опасавшегося, что влияние иноземцев ослабит веру в его учение. Этим же объясняется, что мусульманские авторы в своих исследованиях уделяли выяснению религии чужих народов гораздо больше внимания, чем выяснению других сторон их жизни; оставленные ими очерки верований христианских сект, персов и индийцев написаны с замечательной полнотой и беспристрастием. Авторы таких исследований не останавливались перед трудностями изучения чужого языка; так ученый XI в. Бируни, уроженец Хорезма (впоследствии Хивинского ханства), оставил замечательный труд об Индии, обнаруживающий в авторе основательное знакомство с санскритским языком и литературой.

Кроме собственно-географических описаний, арабские ученые составляли, по сочинениям географов и путешественников, астрономические таблицы *(зидж)* — списки населенных мест с обозначением долгот и широт. Из таблиц более раннего времени до нас дошли между прочим таблицы автора XI в. Ибн-Юнуса „Зидж-ал-Хакими“ (составлены для фатимидского халифа Хакима, 996—1021 по Р. Х.). Большею известностью пользовались в Европе таблицы более позднего

происхождения, именно сочинение Насир-ад-дина Туси „Зидж-и Ильхани“ (составлено в Персии, в обсерватории города Мераги, для монгольского хана Абаки, 1265—1282 по р. Хр.) и „Зидж-и Гургани“, составленное в Самарканде по поручению правителя Улугбека († 1449); остатки построенной Улугбеком обсерватории были открыты в 1908 г. Долгота и широта мест, расположенных в мусульманских владениях, были определены со значительною степенью точности; но вне пределов халифата мусульманские ученые, насколько известно, не производили астрономических наблюдений; астрономическое положение таких пунктов определялось, повидимому, гадательно, на основании расстояний, указанных путешественниками. Вследствие этого у арабов астрономические определения не привели, как впоследствии в Европе, к исправлению карты Птолемея.

X в. — классическая эпоха в истории арабской географии. Труды последующих географов представляют почти исключительно свод материала, собранного в IX и X вв.; из таких компиляций наиболее известны: труд Идриси, написанный в XII в. в Сицилии, географический словарь Якута (XIII в.) и труд Абу-л-Фиды, написанный в XIV в. в Сирии. Пользуясь этими трудами, надо иметь в виду, что приводимые в них сведения относятся главным образом к IX. и X вв., а не к тому времени, когда жили сами компиляторы; это часто забывалось, чем объясняются многие ошибки европейских исследователей.

Сочинения IX и X вв. остались главным источником мусульманских ученых и после образования монгольской империи, не смотря на расширение географического и исторического кругозора, вызванное этим событием, впервые объединившим под властью одного народа страны Дальнего Востока и страны передне-азиатской культуры. Все-таки мусульмане воспользовались этим сближением в большей степени, чем китайцы, несмотря на то, что в Китае еще задолго до ислама были собраны географические сведения о большом числе стран.

Вопрос о том, имел ли Китай еще в древности сведения о западных народах, как и все вопросы, относящиеся к древней истории Китая, остается темным. Во всяком случае эти сведения были настолько забыты, что посольство в Среднюю Азию Чжан-цяня, отправившегося из Китая в 138 г. и вернувшегося на родину в 126 г. до Р. Хр., было в глазах китайцев „открытием западного края“. Чжан-цянь привез в Китай первые

точные сведения о странах Средней Азии до бассейна Аральского моря; при последующих императорах той же Ханьской династии (206 до Р. Х.—220 по Р. Х.), при которой было отправлено посольство, эти сведения были еще расширены; уже в I в. до Р. Х. китайцы знали о существовании Римской державы и о путях туда по морю и по суше. Как мы видели, посредниками при сухопутных сношениях между Китаем и Римской империей были парфяне, которым было выгодно не допускать непосредственных сношений между обеими империями; этим объясняется, что в китайских источниках приводятся точные сведения только о путях до границы парфянского государства; о странах дальше к западу имелись только самые смутные сведения. Замечательно, что город Александрия или Александрополь в Арахосии (ныне Кандагар), конечный восточный пункт маршрута Исидора харакского, был в то же время конечным западным пунктом подробных китайских маршрутов (у китайцев У-гэ-шань-ли, т.-е. Александрия). Сопоставляя греческие известия с китайскими, мы получаем возможность проследить направление торговых путей, в эпоху около Р. Х., на всем протяжении материка Азии, от Средиземного моря до Великого океана. Китайцы сообщают, что в I или во II вв. по Р. Х. У-гэ-шань-ли было переименовано в Пайчи (у арабских географов Пенджвай, округ Кандагара); это известие важно для определения времени, когда стали исчезать греческие традиции.

Римская империя упоминается в китайских источниках под названием *Да-цинь;* китайцы знали только азиатскую часть империи и считали главным городом ее Антиохию (у китайцев *Ань-ду*). В VII в. сначала при династии Суй (581 — 618 гг.), потом при династии Тан (618 — 907 гг.) произошло значительное развитие дипломатических и торговых сношений Китая со средней и западной Азией; еще в начале VI в. появляется для обозначения Римской (тогда Византийской) империи новый термин — *Фу-линь*, в котором прежде видели греческое слово polis (город, в частности столица); потом были предложены другие теории, из которых последняя и самая правдоподобная, хотя до сих пор отвергаемая некоторыми учеными, производит слово Фу-линь от предполагаемой формы From вместо армянского Hrom или Horom и пехлевийского Hrôm в значении Rôm (Рим). Впоследствии под Малым Фулином понимали Сирию, перешедшую под власть арабов, под Большим Фулином — земли, остававшиеся в руках византийцев. Столицей

в глазах китайцев оставалась Антиохия; царем считался антиохийский патриарх (у китайцев *Бо-до-ли*, у арабов *Батрик*).

В истории Танской династии сохранились более подробные географические сведения о западных странах, чем в предшествующих трудах. Одним из источников таких сведений были путешествия буддийских паломников из Китая в Индию, начавшиеся значительно раньше, но получившие особенное развитие в эту эпоху. Целью паломничеств было поклонение буддийским святыням и получение рукописей священных книг. Паломники не задавались целью, подобно арабским путешественникам IX — X вв., составить подробное описание виденных ими стран; их труды, наглядно опровергающие обычное мнение о равнодушии китайцев к религиозным вопросам, всецело проникнуты религиозной идеей, выраженной в некоторых местах с редким воодушевлением. Кроме кратких географических сведений, эти труды дают только описание святынь, легенды о них, сведения о числе буддийских монастырей и монахов в разных областях и т. п. До нас дошли и переведены на европейские языки описания путешествии Фа-сяня (около 400 г.; его сочинение носило название *Фо-го-цзи* — „описание буддийских государств"), Хой-саня и Сун-юна (вместе совершивших путешествие в VI в.), Сюань-цзана (VII в. — наиболее подробное и важное из всех), У-куна (в конце VIII в.) и друг. Все эти паломники достигли Индии сухим путем; морской путь избрал паломник И-цзин (VII в.), оставивший самые подробные сведения о буддизме и буддийских святынях в Индии.

Сведения о западных странах, изложенные в истории Танской династии, относятся главным образом к VII и к первой половине VIII в. Поражение китайцев в битве с арабами (751 г.), уничтожившее политическое влияние Китая в западной части Средней Азии, не могло не отразиться на количестве сведений об этих странах; завоевание северной части Китая инородцами китаями (у китайцев Ки-дань) в X в. почти совершенно прекратило сухопутные сношения Китая с западом. От имени этого народа произошло новое название страны, которое уже с XI в. встречается в мусульманских источниках в формах *Хитай* и *Хатай*, в последней форме сделалось известным с XIII в. в Европе (Catay, Cataia) и сохранилось до настоящего времени в России. В южной части Китая продолжала господствовать до XIII в. национальная династия Сун; из посольств этой династии в Среднюю Азию известно посольство Ван-Янь-дэ (X в.). Морские сношения могли продол-

жаться беспрепятственно, но эта торговля всецело находилась в руках мусульман, и после начала IX в. китайцы, насколько можно судить по памятникам их литературы, не пользовались ею даже для получения сведений о политическом состоянии халифата, о котором до тех пор располагали довольно подробными сведениями. О поддержании сношений с Византией не могло быть и речи. В 1081 г. упоминается посольство из Фу-линя от царя Ме-ли-и-лин, но в этом случае имеется в виду не, как полагали прежде, император Михаил VII, низложенный в 1078 г., а турецкий владетель Рума (по-персидски Мелик-и Рум), т.-е. Малой Азии или, по другому мнению, Никифор Мелиссин, боровшийся с императором Никифором III Вотаниатом (1078—1081), захватившим Малую Азию и принявшим титул кесаря.

В эпоху появления монголов мы видим в руках мусульманских купцов даже торговлю Китая с кочевыми народами Монголии. Бедствия, связанные с монгольским завоеванием, постигли в одинаковой степи Китай и западную Азию; более благоприятным последствием тех же событий — оживлением торгового и культурного обмена — также могли бы воспользоваться в одинаковой степени китайцы и мусульмане; но вполне воспользовались им только последние. В Персии в начале XIV в. появился труд по всемирной истории, по широте замысла остающийся непревзойденным и до сих пор, именно „Сборник летописей“ (Джами-ат-таварих) Рашид-ад-дина. В нем, кроме преданий об истории ислама и до-мусульманских народов Передней Азии, были соединены предания монголов, китайцев, индийцев и народов западной Европы, собранные при участии ученых людей из каждого народа. Рашид-ад-дин приводит имена некоторых из своих сотрудников — знатока монгольских преданий, двух китайских ученых и буддийского отшельника из Кашмира; характер его сведений об истории Европы показывает, что он пользовался также сотрудничеством французского монаха. К сожалению, до нас не дошло географическое приложение к „Сборнику летописей“, в котором должны были быть изложены сведения о торговых путях во всех странах, собранные, очевидно, таким же способом.

Труд Рашид-ад-дина, вместе с попыткой Ибн-Халдуна установить, исключительно на основании исторического опыта, без всякого влияния религиозных догматов, законы исторической эволюции, — наглядно показывает, что творчество научной мысли не иссякло в мусульманских странах и после монгольского

нашествия; но, вследствие неблагоприятных исторических условий, эти труды не вызвали, как можно было ожидать по широте замысла и новизне идей, дальнейших успехов науки. Нашествия средне-азиатских кочевников и постоянные политические смуты; религиозный раскол между суннитами и шиитами, уничтоживший в начале XVI в., после объявления шиитства государственной религией Персии, культурное единство мусульманского мира; изменение путей мировой торговли вследствие открытия Америки и морского пути из Европы в Индию — все эти причины остановили развитие мусульманской культуры. Продолжателями прерванной культурной работы сделались народы западной Европы.

Bibliotheca Geographorum Arabicorum, ed. M. J. de Goeje, pars I (Истахри, 1870), II (Ибн-Хаукаль, 1873), III (Мукаддаси, 1877, второе изд. 1906), IV (указатель, 1879), V (Ибн-ал-Факих, 1885), VI (Ибн-Хордадбех и Кудама, 1889, единственный том, где к арабскому тексту присоединен французский перевод). VII (Ибн-Русте и Я'куби, 1892), VIII (Мас'уди, 1894). О преимуществах четвертого климата напр. Bibl. Geogr. Arab. VIII, 35 и сл. Об истории арабской астрономии и географии C. A. Nallino, Al-Battani sive Albatenii opus astronomicum, pars I, Mediolani 1903 (Public. del reale osservatorio di Brera in Milano, No. XL, parte I) и более подробно сочинение того же автора на арабском языке (Ilm-al-Felek, Рим, 1911, лекции читанные в 1909—10 г. в Каире). О Селламе у Ибн-Хордадбеха (B. G. A. VI, 124—131). О неизвестном персидском географе Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., X, 121—137 (статья А. Г. Туманского). О Гардизи (персидский текст и русский перевод) В. Бартольд, Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, Спб. 1897 (Зап. Имп. Акад. Наук, VIII серия, ист.-фил. отд., т. I, № 4), стр. 78—126. О Махмуде Кашгарском три статьи C. Brockelmann: Keleti Szemle 1918; Festschrift Hirth (1920), S. 50 ff; Hirth Anniversary Volume (1923), 1 sq. О морских путешествиях Reinaud, Relation des voyages faits par les Arabes et les Persans dans l'Inde et à la Chine, 2 vol., Paris 1845. G. Ferrand, Relation de voyages и textes géografiques arabes, persans et turks relatifs à l'Extrême-Orient du VIII-e au XVIII-e Siècles, t. I, 1921; t. II, 1914.—Voyage du marchand arabe Sulaymân etc., trad. par G. Ferrand, 1922 рецензия P. Pelliot в T'oung Pao 1923, стр. 399—413. О значении слова Хумлан Томашек в Sitzungsber. der kais. Akad. der Wiss. in Wien, phil. hist. Classe. CXVI, 745 и Marquart в Osteuropäische und Ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903, S. 89; сопоставление с византийскими известиями: J. Marquart, Eransahr, Berl. 1901 (Abh. der Kön. Ges. der Wiss. in Göttingen, Neue Folge, III, 2), S. 316. Об Абу-Ма'шаре J. Lippert в Wien. Zeitschr. für die Kunde des Morg. IX, 351 и сл; текст у Ibn al—Qifti, ed. Lippert, 1903, стр. 27. Текст Мас'уди в Bibl. Geogr. Arab. VIII, 77—84. Tha'âlibi, Lataif ol-ma'arif, ed. Jong, p. 127. О причинах закрытия Китая для иностранцев слова Ауфи (XIII в.), персидский текст у В. Бартольда, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. I (тексты), стр. 98. О труде Бируни и его значении бар. В. Р. Розен в Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., III, 146—162. Перевод сочинения Бируни: Alberuni's, India, transl. by Dr. E. C. Sachau, Lond. 1834 (Trübner's Oriental Series). О труде Улугбека Sédillot, Prolegomènes des tables astronomiques d'Oloug Beg, Paris 1847—1853. В. Бартольд, Улугбек и его время, 1918. В. Вяткин, Отчет о раскопках обсерватории Мирза Улугбека (Изв. Русск. Ком. для изучения Ср. и Вост. Азии, серия II, № 1, 1912, 76—93). Géographie d'Edrisi, trad. de l'arabe en francais par A. Jaubert, Paris 1836—40. Литература об Идриси в статье C. F. Seybold, Encykl. des Islam, II, 480 и сл. Jacut's Geographisches Wörterbuch herausg. v. F. Wüstenfeld Lpz. 1866—70. Об отношении Якута к своим источникам бар. В. Р. Розен в Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., XV, 45 сл. Géographie d'Aboulféda, texte arabe par Reinaud et M. Guckin de Slane, Paris 1840; trad. I, Paris 1848 (Reinaud), II, Paris 1883 (St. Guyard). О географических сведениях древних китайцев мнение O. Franke, Beiträge aus chinesischen Quellen zur Kenntnis der Türk-

völker und Skythen Zentralasiens, Berlin 1904 (Anhang zu den Abhandl. der Kön. Preuss. Akad. der Wiss.), S. 39: „Wir haben keine Veranlassung, die alten Ueberlieferungen aus dem 3. Jahrtausend v. Chr. lediglich als wertlose Mythen anzusehen: bestimmte historische Vorgänge werden ihnen schon zugrunde liegen, die Kunde aber, die uns davon erhalten ist, lässt es nicht als ausgeschlossen erscheinen, dass die Chinesen in jener fernen Zeit von den Gebieten im und am Tarimbecken mehr wussten als ihre Nachkommen zwei Jahrtausende später". Другое мнение высказано тем же O. Franke в 1920 г. (Festschrift Hirth, 136); предполагается, что до II в. до Р. Х. Китай имел сношения с западом только через посредство одного из среднеазиатских, народов (тохаров): „Dadurch erklärt sich die seltsame Erscheinung, dass sich in der alten chinesischen Kultur und Literatur zwar deutliche Spuren westlichen Einlusses finden aber keine von egeiner Kenntniss des Westens. Die Berührang war eben nur eine mitteldare gewesen". Мнение о раннем знакомстве Китая с вавилонской культурой высказал однако в том же сборнике 1920 г. (стр. 41—49) C. Bezold. О географических сведениях при Ханьской династии и после труды Хирта и Юля (см. гл. III); русский перевод соответствующих текстов у о. Иакинфа (Бичурина): Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, ч. III. 1851. О Чжан-цяне последняя статья F. Hirth, The Story of Chang K'ién, China's Pioneer in Western Asia (Journ. Amer. Or. Soc. XXXVII. 1917). О китайской картографии E. Chavannes в Bull. de l'école Fr. d'Extr. Orient, III, 214 — 247. A. Herrmann в Festschrift Hirth, стр. 185 и след. Об Угэшаньли и Пайчи Иакинф, Собрание сведений, III, 114. О литературе о слове Фулинь в моей статье в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXII, 167, пр. 3; мнение о Rôm впервые у E. Blochet, Revue de l'Orient Chrétien, XIII (1908), 356 — 366; потом P. Pelliot, Journ. As. 11. III (1914), 498 — 500; против этого мнения и в пользу прежнего толкования (polis) A. Herrmann в Festschrift Hirth 1920, 198. Об употреблении термина фулинь в первой половине VI в. B. Laufer. The diamond, Chicago 1905 (изд. Field Museum of Natural History. Anthropol. Series, vol XV, № 1). Фа-сянь: J. Legge, A Record of Buddhistic Kingdoms being an account by the chinese monk Fa-hien etc., Oxford 1886. и рецензия И. П. Минаева в Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., II, 310—317. Сун-юн и Хой-сань: перевод E. Chavannes в Bulletin de l'Ecole Franç. etc, III, 379 — 441; там-же о других паломничествах. Сюань-цзан: St. Julien, Histoire de la vie de Hiouen-Thsang, Paris 1853. Hiouen-Thsang, Mémoires sur les contrées occidentales, trad. par St. Julien, Paris 1857— 58. И-цзин: I-Tsing, A record of the Buddhistic Religion etc., transl. by J. Takukusu, Oxford 1896. У-кун: Journ. Asiat. 9, VI (1895), 341 sq. Об ознакомлении Китая с арабским миром и наоборот B. Laufer, Sino -Iranica, Chicago 1919 (Field Museum of Natural History. Anthrop. Series Vol. XV, № 3). Ван-янь-дэ: Journ. As. 4, IX (1847), 50 — 66. В. Григорьев, Восточный Туркестан II, 266 — 272. E. Bretschneider, Mediaeval researches from eastern asiatic sources, 2 vol., Lond. 1888. Мнение о „Мелик-и Рум" высказал F. Hirth, China and the Roman Orient, 300. Hirth впоследствии (Journ Amer. Or. Soc., XXX, 1910, 25) отказался от своего мнения в пользу мнения Шаванна (T'oung Pao, 2. V, 1904, 39) о Никифоре Мелиссине, но едва-ли основательно. Рашид-ад-дин: Raschid-eldin, Histoire des Mongols de la Perse, trad. par. M. Quatremère, Paris 1839. E. Blochet, Introd. à l'hist. des Mongols de Fadl Allah Rashid ed din, Leyden-London 1910; моя рецензия на этот труд в Мире Ислама, I (1912), 56 — 107, где более подробные, чем у Блоше, сведения о жизни и трудах Рашид-ад-дина.

ГЛАВА V.

В эпоху арабского халифата внимание европейцев привлекала только одна страна Востока — Палестина. Некоторые из паломников, посещавших Иерусалим и другие места, связанные с деятельностью Спасителя, описывали свое путешествие;

до XII в. эти описания были единственными сочинениями средневековых европейцев о Востоке. До возвышения итальянских морских республик (прежде всего Амальфи, еще в X в.) торговля с Востоком находилась в руках евреев. Впоследствии евреи были посредниками при ознакомлении европейцев с мусульманской наукой.

Крестовые походы привели к более близкому ознакомлению европейцев не только с Палестиной, где образовалось христианское королевство, но и с мусульманской культурой; кроме того, европейцы впервые узнали, что рядом с латинской и греческой церковью был еще другой христианский мир на Востоке. Представители восточного христианства, сирийцы, распадались на несколько сект; кроме православных или *халкедонитов* (принявших учение, установленное на Халкедонском соборе 451 г.), которых их враги называли *мелькитами* (от слова „мелик“ — царь, за принятие учения, поддержанного светскою властью), были секты *яковитов*, последователей ереси, осужденной на Халкедонском соборе, и *несториан*, последователей ереси Нестория, осужденной на Эфесском соборе 431 г. Раскол был вызван догматическим вопросом о Христе, как богочеловеке; православные признавали в Христе две сущности в одном лице, яковиты — одну сущность в одном лице, несториане — две сущности в двух лицах; в связи с таким учением, несториане признавали деву Марию только матерью Иисуса, как человека, и потому отвергали принятое в православной церкви именование девы Марии „богородицей“.

Изгнанные из Византии яковиты и несториане удалились в Персию, куда христианство еще раньше было принесено православными сирийцами. Учение яковитов было принято большинством армянского народа, учение Нестория — большинством христиан в Персии; кроме того, представители всех трех сирийских сект как до ислама, так и в мусульманский период пользовались для миссионерских целей торговыми путями в среднюю и восточную Азию, как на суше, так и на море. Общая опасность от ислама примирила между собой различные христианские вероисповедания; с XII в. установились мирные и дружественные сношения между главой несториан и главой яковитов; вследствие этого не могло быть вероисповедной борьбы и между представителями этих церквей, распространявших свое учение в отдаленных странах. Вопрос о степени участия каждой из трех церквей — халкедонитов, несториан и яковитов — в этой миссионерской деятельности еще не вполне выяснен; но дошед-

шие до нас известия сирийских авторов и европейских путешественников заставляют полагать, что главными распространителями христианства на Востоке были несториане. Несторианам принадлежат те немногочисленные памятники распространения сирийского христианства в средней и восточной Азии, которые дошли до нас. К числу их принадлежит знаменитая надпись 781 г. на китайском и сирийском языках, открытая в XVII в. в городе Си-ань-фу и рассказывающая о проповеди христианства в Китае с 636 г., причем первые проповедники, повидимому, прибыли морским путем; также могильные камни XIII и XIV вв. с сирийскими и турецкими надписями, открытые в 1885 г. в Семиречье, около Пишпека и Токмака (впоследствии были найдены еще могильные камни той же эпохи в Кульджинском крае и на озере Иссык-куль).

Еще более спорным остается вопрос о степени участия несториан в деле создания в Средней Азии культуры, образовавшейся под различными влияниями. Носителями этой культуры были *уйгуры*, народ турецкого происхождения, часть которого в IX в. образовала государство в Восточном Туркестане. Находясь на главном пути из Китая в Переднюю Азию и Индию, страна уйгуров подвергалась влиянию культурных народов с различных сторон; как письменные известия, так и недавно открытые рукописи и памятники искусства около городов Кучи и Турфана свидетельствуют о раннем и широком распространении буддизма сначала среди арийского (впоследствии отуреченного), потом и среди турецкого населения Восточного Туркестана. Как арийцы, так и турки подверглись также влиянию передне-азиатских религий, особенно христианства и религии манихеев, образовавшейся в Персии в III в. по Р. Х. и представлявшей соединение христианских верований с древнеперсидскими и буддийскими. На влияние передне-азиатской культуры указывает также употреблявшийся уйгурами алфавит арамейского происхождения. Кем и когда этот алфавит, благодаря которому семитские письмена распространились до Великого океана (от уйгурского алфавита происходит монгольский, от монгольского — маньчжурский), был принесен в Среднюю Азию, еще не вполне выяснено; по всей вероятности, арамейское письмо проникло еще в до-христианскую эпоху к согдийцам, впоследствии от согдийцев к туркам. Надпись в Си-ань-фу и семиреченские надписи показывают, что несториане в Китае и в Средней Азии не пользовались уйгурским алфавитом, существовавшим уже в конце VIII в.

Скудные известия наших источников заставляют полагать, что учение манихеев, широко распространенное среди уйгуров еще в X в., постепенно уступило место христианству и буддизму; в монгольскую эпоху мы видим среди уйгуров представителей этих двух религий, причем нет известий о борьбе между ними. В виду значительного влияния уйгурской культуры на кочевников Монголии возможно, что те успехи христианства среди монгольских народов, о которых говорят не только христианские, но и мусульманские источники, отчасти должны быть объяснены деятельностью христиан-уйгуров. Христианство было господствующей религией среди двух главных монгольских народов в эпоху, предшествовавшую появлению Чингиз-хана, именно среди *найманов* в западной Монголии и *кераитов* в восточной. Несторианские источники относят обращение кераитов в христианство к началу XI в.

Успехами христианства в восточной Азии вполне объясняется, что, когда христиане, боровшиеся с исламом на западе, получили известие о нападении средне-азиатских народов на восточные границы ислама, это нападение было приписано восточным христианам. В 1145 г. католический епископ города Габал (Gabala) в Сирии принес в Европу известие о поражении, нанесенном где-то на востоке мусульманским правителям „братьям Самиардам", царям мидян и персов, несторианским царем-священником Иоанном, который после своей победы будто бы направился на запад, чтобы оказать помощь Иерусалимскому королевству, и дошел до Тигра, но, не имея судов, не мог переправиться через эту реку. Весть о могущественном христианском царе, нападавшем на мусульман с востока, естественно вызвала в европейцах, боровшихся с исламом в Сирии, желание вступить в сношения с этим союзником. Несмотря на то, что уже в рассказе 1145 г. царь-священник вполне определенно назван несторианином, тот же летописец, у которого мы находим это известие (Оттон Фрейзингенский), упоминает по этому поводу о предании, где христианский царь-священник является потомком евангельских волхвов (магов), пришедших с востока поклониться младенцу-Спасителю. Церковное предание давно уже обратило этих волхвов в царей, и этой легендой, повидимому, создан самый образ христианского царя-священника. Существование на Востоке христианского царства объясняли также легендой о деятельности апостола Фомы в Индии; к этому присоединялись еще темные слухи о христианском царстве в Абиссинии, которую также причисляли

к Индии. Подложное письмо от имени „священника Иоанна“, полученное в 1165 г. папой и несколькими государями, называет его царем трех Индий и всех земель от вавилонской башни до места погребения апостола Фомы; папа Александр III в 1177 г. отправил своего лейб-медика, магистра Филиппа, с письмом к священнику Иоанну, „царю индийцев“.

Источником слуха о поражении „братьев Самиардов“ было, как полагают теперь, поражение султана Санджара в 1141 г. в битве с китаями или, как их называли мусульмане, кара-хитаями, в местности к северу от Самарканда. Изгнанные из Китая маньчжурским народом, чжурчженями, китаи удалились на запад и, разбив мусульман, образовали обширное царство, простиравшееся от границ Китая до Каспийского моря; впрочем в покоренных областях были оставлены прежние династии, в качестве вассалов кара-хитайских правителей; последние носили титул „гурханов“. В истории ислама в Средней Азии это был первый случай подчинения мусульманских областей власти не-мусульманского народа. Подвергались ли гурханы и их подданные, на своей прежней родине или после переселения на запад, влиянию проповеди христианских миссионеров, об этом мы не имеем данных; за то в дальнейших движениях средне-азиатских народов, которые, вплоть до монгольского нашествия, также были приписаны „священнику Иоанну“ и его сыну или потомку, „царю Давиду“, участие христианских элементов не подлежит сомнению.

Вытесненные из западной Монголии Чингиз-ханом, найманы, под начальством своего хана Кучлука, обрушились на кара-хитайское царство, уже ослабленное борьбою с могущественным мусульманским государем, хорезмшахом (владетелем Хорезма) Мухаммедом. Завоевав кара-хитайское царство, Кучлук также вступил в борьбу с хорезмшахом, который был вынужден предоставить своему врагу все области за Сыр-Дарьей. Об этой борьбе также проникли известия к западным христианам; о ней упоминается в письмах Якова де-Витри, написанных в 1221 г., где Кучлук назван „царем Давидом“. Что Кучлук и найманы были христианами, об этом говорит и мусульманский историк XIII в. Джувейни, хотя прибавляет, что после завоевания государства кара-хитаев Кучлук отказался от христианства и сделался „идолопоклонником“, вероятно буддистом. Яков де-Витри рассказывает о попытке багдадского халифа, враждовавшего с хорезмшахом, через посредство

несторианского патриарха вступить в сношения с „царем Давидом“; вполне возможно, что халиф действительно отправил посла с этой целью в Среднюю Азию, несмотря на жестокое гонение, которому во владениях Кучлука подвергались мусульмане и которое, может быть, еще увеличивало надежды христиан получить с этой стороны помощь в своей борьбе с мусульманами за святую землю.

Весть о падении царства Кучлука не дошла до европейцев; когда стали получаться известия о завоевании монголами владений хорезмшаха, эти победы над исламом сначала тоже были приписаны „царю Давиду“; только более близкое ознакомление с победителями, по мере их дальнейшего движения на запад, показало европейцам, что победа над исламом не была одержана христианами. Европейские миссионеры и послы, отправленные к монголам, принесли известие, что царство „священника Иоанна“ и его сына Давида было разрушено монголами еще до нашествия на мусульманские страны. Легенда о „священнике Иоанне“ была отнесена к царям двух христианских народов Монголии, найманов и кераитов; постепенно все рассказы были сосредоточены на личности последнего кераитского хана, занимавшего до победы Чингиз-хана первое место в восточной Монголии и получившего от китайского правительства титул „вана“, т.-е. царя. Это мнение было принято и европейскими исследователями; до последнего времени даже имя „священника Иоанна“ считалось искажением слова „ван“, по турецкому и монгольскому произношению „онг“. Но это мнение опровергается хронологическими данными; титул „ван“ был пожалован кераитскому хану только в самом конце XII в., тогда как легенда о священнике Иоанне появилась, как мы видели, в 1145 г. Вопрос о том, откуда были заимствованы легендой имена „Иоанн“ и „Давид“, остается открытым; возможно, что ханы кераитский или найманский, кроме тех монгольских и турецких имен, которые дошли до нас, носили эти христианские имена, но доказательств этого мы не имеем.

Первые посольства европейцев в Монголию были отправлены уже после кратковременного, но опустошительного нашествия на западную Европу монгольских отрядов, дошедших до Адриатического моря и отступивших в 1242 г. вследствие получения известия о смерти великого хана Угэдэя. Это нашествие наглядно показало опасность, угрожавшую и Европе от „татар“ — имя, под которым завоеватели были известны и

в Китае, и в Передней Азии, и в Европе (повидимому, это народное название еще не было окончательно вытеснено введенным при Чингиз-хане оффициальным названием „монгол“). Опасаясь нового нашествия татар, папа Иннокентий IV на Лионском соборе 1245 г. решил отправить посольство из нескольких монахов, которые должны были собрать более подробные известия о татарах; в связи с еще не разъясненной тогда легендой о „священнике Иоанне“, питали надежды склонить их к принятию христианства. Стоявший во главе миссии францисканец Иоанн де-Плано Карпини оставил описание своего путешествия на латинском языке, под заглавием „Libellus historicus“. После краткого описания путешествия через южную Россию, Хорезм, Семиречье и Тарбагатай в Монголию Плано Карпини сообщает сведения о стране татар, об обычаях народа, о его войнах в Азии и в Европе. Плано Карпини прибыл в Монголию в 1246 г. во время воцарения нового великого хана, Гуюка, сына Угэдэя, и мог описать, как очевидец, обряд возведения на престол монгольского императора. Придерживаясь в то время первобытной религии средне-азиатских народов, *шаманизма* (веры в духов и в возможность посредством заклинаний покорять их власти человека), монголы приписывали сверхъестественную власть духовенству всех религий и старались расположить его в свою пользу, освобождая его от всяких податей и повинностей; при Гуюке, получившем христианское воспитание, положение христианства было еще более благоприятно, чем положение других религий. Тем не менее Плано Карпини не обольщался надеждой смягчить завоевателей влиянием христианства; сообщая сведения о приготовлениях Гуюка к новому походу на запад, он дает советы европейским государям, как вести войну с татарами. Собранные Плано Карпини в Монголии расспросные сведения об истории образования монгольской державы, как и следовало ожидать, не всегда отличались точностью и отчетливостью. Между прочим мы находим в различных версиях „Libelli historici“ противоречивые рассказы о „священнике Иоанне“. По одному рассказу, священник Иоанн и его сын Давид были индийскими царями, которым монголы прежде платили дань; с победой над Давидом было связано первое выступление Чингиз-хана. По другому рассказу, священник Иоанн, царь „Большой Индии“, успешно отразил монгольское нашествие, и его страна ко времени путешествия Плано Карпини еще не была покорена монголами. Характерно, что в то время монголы при сношениях

с западом прибегали к персидскому языку, на котором писались грамоты.

Одновременно с Плано Карпини в Монголию был отправлен с тою же целью доминиканец Асцелин, но он не проник дальше Персии и был принят только предводителем передовых монгольских отрядов в этой стране. Столкновение с этим предводителем по поводу унизительных обрядов, которым должны были подвергаться послы при входе в ставку монгольского военачальника, заставило Асцелина вернуться обратно.

Тем не менее, сношения монгольских отрядов, действовавших на западе, с европейцами не прекратились. Уже тогда возникла мысль, отчасти осуществленная впоследствии, именно мысль о союзе между монголами и европейцами против мусульман. Монгольские предводители сносились с европейцами посредством христиан-сирийцев; преувеличивая склонность к христианству Гуюка и его вдовы Огул-Гаймыш, управлявшей государством после его смерти до возведения на престол нового хана (1248—1251 г. г.), несторианские послы без достаточных полномочий возбуждали в европейцах самые широкие надежды. Таково было посольство, принятое в декабре 1248 г. французским королем Людовиком IX на Кипре.

Эти надежды вызвали отправление в Монголию двух миссий, снаряженных Людовиком IX; во главе первой стоял доминиканец Андрей де Лонжюмо, отправившийся в 1249 г. из Кипра и вернувшийся в 1251 г. в Кесарею без большого успеха, во главе второй — францисканец Вильгельм Руисбрук или Рубруквис, по происхождению фламандец. Рубруквис проехал в Монголию в 1253 г. приблизительно тем же путем, как Плано Карпини, но дал гораздо более ясное и толковое описание этого пути. Кроме сведений о народных обычаях, им собирались сведения о религии, культуре и письменности народов, населявших монгольскую империю; его замечания об уйгурских, китайских и тибетских письменах свидетельствуют о редкой наблюдательности и редком для того времени образовании; между прочим он первый отождествил серов Птолемея с китайцами. Рубруквисом был вновь установлен географический факт известный уже Геродоту и потом вновь установленный Птолемеем, но в первую половину средних веков забытый—что Каспийское море не соединяется с океаном; тем не менее на карте 1275 г. Каспийское море все еще изображено как залив Северного океана. Даже в XIV в. Боккачио в своем географическом словаре

не решается „ни отказывать в доверии древним, ни опровергать слова очевидцев из новейших авторов“. Рубруквис подробно описывает столицу монголов *Каракорум* (на реке Орхоне), двор великого хана Мункэ, деятельность представителей трех мировых религий — христианства, буддизма и ислама — пользовавшихся одинаковым покровительством монголов; для изучения быта несторианской церкви в Средней Азии сочинение Рубруквиса является почти единственным источником. Еще Плано Карпини знал, что „священник Иоанн“ принадлежал к числу побежденных монголами владетелей; Рубруквис, для разъяснения легенды, собрал еще более подробные сведения о борьбе Чингиз-хана с несторианскими государями в Средней Азии, закончившейся, по его словам, лет за пятьдесят до его путешествия. В этих сведениях, как и в большей части других европейских, мусульманских и даже сирийских рассказов, кераитский хан, главное лицо монгольских преданий, не вполне ясно отличается от владетелей найманов и карахитаев; кроме Рубруквиса, сирийский автор Абульфарадж также смешивает кераитского хана с Кучлуком, приписывая первому брак с кара-хитайской царевной и отступничество от христианства; но все-таки рассказ Рубруквиса мог бы положить конец всем надеждам европейцев войти в сношения со „священником Иоанном“. Тем не менее легенда продолжала существовать, и еще в XV в. португальские мореплаватели мечтали достигнуть царства легендарного царя-священника.

Сочинение Рубруквиса, на латинском языке, представляет доклад французскому королю, к которому автор везде обращается во втором лице. По желанию Людовика, монахи в Монголии не признавали себя послами и говорили, что их послали, без всяких дипломатических поручений, исключительно с религиозною целью, вследствие слухов о склонности некоторых представителей монгольской династии принять христианство. Рубруквис убедился в том, что эти слухи были неосновательны и что монголы покровительствовали христианству только наравне с другими религиями; но в то же время он принес известие, что монголы больше не замышляют нашествия на Европу и что приготовления к походу на запад направлены только против мусульманских стран. Вследствие этого привезенная им грозная грамота великого хана Мункэ королю Людовику IX, с требованием покорности, не могла произвести особенно сильного впечатления. Людовику IX приписывают изречение: „Если татары придут, мы их прогоним в тартар“. Этой игрой слов

объясняют происхождение названий „тартары“ и „Тартария“, употреблявшихся в европейской литературе с такой же неопределенностью, как в греческой литературе слова „скифы“ и „Скифия“. Термин „Высокая Тартария“, для обозначения центральной части Азии, только недавно вытеснен из географической терминологии.

Не подвергаясь больше опасности монгольского нашествия, европейцы, однако, не менее других народов могли воспользоваться благоприятными последствиями образования монгольской империи. Торговые пути из южной России и западной Азии в Китай, открывшиеся благодаря монголам, были доступны и для европейских купцов; после уничтожения багдадского халифата (1258 г.) и образования в Передней Азии нового монгольского государства, в состав которого входили, кроме Персии, Месопотамия и Малая Азия, монголы сделались естественными союзниками европейцев в борьбе с султанами Египта, владевшими Сирией. Положение европейцев в Персии стало вследствие этого еще благоприятнее; при тесных родственных отношениях между династией, правившей в Китае, и династией, правившей в Персии, это не могло не отразиться на их положении в восточной Азии; в конце XIII и начале XIV вв., когда войны среднеазиатских монголов с персидскими и китайскими затрудняли сухопутную торговлю, европейские купцы и миссионеры пользовались и морским путем из Персии в Китай.

Торговля с Востоком находилась в то время в руках итальянских городских республик, которые и воспользовались новыми торговыми путями. В XIII в. соперничали между собою три города, Пиза, Венеция и Генуя; после уничтожения пизанского флота генуэзцами в 1284 г. происходила борьба за торговые рынки между Венецией и Генуей, продолжавшаяся и в XIV в. Подобно мусульманским купцам, итальянские, благодаря своему богатству и знаниям, также достигали выдающегося положения при дворе монгольских ханов. Европейские источники сохранили имя пизанца *Изола*, пользовавшегося в конце XIII и в начале XIV вв. большим влиянием в Персии и в Китае; повидимому, он упоминается также в китайских источниках под именем *Ай-се* и в мусульманских под именем *Исы*. В таком случае пизанец Изол — единственный средневековой европеец, бывший членом китайских ученых учреждений; но отожествление Изола с Ай-се до сих пор подвергается сомнению. Еще замечательнее была судьба венецианской купеческой семьи Поло.

Братья Николо и Маттео Поло выехали из Венеции около 1254 г., проехали из Константинополя в Крым, в гавань Сол-

данию (ныне Судак), оттуда на Волгу, где были в 1261 г., из южной России через Бухару, где прожили три года, в Китай, где были приняты монгольским императором Хубилаем, перенесшим свою столицу из Каракорума в Пекин. Когда они возвращались на родину за новыми товарами, Хубилай, между прочим, просил через них папу прислать в Китай около ста ученых людей, сведущих в христианском учении. Вернувшись на родину в 1269 г., братья Поло задержались там некоторое время вследствие смерти папы Климента IV; новый папа Григорий IX в 1271 г. отправил с ними двух ученых монахов. Вместе с этими миссионерами братья Поло, взяв с собой также семнадцатилетнего сына Николо, Марко Поло, отправились из порта Лаяццо (ныне Аяс) в Малой Азии на восток. Вследствие слухов о предстоявшем походе египетского султана на Малую Азию миссионеры не решились ехать дальше и вернулись обратно; купцы одни проехали через Персию, Балх, Памир и Восточный Туркестан в Китай, куда прибыли после более чем трехлетнего путешествия и где встретили со стороны Хубилая такое же гостеприимство, как в первый раз. В течение 17 лет, до 1291 г., все трое оставались на службе у монгольского императора. Молодой Марко Поло быстро освоился в новой стране, научился, по его собственным словам, татарскому языку и четырем азбукам (вероятно, имеются в виду шрифты арабский, сирийский, уйгурский и квадратный монгольский шрифт тибетского происхождения); удачно исполнив несколько поручений императора, он приобрел его полное доверие, был посылаем с поручениями государя в разные местности государства. В течение трех лет Марко Поло был губернатором одной из провинций южного Китая.

В 1291 г. все трое Поло решили вернуться на родину; Хубилай неохотно отпустил их, взяв с них обещание вернуться обратно, и отправил с ними принцессу, назначенную в жены хану персидских монголов. На этот раз они отправились морским путем, с флотом из 14 кораблей, мимо берегов Индо-Китая и Индустана, и высадились в гавани Ормуз, у входа в Персидский залив, откуда через Персию, Армению и Трапезунт вернулись в Европу.

Вернувшись в 1295 г. в свой родной город, Марко Поло принял участие в войне с генуэзцами, был взят в плен и, сидя в тюрьме в Генуе, в 1298 г. продиктовал пизанцу Рустичиано, своему товарищу по заключению, на французском языке, описание областей, как виденных им лично, так и тех, о кото-

рых ему удалось собрать сведения в Китае. Кроме этой первоначальной редакции, сохранившейся только в одной рукописи, существует еще другая, также на французском языке, основанная на рукописи, переданной в 1307 г. самим Марко Поло одному французскому рыцарю. И после этого Марко Поло, проживший до 1325 г., часто рассказывал в Венеции о своих странствиях; эти рассказы, к которым, может быть, присоединялись также рассказы его отца и дяди, вошли в новую редакцию, не дошедшую до нас в подлиннике, но положенную в основу итальянского издания, напечатанного в 1553 г. Рамузио. Что латинская рукопись, которой пользовался Рамузио, действительно заключала в себе рассказы Марко Поло, не вошедшие ни в одну из двух первых редакций, видно уже из того, что только в издании Рамузио подробно говорится о восстании 1282 г., когда был убит мусульманский министр Ахмед, о котором европейцы могли узнать только от Марко Поло. Особенный интерес представляют находящиеся только в издании Рамузио слова о трех гостинницах в Пекине для европейцев, по трем национальностям (итальянской, немецкой и французской). Если эти слова принадлежат Марко Поло, они свидетельствуют о быстром успехе торговли европейцев с Китаем во второй половине XIII в.; по словам самого Марко Поло, до прибытия в Китай его отца и дяди там не было ни одного „латинянина". Очень любопытны также сообщаемые только в издании Рамузио подробности о главном городе южного Китая, Хан-чжоу-фу.

Труд Марко Поло занимает совершенно исключительное место среди произведений средневековых путешественников и географов. Путешествие в Китай сухим путем и возвращение оттуда морем, сведения о более северном пути, полученные от отца и дяди, высокое положение на службе у монгольского императора — все это давало ему возможность сообщить множество новых сведений, как о восточной, так и о южной и западной Азии. Расспросные сведения, собранные им в Китае и на пути оттуда в Персию, простирались на север до Ледовитого океана, на восток до Японии, упоминаемой у него под китайским названием Жи-бэнь-го (у Марко Поло Zipangu, у Махмуда Кашгарского Джабарка, у Рашид-ад-дина Чименгу), на юг до Мадагаскара. Даже о Персии, где он был только проездом, им были собраны более подробные сведения, чем древними авторами; так Марко Поло первый упоминает об обширной пустыне внутри Иранского плоскогорья. О городах и областях Китая, северного и южного, он собрал очень подробные и

точные данные, насколько это было возможно без знания китайского языка, которому он, несмотря на продолжительное пребывание в Китае, не научился. При дворе Хубилая Марко Поло был окружен уйгурами и мусульманами; туземному населению только что покоренной страны Хубилай не мог доверять, и потому китайцы занимали при нем только второстепенные должности. Влияние мусульман проявляется во многих местах книги Марко Поло; города и реки приводятся у него под теми названиями, под которыми они были известны в мусульманской литературе; так Пекин носит название *Ханбалык* (по-турецки „ханский город“). Среди приведенных им географических названий, относящихся к Китаю, встречаются и чисто-персидские слова „Зардандан“ (букв. „золотые зубы“) и „Пул-и Сангин“ („каменный мост“). Несмотря на частые нападки на „сарацин“, т. е. мусульман, Марко Поло упоминает о своем приятеле Зульфикаре, „очень умном турке“. Влияние мусульман на собиравшего сведения европейца вполне объясняется первенствующим положением, которое занимала в то время мусульманская культура. Марко Поло, не принадлежавший даже для своего времени к числу ученых людей, еще легче должен был подчиниться влиянию чужой культуры.

Не будучи ученым, Марко Поло не мог делать астрономических наблюдений, не мог дать сведений о литературе и религиозных учениях восточных народов, не всегда имел возможность отделить правду от вымысла в доходивших до него слухах; но его труд дает все, что мог дать в то время правдивый и толковый путешественник, поставленный в самые лучшие условия для наблюдений. Современники, особенно соотечественники, не вполне оценили правдивость его описаний; за преувеличенные сведения о таможенных доходах Хубилая его прозвали „миллионером“ (messer millione); его рассказы вызывали недоверие, часто насмешки; даже на смертном одре его убеждали отказаться от вымыслов, на что он ответил, что не описал и половины того, что видел. Впоследствии, по мере развития географических познаний, все более подтверждалась правдивость его рассказов, но и в средние века его труд оказал гораздо более значительное влияние, чем можно было бы думать по рассказам о насмешках венецианцев. Интерес средневековых читателей к сочинению Марко Поло доказывается многочисленностью изданий и переводов; кроме того, предполагают, что рассказ Марко Поло о деревянных досках, употреблявшихся для печатания в Китае, содействовал введению книгопечатания

в Европе; изобретение пороха также приписывалось иногда влиянию поездки Марко Поло. Географы и астрономы вносили географические названия, упомянутые у Марко Поло, на карту Птолемея, без исправления основной ошибки последней, вследствие чего „земля Cathay“ и „остров Zipangu“ были помещены гораздо восточнее действительного положения Китая и Японии. Этим ошибочным определением еще долго руководились мореплаватели, искавшие путь в Cathay и Zipangu; эта же ошибка была причиной плавания Колумба и открытия Америки.

По своим научным результатам путешествие Марко Поло значительно превосходит все прочие, довольно многочисленные в то время, путешествия на Восток европейских купцов и миссионеров. Торговым путем в Китай через Среднюю Азию, несмотря на политические смуты, продолжали пользоваться и в XIV в.; исходным пунктом этого пути был город *Тана* (древний Танаис) при устье Дона (ныне Азов), находившийся с 1316 г. в руках генуэзцев, с 1332 г. в руках венецианцев. Марко Поло сообщает сведения о плавании генуэзцев на Каспийском море, с целью вывоза шелка из персидской области Гилян. Кроме венецианцев и генуэзцев, в этой торговле принимали участие и другие торговые города Италии, особенно Флоренция, впоследствии и города испанского побережья, как Барселона. Флорентинцу Франческо Бальдуччи Пеголотти (в начале XIV в.) принадлежит краткое описание торгового пути из Сарая на Волге через *Сарайчик* (при устье Урала), *Ургенч* (тогдашнюю столицу Хивы, около нынешнего Куня-Ургенча), *Отрар* (ныне развалины около места впадения Арыса в Сыр-Дарью) и *Алмалык* (к северо-западу от Кульджи) в *Ханбалык* (Пекин), с указаниями для купцов, какими товарами им следует запасаться. На испанском языке составлен один из важнейших источников средневековой географии, так называемая „Каталонская карта“ (Carta Catalana) 1375 г. Между прочим на этой карте, вероятно, по генуэзским сведениям, обозначен целый ряд пунктов на берегах Каспийского моря, о которых прежде не было известий. Каспийское море с большими подробностями, чем на прежних картах, изображено также на карте братьев Пицигани (1367 г.); составители этих двух карт пользовались, повидимому, различными источниками, из чего заключают, что съемка Каспийского моря была произведена генуэзцами, по крайней мере, два раза. Кроме того, на Каталонской карте впервые после „Перипла Красного моря“ правильно, в виде полуострова, изображен Индустан.

Этим же путем пользовались и миссионеры. Была учреждена католическая епархия сначала в Самарканде, потом в Алмалыке, где была выстроена церковь. В 1338 г. произошло гонение на христиан, причем погибли мученическою смертью некоторые миссионеры; но еще после этого, в 1342 г., через Среднюю Азию благополучно проехал в Китай миссионер Мариньолли; в Китае он пробыл четыре года и вернулся в Европу морским путем, через Индию.

Для успеха христианской пропаганды в Китае этот последний путь вообще имел больше значения. Таким путем проехал в конце XIII в. Иоанн де-Монте Корвино, стоявший во главе католической миссии. Монте Корвино пробыл в Китае около сорока лет и успешно распространял католичество, ведя упорную борьбу с несторианами; в XIV в. он был назначен архиепископом Пекина. Его заботами был переведен на монгольский язык Новый Завет; им же был обращен в католичество монгольский князь, считавшийся потомком „священника Иоанна“ (о нем упоминает и Марко Поло). Монте Корвино, Мариньолли и некоторые другие миссионеры оставили только письма о своем путешествии и своей деятельности, без описания виденных ими стран и народов. Из Китая миссионеры проникали в области Средней Азии, остававшиеся до тех пор недоступными для европейцев; так в 1325—26 гг. францисканец Одорик, родом из итальянского города Порденона, проник в Лхасу (перед этим он прожил три года в Пекине); в описании его путешествия есть сведения о тибетском буддизме. Одорик принадлежит к числу немногих европейцев, побывавших в столице Тибета; в средние века его путешествие в Тибет было единственным. Описание путешествия Одорика было источником фантастического путешествия английского рыцаря Джона Мандевиля. Мандевиль, как полагают теперь, в действительности был только в Египте и Сирии; описание его сорокалетних (1332—1372) странствий в Индии, Китае и других странах целиком заимствовано из книг других путешественников, особенно из сочинения Одорика. Пользуясь подложным письмом 1165 г., Мандевиль описал царство „священника Иоанна“ и двор царя-священника, будто бы посещенный им лично. Не имея никакого научного значения, труд Мандевиля, составленный на французском и английском языках, пользовался в свое время большой популярностью, как занимательный рассказ; английская редакция принадлежит к числу первых сочинений в прозе на английском

языке, хотя полагают, что английская версия есть только перевод французской.

Деятельность миссионеров в Китае, вследствие преобладающего значения морского пути, находилась в тесной зависимости от деятельности миссионеров, живших в Персии. Положение европейцев в Персии не изменилось и после принятия монгольскими ханами ислама, так как и после этого продолжались войны монголов с Египтом и переговоры с европейцами о совместных действиях против врага. Новая столица Персии, Султания, основанная монгольским ханом Ульджэйту (1304—1316 гг.), была местопребыванием католического архиепископа, которому были подчинены все епархии, учрежденные в монгольской империи. В Султании была составлена „Книга о великом хане", основанная на рассказах Марко Поло и миссионеров.

Прекращение в Персии монгольской династии и распадение страны на несколько мусульманских владений, только в XVI в. вновь объединенных под властью одного государя, положили конец деятельности миссионеров. События в Персии, вместе со смутами в Золотой орде после смерти хана Джанибека (1359 г.), преградили европейцам доступ в Среднюю Азию и в Китай. Во второй половине XIV в. окончательная победа ислама в Средней Азии и национальная реакция в Китае после изгнания монголов и воцарения китайской династии Мин (1368—1644 гг.) быстро уничтожили все следы деятельности католических миссионеров; но сношения с Европой, повидимому, прекратились еще раньше, так как в Европу, насколько известно, не проникло никаких слухов об этих событиях. Европейцы и в XVI в. искали царство „великого хана", ничего не зная о его гибели.

Отношение европейцев к Востоку уже тогда представляло некоторый прогресс по сравнению с отношением древних. На соборе в городе Виенне в южной Франции (1311—12 гг.). было постановлено учредить профессуры языков арабского, еврейского и халдейского при университетах Рима, Парижа, Болоньи, Оксфорда и Саламанки; но до XVI в. это постановление, вследствие отсутствия специалистов, не могло быть осуществлено, хотя еще в XII в. появились первые переводы на латинский язык Корана (этот перевод дошел до нас в исправленной редакции, напечатанной в Базеле в 1543 г.) и некоторых арабских научных сочинений. Более всего влияния на европейскую науку оказала арабская медицина. По образцу арабской

высшей медицинской школы в Салерно возникли такие школы в Монпелье (1220) и Неаполе (1224); основатель последней, император Фридрих II Гогенштауфен, знал арабский язык и читал в подлиннике сочинения арабских ученых. Врач Арманго (Armengaud) переводил в 1284 г. сочинения Авиценны и Аверроэса. Переводы с арабского на латинский делались в XIV в. в Неаполе для королей анжуйской династии. Кроме того, восточные языки изучались европейцами, насколько это было нужно для торговых и миссионерских целей. Любопытным памятником этого практического ориентализма XIII — XIV вв. является словарь половецкого языка, известный в науке под названием „Codex Comanicus", единственная рукопись которого находится в Венеции. Кроме перевода отдельных слов, эта книга заключает в себе перевод на половецкий язык отрывков из Евангелия и некоторых других религиозных текстов. В этой же рукописи сохранился также словарь персидского языка.

Кроме европейцев и мусульман, в торговой и миссионерской деятельности на Востоке в эпоху монгольской империи принимали участие и армяне. Рубруквис встретил армянина, занимавшего выдающееся положение при дворе великого хана Мункэ; в городе Булгаре на Волге и в Семиречье сохранились армянские могильные надписи; каталонская карта упоминает о монастыре „армянских братьев" на озере Иссык-Куль. Вследствие этого в армянской литературе сохранились некоторые сведения о монголах, их стране и истории их завоеваний, хотя и менее обильные, чем сведения мусульман и европейцев. Еще в XIII в. Гайтон (Гетум), царь Малой Армении, был при дворе Мункэ; описание его путешествия приведено в сочинении Киракоса, присоединившего к нему небольшой список слов монгольского языка. Другой представитель того же царского дома, тоже носивший имя Гайтона, в XIV в. принял католичество и составил для европейцев, на латинском языке, сочинение о монгольской империи под заглавием „Восточная история" (Historia orientalis). Некоторые сведения о монгольском языке имеются также у анонимного грузинского автора XIV в.

Itinera Hierosolymitana et descriptiones Terrae Sanctae bellis sacris anteriora et Latina lingua exarata, sumptibus Societatis illustrandis Orientis Latini monumentis ediderunt T. Tobler et A. Molinier. Genevae 1877—1879 (1880).—Itinera Hierosolymitana saeculi IV—VIII. Recensuit et commentario critico instruxit P. Geyer. Pragae Vindob Lips. 1898 (Corpus script. ecclesiasticorum Latinorum XXXVIII). О первых сношениях западной Европы с халифатом ср. полемику по вопросу о посольствах между Карлом Великим и Харуном-ар-Рашидом: В. Бартольд, Карл Великий и Харун-ар-Рашид (Христ. Восток, I, 1912, 69—94); А. Васильев

Карл Великий и Харун-ар-Рашид (Виз. Врем., XX, 1913, отд. I, 63—116); В. Бартольд, К вопросу о франко-мусульманских отношениях (Христ. Восток, III, 1915, 263—296). J. Assemanii Bibliotheca Orientalis, t. III, pars II. Romae 1728. В. Райт, Краткий очерк истории сирийской литературы, пер. с англ. К. А. Тураевой, под ред. и с дополн. проф. П. К. Коковцова, Спб. 1902.—В. Бартольд, О христианстве в Средней Азии в до-монгольский период (Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., VIII, 1—32). W. Barthold, Zur Geschichte des Christentums in Mittelasien, Tübingen und Lpz. 1901, рец. E. Chavannes в Revue de l'histoire des religions, t. XLV, p. 123. П. К. Коковцов, К сиро-турецкой эпиграфике Семиречья (Изв. И. Акад. Наук 1909, стр. 773—796). W. Radloff, Alttürkische Studien IV (Изв. Ак. Наук 1911, 305—326). R. Gauthiot. De l'alphabet sogdien (Journ. As. 10, XVII, 1911, 18—95). A. v. Le Coq, Kurze Einführung in die uigurische Schriftkunde (Mitt. des Seminars für Or. Sprachen, XXII, 1919, 93—109). L. Moshemii Historia Tartarorum ecclesiastica, Helmstadi 1741. G. Pauthier, L'inscription syro-chinoise de Si-ngan-fou, Paris 1858. К новейшей литературе об этой надписи и вообще о христианстве в Азии см. мою статью в „Анналах" IV (1924), 10—14. Архим. Палладий, Старинные следы христианства в Китае, по китайским источникам с примечан. В. В. Григорьева (Вост. Сборн. 1877, стр. 1—64). Nachrichten über die von der Kais. Akad. der Wiss. zu St-Petersburg ausgerüstete Expedition nach Turfan, Heft I, KSt-P. 1889. A. Grünwedel, Bericht über archäologische Arbeiten in Idikutschari und Umgebung im Winter 1902—1903, München 1905 (Abh. der K. Bayer. Akad. d. Wiss., I. Kl., XXIV Bd., I Abt.). F. W. K. Müller, Uigurica, Berlin 1908 (Abh. der K. Akad. der Wiss. zu Berlin, Abh. II). F. W. K. Müller, Neutestamentliche Bruchstücke in sogdischer Sprache (Sitzb. d. kön. preuss. Akad. d. Wiss. 1907, S. 260—270. W. Radloff, Die vorsemitischen Schriftarten der Türken und das Verhältnis zu der Sprache derselben (Изв. Имп. Акад. Наук 1908, стр. 835—856). W. Radloff, Chuastuanit, das Bussgebet der Manichäer, St-P. 1909. A. von Le Coq, Chuastuanift, ein Sündenbekenntnis der manichäischen Auditores, Berlin 1911 (aus den Abh. der Preuss. Akad. der Wiss. 1910). К литературе об открытиях в Средней Азии еще моя статья в Die Geisteswissenschaften, I (1913—4), 1079. G. Oppert, Der Presbyter Johannes in Sage und Geschichte, 2-te Auflage, Berlin 1870. Fr. Zarncke, Der Priester Johannes, Lpz. 1876—79 (Abh. der phil.-hist. Classe der Kön. Sächs. Ges. der Wiss., Bd. VII, Nr. VIII, S. 839—1030; Bd. VIII, № I, S. 1—186). Русский перевод письма свящ. Иоанна (Сказание об Индейском царстве) в Труд. Слав. Ком. Моск. Арх. Общ., I. 1893, 1—85 (В. М. Истрин). В. Бартольд, Очерк истории Семиречья (Пам. кн. Семиреч. обл. статистич. комитета на 1898 г., т. II, Верный 1898, стр. 74—175). В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, ч. II, Спб. 1900, гл. III и IV. Собрание путешествий к Татарам, изд. Д. Языков, Спб. 1825 (Плано Карпини и Асцелин). Иоанн де Плано Карпини. История Монгалов. Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. Перев. А. И. Малеина. Спб. 1911. Recueil de voyages et de mémoires, publié par la Soc. de géographie, t. IV, Paris 1839 (Плано Карпини и Рубруквис). F. M. Schmidt, Ueber Rubruk's Reise von 1253—55, Berlin 1885 (Ztschr. der Ges. für Erdkunde, Bd. XX). Об открытиях P. Pelliot Анналы, указ. место. The Journey of William of Rubruck, transl. by W. W. Rockhill, with two accounts of the earlier journey of John of Plan de Carpine 1900 (Hakl Soc., Sec. Series № IV). О Каспийском море F. Richthofen, China, I, 633 и сл.; карты XIII в. еще у Л. С. Багрова, Материалы к историческому обзору карт Касп. моря Спб. 1912, 20 и сл. Словарь Боккаччио М. Кореллин, Ранний итальянский гуманизм, Москва 1912, 445, прим. 3. В. Бартольд, Пизанец Исол (Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. V., стр. 327—329); Европеец XIII в. в китайских ученых учреждениях (ibid., XXII, 160—170), Анналы, указ. место (там взгляды P. Pelliot). И. Минаев, Путешествие Марко Поло. Спб. 1902 (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXVI). The book of Ser Marco Polo, ed. by Sir H. Yule, 3-rd ed., revised by H. Cordier, 2 vol., Lond. 1903. H. Yule, Cathay and the way thither, Lond. 1866, vol. II. Каталонская карта: Notices et Extraits etc., XIV, part. II; о карте братьев Пицигани O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, München 1887, S. 172; о Каталонской карте там же, 212.—I. Hallberg, L'extrême Orient dans la littérature et la cartographie de l'Occident des XIII, XIV et XV siècles, Göteborg 1906. Les voyages en Asie au XVI-me siècle du bienheureux frère Odoric de Pordenone, publ. par H. Cordier, Paris 1891 (Recueil de voyages et de documents etc., vol. X). О Мандевиле еще H. Cordier в T'oung Pao 1, II (1891), 283—323. Jacquet, Le livre du Gran

Caan (Journ. As., 2. VI (1830), 57—72). G. Dugat, Histoire des orientalistes de l'Europe, t. I. Paris 1868, p. IV—XV; о Коране еще А. Крымский, История мусульманства, изд. 2-ое, ч. I и II, Москва 1904, стр. XX и след. О переводах в Неаполе М. Корелин, указ. соч., 758. G. Kuun, Codex Cumanicus, Budapestini 1880. W. Radloff, Das türkische Sprachmaterial des Codex Comanicus, St-P. 1887 (Mém. de l'Acad. Imp. des Sciences, VII série, t. XXXV, № 6). C. Salemann. Zur Kritik des Codex Comanicus (Изв. Имп. Акад. Наук 1910 г., стр. 943—957). И. Березин, Булгар на Волге, Казань 1853. Н. Марр, Надгробный камень из Семиречья с армянско-сирийской надписью 1323 г. (Зап. В. Отд. И. Р. Арх. Общ., VIII, 344—349). К. Патканов, История монголов инока Магакии XIII в., Спб. 1871.— К. Патканов, История монголов по армянским источникам, 2 вып., Спб. 1873—74. Haithoni Armeni Historia Orientalis, quae et de Tartaris inscribitur, ed. Andr. Müller, Col. Brand. 1671. О грузинском авторе И. А. Джавахов и Б. Я. Владимирцов в Изв. Акад. Наук 1917, 1483—1501.

ГЛАВА VI.

Со второй половины XIV в. Европе стала угрожать с востока новая опасность вследствие усиления в Малой Азии государства турок-османцев, занятия ими части Балканского полуострова и перенесения столицы в Адрианополь. Поражение императора Сигизмунда и его союзников в битве при Никополе (1396 г.) обнаружило размеры опасности, угрожавшей не только Византии, но и западной Европе. В течение нескольких веков европейцам приходилось принимать меры как для изучения материальных и духовных сил нового врага, так и для заключения против него союза с владетелями Персии.

Первым союзником европейцев и византийцев сделался, хотя и без намерения, средне-азиатский завоеватель Тимур (у европейцев Тамерлан—искажение персидских слов Тимур-и ленг „хромой Тимур"). Подчинив себе Персию и Месопотамию, Тимур совершил вторжение в Сирию и Малую Азию; османский султан Баязид, победитель при Никополе, был разбит и взят в плен Тимуром при Ангоре (1402 г.). Баязида сопровождали до Ангоры, среди других послов, послы кастильского короля Генриха III; по поручению короля, они должны были собрать верные сведения как о Баязиде, так и о Тимуре, и присутствовать при битве между ними. Когда они были приведены к победителю, Тимур милостиво принял их, отпустил их на родину и отправил с ними своего посла. Когда этот посол возвращался к своему государю, с ним было отправлено к Тимуру испанское посольство, во главе которого стоял рыцарь Гонзалес де-Клавихо, оставивший, на испанском языке,

описание своего путешествия, под заглавием „Жизнь и деяния великого Тамерлана".

Клавихо в 1403 г. приехал морем в Константинополь и оттуда в Трапезунт, из Трапезунта сухим путем через Персию в столицу Тимура, Самарканд. Как посол, Клавихо мог пользоваться почтовым сообщением, устроенным в государстве Тимура по примеру других обширных государств восточной и западной Азии. Почта на востоке служила исключительно для пересылки указов государя и донесений ему, для путешествия послов и чиновников и для других государственных целей; частным лицам было запрещено ею пользоваться. Содержание почты возлагалось на жителей тех мест, где устраивались почтовые станции или „ямы" (отсюда и русское слово „ямщик"); за это они освобождались от других податей и повинностей. Клавихо описал устройство этого почтового сообщения, дал краткие сведения о стране и городах, через которые он проехал; более подробно описываются постройки Тимура в Самарканде, куда завоеватель отовсюду переселял ремесленников, художников и ученых, также двор самого Тимура и пир, которым Тимур в 1404 г. праздновал свое возвращение в столицу из победоносного похода на запад, перед началом задуманного им похода на Китай. Клавихо собрал довольно подробные сведения о самом Тимуре, о его сыновьях и внуках, о его постепенном возвышении и о его походах; эти сведения являются ценным дополнением к рассказам восточных историков. Клавихо видел в Самарканде китайских послов, прибывших к Тимуру; но его сведения о Китае и о путях туда крайне сбивчивы. Между прочим, он помещает в 15 днях от Самарканда на пути в Китай, но еще во владениях Тимура, страну амазонок (прежде она будто бы принадлежала Китаю) и называет их христианками греческого исповедания. Любопытно, что Клавихо слышал в Самарканде известный анекдот, выражающий превосходство китайской промышленности над франкской, франкской — над мусульманской (см выше стр. 56). Более ценны рассказы Клавихо о состоянии Передней Азии в эпоху Тимура и о тех жестоких мерах, которыми поддерживались порядок и безопасность в основанной им державе, распавшейся почти тотчас же после смерти своего основателя. Отпущенный из Самарканда в конце 1404 г., Клавихо еще во время своего путешествия на родину получил известие о смерти Тимура, последовавшей в феврале 1405 г., и о возникновении междуусобий среди его потомков.

С именем Тимура связано еще другое европейское сочинение той же эпохи — записки баварского солдата Ивана

Шильдбергера, на немецком языке. Шильдбергер был взят в плен в 1396 году в битве при Никополе и зачислен в войско султана Баязида; в 1402 г., во время битвы при Ангоре, он перешел из одного плена в другой и после этого должен был служить в войске Тимура; через несколько лет после смерти Тимура он был отправлен в Золотую орду с золото-ордынским царевичем Чекре, который после возвращения на родину присоединился к всемогущему тогда мурзе Едигею. После поражения Чекре в борьбе с Улу-Мухаммедом Шильдбергер несколько лет находился на службе у его вельможи Маншука; только в 1427 г. ему удалось из Батума через Константинополь вернуться в Германию. Баварский солдат по своему уровню образования не мог, конечно, сообщить таких разносторонних сведений о государстве Тимура, как испанский рыцарь. Как источник для изучения политических событий этой эпохи, не исключая даже битв, в которых автор лично принимал участие, рассказ Шильдбергера не имеет почти никакого значения; в рассказах о битвах приводятся совершенно фантастические данные о численности войск; интерес представляют только отдельные эпизоды, о которых он рассказывает как очевидец, и отдельные сведения о посещенных им местностях. Замечательно, что в сочинении необразованного баварского солдата впервые применен способ характеристики языка, впоследствии получивший широкое распространение в ученой лингвистической литературе, хотя теперь признанный неудачным: переводить на этот язык молитву господню.

Битва при Ангоре только на короткое время ослабила османское государство и только на полвека отсрочила падение Византии. Даже походы самого Тимура на Малую Азию и Сирию имели только характер набегов, без присоединения этих областей к владениям завоевателя; его преемники не могли уже оказать никакого влияния на события у берегов Средиземного моря. Новое усиление османцев, особенно после завоевания Константинополя (1453 г.), подвергало опасности и западно-европейские государства; нападению завоевателей прежде всего должна была подвергнуться венецианская республика, в руках которой оставались некоторые области бывшей Латинской империи. В борьбе с османцами венецианцы искали союзников в Персии, где в то время господствовали две группы туркменских племен, называвшихся, по изображениям на их знаменах, туркменами черного барана и туркменами белого барана. Во второй половине XV в. Узун-Хасан, глава турк-

мен белого барана, победил своих соперников, овладел всеми западными областями Персии и вступил в борьбу с османцами. В 70-х годах XV в. мы видим при его дворе в Тебризе венецианских послов Иосафата Барбаро, Катерино Зено и Амвросия Контарини; все они оставили описание своих путешествий; из них Иосафат Барбаро еще раньше (1436 — 1452) путешествовал по Персии с торговою целью и доходил до Ормуза. Исходным пунктом его путешествий был город Тана; вообще венецианские послы совершали путешествие в Персию и обратно через Россию, отчасти при содействии московского правительства. С этого времени замечается стремление европейцев при своих торговых и дипломатических сношениях с Персией пользоваться дорогой через Россию, в обход враждебного османского государства. Послы были радушно приняты Узун-Хасаном, но не достигли никаких результатов, так как около того же времени (1473 г.) Узун-Хасан был разбит османскими войсками. Через других послов венецианская республика была осведомлена и о дальнейших событиях в Персии, до объединения страны в начале XVI в. под властью династии Сефевидов и объявления шиитского учения государственной религией.

Труд Барбаро заключает в себе ценные сведения о России и Персии; природе, населении и об исторических событиях. В противоположность Марко Поло, венецианские путешественники XV в. были образованными людьми, проникнутыми влиянием античной культуры, что не всегда благоприятно отражалось на ясности и отчетливости их описаний. Излагая результаты своих непосредственных наблюдений, путешественники присоединяли к ним сведения, почерпнутые из книг, и без достаточной осмотрительности пользовались терминологией греческих источников; Багдад был для них Вавилоном, Тебриз — Экбатанами, Шираз — Персеполем. В этом отношении наивные описания прежних путешественников, передававших, без предвзятых идей, то, что им удавалось видеть и слышать, имеют несомненное преимущество. Барбаро первый из средневековых европейцев упоминает о развалинах Персеполя, но не узнал их, так как для него Персеполем был Шираз; по вопросу о происхождении развалин он мог только привести мусульманское предание, по которому строителем этих зданий был Соломон. Барбаро едва ли не первый из средневековых путешественников говорит о возвращении в Европу как о возвращении в более культурные условия жизни, хотя процесс перехода культурного первенства от Передней Азии к Западной Европе в то время только начинался.

*

К числу таких же ученых путешественников принадлежал венецианский купец Николо Конти, отправившийся из Европы в Сирию и совершивший оттуда путешествие в Индию. Торговые сношения венецианской республики с Египтом и Сирией не прекращались ни во время крестовых походов, ни после них; сохраняя для себя выгодную роль посредников в торговле между Индией и Европой, мусульмане не препятствовали европейским купцам приобретать индийские товары, но не пропускали их через гавани Красного моря в Индию. Николо Конти, научившись в Дамаске арабскому языку, проехал к устью Евфрата с торговым караваном, состоявшим из 600 купцов, оттуда воспользовался морским путем в Индию через Ормуз. В Индии, в Каликуте, главной гавани Малабарского берега, Конти научился персидскому языку; кроме многих местностей Индустанского полуострова он посетил Цейлон, Суматру и другие Зондские острова, также часть Индо-Китая. На обратном пути он проехал запретным для европейцев путем через Аден и Египет и в Египте был принужден принять ислам. В 1444 г. он, после двадцатипятилетнего отсутствия, вернулся в Венецию, потом во Флоренции явился к папе Евгению IV, выразил раскаяние в своем отступничестве и рассказал о своих странствиях. С его слов рассказ был записан секретарем папы, Поддзио Браччиолини, и вошел в четвертую книгу сочинения Поддзио „De varietate fortunae“. Рассказ Николо Конти, переведенный на португальский язык по повелению короля Мануила, дал некоторые новые сведения об Индии и Зондских островах, между прочим и о религии индийцев. Конти был первым путешественником, соединявшим европейское образование с знанием восточных языков.

Вскоре после этого европейцами был открыт новый путь в Индию. Экспедиции португальцев к берегам Африки в XV в. сначала были связаны с исканием „священника Іоанна“; по мере движения на юг, увеличивались надежды достигнуть этим путем берегов Индии; обогнув мыс Доброй Надежды (1486), португальцы в юго-восточной Африке нашли мусульман, знавших путь в Индию, и с их помощью Васко де-Гама в 1498 г. достиг гавани Каликут, бывшей в то время средоточием торговых сношений Индии как с Передней Азией, так и с юго-восточной Африкой. Этот успех был подготовлен постепенным развитием мореплавания и морской картографии, причем европейцы были учениками мусульман, которых в XV в. успели опередить. Задолго до открытия мыса Доброй Надежды по-

являются карты Африки с правильным изображением южной части в виде полуострова, чего не было на античных картах; такова уже флорентинская морская карта 1351 г. На великолепной венецианской карте Фра Мауро (1459) правильно изображены мелкие географические подробности, в том числе очертание Каспийского моря, хотя в науке еще почти $2^1/_2$ века продолжала господствовать география Птолемея. Мусульманскими картами, притом с обозначением градусов (в настоящее время таких мусульманских карт не сохранилось), пользовался еще Васко де-Гама.

Плавание Васко де-Гамы вместе с открытием Америки Колумбом (1492 г.) изменило пути мировой торговли. Как и португальцы, Колумб искал новых путей в южную и восточную Азию. Пользуясь сочинением флорентинского астронома Паоло Тосканелли, Колумб полагал, что упомянутые у Марко Поло острова Чипангу, богатые золотом (Япония), отстоят от Лиссабона на запад всего на 130° и что, плывя в этом направлении, можно найти новый путь как к этим островам, так и к лежавшей за ними земле „Катай“. Открытие Антильских островов не изменило мнения Колумба; богатый золотом остров Гаити был им принят за Чипангу, берег Кубы — за берег Китая, и в этом смысле им был составлен в 1494 г. протокол, который были вынуждены подписать его спутники. Как и португальцы, Колумб хотел воспользоваться содействием мусульман, лучше знавших земли восточной Азии; отправляясь в 1502 г. в свое последнее путешествие, Колумб все еще был убежден, что направляется к берегам Китая, и взял с собой арабского переводчика. Ошибка была разъяснена уже после смерти Колумба другими мореплавателями.

В конце XV в. начинаются попытки воспользоваться открытиями мореплавателей для приведения в систему собранного ими географического материала; с этою целью составляются карты и глобусы. Первый глобус изготовил в 1492 г. Мартин Бегаим (Behaim), находившийся на португальской службе, в своем родном городе Нюрнберге, куда он вернулся на короткое время. На глобусе при названии каждой страны были помещены краткие сведения о ней, частью сбивчивые и баснословные; астрономическое положение стран большею частью было определено неверно. Более тщательную обработку географического материала представляли карты XVI в., из которых наибольшее влияние на развитие географической науки имели „атласы“ (слово, изобретенное в эту эпоху)

Меркатора (Orbis descriptio ad navigantium usum accomodata, 1569) и Ортелиуса (Theatrum orbis terrarum, 1570); но и эти карты далеко не соответствовали действительности. Меркат ру (по обычаю того времени, он переделал на латинский лад свою немецкую фамилию Кремер) принадлежит проекция, сохранившая господство в картографии до новейшего времени. Географические открытия еще долгое время спустя не сопровождались правильными астрономическими наблюдениями; прошло еще более ста лет, прежде чем земной шар был известен европейцам настолько, что все данные греческой географии могли быть заменены более новыми сведениями. Карты XVI и XVII вв. составлялись в одинаковой степени по Птолемею, по Марко Поло и по новейшим открытиям мореплавателей, и не всегда удавалось правильно разрешить вопрос, соответствуют ли вновь открытые страны каким-нибудь областям, упомянутым в греческой или средневековой географии.

Рюи Гонзалес де Клавихо, Дневник путешествия ко двору Тимура в Самарканд в 1403 — 1406 гг., подлинный текст с переводом и примеч., составленными под ред. И. И. Срезневского, Спб. 1881 (Сборн. отд. русск. яз. и словесн. И. Акад. Наук, т. XXVIII, № 1); О китайской промышленности стр. 329; об амазонках стр. 334 и сл.; ср. рецензию Н. И. Веселовского в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXXIV (1882), отд. II, стр. 123 — 137. Путешествия Ивана Шильтбергера по Европе, Азии и Африке, с 1394 по 1427 год, перев. с немецкого и снабдил примеч. Ф. Брун (Зап. Имп. Новоросс. унив., год I, т. I, Одесса 1867); о молитве господней по армански и по турецки стр. 127; о нецелесообразности этого приема A. F. Pott, введение к переизданию W. Humboldt, Ueber die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaues, 1880, стр. 136. Библиотека иностранных писателей о России, отд. I, т. I, Спб. 1836 (текст и перевод рассказов Барбаро и Контарини). Travels to Tana and Persia by Josafa Barbaro and Ambrogio Contarini, Lond. 1873. — A narrative of Italian travels in Persia in the fifteenth and sixteenth century, transl. and ed. by Ch. Grey. Lond. 1873 (Hakl. Soc., № 49). India in the fifteenth century, being a collection of narratives of voyages to India, ed. by R. H. Major, Lond. 1857 (Hakl. Soc., № 22). O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 182 (о Конти); о португальцах и свящ. Иоанне ibid. S. 231 f.; о мусульманских картах в руках Васко де-Гама S. 146; флорентинская карта к стр. 192; о карте Фра Мауро S. 187; о Колумбе ibid. S. 243—256; о картах ibid. S. 409 f.; о Бегаиме еше ibid. S. 236; Th. Lindner, Weltgeschichte seit der Völkerwanderung, Bd. IV, Stuttg. u. Berlin 1905, S. 299 u. 411. Часть карты Фра Мауро с изображением Каспийского моря у Л. С. Багрова, Материалы и т. д., стр. 26 и сл., № 16.

ГЛАВА VII.

Чтобы сохранить в своих руках выгодную торговлю с Индией, португальцы еще в начале XVI в. заняли важнейшие прибрежные пункты; в 1510 г. была занята Гоа, сделавшаяся

главным городом португальских владений в Индии. Господствуя на Индийском океане, португальцы не пропускали в Индию никаких судов из мусульманских стран; чтобы захватить в свои руки морскую торговлю между Индией и Персией, они в 1515 г. завоевали остров Ормуз, еще с 1507 г. плативший им дань, и выстроили на нем неприступную крепость. Португальцы грозили разгромить Мекку и Медину; в 1519 г. португальский флот действительно появился ввиду Джидды. Известны только две попытки мусульман вернуть себе господство на Индийском океане: неудачная для египтян морская битва с португальцами у берегов Индии, незадолго до завоевания Египта турками, и плавание турецкого флота к берегам Индии в 1538 г. Попытки не имели успеха и потом не возобновлялись.

Из Индии мореплаватели проникли дальше на восток; в 1511 г. ими был занят полуостров Малакка, с городом того же имени; в 1514 г. португальцы в первый раз совершили плавание к берегам Китая; в 1517 г. Фердинанд Перес д'Андрада из Малакки достиг Кантонского залива и был допущен в Кантон. Из Китая португальцами случайно была открыта Япония; в 1542 г. здесь был выброшен бурей на берег острова Танегасима (около Кю-сю) беглый матрос Антоний де-Мота с двумя спутниками. Около того же времени (1539—1558 гг.) странствовал по морям восточной Азии Мендеце Пинто, превратившийся из купца, вследствие неудачных торговых оборотов, в морского разбойника; ему, между прочим, принадлежит открытие островов Лю-цю (Ликейских). Записки Мендеце Пинто о своих плаваниях возбуждают большие сомнения и частью имеют баснословный характер. На островах Лю-цю встретил португальцев испанец Педро Диез (Diez), совершивший в 1544 г. плавание из Китая в Японию.

В Индии, Китае и Японии нашли поприще для своей деятельности не только португальские купцы, но и португальские миссионеры. Основанный в 1534 г. и утвержденный в 1540 г. орден иезуитов тотчас захватил в свои руки дело распространения христианства на Востоке. Друг Игнатия Лойолы Ксаверий организовал дело проповеди христианства в Индии и в 1549 г., первый из миссионеров, высадился в Японии, где пробыл до 1551 г. В 1552 г. он умер на небольшом острове около берегов Китая; тело его было привезено в Гоу; причисленный впоследствии к лику святых, он считается в католической церкви святым покровителем Индии.

Деятельность португальских купцов и миссионеров в Японии в первое время не встречала препятствий. Распространение христианства шло так успешно, что еще в XVI в. могло быть отправлено посольство японских христиан в Европу; описание этого посольства было издано в 1585 г. в Риме на итальянском языке и в 1590 г. в Макао на латинском и японском. В начале XVII в. число японских христиан, по сообщениям миссионеров, доходило до 1800000. Владетель удельного государства Бунго на острове Кю-сю, умерший в 1587 г., принял католичество и во славу новой веры стал разрушать японские национальные храмы; это положило начало той вражде против христиан, которая уже в 1589 г. вызвала первый указ о разрушении церквей и в следующем столетии привела к катастрофе. Из Японии миссионеры проникли в Корею, которая таким образом впервые была открыта европейцами; во время похода японцев на Корею (1592 — 96 гг.) вместе с ними проник в эту страну миссионер Цеспедес. Слово „Корея", у первых миссионеров Coria, происходит от названия династии Ко-риё, правившей с X в. до 1392 г.; отсюда же произошло китайское название страны — Гао-ли, упоминающееся уже у Рубруквиса (Caule) и Марко Поло (Cauli), но без всяких сведений о местоположении этой области. В XVI в. страна уже носила официальное название Цзо-сиёнь, по имени династии, владевшей полуостровом с 1392 г. до присоединения Кореи к Японии (1910).

Более подозрительно отнеслось к купцам и миссионерам с самого начала китайское правительство; в Китае господствовала в то время враждебная иностранцам национальная династия Мин. Первые фактории, основанные португальцами в Китае, скоро были покинуты по требованию китайских властей; с 1557 г. торговля между португальцами и китайцами сосредоточивалась на острове *Макао*, который и до сих пор остается португальской колонией. В XVI в. торговцы и миссионеры не проникали севернее Нанкина; только в 1601 г. патер Маттео Риччи, прибывший в Макао еще в 1582 г., был пропущен в Пекин. Несмотря на неблагоприятные условия, миссионеры уже тогда приступили к тем научным работам, которые в следующем столетии составили славу ордена иезуитов. Собранные ими сведения были изложены в труде Мендозы „Historia del gran reyno de la China" (1585) — первом европейском сочинении, в котором приведены, хотя и в совершенно искаженном виде, китайские иероглифы.

Несмотря на деятельность купцов и миссионеров в Китае и Японии, европейцы в то время еще не сознавали, что ими вновь найден путь в страну „Катай“ и к островам „Чипангу“. Европейцы в XVI в. слышали в Индии то же самое название Китая — „*Чина*“, которое некогда перешло из Индии к грекам и римлянам. В португальском правописании „China“ это название с тех пор сохранилось за Китаем во всех западно-европейских языках и произносится различно, в зависимости от произношения букв ch (ср. немецкое China, французское Chine, английское China). Европейцам было легко отождествить эту страну со страною „синов“ Птолемея, но они не сознавали, что открытая ими „Чина“ и страна „Катай“, известная из сочинения Марко Поло — одно и то же, хотя и для такого сближения они могли бы найти данныя в словах самого Марко Поло. Марко Поло также слышал в Индии слова „Чин“ и „Чинское море“; он знал, что название „Чин“ прилагается к стране, описанной у него под названием *Манги* (Мань-цзы — китайское слово для обозначения населения южного Китая). Различая страны „Катай“ и „Манги“, он под первым термином понимал северный Китай, прежнее государство маньчжурской династии Цзинь, окончательно завоеванное монголами в 1234 г., под вторым — южный Китай, прежнее государство китайской династии Сун, завоеванное монголами при Хубилае. Из описания Марко Поло ясно видно, что в его время „Катай“ и „Манги“ были объединены под одной политической властью и вместе составляли „государство великого хана“; кроме того, Монте-Корвино и некоторые другие миссионеры XIII—XIV вв. приехали из Индии в „Катай“ или обратно тем же путем, который теперь был найден португальцами. Тем не менее европейцы до конца XVI в. полагали, что описанный у Марко Поло „Катай“, государство великого хана, со столицею Ханбалыком, находится где-то к северо-западу от открытой ими „Чины“. Только прибытие патера Риччи с юга в Пекин, столицу „Чины“, и одновременное путешествие иезуитской миссии с запада, с мусульманским караваном, в „Катай“ и „Ханбалык“ рассеяли это недоразумение.

Во главе этой последней миссии стоял патер Бенедикт Гоэс, пробывший уже несколько лет в Индии, при дворе „великого могола“ Акбара. „Великими моголами“ европейцы называли мусульманскую династию турецкого происхождения, господствовавшую в Индии с первой половины XVI в. Потомок Тимура, Бабур, изгнанный из Средней Азии новыми завоева-

телями — узбеками, с горстью приверженцев удалился в Индию, где ему удалось основать новое государство; его преемники распространили свою власть на бо́льшую часть полуострова. Европейцы, приписывая Тимуру и его потомкам монгольское происхождение, придумали для этой династии название „великих моголов“, подобно тому, как „великими турками“ называли османских султанов. Несмотря на свое могущество, царство „великих моголов“ в своих морских сношениях находилось в полной зависимости от португальцев: без разрешения португальцев нельзя было даже отвозить морем паломников в Мекку.

Держава „великих моголов“ представляет едва ли не единственный пример мусульманского государства, в котором, без давления извне, иноверцы были уравнены в правах с мусульманами. Бабур и его преемники относились к религии индийцев с полной веротерпимостью; внук Бабура Акбар допускал при своем дворе диспуты между брахманами и мусульманскими учеными и надеялся из элементов различных религий создать новую веру, которая могла бы быть принята всеми его подданными. К числу представителей различных религий, действовавших при его дворе, принадлежали и иезуитские миссионеры из Гои; ими для Акбара было переведено на персидский язык Евангелие.

После нескольких лет деятельности в Индии Гоэсу было дано поручение отправиться в страну „Катай“ — термин, который был принесен в северную Индию из Средней Азии мусульманами. Из Лагора он, в сопровождении двух монахов, отправился весной 1603 г. с торговым караваном в Кабул, принадлежавший в то время „великим моголам“; присоединившись к торговому каравану, Гоэс и сам взял с собой некоторое количество товаров. Несмотря на то, что вся страна подчинялась одному могущественному императору, путь до Кабула не был безопасен. В трудно доступной горной области к западу от Инда авганское население сохраняло свою независимость при всех политических переворотах; самые могущественные завоеватели могли только совершать набеги на их страну, без прочного подчинения ее жителей; даже для сохранения безопасности на главных торговых путях требовались значительные военные силы. Караван Гоэса несколько раз подвергался нападениям разбойников и только с большими потерями достиг Кабула.

В Кабуле Гоэс присоединился к новому каравану, отправлявшемуся в путь при самых благоприятных условиях, так

как с ним ехала мать хотанского владетеля. Несмотря на это, караван на пути через Бадахшан до Памира несколько раз подвергался опасности от разбойников. Вообще безопасность торговли в Средней Азии после распадения монгольской империи и государства Тимура не могла быть восстановлена. Памир при Гоэсе, как и при Марко Поло, был совершенно безлюдным. Через Сарыкол караван в ноябре 1603 г. достиг Яркенда, бывшего в то время главным городом Восточного Туркестана.

В Яркенде Гоэс пробыл целый год, до ноября 1604 г., совершив в течение этого времени поездку в Хотан. Здесь им были закуплены новые товары, в том числе значительное количество камня нефрита, добывавшегося в горах Восточного Туркестана и высоко ценившегося в Китае. В ноябре 1604 г. он отправился в Китай обычным еще в настоящее время караванным путем через Кашгар, Аксу, Кучу, Чалыш (ныне Карашар), Турфан, Хами и Су-чжоу, куда прибыл в конце 1605 г. Наиболее продолжительное время (три месяца) караван пробыл в Чалыше; здесь произошла встреча с другим караваном, возвращавшимся из „Ханбалыка“ и привезшим Гоэсу известие о находившемся в Пекине патере Маттео Риччи. Эта встреча и показала Гоэсу, что Ханбалык и Пекин — одно и то же и что та страна „Катай“, куда он направлялся, есть та же „Чина“, в которую из Индии давно был известен более безопасный морской путь. Со стороны населения Восточного Туркестана и его мусульманских владетелей миссионеры, впрочем, не подвергались никаким опасностям. Следов деятельности несториан в то время уже не было, но воспоминания о ней сохранялись; Гоэс приводит слова владетеля Чалыша, что и его предки были некогда христианами (в Восточном Туркестане тогда еще продолжала господствовать династия, приписывавшая себе происхождение от Джагатая, сына Чингиз-хана). Торговые сношения мусульман с Китаем были еще довольно оживленны; в Су чжоу в одной части города жили китайцы, в другой — мусульмане.

Гоэс умер в Су-чжоу в 1607 г., не успев обработать дневник своего путешествия; часть дневника была сохранена его спутником, армянином Исааком; на основании этого материала патер Триго (Nicolaus Trigautius) напечатал в 1618 г. в Кельне сочинение: „De christiana expeditione apud Sinas suscepta ab Societate Jesu libri V“. Часть этого сочинения, касающаяся Риччи, вышла еще в 1615 г.

Путешествие Гоэса оставалось до XIX в. единственной попыткой европейцев вновь воспользоваться караванным путем в Китай, столь оживленным в XIII и XIV вв. Для кущов Средняя Азия под владычеством кочевников представляла слишком мало привлекательного; миссионерская деятельность после утверждения в стране ислама не могла иметь успеха. Иезуитские миссии в Китае сохраняли, однако, сношения с миссиями в Индии; кроме частых морских сношений, в XVII в. был проложен еще новый путь из Индии в Китай через Тибет. Вследствие трудностей этого пути он также не получил большого значения, но им, как мы увидим, воспользовались миссионеры для внесения в Тибет проповеди христианства.

О морском пути в Китай и в Японию ср. на русском языке литографированный курс Н. В. Кюнера „Исторический обзор сношений европейцев с Китаем с 1514 года по 1842 год"; там же указана литература предмета. Об отношении к мусульманам португальцев Мир Ислама, I (1912), 391, пр. 2. О египетском предприятии Elliot-Dowson, History of India, VIII, 387. О предприятии 1538 г. J. v. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches², II, 157 и сл. Elliot-Dowson, History of India, VIII, 389. О первом прибытии португальцев в Китай замечание H. Cordier в T'oung-Pao, II série, vol. IV (1903), p. 260, в рецензии на C. A. Montalto de Jésus, Historic Macao, Hong-Kong 1902 (эта книга мне не была доступна). O. Nachod, Eine wenig bekannte Schilderung eines der ersten Europäer in Japan (Festschrift Hirth, 1920, 325 и сл.). О деятельности миссионеров в Китае и в Японии см. библиографию в следующей главе. О Корее „Описание Кореи", изд. мин. финансов, ч. I, Спб. 1900, стр. 60. Английский перевод труда Мендозы: The history of the great and mighty kingdom of China and the situation thereof, compiled by the padre J. G. de Mendoza, ed. by S. G. T. Staunton, with an introduction of R. H. Major, Lond. 1853 (Hakl. Society № 14). О Маттео Риччи еще J. F. Baddeley в Geogr. Journ., L (1917), 254—270. P. Pelliot, La peinture et la gravure européennes en Chine au temps de Mathieu Ricci (T'oung Pao 1920 — 1, tirage à part). Об Акбаре и иезуитах R. Garbe, Kaiser Akbar von Indien, Lpz. 1909, S. 37 — 41. Об отношении португальцев к мусульманским паломникам Elliot-Dowson, History of India, V, 520. О путешествии Гоэса В. В. Григорьев, Восточный или Китайский Туркестан, вып. II, Спб. 1873, стр. 335 — 341 (там же ссылка на страницы 1-го выпуска, где говорится о том же путешествии). О смерти Гоэса C. Ritter, Die Erdkunde von Asien, Bd. I, Berlin 1832, S. 221.

ГЛАВА VIII.

Морская торговля с Японией, приносившая купцам огромные выгоды, оставалась в XVI в. в руках португальцев; но в следующем столетии португальцы были вынуждены уступить место морякам других наций. Португальский престол еще в 1580 г. перешел к Филиппу II испанскому, и до 1640 г. Португалия вместе со своими колониями оставалась под властью

испанских королей; вследствие этого неудачи Филиппа II и его преемников в борьбе с голландцами и англичанами отразились и на Португалии. Чтобы отнять у своих противников выгоды морской торговли с Востоком, голландцы и англичане, пока борьба с флотом испанцев и португальцев казалась невозможной, искали новых путей на Дальний Восток. Плавание вдоль северных берегов Европы и Азии, казалось, должно было привести в „Катай“, который в то время помещали дальше к северу, чем он находился на самом деле; в этой надежде голландцы и англичане в XVI в. положили начало полярным экспедициям. Когда обнаружились трудности плавания по Ледовитому океану и когда ослабление флота врагов сделало возможным соперничество с ними в южных морях, голландцы и англичане начали пользоваться дорогами, проложенными португальцами. В 1595 г. в Голландии появились общества для торговли с Индией; в 1602 г. эти общества были объединены в одну голландскую ост-индскую компанию; такая же компания образовалась в Англии.

Первый голландский корабль прибыл в Японию в 1600 г. под начальством Вильяма Адамса, англичанина, находившегося на голландской службе. Португальцы естественно встретили голландцев крайне враждебно; по их наущению Адамс и его спутники были заключены в тюрьму, как морские разбойники; однако им вскоре удалось не только добиться освобождения, но и занять влиятельное положение в Японии. Адамс научил японцев строить корабли; этой услугой объясняется приобретенное им влияние, которым он пользовался во вред португальцам и в пользу как голландцев, так и своих соотечественников. Вследствие писем Адамса в 1609 г. прибыли в Японию два голландских корабля; союзники голландцев, англичане, в 1613 г. последовали их примеру, но между политическими союзниками уже тогда обнаружилось торговое соперничество, заставившее англичан в 1623 г. покинуть Японию. Голландцы продолжали сношения с Японией и после смерти Адамса, последовавшей в 1620 г. Средоточием голландской торговли была основанная в 1611 г. фактория на острове Хирадо или Фирадо (к западу от Кю-сю).

Прибытие голландцев познакомило японцев, знавших до тех пор только португальцев, с другим христианским народом и вероисповеданием. Не понимая политической и религиозной вражды между последователями одной веры, японцы предположили, что было два Христа, и что португальцы поклоняются

одному, голландцы — другому. Действия иезуитских миссионеров и обращенных ими в христианство японцев все более возбуждали неудовольствие японского правительства; менее враждебно относилось оно к голландцам, заботившимся только о своих торговых интересах и воздерживавшимся от всякой религиозной пропаганды. Ожесточение японского правительства против католической пропаганды вполне соответствовало интересам голландцев, желавших устранить своих соперников по торговле. Еще в 1635 г. голландцы добивались полного изгнания португальцев; японское правительство в 1636 г. разрешило португальцам жить и торговать только на искусственном острове Десиме, устроенном для них японцами у входа в гавань Нагасаки. В 1638 г. произошло вооруженное восстание японских христиан; голландцы обвиняли португальцев в том, что восстание было устроено ими; в 1639 г. последовал указ об окончательном изгнании португальцев. Португальцами была сделана попытка добиться отмены этого указа, и с этою целью в 1639 г. было отправлено посольство в Японию, но послы были заключены в тюрьму и 5 августа 1640 г. казнены; в 1641 г., после освобождения Португалии от испанского владычества, только слуги были отпущены на родину, чтобы рассказать о судьбе посольства.

Деятельность иезуитов в Японии прервалась, таким образом, гораздо ранее, чем их деятельность в Китае, и потому не сопровождалась такими богатыми результатами для науки. Оставался невыясненным даже вопрос о числе островов Японского архипелага и о географическом положении Японии по отношению к материку. Миссионеры в 1613 г. проникли на остров Иесо, но представляли себе этот остров в виде огромной страны, простирающейся с востока на запад на пять месяцев пути; кроме того, они не знали, есть ли между Иесо и Нипоном сухопутное сообщение; им было известно, что на Иесо отправляются морем, но они считали возможным, что только гористый характер местности заставляет предпочитать морское сообщение сухопутному. Тем не менее наука обязана миссионерам несколькими ценными трудами о японском языке и об истории Японии. О населении Японии миссионеры говорили, что характер японцев во всем противоположен характеру китайцев; японцев сравнивали также с средне-азиатскими кочевниками и называли их „образованными татарами“. Грамматику японского языка еще в 1604 г. издал в Нагасаки патер Родригуез (Arte da lingoa de Japam); история Японии, составленная

патером Амати, была напечатана в Риме в 1615 г. (Historia del Regno di Voxu del Giapone). В XVIII в. материалы, собранные иезуитами о Японии, были обработаны патером Шарльвуа (Charlevoix) в его „Истории насаждения, успехов и упадка христианства в Японской империи". Кроме сочинений миссионеров, можно привести еще сочинение испанского губернатора Филиппинских островов, дона Родрига де Виверо-и-Веласко, выброшенного в 1608 г. на берег Японии, встретившего со стороны японского правительства самый радушный прием и пробывшего в стране до 1610 г.

Голландцам и после 1639 г. было разрешено торговать с японцами, но на самых унизительных условиях. Их фактория на острове Хирадо была разрушена в 1640 г., и в следующем году они, по требованию японцев, переселились на остров Десиму, устроенный для португальцев около Нагасаки. Отсюда они раз в год (с 1790 г. раз в четыре года) ездили в столицу Иеддо (ныне Токио) к императору (сёгуну). Как во время этой поездки, так и во время пребывания на острове их подвергали всевозможным унизительным стеснениям, с которыми они мирились ради выгод торговли.

Исключительное право торговли с Японией еще более возвышало морское могущество голландцев, к которым после упадка испанской и португальской торговли перешло господство в южных морях. Голландцы владели торговыми колониями на всем пространстве от острова Харака в Персидском заливе до островов, прилегающих к Австралии; им в XVII и в начале XVIII вв. принадлежали важнейшие сочинения об Индии (труд голландского миссионера Франциска Валентина (Valentyn), отправившегося в Азию в 1685 г., пробывшего долгое время на Молуккских островах и издавшего в 1711 г. книгу „Древняя и новейшая Ост-Индия", в 9 томах), о Японии (труд Арнольда Монтануса, вышедший в 1669 г.) и других странах. В 1653 г. Гендрик дю-Гамель (Du Hamel) потерпел крушение у берегов Кореи, пробыл со своими спутниками в плену у корейцев до 1666 г. и в 1668 г. напечатал в Роттердаме сочинение о своем путешествии, впоследствии переведенное на французский, немецкий и английский языки. С существованием голландской фактории на острове Десиме были связаны и те труды о Японии, которые принадлежали представителям других национальностей. С 1690 до 1692 гг. пробыл в фактории Энгельберт Кемпфер, немецкий ботаник, прежде находившийся на шведской службе (с 1683 до 1687 гг. он

был советником шведского посольства в Персии), автор ценного труда о Японии. Во второй половине XVIII в. замечательны труды о Японии шведского ботаника Тунберга (род. в 1741 г., пробыл в Японии с августа 1775 г. до декабря 1776 г., весной 1776 г. был врачом при обычном голландском посольстве ко двору сёгуна, умер профессором в Упсале в 1828 г.), ученика Линнея; наконец, в XIX в. семь лет (1823—1830 гг.) пробыл в Японии доктор Зибольд, издавший после возвращения в Европу описание своих путешествий. Все три автора (Кемпфер, Тунберг и Зибольд) были по специальности естествоиспытателями и, конечно, обращали больше всего внимания на описание страны в естественно-историческом отношении, но сообщили также много сведений о населении и его истории. Труды Зибольда, хорошо изучившего японский язык, представляют наиболее полный свод того, что было известно о Японии до ее открытия для европейской торговли. К описанию его путешествия приложен атлас (с картами, планами и рисунками), дающий наглядное представление о всех сторонах быта японцев; кроме того, им был издан целый ряд трудов о японском языке и литературе. Впоследствии, в 1859—62 гг., уже после открытия доступа в Японию всем европейцам, Зибольд вторично совершил путешествие в эту страну (умер в 1866 г.).

Изгнанные из Японии, иезуиты с успехом продолжали свою деятельность в Китае. В Китае орден не связал свою судьбу, как в Японии, с судьбой одной нации. Борьба между различными нациями за господство над морем отразилась на деятельности иезуитской миссии в Китае только в том отношении, что главное участие в этой деятельности переходило от представителей одной нации к представителям другой. Главными деятелями иезуитской миссии сначала были португальцы, испанцы и итальянцы, потом—фламандцы и немцы; в конце XVII в., в связи с колониальной политикой Кольбера, в Китай прибыли французские иезуиты, которым принадлежат главные труды по изучению литературы, географии и истории Китая, связанные с деятельностью миссии. Из предметов торговли Китая с Европой особенное значение получил чай, известный еще арабам, но в средние века не бывший предметом вывоза. Мусульманам в XVI в. было известно самое слово „чай“ в том же виде, как оно потом вошло в русский язык, но говорится только о вывозе китайского чая в Тибет. Первый чай прибыл в Париж в 1636 г., на 23 года раньше чем в Москву.

Как известно, в западно-европейские языки вместо слова „чай“ вошло другое, южно-китайское слово.

Поселяясь в Китае на всю жизнь, миссионеры в совершенстве усваивали язык и обычаи страны, проникались влиянием китайской культуры и в то же время, благодаря привезенным из Европы ученым познаниям, достигали выдающегося положения при дворе китайских императоров, хотя ни один из миссионеров не пользовался в Китае таким уважением, как умерший в 1610 г. Маттео Риччи. Китайское правительство особенно дорожило астрономическими познаниями иезуитов; с их помощью можно было исправить ошибки календаря, составление которого было в Китае важным государственным делом: календарь рассылался вассальным владетелям, в знак принятия их в число подданных империи; правильное предсказание солнечных и лунных затмений было необходимо для того, чтобы эти явления не принимались народом как знак небесного гнева, так как причиной такого гнева всегда считали действия императора, ответственного перед небом за свой народ. Благодаря своим астрономическим познаниям мусульмане даже при враждебной инородцам династии Мин (1368 — 1644) продолжали заведывать математическим (или астрономическим) трибуналом; при первом императоре новой, маньчжурской династии, завоевавшей Китай в 1644 г., во главе этого бюро был поставлен иезуитский миссионер Адам Шаль, происходивший из Кёльна и прибывший в Китай в 1622 г., еще при династии Мин, при которой он также занимал выдающееся положение; с 1628 г. он был воспитателем братьев императора. Высокое положение, занятое иезуитами, не могло не вызвать против них интриг со стороны вельмож; вследствие этих интриг некоторое время находились в немилости как Адам Шаль, умерший в 1670 г., так и Вербист, прибывший в Китай в 1659 г., сотрудник и защитник Шаля, с 1671 г. поставленный во главе астрономического трибунала. Благодаря иезуитам, европейская астрономия вытеснила из Китая мусульманскую, что̀ является одним из наглядных признаков окончательного перехода первенства к европейской науке и вообще европейской культуре.

Услуги, оказанные иезуитами китайскому правительству, не ограничились составлением календаря; иезуиты были руководителями китайцев даже в области военного дела; при усмирении одного мятежа правительство императора Канси воспользовалось пушками, отлитыми по указаниям Вербиста. Когда

начались сношения Китая с Россией, иезуиты при этих сношениях были не только переводчиками, но и защитниками интересов Китая. Жербильон, один из пяти миссионеров, отправленных из Франции в 1685 г. и прибывших в Китай в 1688 г., вместе с Вербистом сопровождал императора Канси в Маньчжурию. Жербильон и другой миссионер, Перейра, от имени китайского правительства вели переговоры с русскими в Нерчинске и добились от русских уполномоченных таких уступок, на которые сами китайцы не надеялись.

На почве религиозной пропаганды иезуиты, в противоположность действиям миссионеров в Японии, постарались принять меры к тому, чтобы распространение христианства не приводило ни миссионеров, ни новообращенных в столкновение с государством. Иезуиты доказывали, что учение Конфуция — не столько религия, сколько система практической философии, примиримая со всякими религиозными верованиями; что основная черта этой системы — культ предков — не находится в противоречии с нравственными требованиями христианства, даже вполне соответствует пятой (по католическому счету четвертой) заповеди; что памяти Конфуция и таблицам с именами предков воздаются почести не в храме, а в зале, и потому эти обряды не должны признаваться недопустимым для христиан идолопоклонством. Таким же образом иезуиты, начиная с Маттео Риччи, для обозначения христианских религиозных понятий употребляли термины, заимствованные из конфуцианской литературы. Иезуиты были не первыми христианскими миссионерами в Китае, прибегавшими к такой системе; замечательный памятник VIII в., открытый в 1625 г. в Си-ань-фу иезуитами и долгое время, именно по этой причине, возбуждавший подозрения ученых, показывает, что сирийские миссионеры не менее иезуитов старались говорить с китайцами понятным для них языком. Даже мусульмане применялись к китайским верованиям; в китайско-мусульманской литературе встречаются попытки сопоставления Мухаммеда с Конфуцием, в мечетях были таблички с именем китайского императора и пожеланием ему „десяти тысяч раз десяти тысяч“ лет жизни; во время богослужения даже воскуривался фимиам; и все-таки мусульмане вполне сознавали свое обособленное положение среди китайского народа и строго соблюдали обрядовые требования своей религии, в том числе запрещение свиного мяса, главной пищи остальных китайцев.

Как средство религиозной пропаганды, система иезуитов не достигла цели; представители китайского консерватизма,

особенно чиновники министерства церемоний, продолжали враждебно относиться к распространению христианства; в то же время уступки, сделанные конфуцианству, восстановили против иезуитов других католических миссионеров, в особенности доминиканцев. Еще в XVI в., при династии Мин, иезуитам приходилось защищаться перед китайским правительством против обвинений, возбужденных их единоверцами; ссылаясь на успехи иезуитов в Японии, викарий города Макао в конце XVI в. обвинил иезуитов перед правительством в тайном союзе с японцами, с которыми Китай в то время вел войну. Воцарение маньчжурской династии совпало с изданием буллы (1645 г.) папы Иннокентия X в пользу доминиканцев и против иезуитов; чтобы побудить папу взят назад свое решение, иезуит Мартини, прибывший в Китай в 1643 г. и уже написавший два сочинения о христианстве на китайском языке, отправился в Европу, где пробыл семь лет (1650—1657); под его влиянием новый папа Александр VII в 1656 г. своей буллой решил спор в пользу иезуитов.

Благодаря этой булле, иезуитам в царствование Канси (1662—1722) удалось постепенно упрочить свое положение. В начале своего царствования император не был расположен к миссионерам; Адам Шаль подвергся опале; изданный в 1669 г. указ о запрещении христианам строить церкви и распространять свою веру был подтвержден и в 1671 г., когда были признаны несостоятельными обвинения против умершего Шаля и когда на ту же должность был назначен Вербист; но миссионеры были убеждены, что император издал такое запрещение только для формы, чтобы удовлетворить министерство церемоний, и не считались с ним. В 1692 г. последовал указ, благоприятный для миссионеров; в 1702 г. миссионеры могли освятить церковь в запретной части Пекина, где помещаются дворец и правительственные учреждения. Миссионеры находились на китайской службе, считались китайскими подданными и даже давали подписку, что навсегда останутся в Китае.

В начале XVIII в. дела снова приняли неблагоприятный оборот для иезуитов. В Риме снова получило преобладание враждебное иезуитам течение; папа отправил в Китай своего легата, в качестве главы всех миссионеров, и в то же время обратился к императору с просьбой не принуждать китайских христиан к исполнению обрядов, несогласных с их верой. В глазах императора такое требование было вмешательством во внутренние дела Китая; легат, прибывший в Китай в 1705 г.

*

и сначала принятый императором с большим почетом, подвергся опале и в 1710 г. умер в Макао. Отношение императора к миссионерам изменилось. В 1707 г. несколько миссионеров подверглись изгнанию, причем эта мера коснулась и некоторых иезуитов, как Висделу, не разделявших взглядов большинства представителей ордена. Другие миссионеры получили от императора грамоты, разрешавшие им остаться в Китае, причем такие грамоты были даны только иезуитам и францисканцам.

Еще хуже сделалось положение миссионеров после смерти Канси. Новый император Юн-Чжэн (1723 — 1736) в первый же год своего царствования издал указ, по которому миссионерам разрешалось жить только в Пекине и Макао; по просьбе миссионеров правительство согласилось потом заменить Макао Кантоном, но с тем, чтобы на миссионеров не было никаких жалоб. При следующем императоре Цян-Луне (1736 — 1796) против миссионеров и против новообращенных были приняты еще более суровые меры; но, вопреки словам одного русского исследователя (К. А. Скачкова), миссионеры и в эту эпоху не подверглись, как в XVII в. в Японии, полному изгнанию. Математический трибунал по прежнему нуждался в образованных европейцах; кроме того, китайское правительство принимало к себе на службу европейских мастеров и художников. В 1781 г. старший сын императора посетил церковь, милостиво обошелся с миссионерами и даже уговаривал их привлекать на службу к его отцу других европейцев. Миссионеры в то время проникали в Китай только под видом математиков, мастеров и художников; но все-таки даже в то время, когда в провинциях разрушались церкви и воздвигались гонения против миссионеров, христианское духовенство в Пекине не подвергалось никаким стеснениям и могло совершать требы даже по отношению к китайцам. Миссионеры отмечают это противоречие в мерах китайского правительства, как знак особой милости божией. С 1804 г. новые миссионеры больше не допускались, но прежние оставались в Пекине. Еще русская духовная миссия 1820 г. (десятая) застала в Пекине трех миссионеров, находившихся на службе в математическом трибунале; один из них, кроме того, был переводчиком русской миссии. Около того же времени был поднят вопрос об окончательном изгнании католических миссионеров из математического трибунала и о замене их представителями русского духовенства, что при культурном уровне последнего едва ли было возможно. Несмотря на это, в 1826 г. евро-

пейцы-математики были уволены и должны были покинуть Китай; только одному престарелому священнику разрешили остаться в Пекине, где он умер в 1838 г. Покидая Китай, миссионеры передали часть своего имущества русской духовной миссии; одному из членов той же миссии, иеромонаху (впоследствии архимандриту) Даниилу Сивиллову досталась часть бывшей иезуитской библиотеки; впоследствии эта библиотека перешла в собственность Казанского университета. Часть книг иезуитов осталась в Пекине, где ими еще много лет спустя воспользовался К. А. Скачков.

В истории изучения Китая работам иезуитов и других католических миссионеров XVII—XVIII вв. принадлежит одно из самых выдающихся мест. Благодаря продолжительному пребыванию в Китае, миссионерам удавалось овладеть китайской устной и письменной речью в таком совершенстве, которого и впоследствии редко достигали европейцы. Благодаря иезуитам появились в Европе первые сочинения о китайском языке, первые переводы китайских литературных произведений, первые труды по истории и географии Китая, написанные на основании китайских источников. Еще в XVII в. труды Мартини и его пребывание в Европе оказали влияние на ознакомление европейцев с языком и историей Китая. Из трудов миссионеров XVIII в. по китайскому языку более всего известны труды иезуита Премара (прибыл в Китай в 1699 г., умер в 1736 г.), из трудов по истории Китая — сочинения Гобиля († 1759 г.) и Малья (автора „Histoire générale de la Chine“, 1777—1781); первый полный перевод китайских классических книг дал в 1714 г. патер Ноэль (Noël). Кроме отдельных сочинений, в XVIII в. издавались также обширные сборники материалов, на основании донесений, присылавшихся миссионерами. Первый из таких сборников издал в 1735 г. Дюгальд (du Halde), секретарь иезуитского ордена по французским провинциям, под заглавием „Description géographique, historique, chronologique, politique et physique de l'empire de la Chine et de la Tartarie Chinoise“ (4 тома). Впоследствии явились еще более обширные сборники „Lettres édifiantes et curieuses, écrites des missions étrangères“ (несколько изданий), „Mémoires concernants l'histoire, les sciences, les arts, les moeurs, les usages etc. des Chinois, par les missionnaires de Pekin“ (1776 — 1791, 15 томов; впоследствии, в XIX в. вышли еще два тома) и Description générale de la Chine“ (издание Грозье; первое издание вышло в 1785 г. в качестве дополнительного, 13-го тома к „Истории Китая“ Малья).

Деятельность иезуитов не ограничивалась пределами собственного Китая. Кроме путешествий с императорами в Монголию и Маньчжурию, они проникали и в пограничные местности Кореи; в 1709 г. ими была составлена карта полуострова. Д'Орвиль, прибывший в Китай в 1659 г. вместе с Вербистом, в сопровождении другого миссионера, Грюбера, совершил в 1661 г. в шесть месяцев путь из Пекина в Лхасу и оттуда в 1662 г. проехал через Гималаи в Агру, одну из столиц „великих моголов". Еще раньше миссионеры проникли в юго-западную часть Тибета из Индии; таково было путешествие португальского иезуита Антония д'Андрада (1624—25), за которым последовали другие миссионеры; в 1652 г. миссионеры по политическим причинам были вынуждены покинуть Тибет. В XVIII в. иезуитские миссионеры вновь прибыли в Тибет из Индии; Ипполит Дезидери пробыл в Лхасе пять лет (1716—1721 гг.) и покинул город вследствие решения папы в пользу соперничавших с иезуитами капуцинов, прибывших в Тибет еще в 1708 г. В царствование Цянь-Луна, когда последовало изгнание миссионеров из провинций Китая, прекратилась также деятельность капуцинов в Тибете; отъезд их последовал в 1745 г. Для науки пребывание иезуитов и капуцинов в Лхасе не имело таких богатых результатов, как деятельность иезуитов в Китае; впрочем, донесения действовавших в Тибете миссионеров еще не все обнародованы и частью остаются в рукописи.

Исторические материалы, извлеченные иезуитами из китайских источников, касались не только Китая; они первые обратили внимание на известия китайских историков о средне-азиатских народах, остающиеся и до сих пор наиболее ценным, для нескольких веков единственным, источником для изучения истории Средней Азии. Висделу, прибывший в Пекин в 1688 г. вместе с Жербильоном, был автором первой „истории татар", написанной на основании китайских источников. По мысли Висделу, его записи должны были служить дополнением к большой энциклопедии д'Эрбело, посвященной мусульманскому миру; из этого видно, что уже в то время сознавали, насколько при изучении истории Средней Азии необходимо сотрудничество специалистов по Дальнему Востоку со специалистами по Передней Азии. Таким же образом труд Сенковского о Бухаре, вышедший в 1824 г., был назван дополнением (supplément) к большому труду Дегиня (Deguignes) по истории среднеазиатских кочевников, составленному в середине XVIII в. главным образом по китайским источникам.

Вообще европейская наука получила, благодаря иезуитам, богатый материал для изучения Дальнего Востока; но обработка этого материала согласно требованиям европейской науки была уже делом следующих поколений ученых. Иезуиты, как и после них многие европейцы, поселявшиеся в Китае на долгое время, настолько проникались влиянием китайской культуры, что в их глазах все черты жизни страны, в том числе и приемы китайских ученых, заслуживали предпочтение перед соответствующими явлениями европейской жизни. Так Гобиль старается доказать, что китайские „истории династий", составленные особо назначенными для этой цели комитетами, не нуждаются в проверке путем применения методов европейской исторической критики, так как согласное решение целого комитета является столь же веским доводом в пользу достоверности факта, как согласное показание нескольких независимых один от другого источников. Даже в эпоху гонений мы находим в сочинениях миссионеров такие же восторженные отзывы о Китае и его правительстве. К I тому „Mémoires" приложен портрет Цянь-Луна с такими стихами:

Occupé sans relâche de tous les soins divers
D'un gouvernement qu'on admire,
Le plus grand potentat qui soit dans l'univers
Et le plus grand lettré qui soit dans son empire.

Труды иезуитов составили эпоху не только в истории востоковедения, но и в истории географической науки. Географическая карта была составлена еще Маттео Риччи и в 1608 г. представлена китайскому императору. Свои астрономические познания иезуиты применяли к определению широты и долготы мест и к исправлению карты Китая; на основании своих наблюдений, они в 1718 г. составили для императора Канси карту Китайской империи. Через того же Дюгальда, которому принадлежит первый сборник донесений миссионеров, в Европе сделались известны картографические работы и астрономические наблюдения, произведенные иезуитами в Китае. На этих астрономических наблюдениях более всего была основана реформа, произведенная в европейской картографии Делилем (ум. 1726 г.), придворным географом французского короля. Карта Азии издавалась Делилем несколько раз, и последние издания существенно отличаются от первого; впервые были исправлены основные ошибки античной географии и установлены действительные очертания материков. Дальнейшие исправления были внесены во второй

половине того же столетия д'Анвилем (род. 1697, ум. 1782 г.; его первые карты относятся к 1729 и 1734 гг., полный атлас Китайской империи к 1737 г.), и преимущественно касались географических деталей; эти исправления стали возможными главным образом благодаря тем сведениям о Сибири и Средней Азии, собранным русскими, которыми отчасти пользовался уже Делиль; кроме того, д'Анвиль еще в большей степени, чем его предшественник, воспользовался работами миссионеров. На карте д'Анвиля были основаны последующие карты азиатского материка до расширения географических познаний о Средней Азии в XIX в., благодаря английским и русским исследованиям.

Об Адамсе и голландцах: Memorials of the Empire of Japan in the XVI and XVII centuries. Edited with notes by Th. Rundall. Lond. 1850 (Hakl. Soc. № 8). О факториях в Хирадо (Фирадо) и Десиме Ph. Fr. de Siebold, Voyage au Japon, éd. française, t. I, Paris 1838, p. 111—123. О христианстве в Японии: Charlevoix, Histoire de l'établissement, des progrès et de la décadence du christianisme dans l'empire du Japon, Rouen 1715 (3 тома; есть более позднее издание — 1828 г.). О миссионерах в Японии и Китае и их трудах: H. Cordier, Notes pour servir à l'histoire des études chinoises en Europe jusqu'à l époque de Fourmont l'ainé (Nouv. mélanges orientaux, Paris 1886, p. 399—429). О Гендрике дю-Гамеле „Описание Кореи" (изд. министр. финансов), I, 61. О Кемпфере и Зибольде O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 628 f.; о Кемпфере еще Revue de l'Extrême Orient, II, 494—504; III, 144—158. Путешествие Тунберга: C. P. Thunberg, Voyages au Japon, trad. par L. Langlès, Paris an IV (1796). Перечень трудов о Японии, вышедших до 1859 г.: L. Pagès, Bibliographie Japonaise ou catalogue des ouvrages relatifs au Japon qui ont été publiés depuis le XV siècle jusqu'à nos jours, Paris 1859; перепечатано и упомянутой в библиографии к гл. X книге Fr. v Wenckstern. Об истории миссии в Китае подробнее всего du Halde, Description etc., t. III, p. 79—134 (до 1723 г. включительно); о миссионерах XVII в. еще History of the two tartar conquerors of China, from the french of Père Pierre Joseph d'Orléans transl. and edited by the Earl of Ellesmere, Lond. 1854 (Hakl. Soc. № 17). Lettres édifiantes etc., гулузское издание 1810—11 гг. в 26 томах, из них I—V Mémoires du Levant, VI—IX Mémoires d'Amérique, X—XV Mémoires des Indes, XVI—XXIV Mémoires de la Chine, XXV—XXVI Mémoires des Indes et de la Chine. Ср. особенно tt. XIX и XXII (о гонениях при Юн-Чжэне), предисловие к t. XXV (биография Риччи) и t. XXVI p. 237—283 (о иезуитах и папском легате). Продолжение тех же писем: Nouvelles lettres édifiantes des missions de la Chine et des Indes Orientales, Paris 1818—23, 8 томов; письма в хронологическом порядке с 1767 г.; о состоянии миссии предисловие к т. I; о действиях Цянь-Луна т. I, стр. 333 и т. II, стр. 55—79. О миссии еще Revue de l'Extrême Orient, tt. I—III, статьи H. Cordier под общим заглавием: Documents inédits pour servir à l histoire ecclésiastique de l'Extrême Orient. О слове „чай" замечание И. Ю. Крачковского в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XIX, 0106 и мое возражение там-же, 0180. О значении вытеснения мусульманских астрономов европейскими Мир Ислама I (1912), 8. О сопоставлении Мухаммеда с Конфуцием напр. Труды Вост. Отд. Русск. Арх. Общ., XVIII, 207. Главный труд о китайских мусульманах Mission d'Ollone 1906—1909, Paris 1911. Статья Скачкова „Судьба астрономии в Китае" в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 173 (1874 г.), отд. II, стр. 1—31. О встрече русской 10-й миссии с католическими миссионерами: Е. Тимковский, Путешествие в Китай, Спб. 1824, ч. II, стр. 57—66. Об изгнании миссионеров в 1826 г. K. Neumann в Zeitschr. der D. Morg. Ges. I, 123. О библиотеке В. П. Васильев в Mélanges Asiatiques II, 581; ср. сведения о Казанских рукописях в Revue de l'Extrême Orient, II, 399—413. О христианстве в Китае еще M. Huc, Le Christianisme en Chine, en Tartarie et au Thibet, Paris 1857—58 (4 тома). О Корее: Описание Кореи, изд. мин. финансов, I, 62; о Тибете H. В. Кюнер, Описание Тибета, ч. I, вып. I,

Владивосток 1907, стр. 31—43, с примечаниями и с поправками в конце тома. О Висделу см. библиографию к следующей главе; слова Гобиля находятся в предисловии к его труду Histoire de Gentchiscan, Paris 1739. Труд Дегиня: Jos. Deguignes, Histoire des Huns, des Turcs, des Mogols et des autres Tartares occidentaux 1756—58. О картах Делиля и д'Анвиля O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 671 f.; о д'Анвиле еще замечания в упомянутых выше книгах „Описание Кореи", „Описание Тибета" и друг.

ГЛАВА IX.

После открытия Америки и морского пути в Индию Передняя Азия имела для европейской торговли только второстепенное значение; тем не менее обороты так называемой „левантинской" торговли оставались довольно значительными. Для политической жизни Европы мусульманский Восток имел еще большее значение, чем прежде. Для некоторых государств, как для Германии, турецкая империя была врагом, подвергавшим опасности самое существование христианского мира; другие, как Франция, искали в турках союзников против своих европейских врагов.

Под влиянием общих успехов европейской культуры, торговые и политические сношения с Востоком в большей степени, чем прежде, отражались на успехах востоковедения. В Германии появились первые труды по истории Турции, написанные на основании турецких источников; в 1591 г. во Франкфурте был напечатан труд Левенклау (Leunclavius) „Historiae Musulmanae Turcorum de monumentis ipsorum exscriptae libri XVIII". В Париже в XVI в. впервые была осуществлена мысль, высказанная еще в XIV в. — было введено университетское преподавание восточных языков, под которыми до XIX в. понимали только языки библии и ислама. Первым профессором арабского языка был Гильом Постель, едва ли не первый ориенталист того типа, который только в XIX в. был окончательно вытеснен развитием специализации. Восторженный почитатель ислама и восточных литератур, Постель переходил от одного восточного языка к другому и говорил, что может пройти без переводчика через все страны до Китая. Сколько нибудь правильного представления о характере языков он, конечно, не имел, всецело оставаясь на почве библейских преданий; по его мнению, еврейский язык до вавилонского столпотворения был языком всего человечества. Ученые занятия соединялись в нем с фанта-

стическими планами в области политики и религиозной пропаганды. Увлечения ориенталистов этого типа не уменьшают, конечно, их значения, как пионеров науки во всех отраслях востоковедения; от языков библии и ислама, единственных, преподававшихся в университетах, они переходили к языкам Дальнего Востока, которые в то время, благодаря иезуитам, впервые сделались доступными для европейских ученых; так еще в XVII в. голландский ориенталист Яков Голиус сделался учеником иезуита Мартини. Вообще Голландия уже в первой половине XVII в. имела целую школу ориенталистов, главными представителями которой были Голиус, Эрпениус (латинские окончания присоединены к фамилиям по обычаю того времени) и Варнер; последнему принадлежит собрание рукописей, оставленное им лейденскому университету и получившее название legatum Warnerianum. Голиус, автор словарей арабского и персидского, совершил несколько путешествий на Восток — в Марокко, Малую Азию и Сирию. По широте научных стремлений ученые этой школы далеко оставляли за собой школу арабистов-филологов XVIII в., основателем которой также был голландский ориенталист (А. Шультенс, 1686—1750), хотя без всякого сравнения уступали ей по научности методов. Сведения, извлекавшиеся ориенталистами из памятников арабской литературы, отражались и на успехах других отраслей знания, особенно географии; Постель первый из новейших западно-европейских ученых пользовался арабским географическим сочинением, именно трудом компилятора XIV в. Абу-л-Фиды, хотя первый перевод этого труда на европейский язык появился только в XVIII в. Значительно раньше (арабский текст был напечатан в Риме еще в 1592 г., хотя только в извлечении) европейцы ознакомились с компиляцией Идриси. Еще раньше некоторые сведения по арабской географии стали известны европейцам по сочинению об Африке Льва африканского, араба, принявшего христианство. Его мусульманское имя было Хасан ибн-Мухаммед; около 1520 г. он был взят в плен морскими разбойниками и привезен в Рим, к папе Льву X, и в 1526 г. перевел на итальянский язык свой труд об Африке, большею частью заключающий в себе сведения, собранные им самим во время путешествий; но автор пользовался также трудами средневековых географов, как Идриси, ал-Бекри и Мас'уди. Арабский подлинник утрачен, итальянский текст известен только по изданию Рамузио (1550), с которого были потом сделаны переводы на различные языки, в том числе в 1600 г. на английский (с об-

ширными дополнениями). Вполне естественно, что из восточных трудов по географии и истории предметом занятий европейских ученых прежде всего сделались позднейшие компиляции; эти сочинения успели вытеснить на Востоке первоисточники и потому прежде других проникли в Европу. Еще раньше, чем компилятивные труды мусульман, в Европе стали изучаться и издаваться компилятивные исторические труды восточных христиан. Во время путешествий на Востоке, особенно в Сирии, европейцы находили гостеприимство в христианских домах и монастырях, научались там восточным языкам и получали указания и содействие, особенно в тех случаях, когда дальнейшее путешествие приходилось совершать под видом мусульман.

Кроме Турции, целью европейских путешественников была и Персия. В Персии европейские государи продолжали искать союзников против турок; еще в 1523 г. шах Исмаил прислал письмо Карлу V; в 1529 г. от Карла V было отправлено посольство к шаху Исмаилу (в Европе не знали, что последний умер еще в 1524 г.). В Персию ездили через Россию купцы, искавшие новых торговых путей; наконец, в Персии в большей степени, чем в Турции, имели успех путешественники-авантюристы.

Этот новый тип путешественников в XVI в. получает выдающееся значение в истории ознакомления Европы с Востоком. Не будучи ни купцами, ни миссионерами, ни послами, ни учеными, такие путешественники отправлялись на Восток чаще всего под влиянием неудач в жизни и неудовлетворенности тем положением, которое им приходилось занимать в европейском обществе. В чужой стране они надеялись найти больший простор своим силам и наполнить жизнь более разнообразными впечатлениями; в случае возвращения на родину — своими рассказами о малоизвестных землях и народах заслужить благодарность и уважение своих сограждан. Средства приобрести влияние при дворе восточных государей были для европейцев в Передней Азии те же, как и на Дальнем Востоке: астрономические познания, ценившиеся и мусульманами, и главным образом познания в военном деле, в котором первенство европейцев после изобретения пороха было окончательно установлено. В случае успеха наиболее выдающиеся из таких путешественников выступали добровольцами в политике и в науке, пользовались своим влиянием для содействия политическим интересам своего отечества и доставляли новый материал науке, насколько это было возможно без специальной подготовки.

В 1502 г. отправился из Венеции на Восток Лодовико Вартема, происходивший из Болоньи. По его собственным словам, он видел в путешествии средство занять почетное положение в современном ему обществе. Доставить людям новые сведения казалось ему лучшим способом приобрести их уважение; для этой цели было два пути, путь книжной учености и путь странствования по неизведанным землям; первый путь не соответствовал склонностям Вартемы; оттого им был избран второй. В Египте он оставался недолго, так как эта страна, вследствие тесных сношений с Венецией, была слишком известна на его родине, и отправился в Сирию; в Дамаске он научился арабскому языку и под видом мусульманина присоединился к каравану паломников, с которым совершил путешествие в Мекку и принял участие во всех обрядах поклонения святыням ислама. Вартема — первый из европейцев, проникший в Мекку под видом мусульманина, и единственный, совершивший это путешествие из Сирии; остальные европейцы всегда присоединялись к египетскому каравану. Из Мекки он отправился в Джидду, откуда с мусульманскими купеческими судами совершил путешествие в Иемен, Аден, Персию, Индию и Индийский архипелаг до Молуккских островов. Направление его путешествия определялось случаем; никакого заранее составленного плана у него не было; тесно сблизившись с одним персидским купцом, он хотел отправиться с ним в Среднюю Азию и уже дошел до Герата, когда военные события того времени заставили их обоих отказаться от своего намерения и направить свой путь в Индию. Из Индии он сперва рассчитывал отправиться в Китай; в Бенгалии он встретил двух христиан-сирийцев, происходивших из какого-то города Sarnau в Китае (из этого видно, что в Китае в то время еще не совсем были уничтожены результаты деятельности несториан монгольского периода). Несколько мусульманских владетелей хотели воспользоваться военными познаниями Вартемы для борьбы с португальцами, для чего он должен был делать им пушки; но его совесть не позволяла ему помогать мусульманам в борьбе с христианами; из Каликута ему удалось бежать в Кананор, находившийся в руках португальцев; доставленные им сведения способствовали успехам португальских войск, за что Вартема, вернувшийся около 1508 г. в Европу через Лиссабон, был возведен португальским королем в рыцарское звание.

В XVII в. совершил путешествие на Восток, также из Венеции, другой итальянец, римский патриций Пиетро делла-

Валле (родился в 1586 г.). В противоположность Вартеме, делла-Валле принадлежал к числу образованных людей своего времени и был членом гуманистического общества „Umoristi“, в котором носил характерное прозвание „Fantastico“. Вследствие неудачи в любви он принял новое прозвание „Pellegrino“ и в 1614 г. отправился путешествовать на Восток, проехал морем из Венеции в Константинополь, из Константинополя в Египет, оттуда сухим путем в Сирию, посетил Иерусалим, из Сирии через Месопотамию отправился в Персию, где ему удалось приобрести влияние при дворе шаха Аббаса Великого. Во время путешествия через Месопотамию он в 1616 г. женился на одной сирийской девице; лишившись ее в 1622 г. на берегу Персидского залива, он положил набальзамированное тело в гроб и вез его с собой до своего возвращения в Рим в 1626 г. В Персии он принял личное участие в войнах шаха Аббаса с турками и составил план союза против турок с русскими казаками. Из Персии он совершил еще путешествие в Индию, где посетил приморские города от Сурата до Каликута; обратно проехал морем в Басру, оттуда сухим путем в Александретту. Свои впечатления он излагал в „дружеских письмах“ на родину, из которых при его жизни были обнародованы только письма из Турции; кроме того, им была написана история Аббаса, представляющая восторженный панегирик этому шаху (она была напечатана в Венеции в 1628 г., но не выпущена в свет). В своих письмах он касался не только виденных им стран, но и политических событий того времени, особенно борьбы шаха, при содействии англичан, с португальцами. Путешествие Пиетро делла-Валле дало европейской науке первые краткие сведения о развалинах Вавилона, первое более подробное описание развалин Персеполя и первый образчик персидской клинописи. Делла-Валле был знаком не только с восточными языками, но и с восточными авторами, на которых иногда ссылается в своих описаниях; им были привезены в Европу восточные рукописи, в том числе исторические, и копии восточных надписей. В общем он отдает предпочтение Персии перед Турцией; Турция кажется ему более варварской страной, хотя он отзывается с похвалой о некоторых турецких тканях, тогда как Персия, по его словам, почти ни в чем не уступала Европе, если не считать произведений промышленности и „некоторых вещей, относящихся к приятности жизни“. Характерно, что Пиетро делла-Валле, изучая в Константинополе турецкий язык, прибавляет, что этому языку он на родине не мог бы научиться,

тогда как хороших учителей арабского языка он мог бы найти и в Италии. Из этого видно, насколько тогда теоретическое востоковедение преобладало над практическим. Темперамент автора не позволяет придавать большое значение его отзывам; так в одном письме он высказывает несколько отрицательный отзыв о шахе Аббасе, в другом берет назад все свои обвинения и говорит, что они были высказаны под влиянием раздражения. Вследствие своего гуманистического образования он, подобно венецианским путешественникам XV в., часто употребляет в своих описаниях термины греческой географии, напр. говорит о горных хребтах „Тавр" и „Имай". Вернувшись в Европу, он поселился в Риме, но вскоре после этого его необузданный характер довел его до убийства, вследствие чего он должен был покинуть Рим и некоторое время пробыл в изгнании, потом был прощен и умер в своем родном городе (1652).

Путешествия Вартемы и делла-Валле были последними отголосками того значения, которое некогда имела Венеция для исследования Востока. Венецианская республика не приняла никаких мер, чтобы воспользоваться результатами этих путешествий, совершенных из Венеции; сами путешественники, повидимому, столь же мало заботились об интересах Венеции или других итальянских городов; в их политических рассуждениях и проектах говорится только об общих интересах христианского или католического мира. Иной характер имели путешествия, совершавшиеся в то время, частью по поручению правительств, частью добровольцами, из стран, к которым постепенно переходило господство над путями мировой торговли.

Вместе с развитием в XVI в. английского мореплавания начинается участие в деле исследования Востока англичан, в средние века не принимавших в этих исследованиях никакого участия, если не считать фантастического путешествия Мандевиля. Англичанами была снаряжена в 1553 г., под начальством Виллоби и Ченслера, первая полярная экспедиция, имевшая целью отыскать новый путь в Китай. Корабль, находившийся под начальством Виллоби, погиб со всем экипажем в полярных морях; более счастлива была судьба Ченслера, который достиг Белого моря, встретил радушный прием со стороны московского правительства и положил начало морской торговле между Россией и Англией. В Англии для этой торговли образовалась особая компания, в первое время надеявшаяся воспользоваться также торговым путем из России в Китай через Среднюю Азию, имевшим такое значение в средние века.

В 1558 г. уполномоченный компании Антоний Дженкинсон, при содействии московского правительства, отправился из Астрахани по Каспийскому морю, высадился на полуострове Мангышлаке и с торговым караваном проник в Хиву и Бухару, где провел зиму, после чего в 1559 г. вернулся в Россию в сопровождении бухарских и хивинских послов. Дженкинсон убедился в полном упадке экономического благосостояния областей Средней Азии и их торговли с Китаем; после него до утверждения английского владычества в Индии со стороны англичан уже не было попыток проникнуть в Среднюю Азию. Несомненно, что владычество степняков-узбеков, завоевавших страну в начале XVI в., крайне неблагоприятно отразилось на благосостоянии Средней Азии, но торговыми путями в Китай, как показывает отчет о путешествии Гоэса и другие известия, мусульманские купцы продолжали пользоваться.

Отказавшись от мысли найти через Россию путь в Китай, англичане воспользовались торговым путем из России, через Астрахань и Каспийское море, в Персию; такое путешествие совершил еще Дженкинсон. В конце того же столетия, еще до Пиетро делла-Валле, при дворе шаха Аббаса появились авантюристы-англичане братья Ширли, Антоний и Роберт. Оба отправились из Европы в 1598 г. и потом заняли в Персии влиятельное положение благодаря знанию военного дела; произведенная ими реорганизация персидской армии содействовала последующим успехам персов в борьбе с турками. В этой борьбе шах надеялся найти союзников в Европе, куда отправил посольство с Антонием Ширли во главе. Посольство, отправленное через Россию в самом начале XVII в. к некоторым германским государям, в Венецию, к папе и в Испанию, не имело успеха; главу посольства еще в России обвиняли в присвоении подарков, назначенных для государей; в Испании один из персидских членов посольства, Урудж-бек, принял христианство под именем дона Хуана де-Персия, остался в Испании и написал на испанском языке сочинение о Персии. Сам Антоний Ширли остался в Италии и в 1613 г. издал описание своих путешествий. Роберт Ширли в 1608 г. также был отправлен в Европу с официальным поручением, выполнение которого было затруднено интригами его брата; из Европы он вернулся в Персию морским путем, через Индию.

Несмотря на изменение путей мировой торговли, торговля с Персией и в эту эпоху еще имела для европейцев некоторое значение. Европейские купцы приезжали в Персию главным

образом для покупки гилянского шелка (шелководство в Гиляне пришло в упадок только в XIX в.) и драгоценных камней, особенно бирюзы (бирюзовые копи в Хорасане разрабатываются и в настоящее время). Гилянский шелк, вызвавший в XIII в. появление на Каспийском море генуэзского торгового флота, в XVII в. был причиной посольства в Персию из Германии. Посольство было отправлено Фридрихом IV, герцогом гольштейн-готторпским, незадолго перед тем основавшим гавань Фридрихштадт; чтобы поднять значение этой гавани, он хотел сделать ее средоточием ввоза персидского шелка. В посольстве принимал участие, в качестве секретаря, магистр лейпцигского университета Адам Олеарий (собств. Эльшлегер). Посольство отправлялось из Гольштейна два раза; в первый раз (1633—1635) оно дошло только до Москвы, во второе путешествие (1635—1639) проникло из России в Персию и в Исфахане было принято шахом, но не достигло своей цели. Посол Брюгман своим самовластным поведением восстановил против себя остальных участников посольства, в том числе и Олеария. Столкновение с Брюгманом заставило Олеария отделиться от посольства и поступить на русскую службу; в грамоте, данной ему от имени царя Михаила Федоровича, говорится: „Ведомо нам учинилось, что ты гораздо научен и навычен в астроломии, и географус, и небесного бегу и землемерию, и иным многим надобным мастерствам и мудростям; а нам, великому государю, таков мастер годен". Вскоре после этого Брюгман в Гольштейне был заключен в тюрьму и впоследствии казнен; Олеарий воспользовался этой переменой обстоятельств, чтобы с разрешения герцога вернуться в Гольштейн. В предисловии к своему труду он благодарит герцога за то, что тот избавил его от русской службы.

Описание путешествия гольштейнского посольства, составленное Олеарием и заключающее в себе много ценных сведений о московской Руси, принадлежит также к числу важнейших трудов европейских путешественников о Персии. Автор отличался редкой наблюдательностью и редкой для того времени независимостью суждений; при описании виденных им стран и при нанесении их на карту он отступил от классических авторитетов, что в глазах его университетских друзей было недостатком книги. Защищаясь против этого упрека, Олеарий доказывает, что в науке нередко признается общепризнанной истиной то, что является только укоренившимся заблуждением: ошибка, сделанная первоначальным исследователем, повторяется

всеми, кто пользуется его трудом, и errante uno errant omnes. Путешествие Олеария содействовало ознакомлению европейцев не только с Персией, но и с персидской литературой; с помощью перса он первый перевел на немецкий язык „Гулистан“ Са'ди. Секретарь персидского посольства в Голыптейне, Хакверди, некоторое время (1642—3) был на службе у Голиуса.

Торговля драгоценными камнями привлекла в Персию французских путешественников XVII в., Таверньe и Шардена. Первый между 1636 и 1663 гг. совершил шесть путешествий на Восток; второй был на Востоке два раза (1664—1670 и 1671—1677) и в это время был назначен в Персии „царским купцом“ и придворным ювелиром шаха; персидским языком он владел вполне, из Персии он ездил также в Индию. Возвращение его во Францию совпало с эпохой „драгонад“ при Людовике XIV; Шарден, как протестант, покинул свою родину, переселился в Англию, получил звание придворного ювелира короля Карла II и остался на английской службе до своей смерти (1713). Из всех путешественников, посетивших в XVII в. Персию, Шарден дал самое подробное и всестороннее описание этой страны, которое до сих пор сохраняет значение классического труда.

Современник Таверньe и Шардена Тэвено был богатым человеком, путешествовавшим для своего удовольствия; он посетил Турцию, Малую Азию и Египет (1652—1656), впоследствии (1663—1667) проехал через Персию до Бендер-Аббаса; умер на обратном пути в северной Персии. Из восточных языков он знал турецкий и несколько персидский.

Кроме европейских купцов, Персию в XVII в. посещали и европейские миссионеры. Проповедь христианства имела в Персии, как вообще в мусульманском мире, еще меньше успеха, чем на Дальнем Востоке; восточные христиане также не подчинялись католической пропаганде и против действий патеров искали защиты у персидского правительства; тем не менее мы и здесь, как в Китае, находим миссионеров, поселявшихся в стране на долгое время и благодаря своим знаниям достигавших влиятельного положения при дворе государей. Французские путешественники XVII в., как теперь доказано, получили значительную часть своих сведений от патера (из ордена капуцинов) Рафаила дю-Мана (du Mans), который в 1644 г. приехал из Алеппо в Багдад, в 1646 г. прибыл в Персию и остался в этой стране до своей смерти, последовавшей в 1696 г. в Исфахане. Он имел влияние на шаха

Аббаса II; персидскому правительству он оказывал услуги в качестве переводчика и, кроме того, был ему полезен своими познаниями в математике и астрономии. Его труды в то время остались в рукописи; только в новейшее время был издан французским ориенталистом Шефером отчет о состоянии Персии в 1660 г., составленный дю-Маном для министра Кольбера и заключающий в себе подробные сведения о стране и народе, в особенности о системе управления. В противоположность иезуитам, поселившимся в Китае, дю-Ман не был поклонником своей второй родины. Его отношение ко всему, что он видел в Персии, резко отрицательное; даже в памятниках старины, как в развалинах Персеполя, он не видит ничего замечательного по сравнению с западно-европейскими постройками; все, что было сказано до него о художественном значении этих памятников, кажется ему преувеличенным. Подобно делла-Валле, дю-Ман признает за Персией некоторые преимущества перед другими восточными странами, но согласен признать персов только „одноглазыми“ по сравнению со слепотой других восточных народов.

Труд дю-Мана таким образом представляет характерный пример того отношения к Востоку, которое с XVII в. все чаще встречается у европейских исследователей. Научная жизнь в XVII веке еще не прекращалась на Востоке; в Турции именно в это время, значительно раньше, чем в западной Европе, происходило сопоставление результатов арабской географической науки с результатами европейской. Появился и оригинальный географический труд на турецком языке — описание путешествий Эвлия-челеби — по обилию материала (географического, этнографического и лингвистического) далеко оставляющий за собой труды классических арабских географов, хотя, с другой стороны, заключающий в себе значительный элемент явного вымысла. Но в общем в XVII в. культурное первенство Европы уже вполне определилось. Европейцы в эту эпоху впервые обращают внимание на противоположность между успехами европейской культуры и отсталостью Востока; впервые ставится вопрос о причинах этого явления.

Попытку разрешить этот вопрос мы находим, между прочим, у путешественника Франсуа Бернье, посетившего Индию в начале царствования Ауренгзиба, самого могущественного представителя династии так называемых „великих моголов“. Путешествие Бернье, по его словам, было вызвано желанием видеть новые страны; по образованию он был натура-

листом и медиком и сделался в Индии придворным врачом Ауренгзиба. На пути в Индию он посетил Сирию и Египет и больше года прожил в Каире, чтобы изучить арабский язык; в Индии он прожил 12 лет, посетил разные области, между прочим сопровождал эмира Данишменда, приближенного Ауренгзиба, во время его путешествия в Кашмир. Описание путешествия Бернье разделяется на несколько частей; отдельно излагается история междуусобий 1655—1660 гг., под заглавием „Histoire de la dernière révolution de l'empire du Grand Mogol", и история следующих пяти лет, под заглавием „Événements particuliers"; все остальное, в том числе и описание путешествия в Кашмир, изложено в форме писем; в числе их находится особый доклад на имя Кольбера о состоянии Индии, о доходах „великих моголов", о личности Ауренгзиба, о причинах упадка восточных стран (главную причину Бернье видит в отсутствии на Востоке частной земельной собственности), не только Индии, но также Передней Азии и Египта.

В эту же эпоху в Европе, особенно во Франции и Англии, возникли те богатые собрания восточных рукописей, благодаря которым исследователь Востока теперь находит в главных городах Европы большее количество письменных источников по интересующим его вопросам, чем в столицах восточных государств. В конце XVII в французским ориенталистом д'Эрбело (1625—1695), лично не бывавшим на Востоке (план его поездки туда вместе с Тэвено, которого он встретил в Риме, не осуществился), было составлено, в форме энциклопедического словаря, первое собрание сведений о мусульманском Востоке, извлеченных из сочинений восточных авторов, под заглавием „Bibliothèque Orientale". Д'Эрбело находился под влиянием французских путешествий в Персию и потому называет столицу династии Сефевидов, Исфахан, „самым великолепным городом после китайских". Подобно другим европейцам XVII в. д'Эрбело, говоря о Мухаммеде и коране, не мог отрешиться от христиансих традиций. В этом отношении не было различия между трудами католиков и протестантов. Таким же характером отличается „Historia Orientalis" современника д'Эрбело, Хоттингера (цюрихского уроженца, учившегося в Голландии). К концу XVII в. относится первое „всемирное путешествие" (конечно, к этой категории не принадлежат кругосветные плавания, начавшиеся еще в XVI в.), долгое время остававшееся единственным, именно путешествие итальянца Gemelli Carreri, выехавшего из Неаполя в 1693 г., посетившего мусуль-

манские страны (в Персии он в 1694 г. был в Исфахане при возведении на престол нового шаха), Индию, Малакку, Сингапур, Китай, часть Средней Америки и вернувшегося в Италию через Испанию и Францию.

Успехам ориентализма в Англии более всего содействовало существование английской фактории в Сирии, в городе Алеппо. Той же фактории наука обязана открытием знаменитых развалин Пальмиры. Первые сведения о развалинах большого города в пустыне были получены купцами фактории от бедуинов, но только много времени спустя, в 1678 г., купцу Галифаксу удалось проникнуть к этим развалинам и описать их. Более подробное исследование развалин было произведено уже в XVIII в. англичанами Даукинсом и Вудом, посетившими Пальмиру в 1751 г., и французским путешественником Вольнеем (о нем см. ниже).

Когда в 1636 г., по инициативе архиепископа Лода (Laud), впервые было введено преподавание арабского языка в оксфордском университете, то первым преподавателем был назначен Эдуард Покок, бывший прежде капелланом алеппской фактории. Им же были изданы и переведены на латинский язык труды христианских арабских историков Евтихия и Абульфараджа (труд другого христианского историка, ал-Макина, был издан еще раньше голландским ориенталистом Эрпениусом и в том же XVII в. переведен на языки английский и французский). Учителем Покока был пастор В. Бедвель (Bedwell), умерший в 1632 г., находившийся в переписке с Эрпениусом.

Семья Пококов и в XVIII в. оказала влияние на успехи английского востоковедения; один из членов этой семьи, Ричард Покок, совершил путешествие в Переднюю Азию и Египет (1737—1742) и издал две книги, одну о Египте (1743), другая разделялась на две части: 1) Палестина, Сирия, Месопотамия, Кипр, Кандия; 2) Архипелаг, Малая Азия, Фракия, Греция (1745). По отзыву Вольнея он, несмотря на теоретическую подготовку, не обладал практическим знанием восточных языков и не мог обходиться без переводчика. Из трудов английских ориенталистов XVII в. более всего содействовали популяризации сведений о Востоке труды Т. Хайда (Th. Hyde, † 1702). В своей „Истории религии древних персов“, вышедшей в 1700 г., он уже пришел к некоторым выводам, признающимся правильными до сих пор, хотя он не имел понятия ни о языке Авесты, ни о древне-персидском, и ста-

рался доказать, что древне-персидские надписи на самом деле только архитектурные украшения.

В XVIII в. мы видим первые примеры европейских путешествий на Восток исключительно с научною целью, независимо от каких бы то ни было политических, коммерческих или миссионерских задач. Первое из этих путешествий, именно путешествие Жозефа де-Турнефора, профессора ботаники в Jardin des Plantes в Париже, в Малую Азию, Армению и Персию (1700 — 1702), было посвящено главным образом выяснению естественно-научных вопросов и имело мало отношения к задачам востоковедения, хотя автор и задавался целью описать „дух, нравы, торговлю и религию различных народов", также объяснить „монеты и древние памятники". Отношение автора к памятникам прошлого восточных народов вполне определяется его словами, что из развалин городов интерес представляют только греческие, благодаря надписям. Характерно, что это мнение высказывается им по поводу развалин города Ани в Армении, о существовании которых он узнал только после того, как проехал мимо; он не считал нужным жалеть о том, так как эти развалины — не греческие. В действительности именно развалины Ани заключают в себе большое число важных для историка надписей. Для успехов естествознания его путешествие имело большое значение; благодаря исследованию горы Арарат, путешественником впервые был установлен факт, что климатические поясы в зависимости от высоты местоположения располагаются в таком же порядке, как в зависимости от географической широты. Замечательно, что этот простой вывод окончательно вошел в науку только столетием позже.

Эпоху в истории востоковедения составило путешествие в Индию молодого французского ученого (род. в 1731 г.) Анкетиля дю-Перрона. Анкетиль еще в Париже изучил несколько восточных языков и ознакомился с оксфордской рукописью Вендидада, одной из священных книг древнего Ирана, язык которых в то время был еще неизвестен европейцам. Анкетиль тогда же понял, какое значение могло иметь для европейской науки изучение по первоисточникам религии древнего Ирана, основанной Зороастром, и решил для этой цели отправиться в Индию к представителям этой религии, гебрам. Не имея средств для совершения этого путешествия, он в 1754 г. записался на службу французской ост-индской компании и поступил простым солдатом на корабль, отправлявшийся в Индию. Однако ему пришлось пройти солдатом

только расстояние от Парижа до берега моря; еще до отплытия корабля его намерение сделалось известным королю Людовику XV; по повелению короля, Анкетилю была назначена пенсия в размере 500 ливров в год; со стороны директора компании он также встретил полное сочувствие и был освобожден от военной службы, причем ему был обеспечен даровой проезд в отдельной каюте и обед за капитанским столом. После прибытия в Индию компания назначила ему жалованье в размере 1400 ливров в год, что вместе с королевской пенсией составляло 1900 ливров. Посетив некоторые местности Индии, он в 1758 г. поселился в Сурате, где нашел гебров и получил возможность заниматься с ними; занятия его не были прерваны и после занятия Сурата англичанами (1759). В 1761 г., после трехлетнего пребывания в Сурате, он вернулся в Англию, в 1762 г. во Францию, в 1771 г. обнародовал полный перевод „Зенд-Авесты“—собрания книг, приписываемых Зороастру, язык которых в европейской науке еще долгое время спустя называли „зендским“ (только впоследствии выяснилось различие между Авестой — подлинным сводом этих книг — и Зендом — толкованием к ним на так называемом пехлевийском или среднеперсидском языке).

Подвиг Анкетиля не всеми современниками его был оценен по достоинству: сомневались даже в подлинности привезенных им рукописей; некоторые ученые утверждали, что переведенные им тексты были сознательной подделкой если не его самого, то тех лиц, от которых он получил свои сведения. Несправедливость этих обвинений давно доказана, и труд Анкетиля, положивший начало объяснению Авесты, в XIX в. нашел себе продолжателей, постепенно устранивших недостатки первого опыта. Трудности, с которыми связано изучение мертвого языка Авесты и перевод текстов, объясняемых современными гебрами иногда совершенно неправильно, не вполне преодолены и до сих пор; при Анкетиле научные методы, благодаря которым европейские филологи могут критически относиться к теориям восточных ученых, еще не вполне были выработаны. Сверх того Анкетиль, повидимому, не всегда правильно понимал своего учителя; при выполнении работы, как и при составлении плана путешествия, им руководили не столько строгие требования науки, сколько нетерпеливое увлечение пионера. Объяснению темных мест Авесты впоследствии содействовала близость языка Авесты к санскритскому; успехами санскритоведения, которое в эпоху Анкетиля едва началось (сам Анке-

тиль в Индии также научился санскритскому языку от брахманов), воспользовались переводчики XIX в., начиная с датского ученого Раска (в 20-х годах) и французского ученого Евгения Бюрнуфа (в 30-х). Раск совершил в 1819 — 22 гг. путешествие из России через Кавказ сухим путем в Персию и Индию. Его заслуги были настолько признаны современниками, что русский профессор Погодин писал о нем: „Он мог бы для сравнительной филологии быть тем, что Риттер для географии".

Другие труды Анкетиля (ум. в 1805 г.), именно его „Географические и исторические разыскания об Индии" и „Индия в отношении к Европе" не оставили большого следа в науке. В этих трудах он был более публицистом, чем ученым, восхвалял преимущества индийской культуры и нападал на разорительную для туземцев систему английского управления; в годы старости он подражал брахманам даже в своем личном образе жизни. Нельзя отрицать, что в деятельности Анкетиля кроме искреннего научного энтузиазма проявляется также значительная доля личного тщеславия, ярко выразившегося и в предисловии к его Зенд-Авесте.

Совершенно иной характер, чем труд Анкетиля, имели труды других ученых путешественников XVIII в., Нибура и Вольнея. Нибур принял участие в ученой экспедиции, снаряженной датским правительством по мысли геттингенского профессора Михаэлиса; целью экспедиции было добыть материал главным образом для разъяснения некоторых мест библии. Число вопросов, требовавших разрешения, список которых был составлен Михаэлисом, доходит до ста; кроме того, французскими унеными была составлена для членов экспедиции записка о задачах, связанных с изучением юго-западной Аравии, Иемена (по инструкции, составленной от имени короля Фридриха V, путешественники должны были провести в Иемене два или три года). Изучение современной культурной жизни Аравии не предполагалось; по отношению к исламу предписывалось только воздерживаться от нападок на него. В состав экспедиции вошли Нибур, в качестве математика, ориенталист Христиан фон-Хавен, ученик Михаэлиса, врач, физик и живописец. Путешественники отправились в 1761 г., посетили Сирию, Египет, Аравию и прибыли в Бомбей; четверо членов экспедиции умерли в дороге (последний в 1764 г. в Бомбее); Нибур один отправился из Бомбея в Маскат и оттуда через Персидский залив в Персию, посетил Шираз и развалины

Персеполя, вернулся к берегу залива, оттуда проехал морем на остров Харак и в Басру, из Басры сухим путем через Багдад в Палестину, из Палестины на остров Кипр и оттуда в Малую Азию, через Малую Азию в Константинополь, откуда в 1767 г. вернулся на родину.

Благодаря систематическому определению астрономических пунктов путешествие Нибура имело большое значение для картографии; сверх того он после смерти своих товарищей старался исполнить все те работы, которые были возложены на них, в том числе и работы ориенталиста; для этой цели он уже в дороге научился арабскому языку. После Вартемы он был первым европейцем, посетившим значительную часть арабского полуострова. На всем пространстве от Египта до Индии им были сделаны копии с надписей, как мусульманских и греческих, так и с надписей древнего Востока; одной из этих копий впоследствии воспользовался Гротефенд, автор первой удачной попытки разбора древнеперсидских клинообразных письмен.

Датская экспедиция может быть рассматриваема как результат успехов возникшей в XVIII в. немецкой филологической науки. Первоначально успехи востоковедения в Германии больше всего были связаны с успехами протестантского богословия; так и теперь слушателями профессоров-ориенталистов чаще всего являются студенты богословского факультета, иногда потом изменяющие богословию ради востоковедения. Богословом был и Михаэлис (1717—1791); его современник Рейске (1716—1774) был филологом и посвятил греческой литературе не меньше работ, чем арабской; но и Рейске говорил о пользе знания арабского языка для объяснения библии. Немецким ориенталистам приходилось больше заботиться об усовершенствовании методов исследования и об извлечении новых выводов из материала, уже приведенного в известность другими, чем об обогащении науки новым материалом. В отличие от Франции, Англии и Голландии, в Германии тогда не было собраний восточных рукописей; Михаэлис был вынужден командировать фон-Хавена, для ознакомления с восточными рукописями, в Рим; Рейске „утолял свой голод“ по восточным рукописям в Лейдене. Несоответствие между стремлениями ученых и средствами к их осуществлению отметил еще в 1791 г. Гердер; по его словам „у немецких ученых есть усердие и познания, но нет поддержки для издания текстов, как следует; в других странах, где есть богатые учреждения и пожертвованные капиталы, спят ученые“.

Результатами путешествия Нибура воспользовался еще один из ученых путешественников XVIII в., Франсуа Вольней. Вольней родился в 1757 г., получил в Париже основательное и разностороннее образование; доставшимся ему небольшим наследством он решил воспользоваться для путешествия на Восток и провел три года (1783 — 1786) в Египте и Сирии. До своего отъезда он основательно изучил литературные сведения об этих странах, как сведения античных авторов, особенно Геродота, так и европейскую литературу; из новейших трудов он, кроме описания путешествия Нибура, пользовался также картой д'Анвиля. В Сирии он провел восемь месяцев в одном арабском монастыре в стране друзов, чтобы усовершенствоваться в знании арабского языка.

„Путешествие по Сирии" Вольнея заключает в себе только описание виденных им стран, без всяких сообщений о переездах и приключениях самого путешественника. Автор обращает особенное внимание на быт населения и на причины, вызвавшие экономический упадок Египта и Сирии под турецким владычеством. Замечательно, что уже Вольней боролся с теми взглядами, которые еще теперь не вполне оставлены, об изменении в историческое время климата восточных стран, о влиянии жаркого климата на упадок энергии и работоспособности и об умеренном климате Европы, как причине культурных успехов европейцев. Вольней справедливо доказывает, что климатические условия Египта теперь приблизительно те же, как в эпоху древне-египетской культуры, что древними народами Востока при тех же климатических условиях была выполнена огромная культурная работа, и что зной оказывает влияние только на работоспособность людей, привыкших к более умеренному климату, но не на работоспособность туземцев. Сам Волней объясняет упадок мусульманского Востока исключительно дурным управлением и вредным влиянием мусульманской религии на народную психологию. Как современник французской революции, он не мог смотреть на ход экономической и политической истории, как на результат закономерного процесса; предостережения, с которыми он в конце книги обращается к своим соотечественникам, показывают, что и будущность европейской культуры находилась, по его мнению, исключительно в зависимости от хорошего или дурного управления государей и министров. Из мер, которые могли бы поднять экономический уровень мусульманского Востока, Вольней упоминает и о прорытии канала через Суэцский перешеек, но находит этот план неосуществимым.

Путешествия Нибура и Вольнея занимают совершенно исключительное место среди путешествий европейцев в Азии в XVIII в., но, конечно, эти путешествия далеко не единственные имеющие научное значение. Географических открытий в Передней Азии в XVIII в. не было, и все путешествия совершались в местности, уже посещавшиеся европейцами раньше; но эти путешествия не оставались бесплодными ни для изучения памятников прошлого, рукописных и вещественных, ни для изучения современной жизни. Еще в XVII в. граф Марсильи, когда после 1683 г. началось первое наступление европейцев на Турцию, воспользовался как случаями, представлявшимися во время войны, так и дипломатической поездкой в Константинополь для составления собрания восточных рукописей, находящихся теперь в Болонье. К концу XVII и к началу XVIII в. относятся долголетние путешествия голландского живописца Корнелия Лебрена (фамилия пишется Le Bruyn, Le Bruin, Lebrun, de Bruyn и т. д.), одно (1674—1693) по областям Передней Азии и северной Африки, другое (1701—1708) через Россию в Персию, Индию и на Зондские острова. Сделанные им в 1704 г. копии персепольских надписей не вполне утратили свое значение даже после копий Нибура. Кратковременное возвышение Персии при Надир-шахе (1736—1747), когда персами были завоеваны узбецкие ханства Средней Азии, привлекло туда из России некоторых английских торговцев, сообщивших потом краткие сведения об этих областях, не посещавшихся западными европейцами после Дженкинсона.

К XVIII веку относится также обширный труд об османской империи и в связи с этим о мусульманском мире. Автор его, Мураджа д'Оссон (1740—1807), по происхождению турецкий армянин, перешел на шведскую службу; в 1784 г. он покинул Турцию и прибыл в Париж, где в 1788 г. обнародовал свой труд, над которым работал 22 года, и где прожил до конца жизни.

Ко второй половине XVIII в. относится событие, имевшее существенное влияние на дальнейший ход изучения европейцами Востока, именно утверждение английского владычества в Индии.

Первое поселение было основано англичанами в 1611 г., с разрешения правительства „великих моголов“, в Сурате; индийское правительство придавало этому так мало значения, что император Джехангир (1605—1628) в своих записках даже не упоминает об этом событии, хотя упоминает о победе,

одержанной близ Сурата в 1615 г. английским флотом над португальским (первое известие об англичанах в индийской литературе). В 1661 г., по случаю брака Карла II с португальской царевной, португальцы уступили англичанам Бомбей, гавань которого не была оценена никем из владетелей Индии до англичан. В 1690 г. была основана Калькутта. Решительная борьба между Англией и Францией за Индию совпала, как мы видели, с путешествием Анкетиля; приблизительно в то же время англичане овладели Бенгалией; договор 1765 г. с „великим моголом“ Шах-Алемом предоставил всю фактическую власть остиндской компании, обеспечив за императором только некоторую сумму дохода. Отношение компании к британскому правительству было определено в 1784 г., и с этого года началось управление английских губернаторов или вице-королей в Калькутте. Впервые западно-европейскому народу удалось подчинить себе одну из культурных стран Востока; изучение Индии с тех пор происходило при несравненно более благоприятных условиях, чем изучение других восточных стран, чем, конечно, более всего воспользовались хозяева страны, англичане. Кроме того, обладание Индией создавало для англичан политические интересы как на Ближнем, так и на Дальнем Востоке, чем были вызваны многочисленные английские посольства и путешествия в различные страны как с разведочной целью, так и для заключения торговых и политических договоров. С положением англичан в Индии до некоторой степени может быть сравнено положение голландцев на Зондских островах, где впервые (в 1779 г. в городе Батавии) возникло европейское научное общество на Востоке. Бенгальское азиатское общество в Калькутте образовалось только в 1784 г.

К числу первых английских трудов, посвященных отдельным частям Индии, относится книга Персиваля о Цейлоне (1803); автор в 1797 г. прибыл на Цейлон с английским отрядом и в 1800 г. стоял во главе посольства к туземному владетелю. Сношения Индии с метрополией происходили, конечно, почти исключительно морем; но уже к XVIII в. относится одно путешествие из Индии в Англию сухим путем, именно путешествие Джорджа Форстера (1783—84), проехавшего из Бенгалии через Кашмир, Кабул, Кандагар и Герат к Каспийскому морю, оттуда на русском корабле в Астрахань. Карта к книге Форстера составлена Вильфордом, обладавшим, как сказано в предисловии, обширными географическими познаниями; тем более карта свидетельствует о крайней сбивчи-

вости географических познаний того времени, в особенности по отношению к Средней Азии. К таким же сбивчивым представлениям привели Форстера собранные им на пути расспросные сведения; так он полагал, что Ургенч находится на реке Урале и что русские суда приходят туда из Астрахани. Уже в XVIII в. начались также попытки англичан вступить из Индии в сношения с Тибетом. Посол Джордж Богль в 1774 г. был принят одним из главных представителей тибетского духовенства, Тешу-ламой или Баньчанем; этому посольству европейцы были обязаны первыми научными сведениями о стране за Гималаями. В 1811 г. Томас Маннинг проник даже в Лхасу, где прожил четыре месяца (с декабря 1811 до апреля 1812 г.).

Annales Sultanorum Othmanidarum, a Turcis sua lingua scripti: Joannes Leunclavius Nobilis Angriuarius, Latine redditos illustravit et auxit, usque ad annum MDLXXXVIII Francofurdi 1588. О Г. Постеле G. Dugat, Histoire des orientalistes de l'Europe, t. I, Paris 1868, p. XVII—XIX; С. Ф. Ольденбург в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. CCXCIII (1894), отд. 2, стр. 257 и сл. O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 160. Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 225—227; Учен. Зап. Юрьевск. Унив. 1915, № 9. О Голиусе H. Cordier в Nouveaux mélanges orientaux, Paris 1886, p. 407; о нем же как арабисте G. Dugat, Histoire etc., t. I, p. XXVII; M. Th. Houtsma, Uit de Oostersche correspondentie van Th. Erpénius, Jac. Golius en Lev. Warner, Amsterdam 1887 (изд. Амстерд. Ак. Наук). Об ознакомлении в Европе с арабской географией C. Ritter, Geschichte der Erdkunde, 163—195. Leo Africanus, History and Description of Africa, Lond. 1896 (Hakluyt Society, № 92—94). The travels of Lodovico Varthema, transl. by Jones and ed. by G. P. Badger, Lond. 1863 (Hakl. Soc. № 32). P. Raphaël du Mans, Estat de la Perse en 1660, publ. par. Ch. Schefer, Paris 1890 (Publ. de l'école des langues orient. vivantes, II-e série, vol. XX, с введением издателя, в котором подробная библиография трудов о Персии в XVI и XVII вв.). О делла-Валле еще The travels of Pietro della Valle in India, ed. by E. Grey, Lond. 1892 (Hakl. Soc., № 84). Viaggi di Pietro Della Valle, G. Gansia, 1843, Brighton, 2 тома; сопоставление Турции с Персией I, 440; о турецком языке I, 67; о шахе Аббасе II, 192. О Дженкинсоне: Early Voyages and travels to Russia and Persia by Anthony Jenkinson and other Englishmen, ed. by E. Delmar Morgan and C. H. Coote, vol. I, Lond. 1886 (Hakl. Soc., № 72). О Ширли и Уруджбеке еще Н. И. Веселовский в Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. т. XIV, стр. XVII и след.— Adam Olearii Ausführliche Beschreibung der kundbaren Reise nach Muscow und Persien, Schleswig 1671 (1-е изд.); русский перевод П. Барсова, Подробное описание путешествия голштинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1639 гг., составленное секретарем посольства Адамом Олеарием, Москва 1870 (из „Чтений И. Общ. Ист. и Древн." 1868—70 гг.). О грамоте царя Михаила Феодоровича: С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, изд. товарищества „Общ. Польза", кн. II, стр. 1371. О Таверние еще Journ. As. 10, VII, 273—280. О жалобах армян на деятельность франкских патеров (падерпян-и ференги) подробнее всего говорится в грамоте персидского шаха, выданной Эчмиадзину в 1122 г. (1710) и хранящейся в Эчмиадзинской библиотеке. О турецкой географии, составленной „по восточным и западным источникам" C. Brockelmann, Geschichte der Arab. Litt., II, 428; в этой географии („Джихан-Нума" Хаджи-Хальфы) ссылки на Atlas minor Меркатора, Geographia major Авраама Ортелиуса и Fabrica Mundi Лоренцо (последнее сочинение написано в 1582 г.) и друг. Об Эвлия-Челеби J. H. Mordtmann в Enz. des Islam, II, 34 и сл.—Fr. Bernier, Voyages, Amsterdam 1711. Второе издание Bibliothèque orientale д'Эрбело в Гааге 1777—1778, 3 тома (т. 4-й в Maestricht—„Supplément" Висделу, см. о нем выше, стр. 102). Еще о Висделу Bretschneider, Med. researches from Eastern Asiatic Sources, I, 201.—Hottinger, Historia Orientalis,

Tiguri 1660. Путешествие Gemelli Carreri в Collection des Voyages, t. II, Paris 1788; о нем Виланд в 1770 г. (C. M. Wielands sämmtliche Werke, XIV, 205, изд. 1814—18 гг.). Об английском ориентализме XVII в. E. G. Browne, A Literary History of Persia, I (1902), p. 41—44, и биографии Пококов (Эдуарда и Ричарда) в Encyclopaedia Britannica, XIX, 252 и след. О Бедвеле и его переписке с Эрпениусом Houtsma, Corespondentie etc., 7—10. J. P. de Tournefort, Relation d'un voyage du Levant, Amsterdam 1718; замечание о развалинах II, 153; о значении исследования им Арарата O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 539; о влиянии на последующее время C. Ritter, Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Geographie, Berl. 1852, 54 и сл. Мнение о надписях: В. Бартольд и Я. Смирнов в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIII, 375. О путешествии Анкетиля предисловие к его книге Zend-Avesta, ouvrage de Zoroastre, Paris 1771; о трудах по изучению Авесты Grundriss der Iranischen Philologie II, 40—42. Заглавия других трудов Анкетиля: Recherches historiques et géographiques sur l'Inde (Paris 1787); L'Inde en rapport avec l'Europe (Paris 1790). Мнение Погодина о Раске: Н. Барсуков, Жизнь Погодина, VII, 38. Путешествия Нибура (Niebuhr): Beschreibung von Arabien, Kopenhagen 1772; Reisebeschreibung nach Arabien und andern umliegenden Ländern, Kopenhagen 1774, 1778; третий том в 1837; о их значении O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 546—550. Recueil de questions, proposées etc. par Monsieur Michaélis, traduit de l'allemand, Amsterdam—Utrecht 1774. О Рейске И. Ю. Крачковский в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXI, 030 и сл.; мнение об арабском словаре и библии в Изв. Акад. Наук, 1922, 153. Слова Гердера Herder's Werke (изд. J. v. Müller), Zur Philosophie und Geschichte, VI, 250. Путешествие Вольнея (Volney): Voyage en Syrie et en Egypte, nouv. édition. Paris 1792; замечания о Ричарде Пококе I, 52; о состоянии Нила в древности и теперь I, 24; о влиянии климата на энергию II, 267—271; о Суэцском канале I, 124. О Марсильи и его коллекции V. Rosen, Remarques sur les manuscrits orientales de la collection Marsigli à Bologne, Rome 1885.—О путешествии Лебрена Grundr. der Iran. Phil. II, 57 и сл.; там же заглавие голландского издания 1714 г. (Амстердам); в Амстердаме же было французское издание 1718 г., в Гааге (La Haye) издание 1732 г. в пяти томах, из которых два посвящены первому путешествию (Voyage au Levant), три — второму (Voyages par la Moscovie en Perse, aux Indes orientales etc.). J. Hanway, An historical account of the british trade over the Caspian sea. Lond. 1753. Mouradjea d'Ohsson, Tableau de l'Empire Ottoman, 1788—1790. О событии 1615 г. Elliot—Dowson, History of India, VI, 340. The Tuzuki. Jahangiri. transl by A. Rogers, ed. by H. Beveridge, Lond. 1909, p. 274. О договоре 1765 г. напр. Elliot-Dowson, VIII, 182. О научных обществах Fr. Babinger в Festschr. Hirth, 1920, 17. Путешествие Персиваля: R. Persival's Beschreibung der Insel Ceylon, übers. von J. A. Bergk, Lpz. 1803. Путешествие Форстера: G. Forster, A journey from Bengal to England, Lond. 1798; об Ургенче II, 68 и 251. О Богле С. Ф. Ольденбург в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 147—151; о Богле и Маннинге Н. В. Кюнер, Описание Тибета, ч. I, вып. I, Владив. 1907, стр. 45—53.

ГЛАВА X.

Успехи востоковедения в XIX в. определяются отчасти развитием европейской колониальной политики, отчасти успехами, вообще достигнутыми в эту эпоху европейской научной мыслью, при том еще больше в области гуманитарных наук, чем в области естествознания. Европейскими натуралистами в XIX в. был добыт богатый фактический материал, особенно благодаря успе-

хам техники и усовершенствованию способов наблюдения и опыта, были предложены новые гипотезы для объяснения явлений, но методы исследования в этой области в общем оставались те же, которые были установлены прежними учеными. В области языкознания, истории и этнографии только в XIX в. были выработаны те методы исследования, благодаря которым эти отрасли знания впервые получили характер научных дисциплин. Постепенно была сознана необходимость применить те же методы к изучению восточных языков, истории и быта восточных народов, хотя и до сих пор это требование, в теории теперь никем не оспариваемое, еще не вполне проведено в жизнь.

По изучению стран Дальнего Востока, особенно Китая, главные работы в эту эпоху были выполнены англичанами. После утверждения английского владычества и Индии вопрос об установлении торговых сношений с Китаем имел для англичан существенное значение; с этой целью были отправлены посольства Макартнея (1792—94) и Амхерста (Amherst, 1816), но безуспешно. Для торговли с иностранцами, в том числе и с англичанами, оставался открытым только Кантон, причем и здесь европейцы подвергались многочисленным стеснениям. Материалы о Китае, добытые во время посольства Макартнея, были обработаны секретарем посольства Стаунтоном (Staunton) в двух больших томах in—4; этот труд положил начало английской научной литературе о Китае. Одновременно с отправлением в Китай посольств началась и деятельность в Китае английских миссионеров, которые, подобно своим предшественникам иезуитам, помимо своей миссионерской деятельности собирали также материал для изучения языка, литературы и народного быта. Миссионером Моррисоном был составлен, в шести томах, словарь китайского языка (1815—23). Из светских лиц Дэвис, прибывший в Китай вместе с Амхерстом и оставшийся в Кантоне, после двадцатилетнего пребывания в стране издал труд о китайцах (1836); впоследствии, после открытия для европейцев некоторых гаваней Китая, тот же Дэвис был полномочным министром (plenipotentiary) английского правительства в Китае и после своей отставки издал новый труд о „Китае во время войны и со времени заключения мира“ (1853). В ту же эпоху (1830) совершил путешествие в Китай немецкий ориенталист К. Ф. Нейманн, перешедший к изучению Дальнего Востока от изучения Передней Азии (по своей первоначальной специальности он был арменистом). Нейманн собрал богатую библиотеку китайских

книг (до 10000 томов), которая перешла в собственность Мюнхенского университета, где Нейманн с 1833 г. был хранителем библиотеки и профессором. Им же была составлена история войны 1840 — 1842 гг. и история событий следующих лет до пекинских договоров 1860 г.

До 1834 г. торговля между Британской Индией и Китаем была монополией ост-индской компании; с этого года надзор за этой торговлей был поручен британскому чиновнику, с титулом „высшего надзирателя“ (superintendent; с конца 1834 г. эту должность некоторое время занимал Дэвис). Представители английского правительства возобновили попытку добиться отмены тех стеснений, с которыми, ради выгод торговли, мирились купцы; под влиянием этих требований китайское правительство стало относиться к иностранцам еще более враждебно, чем прежде. Война между Англией и Китаем из-за торговли опиумом (1840 — 42) окончилась открытием пяти китайских гаваней для европейской торговли и уступкой Англии в полное владение острова Гонконга. Под влиянием этих событий английская литература о Китае обогатилась рядом новых трудов; кроме путешествий Форбса (1842 — 47), описавшего южный Китай, особенно город Шанхай, и Сэрра (Sirr) замечательна деятельность немецкого миссионера Гюцлафа (Gützlaff), большей частью писавшего на английском языке. Гюцлаф, прибывший в Макао в 1828 г., находился сначала на голландской, потом на английской службе, с 1835 г. был переводчиком английского консульства; в 1844 г., одновременно с основанием в Базеле общества для распространения христианства в Китае, им с той же целью было образовано общество на острове Гонконге исключительно из китайцев. В отличие от большинства других миссионеров, Гюцлаф мечтал об обращении китайского народа в христианство при помощи миссионеров из его собственной среды и о создании китайской национальной церкви. В 1849 г. он вернулся в Европу, но уже в 1851 г. вновь прибыл в Гонконг, где в том же году умер. Присланный им из Китая краткий очерк истории страны (на немецком языке) в 1847 г. был напечатан Нейманном. Приблизительно к тому же времени (с 1833 г.) относится деятельность американского миссионера Вилльямса, автора одного из лучших трудов о Китае, выдержавшего большое число изданий. Во внутренние области Китая проникли между 1840 и 1860 гг. только очень немногие путешественники.

Кроме английских и американских миссионеров в Китае в эту эпоху действовали и французские; особенной продолжи-

тельностью отличалось пребывание в Китае Гюка (Huc), принадлежавшего к ордену лазаристов (1838—1852). Вместе с другим французским миссионером, Габе (Gabet), Гюк в 40-х годах совершил путешествие из Маньчжурии через Монголию и провинцию Сы-чуань в Тибет, оттуда через долину реки Ян-цзы-цзяна до Кантона и Макао. В 1845 г. Гюк и Габе прожили несколько месяцев в Лхасе; со времени Маннинга до английской экспедиции 1904 г. они были единственными европейцами, посетившими этот город. Результатом путешествия были два сочинения Гюка: „Воспоминание о путешествии в Тартарию, Тибет и Китай“ и „Китайская империя“ (Габе несколько раньше умер в Бразилии). Книги Гюка заключают в себе так много невероятных подробностей, что самый факт путешествия Гюка и Габе и в особенности факт пребывания их в Лхасе вызывали сомнение; впоследствии, однако, эти сведения были подтверждены рассказами самих тибетцев; кроме того, после ближайшего ознакомления европейцев с Тибетом некоторые из сообщений Гюка, раньше возбуждавшие сомнения, оказались соответствующими истине. По сведениям Рихтхофена, ценные результаты путешествия составляют главным образом заслугу Габе; Гюку принадлежала только литературная обработка материала. Неточность некоторых рассказов Гюка объясняется не сознательным искажением фактов, но принятым в его книгах способом литературного изложения.

Стеснение английской торговли в Китае и убиение французского миссионера вызвали поход на Китай англо-французских войск (1856—60); по миру, заключенному в Пекине, для европейской торговли был открыт еще ряд других гаваней Китая; кроме того, европейские державы впервые получили право иметь в Китае постоянное дипломатическое представительство. С тех пор Китай сделался гораздо более доступным для европейских путешественников и исследователей, чем прежде. Среди обширной литературы о Китае, появившейся с того времени, особенно выдаются отчет о прусской экспедиции начала 60-х годов и классический труд Рихтхофена, впрочем, имевший больше значения для изучения страны в естественно-историческом, особенно в геологическом отношении. Из Китая европейские путешественники нередко проникали и в области, находившиеся в вассальной зависимости от Китайской империи, в том числе и в северные области Тибета; из этих путешествий особенно замечательны два путешествия американского ученого Рокхилля (W. Rockhill, 1889—90 и 1892—93), предва-

рительно изучившего китайский и тибетский языки. Несмотря, однако, на многочисленность путешествий, первое географическое описание Китая в целом вышло в западной Европе только в 1905 г. (труд Л. Ришара, на французском языке), тогда как на русском языке такое описание, во многих отношениях более совершенное, появилось уже в 1888 г.

Наука о китайском языке и литературе — синология — еще в 1814 г. сделалась предметом университетского преподавания во Франции (первым профессором был Абель-Ремюза), впоследствии также в Англии и Германии; подобно другим ориенталистам, синологи находят теперь в европейских библиотеках более обширный материал по своей специальности, чем в библиотеках Востока; тем не менее синологами до настоящего времени еще в меньшей степени, чем представителями других отраслей востоковедения, усвоены методы исследования, выработанные европейской наукой. Изучение китайского языка и грамоты связано с такими трудностями, что европейскому синологу редко удается овладеть языком настолько, чтобы без труда разбирать китайские тексты без помощи ученых китайцев. Вместе с трудностями грамоты обширность китайской литературы также затрудняет производство самостоятельных исследований по первоисточникам; синологи еще в большей степени, чем другие ориенталисты, склонны довольствоваться теми извлечениями из первоисточников, которые они находят в трудах позднейших компиляторов, тем более, что китайская литература обладает большим числом сборников сведений по самым разнообразным предметам, чем какая-либо другая из литератур Востока. Строй китайского языка существенно отличается от строя языков, при изучении которых были выработаны методы европейского языкознания; беспристрастное и всестороннее понимание своеобразной культуры Дальнего Востока, независимое как от местных традиций, так и от европейских предрассудков, достигается с гораздо большим трудом, чем понимание культуры Передней Азии, восходящей к тем же источникам, как западноевропейская культура. В противоположность тому поклонению китайской культуре, которым проникнуты труды иезуитов, путешественники второй половины XVIII и первой XIX вв. большею частью относились к китайскому государству и народу резко отрицательно; влияние той и другой крайности до сих пор проявляется в трудах специалистов. Несмотря на все успехи синологии, до сих пор нет почти никаких трудов, авторы которых ставили бы себе целью применить методы

европейского языкознания к изучению наречий китайского языка или проверить, путем применения методов европейской исторической критики, традиции китайской историографии.

Совершенно исключительное место среди трудов, посвященных истории и археологии Китая, занимают труды Эд. Шаванна, умершего в 1918 г.; эти труды, может быть, более всего способствовали тому, что синология с начала XX в. признавалась по преимуществу „французской наукой". Предпринятый Шаванном, хотя и не доведенный им до конца перевод, с обширными комментариями, древнейшей из дошедших до нас китайских летописей — „Исторических записок" Сы-ма-цян'я является единственной до сих пор попыткой дать полный перевод и объяснение одного из больших китайских исторических сочинений. Обыкновенно переводились из таких трудов только отдельные отрывки на определенную тему; одни и те же отрывки переводились несколько раз, причем каждый новый переводчик резко отрицательно отзывался о попытках своих предшественников, что, конечно, объясняется прежде всего трудностями китайского языка. Археологическое изучение Китая сделало еще некоторые успехи после Шаванна; найдены более древние произведения китайского искусства (хотя только до 250 г. до Р. Х.); подвергаются более подробному изучению гораздо более древние керамические находки в провинции Хэ-нань и сближаются с остатками древнейших западных культур. В противоположность Индии, где до европейцев археологические изыскания никем не производились, европейцам в Китае и в этой отрасли науки приходится считаться с работами туземных ученых. За последние десятилетия китайцы, в связи с другими реформами, делают попытки усвоить в своих филологических и исторических трудах приемы европейской науки; как везде на Востоке, туземные ученые в таких случаях склонны преувеличивать достигнутые ими результаты и не вполне сознают, сколько усилий и времени требуется для отказа от средневековых научных традиций и усвоения современных научных методов.

Наиболее подробные обзоры литературы о Китае принадлежат французскому ориенталисту Кордье, хотя и эти обзоры страдают довольно многочисленными пробелами. За последние годы к этому присоединились еще другие справочники по разным отраслям синологии (как и справочники о современном Китае). В 1917 г. была сделана попытка издать общую энциклопедию по китаеведению — „Encyclopaedia Sinica" С. Каулинга

(Couling). О текущих успехах синологии можно следить по периодическим органам, как международный журнал по синологии Тун-бао (T'oung-pao), редактируемый в Париже и издающийся в Лейдене, и ряд органов в отдельных странах, как Ostasiatische Zeitschrift в Германии.

Другие страны Дальнего Востока, находившиеся под влиянием китайской культуры, именно Япония и Корея, еще дольше, чем Китай, оставались закрытыми для европейцев. Попытка миссионеров Гюцлафа и Виллиамса привезти в Японию семь японцев, потерпевших кораблекрушение у берегов Китая (1837), окончилась неудачно, как и все другие попытки в том же направлении. Не имело последствий также письмо голландского короля Вильгельма II на имя сёгуна в 1844 г. Только посредством военной силы, хотя и без кровопролития, коммодор Перри заставил японцев заключить торговый договор с северо-американскими Соединенными Штатами (1854 г.) за которым последовали такие же договоры с другими державами. Первому английскому послу в Японии Алькоку, прибывшему в Японию в 1859 г., принадлежат лучшие описания Японии; на английском языке составлен также труд Адамса, заключающий в себе историю Японии с 1853 до 1871 г., с кратким обзором судеб страны до половины XIX в. С тех пор о Японии и японцах появилось довольно значительное число трудов на многих европейских языках; но изучение японской письменности связано для европейцев с такими же трудностями, как изучение китайской, вследствие чего и в этой отрасли востоковедения филологические и исторические методы до сих пор получили мало применения. По словам русского специалиста, высказанным в 1923 г., крупных японологов историков, труд которых имел бы всеобщее значение, мы в Европе не знаем. После усвоения японским правящим классом европейской науки можно было ожидать, что эта задача будет выполнена учеными японского происхождения; в самой Японии возникли ученые учреждения и общества по образцу европейских; но общий закон, по которому методы гуманитарных наук вырабатываются и усваиваются гораздо медленнее, чем методы естествознания, оказался справедливым и в этом случае. До настоящего времени, насколько известно, труды японских филологов и историков в гораздо меньшей степени, чем труды японских натуралистов, врачей и т. п., удовлетворяют требованиям европейской науки.

Корейский полуостров сделался доступным для европейцев еще позже, чем Япония. Попытки французов (1866) и амери-

*

канцев (1871) принудить корейцев силою к заключению торгового договора не имели успеха; европейские миссионеры, однако, проникали в страну, и история их деятельности составила предмет особого труда (Dallet) под заглавием: „История корейской церкви". Только в 1882 г. был заключен первый договор (с американцами). С тех пор на европейских языках появился ряд сочинений о Корее, сведения о которых можно найти в труде, изданном в 1900 г. в С.-Петербурге министерством финансов, под заглавием „Описание Кореи". Со времени утверждения в Корее японского влияния и с 1910 г. японского господства, много сведений о Корее появилось в японских сочинениях; на русском языке эти сведения изложены проф. Н. В. Кюнером.

Кроме того, в 1895—6 гг. (еще „supplément" в 1901 г.) на французском языке был издан, под заглавием „Bibliographie Coréenne", свод сведений о корейской литературе (Courant).

Для изучения Индии и ее прошлого европейской наукой в настоящее время сделано больше, чем для изучения какой-либо другой страны Востока. За исключением кратковременного восстания (1857—58), охватившего только небольшую часть страны, господство англичан никем не оспаривалось; европейские исследователи имели возможность путешествовать по Индии с такой же безопасностью (если не считать непривычных климатических условий) и пользоваться теми же средствами сообщения, как в Европе. Начатые еще в XVIII в. статистические работы привели к составлению сводов статистических данных (gazetteer) для отдельных провинций; в 1869 г. была предпринята „статистическая съемка" (statistical survey) всей империи, результатом которой было издание сборника сведений об Индии (Hunter, The Imperial Gazetteer of India, в 14 томах). Сборник заключает в себе только сокращенное изложение материала, добытого при производстве работ; тем не менее и такого свода данных нет на европейских языках ни для одной из других стран Дальнего или Ближнего Востока. В тот же сборник вошли также данные об индийских религиях, о местном обычном праве, о землеустройстве и т. п.; кроме того, все эти стороны местной жизни были предметом специальных исследований. Были выполнены также обширные картографические работы, главным образом связанные с так называемой „тригонометрической съемкой" (trigonometrical survey).

Изучение языков и литературы Индии было предметом деятельности целого ряда ученых обществ, из которых одно (Бенгальское Азиатское общество) было основано еще в XVIII в.

Еще в XVII в. были примеры изучения европейцами санскритского языка для миссионерских целей; но только в XIX в. санскритский язык сделался предметом университетского преподавания во всех европейских странах и получил для европейской науки несравненно большее значение, чем какой-либо другой из восточных языков; сопоставление форм санскритского языка с формами языков европейских положило начало сравнительному языкознанию, как науке. Уже в первой половине XVIII в. отмечалось сходство санскритских слов с персидскими и латинскими; в XVIII в., особенно в работах Джонса (1746—1794), сопоставление санскритских форм и слов с европейскими производилось в более обширных размерах; но только классический труд Франца Боппа, вышедший в 1816 г., определил филологическое значение санскритского языка. Художественные достоинства санскритской литературы сделались впервые известными в Европе по драме Калидасы „Сакунтала", переведенной на английский язык Джонсом в 1789 г. Джонсу принадлежит также издание в печати первого санскритского текста (другого произведения того же Калидасы) в 1792 г. Продолжателем трудов Джонса был Кольбрук (1765—1837), который первый дал твердое основание санскритской филологии, как науке. Памятники индийской литературы вызвали значительное число изданий, переводов и исследований в Европе, особенно в Англии; в самой Индии с 1846 г.) появилась целая серия таких изданий, под общим заглавием „Bibliotheca Indica", причем в эту серию вошли сочинения как на санскритском языке, так и на других литературных языках, распространенных в Индии, особенно на персидском. Кроме этой серии есть еще ряд других серий текстов, издаваемых туземными учеными на средства местных владетелей и богачей. Произведения мусульманских летописцев, большею частью написанные на персидском языке, являются главным источником для изучения истории Индии, о которой до начала мусульманских вторжений (XI в.) имеются только самые скудные сведения, так как туземное население Индии, как уже было упомянуто (стр. 4), не создало исторической литературы; есть только небольшое число летописей. Памятники мусульманской исторической литературы, касающиеся Индии, были собраны и переведены на английский язык Эллиотом, но изданы только после его смерти, с некоторыми дополнениями, другим ученым, Доусоном, в 8 томах. Несмотря на все недостатки и пробелы этого издания, оно остается до сих пор единственным в европейской литературе

о Востоке; ни для одной из других восточных стран мы не имеем такого свода исторического материала. Составление этого свода, по словам Эллиота, облегчалось тем, что в Индии всегда можно было найти достаточное число людей для исполнения, за очень скромное вознаграждение, таких работ, как переписка текстов, сличение рукописей, составление указателей и т. п., хотя грамотность в Индии не была распространена; даже среди мужчин в 1901 г. грамотных считалось всего 10% (среди женщин меньше 1%). В 1911 г. на 315 милл. населения приходилось грамотных всего 18½ милл. (17 милл. мужчин и 1½ милл. женщин).

В Индии раньше, чем в других странах, были приняты меры для приведения в известность восточных рукописей, как находящихся в общественных библиотеках, так и принадлежащих частным лицам. Труды в этом направлении, как и попытки библиографического обзора литературы об Индии, принадлежат немецким ученым, но издавались на английском языке; знание этого языка широко распространено и среди туземных ученых, привлеченных к участию в научной работе; поэтому на том же языке большею частью издают свои труды об Индии ученые других национальностей, чтобы иметь более обширный круг читателей, хотя в последние годы XIX в. было приступлено к изданию на немецком языке коллективного труда под заглавием „Grundriss der Indo-Arischen Philologie“, который должен был заключать в себе свод результатов, достигнутых наукою по изучению языка, литературы и культуры арийской Индии. Еще раньше, в 40-х годах, такая попытка была сделана, также на немецком языке, Лассеном.

На изучение вещественных памятников индийской культуры английские правители долгое время обращали гораздо меньше внимания, чем на изучение памятников письменности; при возведении новых построек были случаи такого же варварского уничтожения памятников старины, как в некультурных странах Востока. Тем не менее и в области археологии для изучения Индии сделано больше, чем для изучения других восточных стран, причем главные труды как по регистрации и описанию памятников, так и по собиранию литературных сведений о них связаны с именами Каннингэма (Cunningham), Бэрджеса (Burgess), Флита (Fleet) и в новейшее время сэра Джона Маршалля (Marshall), при котором археологическое изучение Индии сделало большие успехи; при нем впервые были произведены обширные и систематические раскопки, осо-

бенно в развалинах Таксилы, упоминаемой в истории Александра Македонского. Инженер Александр Каннингэм положил начало „археологической съемке“ Индии (первый том вышел в 1871 г.), т.-е. составлению археологической карты страны, периодически проверяемой и дополняемой. Подобной регистрации археологических памятников нет до сих пор ни в одной из других областей Востока. С изучением археологии связано также изучение надписей; тому же Каннингэму принадлежит попытка составить „Corpus inscriptionum indicarum“, в котором первый том (вышедший в 1877 г.) был посвящен надписям буддийского царя Ашоки (III в. до Р. Х.), разобранным еще в 30-х годах Принсепом; надписи впоследствии переиздавались несколько раз. Впоследствии вместо продолжения Corpus (второй том не вышел, третий был издан в 1888 г.) возник ряд периодических изданий, существующих и до сих пор (Epigraphia Indica и друг.) и имеющих целью приведение в известность эпиграфического материала. Кроме археологических учреждений, существует также комиссия для издания исторических текстов (Indian Historical Records Commission). К научным работам привлекается все большее количество туземцев. По английскому образцу возникли учреждения для издания памятников древности также в индийских вассальных княжествах. Кроме археологической „съемки“ производилась и лингвистическая; издание ее результатов, рассчитанное на 18 томов, началось только в XX в. и после выхода нескольких томов было прервано на довольно продолжительный период. В 1922 г. недоставало только двух томов; в настоящее время издание, по всей вероятности, закончено.

Несмотря на все старания обеспечить полноту библиографических обзоров, еще в 1902 г. на одном из съездов ученых была высказана жалоба, что издания текстов, появившиеся в Индии, остаются неизвестными в Европе. Европейские научные методы еще не усвоены в достаточной степени ни туземными учеными, ни лицами европейского происхождения, работающими вдали от научных центров, так что и в этой отрасли востоковедения специалисты не могут относиться с полным доверием к трудам любителей, собирающих сведения на местах. Образование (по постановлению римского конгресса ориенталистов 1899 г.) международного фонда для изучения Индии (India Exploration Fund) не имело никаких практических результатов. Наконец, и в этой области, несмотря на сравнительное обилие научных сил, судьба обширных коллективных

предприятий часто находится в зависимости от судьбы отдельного человека. Издание „Grundriss der Indo-Arischen Philologie“ было предпринято по инициативе проф. Бюлера, который во время семнадцатилетнего (1863 — 1880) пребывания в Индии приобрел обширные познания по всем отраслям индийской филологии; после его преждевременной смерти (он утонул в 1898 г. в Боденском озере) его дело согласились продолжать другие ученые; тем не менее издание до сих пор еще остается неоконченным (следующий редактор, проф. Кильхорн, умер в 1908 г.). Недостатки организации изучения Индии особенно наглядно проявились на совещании, созванном в 1911 г. в Симле, с целью выработать меры для повышения в Индии уровня востоковедения. На обсуждение был поставлен и после обмена мнениями принят проект учреждения в Калькутте исследовательского института по образцу французского института в Ханойе. Во время прений европейским ученым был отмечен факт, что сравнительное языкознание, в основу которого в Европе положено изучение классического языка Индии, в самой Индии почти не существует; таким же образом было указано, что археология остается в Индии чисто европейской наукой, и туземные ученые с успехом принимают участие только в разборе надписей. С другой стороны, в Индии почти не было университетских кафедр по востоковедению, которые бы были заняты европейскими учеными. Мусульмане относились с недоверием к европейской науке по религиозным соображениям; индийцы находили, что преимущества европейских научных методов преувеличены и что для туземного студента в Индии учиться санскритскому языку у европейского ученого так-же оскорбительно, как было бы оскорбительно для англичанина в Оксфорде учиться английской литературе у индийца. Высказывалось также опасение, что изучение мусульманских языков вредно отзовется на изучении санскритского. Проект учреждения института в Индии не осуществился; вместо этого в 1917 г. была учреждена „школа востоковедения“ в Лондоне. В Индии местопребывание правительства перенесено из созданной англичанами Калькутты в старую столицу „великих моголов“, Дели, где в 1921 г. было созвано первое индийское законодательное собрание. Факт признания за туземным населением избирательных и законодательных прав, наравне с другими фактами, указывающими на пробуждение индийского народа, отзовется, вероятно, и на успехах науки.

На Индо-Китайском полуострове европейцы также застали значительную культуру, сложившуюся под различными влияниями,

главным образом под влиянием Индии и Китая, и значительное число памятников старины. Со второй половины XIX в. полуостров сделался предметом колониальной политики Франции; утвердив свою власть в юго-восточной части полуострова, французы предпринимали экспедиции вглубь Индо-Китая как для изучения самой страны, так и для исследования торговых путей в Китайскую империю. Изучению страны в географическом и этнографическом отношении более всего способствовала экспедиция немецкого ученого Бастиана (1861—63) и французская Меконгская экспедиция Лагре и Гарнье (1866—68). Значительный материал, как по географии Индо-Китая, так в особенности по этнографии, лингвистике и народной литературе, собран в многочисленных томах, изданных научной миссией, действовавшей под главенством Августа Пави, одного из представителей дипломатического ведомства (1879—1895). Тот же Кордье, которому принадлежит библиография трудов по синологии, издал также библиографический обзор трудов об Индо-Китае, под заглавием „Bibliotheca Indo-Sinica“. В новейшее время английскими деятелями был произведен ряд исследований в Бирме, присоединенной к англо-индийской империи; так на Бирму распространены действия „археологической съемки“. В Сиаме, единственном государстве полуострова, до сих пор сохраняющем свою независимость, туземным правительством также принимаются меры для развития научной деятельности; так на средства сиамского короля издан один из важнейших источников для изучения южно-индийского буддизма (палийская трипитака).

Французская литература об Индо-Китае по обширности и разносторонности значительно уступает английской литературе об Индии; зато наука обязана Франции созданием учреждения, какого нет до сих пор ни в Британской Индии, ни в других странах Востока, кроме Египта, именно „Французской школы Дальнего Востока“ (École française d'Extrême Orient), открытой в 1900 г. в Сайгоне и впоследствии перенесенной в Ханой. Школа была создана по образцу таких же ученых школ (институтов), существующих в Каире, Константинополе, Афинах и Риме и имеющих целью изучение памятников древнего Востока и классического мира. Не имея ни определенных программ преподавания, ни постоянного состава слушателей, такие школы являются учреждениями не столько учебными, сколько учеными, где приводится в известность и разрабатывается научный материал и где лица, приезжающие в край для научных работ,

находят все необходимые пособия и указания. Существование такого института лучше всего обеспечивает правильность и последовательность научной работы и более всего содействует приготовлению кадра исследователей, вооруженных всеми методами, выработанными наукой. В периодическом органе (Bulletin) французской школы появилось большое число ценных работ не только об Индо-Китае, но вообще о Дальнем Востоке.

Из Британской Индии преимущественно совершались экспедиции для изучения прилегающих к Индии областей — Тибета, Восточного Туркестана и Авганистана.

В 40-х годах англичанами было предпринято исследование прилегающих к Индии (к Кашмиру и Ладаку) окраин Тибета, причем первыми пионерами этого дела были братья Стрэчи (Strachey). В половине XIX в. в Тибет и Восточный Туркестан (1854—58) проникли из Индии немецкие путешественники братья Шлагинтвейты, из которых один, Адольф, был убит в Восточном Туркестане (1857). Благодаря мерам, принятым тибетским правительством, Тибет сделался настолько недоступным для европейцев, что английское правительство для изучения страны решило воспользоваться услугами ученых индийцев, так называемых *пандитов* (pundit). По мысли кап. Монтгомери, заведывавшего „тригонометрической съемкой“ Индии, из среды пандитов был выработан кадр исследователей, научившихся производить топографические съемки и астрономические наблюдения. От пандитов европейцы даже о столице Тибета, Лхасе, получили такие подробные сведения, что этот город, совершенно закрытый для европейцев, в то же время был им известен лучше, чем бо́льшая часть других городов Востока. Наиболее подробное описание Лхасы принадлежит Сарат-Чандра-Дасу, прожившему в этом городе две недели (1881 г.). Английская военная экспедиция 1903—4 гг., окончившаяся занятием Лхасы, только подтвердила правильность сведений, собранных пандитами, и не доставила науке почти никаких новых данных.

Материал для изучения языка и литературы тибетцев до настоящего времени собирался не столько в самом Тибете, сколько в местностях с тибетским населением, прилегающих к нему со стороны Индии или со стороны Китая. Наиболее подробный обзор литературы о Тибете составлен на русском языке Н. В. Кюнером и составляет первый выпуск его труда „Описание Тибета“. Из областей англо-индийской империи, пограничных с Тибетом, особенное значение в настоящее

время приобрел Канджут; язык местного племени вершиков, до сих пор признававшийся загадочным, является, по иссследованию Н. Я. Марра, единственным в Средней Азии остатком яфетических языков.

Восточный Туркестан во второй половине XIX в. на короткое время (в 60-х и 70-х годах) отделился от Китая и составлял самостоятельное государство под властью Я'куб-бека. К Я'куб-беку в 1870 и вторично в 1873 гг. было отправлено английское посольство, во главе которого стоял Форсайт; в 1875 г. вышло описание путешествия этого посольства; в эту книгу вошел также очерк истории страны, сос авленный д-ром Белью и не обладающий никакими научными достоинствами, но до сих пор не замененный в западно-европейской литературе более основательным исследованием. Еще раньше в 1868 — 69 гг. Восточный Туркестан посетил Шоу (Shaw), собравший, между прочим, и лингвистический материал. Путешествия англичан из Индии в Восточный Туркестан продолжались и после восстановления китайского владычества; наиболее обширное путешествие совершил Кэри (Carey, 1885 — 7). Открытие в 1890 г. английским офицером Боуэром (Bower) в месте Шах-яр, к югу от Кучи, санскритской рукописи на березовой коре положило начало изучению домусульманской культуры Восточного Туркестана — задаче, которой в настоящее время принадлежит одно из первых мест среди задач востоковедения, как науки. Восточный Туркестан с давних времен находился под культурным влиянием Индии, Китая и Передней Азии; благодаря необыкновенно сухому климату, здесь сохранились рукописи и произведения стенной живописи, на которых отразились все эти культурные влияния. Для изучения индийской культуры ученые находили здесь материал, которого нет в самой Индии, где вследствие разрушительного климата не может быть никаких старых рукописей. Из памятников переднеазиатской культуры европейские ученые здесь впервые нашли подлинные произведения литературы манихеев — последователей Мани, религиозного реформатора III в. по Р. Х., в учении которого древне-иранские религиозные идеи соединялись с христианскими. Манихеи подвергались как в христианском, так и в мусульманском мире настолько ожесточенным гонениям, что были уничтожены все манихейские книги, и самое учение манихеев до открытий, сделанных в Восточном Туркестане, было известно нам только по христианским и мусульманским источникам, большею частью полемическим.

Найденные в Восточном Туркестане памятники литературы (буддийской, христианской и манихейской) не только доставили богатый материал для изучения иранских и турецких наречий, но обнаружили существование таких литературных языков, о которых раньше не было никаких сведений, в том числе языка, принадлежавшего к числу индо-европейских, но при этом стоявшего ближе к языкам Европы, чем к индийским и иранским. Научное значение открытий, сделанных в Восточном Туркестане (особенно в Куче и Турфане), было так велико, что для изучения памятников этой культуры в начале XX в. образовался особый международный союз ученых, с особыми комитетами в отдельных странах, причем центральным комитетом признавался русский. Было снаряжено три немецких экспедиции и три английских (сэр Орель Штейн; последняя закончилась в 1916 г.). Как во многих других областях, так и в этой международное сотрудничество прекратилось после мировой войны. Некоторыми из этих экспедиций, предпринятых для исследования памятников прошлого, обращалось внимание и на вопросы современной жизни, в том числе на вопрос о возможности восстановления средневековых каналов. Этот вопрос иногда решался в положительном смысле; не без успеха принимались меры для расширения хлопководства; но для более широкого использования богатств какой-либо страны теперь необходимо включение ее в мировую железнодорожную сеть, что для Восточного Туркестана по географическим причинам едва ли возможно. По этому Восточный Туркестан является только страной прошлого, но не страной будущего.

Одним из первых английских посольств в Авганистан было посольство Эльфинстона (Elphinstone, 1808), вызванное, как и посольство Малькольма в Персию, прибытием в Тегеран посольства от Наполеона I. Эльфинстону принадлежит описание этой страны, до сих пор считающееся лучшим. При менее благоприятных условиях путешествовали в 20-х и 30-х годах Муркрофт, Требек и Мэссон. Более значения для науки имело путешествие Александра Бэрнса (Burnes, 1832), который из Авганистана проехал в Бухару и пробыл там около месяца; из Бухары он через Мерв проехал в Персию; в 1836 г. он вернулся в Авганистан. Из лиц, сопровождавших Бэрнса во время его второго путешествия (1836—38), расширению географических познаний европейцев более всего способствовал Вуд, посетивший верховья Аму-Дарьи—местность, до тех пор совершенно неизвестную европейцам.

Бэрнс погиб в 1841 г. во время несчастной для Англии войны с Афганистаном. Под влиянием тех же политических событий бухарский эмир в 1842 г. велел казнить английских агентов Стоддарта и Конолли (Конолли перед этим повторил в обратном направлении путешествие Форстера, проехав из Англии через Россию, Персию и Афганистан в Индию). Казнь Стоддарта и Конолли осталась неотомщенной; избиение англичан в Афганистане вызвало в 1842 г. победоносный поход англо-индийских войск; англичане отомстили опустошением страны за смерть своих соотечественников, но не сделали попытки прочно подчинить Афганистан своей власти. С тех пор Афганистан сохранял свою политическую независимость и оставался недоступным для европейских исследователей, в том числе и для английских. Даже постоянный представитель англо-индийского правительства в Кабуле должен был быть из мусульман. Работы по изучению Афганистана могли беспрепятственно производиться англичанами только при исключительных политических обстоятельствах, как во время военных действий 1878 — 81 и во время действий англо-русской разграничительной комиссии 1885 — 86 гг. В конце XIX в. англичане утвердили свою власть в прилегающих к Афганистану местностях к северо-западу от Индии, между прочим в Читрале, откуда ведут наиболее удобные пути в горную область к югу от Гиндукуша, Кафиристан, страну кафиров или сиях-пушей, вследствие своей недоступности оставшуюся до последнего времени вне влияния мусульманской культуры. В Кафиристан проникли очень немногие из английских путешественников. В 1839 — 40 гг., во время занятия Кабула англичанами, кафиры сами приглашали англичан в свою страну, но последние, не желая раздражать афганцев, отклонили предложение. В 1849 — 50 гг. английский исследователь Раверти, живший в то время в Пешавере, отправил к Кафиристан одного кандагарца, пробывшего там около двух лет, и с его слов составил описание страны. В 1885 г. Локхарт из Читраля проник в Кафиристан, но пробыл там только несколько дней. Единственный английский исследователь, имевший возможность более подробно изучить страну, — Робертсон, проживший там около года (1890 — 91). В последние годы XIX в. в Кафиристане, с согласия английского правительства, утвердил свою власть афганский эмир.

Из путешественников неанглийского происхождения, посетивших Афганистан, можно упомянуть французского путе-

шественника Ферье (Ferrier 1845 — 46), проникшего в Афганистан из Персии.

Английскими изследователями произведены топографические съемки для всего края, но среди этих исследователей не было лиц, обладавших свободным временем и необходимой подготовкой для подробного изучения края в лингвистическом, этнографическом и археологическом отношениях; по всем этим отраслям наука до настоящего времени располагает только самыми скудными сведениями об Авганистане. Язык и литература самих авганцев уже были предметом некоторых работ; но о наречиях других народностей, населяющих Авганистан и большею частью принадлежащих (как и авганцы) к иранскому племени, нет почти никаких данных. Характерно, что в статье о Газне, напечатанной в 1914 г., о гробнице знаменитого султана Махмуда говорится только по описанию, составленному в 1836 и напечатанному в 1840 г.; надпись на воротах гробницы была впервые издана, по точному эстампажу, в 1918 г. Политическое положение Авганистана, как известно, изменилось с 1919 г., когда Авганистан был признан независимым и в своих внешних делах и получил право вести переговоры со всеми державами непосредственно, а не через Англию. В Кабуле теперь находятся представители многих держав, но, в связи с общей обстановкой, образовавшейся после мировой войны, научные исследования по прежнему связаны с большими затруднениями. Остается открытым и вопрос о проложении через Авганистан европейско-индийского рельсового пути. Из научных работ последнего времени, повидимому, особенное значение будут иметь археологические изыскания французского ученого Фушэ, знатока греко-буддийского искусства, в северном Авганистане; о результатах этих работ в России еще не получено сведений.

О посольстве Макартнея: Sir G. Staunton, An authentic account of an embassy from the king of Great-Britain to the emperor of China, taken chiefly from the papers of his excellency the Earl of Macartney etc., London 1797 (есть русский перевод). О посольстве Амхерста: Abel-Rémusat, Mélanges Asiatiques, Pari 1825, 1, 431—451. О Моррисоне K. F. Neumann, Die Sinologen und ihre Werke Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges. I, 91—128, 217—237. Главный труд Нейманна, Ostasiatische Geschichte vom ersten chinesischen Krieg bis zu den Verträgen in Peking (1840—1860), Lpz. 1861. Труд Гюцлафа: Geschichte des chinesischen Reiches von den ältesten Zeiten bis auf den Frieden von Nanking, herausg. von K. F. Neumann, Stuttg. u. Tübingen 1847. Труд Вилламса: S. Wells Williams, The Middle Kingdom, Lond. 1848 (3-е издание). E. Tiessen, China, das Reich, die achtzehn Provinzen, Teil I, Berlin 1902. — L. Richard, Comprehensive geography of the Chinese. Empire and dependencies, transl. into english, revised and enlarged by M. Kennelly' Shanghai 1908; там же упомянуты не бывшие мне доступными труды F. Es Forbes, Five years in China, from 1842—1847, Lond. 1848 и H. D. Sirr, China and

the Chinîes. Lond. 1849. Подробности о других путешественниках см. F. v. Richthofen, China, I, 705 и след. Книги Гюка: Souvenirs d'un voyage dans la Tartarie, le Thibet et la Chine pendant les années 1844, 1845 et 1846, Paris 1850. L'empire Chinois, Paris 1854. Отзыв С. Ф. Ольденбурга в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 137. Die Preussische Expedition nach Ost-Asien nach amtlichen Quellen, Berlin 1864—1873. Автор отчета по Рихтхофену (China, I 697) A. Berg. Труд Рихтхофена: China, Berlin 1877—1883 (т.т. I, II и IV); в I томе глава X (стр. 395 до конца тома) посвящена истории изучения Китая европейцами. Два главных труда Рокхилл: The Land of the Lamas, New-York 1891, Diary of a Journey through Mongolia and Tibet, Washington 1894. Некролог Рокхилл в Journ. R. As. Soc. 1915, 367—374; там же список его трудов. О трудах Шаванна В. В. Бартольд и С. Ф. Ольденбург, Эдуард Шаванн, некролог (Изв. Акад. Наук 1918, 1767 и сл.). О новейших трудах по синологии и археологических открытиях Анналы, II, 261 и сл.; IV, 7. О китайской археологии В. М. Алексеев в Изв. Р. Ак Ист. Мат. Культ., III, 49 и сл. О трудах китайских ученых статьи В. М. Алексеева в журнале „Восток", напр. IV, 189 и сл. — H. Cordier, Bibliotheca Sinica. Dictionnaire bibliographique des ouvrages relatifs à l'empire Chinois, Paris 1904 — 1908 (4 тома); о новейшей литературе (1886 — 1902) его же статьи „Les études chinoises" (в T'oung-Pao). Об „Encyclopaedia Sinica" Восток, II, 155. — О письме голландского короля Ph. Fr. v. Siebold, Urkundliche Darstellung der Bestrebungen von Niederland und Russland zur Eröffnung Japan's etc., Bonn 1854, 9 и сл. Из литературы о Японии: Alcock, The capital of the Tycoon, Lond. 1863; Alcock, Art and art industries in Japan. Lond. 1878; F. O. Adams, The history of Japan, sec. ed., Lond. 1875; I. I. Rein, Japan nach Reisen und Studien, Lpz. 1881; Capt A. Brinkley, Japan and China, Lond. 1903—4 (12 томов, первые 8 о Японии, последние 4 о Китае). Библиография Японии: Fr. von Wenckstern. A bibliography of the Japanese Empire, Leiden 1895 — второй том, где библиография доведена до 1906 г., издан в Японии. Библиография по истории Японии: Н. И. Конрад, Япония, Петрогр. 1923, 163 и сл. Библиография Кореи: приложение XIV к „Описанию Кореи", изд. Мин. Финансов. О миссионерах в Корее еще Huc, Le christianisme en Chine, IV, 272 — 320. Н. В. Кюнер, Статистико-географический и экономический очерк Кореи. Владив. 1912, ст. III и сл. — W. W. Hunter, The Imperial Gazetteer of India, sec. ed., Lond. 1885 — 87, 14 томов — краткое изложение результатов „статистической съемки" Индии (о ходе этой работы предисловие к т. 1), составивших 128 печатных томов; т. VI „India" (конспект содержания всего труда); ср. отзыв С. Ф. Ольденбурга в Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., т. I, стр. 336 — 337. Третье издание „Gazetteer (в 26 томах) начато печатанием в 1907 г.; первые два тома (1907 — 8) посвящены общему очерку Индии и ее истории. Об изучении санскритского языка H. Oldenberg, Aus Indien und Iran, Berl. 1899, 1 и сл.; Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, 333 и сл. The history of India as told by its own historians, ed. from the posthumous papers of the late sir H. M. Elliot by prof. J. Dowson, Lond. 1867 — 77 (8 томов); о переписчиках: ibid., I, стр. XVII. О грамотности в Индии (данныя 1911 г.) Contemporary Review, Febr. 1921, 173. Некролог Бюлера в Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ., т. XI, стр. 313 — 319 (С. Ф. Ольденбург); о плане издания, „Grundriss" там же, т. XII, стр. 071 и Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 311 (1897) отд. II, стр. 480—484. Chr. Lassen, Indische Alterthumskunde, 1849 - 62. (2-е изд. с 1867 г.). Об отношении к археологии в Индии слова бар. А. А. фон-Сталь-Гольстейна в Зап. Вост. Отд., т. XX, стр. 011. Отчеты об „археологической съемке" Индии появлялись под различными заглавиями: Progress Report of the Archeological Survey of Western India; Epigraphia Indica and Record of the Archaeological Survey of India. Об изданиях Archeological Survey еще Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XVI, 0143 и сл. — С. Ф. Ольденбург, Организация археологического изучения Индии (Изв. Рос. Акад. Мат. Культ., I, 95 и сл.). Известия о ходе работ в годовых отчетах (Annual Report) Королевского Аз. Общества: о новейших изданиях по Индии и Средней Азии Journ. R. As. Soc., 1924, 281 и сл. J. Marshall, A guide to Taxila, Calcutta 1918; рец. в Journ. R. As. Soc. 1920, 108 и сл. О находке в Таксиле надписи V или IV в. до Р. Х. Journ. R. As. Soc. 1915, 340 и сл. О других надписях в Таксиле там же, 191 и сл., 531 и сл. О лингвистической серии Bulletin of the School of or. Studies, II, 134 и сл., 558 и сл. О библиографии замечание Гольдциэра в Zeitschr. der Deutsch. Morg. Ges., LVI, стр. XLVIII и след. Об India Exploration Fund Зап. Вост. Отд. Имп. Русск.

Археол. Общ., т. XII, стр. 069 и след. О совещании в Симле Мир Ислама, 1912, 441 и сл. Об истории изучения Индо-Китая H. Clifford, Further India, Lond. 1904; в конце перечень трудов об Индо-Китае с 1625 (Purchas his pilgrimes) до 1900 г., причем приняты во внимание только литературы английская и французская, с умолчанием о Бастиане и других немецких экспедициях. A. Bastian, Die Völker des östlichen Asiens, Bd. I—II, Lpz. 1866, Bd. III—VI, Jena 1867—71. Mission Pavie, Indo-Chine (1879—1895), Paris 1894—1911. Библиография H. Cordier сначала в „T'oung-Pao" 1903—1908 гг.; отдельное издание „Bibliotheca Indo-Sinica", prem. partie, Leide 1908 (известно мне только по рецензии в Journ. Asiat. 10, XII, 488—489). О французской школе статья С. Ф. Ольденбурга в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 340 (1902), отд. IV, стр. 47—51.—H. v. Schlagintweit-Sakünlünski, Reisen in Indien und Hochasien, Jena 1869—72, 3 тома (сокращенное изложение более полного отчета, изданного на английском языке, в 9-ти томах). Сарат Чандра Дас, Путешествие в Тибет, перев. с англ. под ред. Вл. Котвича, Спб. 1904; ср. отзыв С. Ф. Ольденбурга в Журн. Мин. Нар. Прос., ч. 356 (1904 г.), отд. II, стр. 129, 140, 145—147. Н. В. Кюнер, Описание Тибета, Владивосток 1907; рец. в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XIX, 0177 и сл. Мнение о принадлежности вершикского и других не-арийских наречий Гиндукуша к яфетическим высказано Н. Я. Марром в 1918 г., Изв. Ак. Наук 1918, стр. 1735 и сл. О наречии „бурушаски" и его изолированном положении J. Marquart, Untersuchungen zur Geschichte von Eran, II, 141; там же попытка объяснить эту изолированность посредством сближения с каспиями, область которых некогда простиралась далеко на восток. — Report of a mission to Yarkund in 1873 under command of Sir T. D. Forsyth with historical and geographical information regarding the possessions of the Ameer of Yarkund, Calcutta 1875. R. Shaw, Visits to High Tartary, Yarkund and Kashgar, Lond. 1871. R. Shaw, A sketch of the Turki language spoken in Eastern Turkistan, P. I. Lahore, 1875. A. D. Carey, A journey round Chinese Turkistan and along the Northern Frontier of Tibet (Proceedings of the R. Geogr. Soc., vol. IX, 1887, p. 731—752); еще Journey of Carey and Dalgleish, id., suppl. papers, III (1890), 1—86. О современном Восточном Туркестане и его недавнем прошлом еще M. Hartmann, Der islamische Orient, I, 195 и сл; Chinesisch-Turkistan, Halle 1908. Об открытии Боуэра Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., т. VI, стр. X. О христианской и манихейской литературе см. библиографию к гл. V; ср. еще статью С. Ф. Ольденбурга в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 353 (1904 г.), стр. 366—397. О последней экспедиции Штейна (1913—1916) Geogr. Journal, август и сентябрь, кратко Изв. Геогр. Общ. LIII, 193 сл. — M. Elphinstone, An account of the kingdom of Caubul, new and revised edition, Lond. 1839. A. Burnes, Travels into Bokhara, Lond. 1839, первое издание вышло в 1834 г. (есть русский перевод). О других английских путешественниках в Афганистан И. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, Спб. 1879; Н. А. Аристов, Об Афганистане и его населении, Спб. 1898 г. (отд. оттиск из „Кив. Старины", 1898 г., вып. III—IV). Н. А. Аристов, Англо-индийский „Кавказ", Спб. 1900 г. (отд. оттиск из „Живой Старины" 1900 г. вып. I—II). И. В. Мушкетов, Туркестан, Спб. 1886, стр. 105—114; 2-ое изд. (1915), 116—126. О пребывании Бэрнса в Мерве еще В. А. Жуковский, Развалины Старого Мерва, Спб. 1894, стр. 96. A. Conolly, Journey to the North Iof ndia, overland from England, through Russia, Persia and Affghaunistan, Lond. 1838. О Сталдарте и Конолли еще J. Wolff, A narrative of a mission to Bokhara in the years 1843—1845, 5 th ed., Edinburgh and London 1848. Из новейших трудов: C. E. Yate, Northern Afghanistan, Edinburgh and London 1888 C. E. Yate, Khurasan and Sistan, Edinburgh and London 1900. Tate, Seistan, a memoir on the history, topography, ruins and people of the country, Calc. 1910-12. H. G. Raverty, Notes on Kafiristan (Journ. of the As. Soc. of Bengal, vol. XXVIII, 317—368); его же статья о языке кафиров (ibid., vol. XXXIII. 267—278). S. G. Scott Robertson, The Kafirs of Hindu-kush, Lond. 1896. J. P. Ferrier. Voyages et aventures en Perse, dans l'Afghanistan, le Beloutchistan et le Turkestan, nouv. édition, Paris 1870. О языке авганцев (с указанием литературы предмета) W. Geiger в Grundr. der iranischen Philologie, Bd. I, Abt. 2, S. 201—230. К литературе о стране еще Grundriss etc., II, 372. О Газне Enz. des Islam, II, 161 и сл. О надписи на гробнице Махмуда S. Flury в Der Islam, VIII, 214 и сл.

ГЛАВА XI.

В областях Передней Азии европейские исследователи в XIX в. уже не встречали тех препятствий, как в Средней и Восточной Азии. Местные правительства не делали никаких попыток закрыть какую-нибудь страну для дипломатических представителей европейских держав или для европейских купцов и ученых.

О Персии в XIX в. появился целый ряд трудов, больше всего на английском языке. В начале XIX в. в Персии происходила борьба за политическое влияние между Англией и Францией; одновременно с генералом Гарданом (Gardanne), послом Наполеона I (1808), в Персии был английский посол сэр Гарфорд Джонс и англо-индийский посол Малькольм (совершивший поездку в Персию, с поручением от англо-индийского правительства, еще в 1800 г.), впоследствии (1815) издавший историю Персии, до сих пор не утратившую своего значения. Секретарем при Гарфорде Джонсе, как и при следующем после сэре Г. Аузли, был Мориер, издавший описание своих двух путешествий, но еще более прославившийся своим романом „Хаджи-Баба". Роман Мориера дает наглядное представление о быте страны, особенно об условиях управления. Для изучения страны в археологическом отношении были особенно важны путешествия Кер-Портера (1817—1820), подробно описавшего развалины городов в областях Закавказья, северо-западной Персии и восточной части Азиатской Турции, Аузли (Sir W. Ouseley 1810—12), сопровождавшего, в качестве частного секретаря, своего брата-посла и также посвятившего много внимания памятникам древности, о которых в его книге приводятся известия из письменных источников, частью остающихся и до сих пор неизданными. Фрезер (Fraser), определивший высоту Иранского плоскогорья, описал в двух книгах свои путешествия в Хорасан и в области по южному берегу Каспийского моря. По отзыву Керзона, в течение долгого времени все, что знали в Англии о Персии, основывалось на трудах Мориера, Аузли и Фрезера. Из новейших путешественников можно упомянуть Сайкса (Sykes), совершившего с 1892 г. несколько путешествий по Персии, особенно по южным областям, и окончательно разрешившего географический вопрос о границе между внутренними бассейнами Ирана и бассейном Индийского океана. Тем же путешественником была издана в 1915 г. „История

Персии", которая, по намерению автора, должна была заменить устаревший труд Малькольма; но эта книга во многих отношениях неудовлетворительна, хотя и вышла вторым изданием в 1921 г. Сведения о современном состоянии Персии с наибольшей подробностью собраны в книге лорда Кэрзона (Curzon, 1892), совершившего путешествие в Персию в 1889—90 гг., в качестве корреспондента газеты „Таймс".

Из памятников древности в Персии для европейских исследователей представляли особенный интерес памятники эпохи Ахеменидов с их надписями. Разбору последних более всего способствовал Генри Ролинсон (Rawlinson), открывший и списавший самую длинную из надписей, надпись Дария на Бисутунской скале (1836—44). Развалины Персеполя были исследованы (1840—41) французскими художниками, живописцем Фланденом (Flandin) и архитектором Костом (Coste), издавшими подробное описание развалин с атласом. Новый труд о Персеполе издал в 1882 г. на немецком языке д-р Штольце; его работы были связаны с экспедицией, снаряженной в 1874 г. в Исфахан для наблюдения прохождения Венеры перед солнцем. Прикомандированный к экспедиции иранист Андреас мог прибыть в Персию только в 1876 г. Работы в Персеполе были произведены в 1878 г. перед возвращением экспедиции в Европу. Книга Штольце заключает в себе только атлас и краткие объяснения к нему проф. Нельдеке; за исключением одной фотографии 1860 г. это были первые фотографические снимки с персепольских надписей; после этого несколько раз делались лучшие снимки. Для установления текста на Бисутунской скале была снаряжена английская экспедиция в 1904 г., результатом которой было в 1907 г. издание исправленного текста. Как памятник искусства, персепольские и другие персидские барельефы были рассмотрены в большом труде Зарре и Херцфельда (1910). Для изучения архитектуры Персии, древней и мусульманской, большое значение имели путешествия супругов Дьеляфуа (Dieulafoy, 1881, 1884—6). Недавно скончавшийся Марсель Дьеляфуа был автором нескольких трудов по архитектуре Персии и ислама; путешествие 1884—6 гг. было описано его женой Джен (Jane) Дьеляфуа.

Книга г-жи Дьеляфуа заключает в себе ценный фактический материал и превосходные фотографические снимки, но высказываемые в книге исторические соображения обнаруживают полное незнакомство с письменными источниками. То же самое отчасти приходится сказать о работах следующего французского иссле-

дователя, де-Моргана, увенчавшихся несколькими счастливыми открытиями. За французской „научной миссией“ по договору 1900 г. была признана монополия производства археологических исследований в Персии; исследования производились исключительно на крайнем юго-западе страны, в Хузистане — области, которая по географическому положению и культурно-историческим связям теснее примыкает к бассейну Тигра, чем к Иранскому плоскогорию. Целью этих исследований являлось почти исключительно открытие памятников древнейшей культуры страны, тесно связанной с Вавилоном; не только памятники мусульманского периода, но и памятники эпохи Ахеменидов признавались незаслуживающими внимания. Таким образом, оставлялись без внимания памятники, изучение которых, в связи с изучением современных им письменных источников, могло бы привести к точным историческим выводам, тогда как блестящие открытия в области так называемой „до-исторической“ археологии, за редкими исключениями, доставляют материал только для бездоказательных гипотез.

Те же причины — пристрастие к древней культуре Ближнего Востока и пренебрежение к истории современных восточных народов — отразились и на состоянии „иранской филологии“ в обширном смысле, что ясно обнаружилось при попытке, предпринятой в конце XIX в., представить, в коллективном труде, свод результатов, добытых этой наукой. Из современных иранских наречий исследованы только немногие (наречия турецких народностей, живущих в южной части Персии, никем на западе не изучены). В Лондоне, Париже и некоторых других городах находятся богатые собрания персидских рукописей; но из этих произведений персидской литературы только незначительная часть доступна в печатных изданиях. Политическая и литературная история Персии мусульманского периода большею частью излагается европейскими учеными на основании позднейших восточных компиляций; исследований, составленных по первоисточникам и удовлетворяющих требованиям исторической критики, почти не существует. О современном состоянии науки иранаведения дает понятие коллективное издание на немецком языке, начатое в 1894 г. и законченное в 1904 г., под заглавием „Grundriss der Iranischen Philologie“; о новейшей истории Персии и о языке современного населения в нем сообщаются несравненно более скудные данныя, чем о древнейшей эпохе. Новоперсидской литературе посвящено только немногим больше места, чем литературам до-мусульманского Ирана, хотя ника-

кого сравнения между объемом литературы до и после ислама не может быть. В очерке персидской литературы главное место отведено поэзии, о прозаической литературе сообщаются только самые краткие сведения. После появления „Grundriss“ вышел еще ряд книг о Персии. Американский иранист Виллиям Джексон во время своих двух путешествий обращал внимание преимущественно на памятники до-мусульманского Ирана, в особенности зороастрийского культа, в том числе и на современную жизнь зороастрийских общин. Из трудов по истории искусства труды Зарре и Херцфельда посвящены не только до-мусульманским, но и мусульманским архитектурным памятникам. В рецензии на труд Зарре покойный Макс фан-Бершем настаивает на необходимости скорейшего изучения построек, еще сохранившихся на поверхности земли, отложив производство раскопок. Появилось несколько трудов по истории Персии преимущественно до-мусульманской; из событий новейшей истории более всего обращают на себя внимание религиозное движение бабидов (свод западно-европейской литературы по этому предмету сделан в 1910 г. в книге пастора Рэмера) и революция 1905 — 1909 г.. Последней посвящен труд проф. Э. Броуна. Тому же проф. Броуну принадлежит наиболее подробный очерк истории персидской литературы.

Участие образованных персов в деле изучения истории своей страны пока остается незначительным; некоторый материал по археологии мусульманской Персии находится в трудах шаха Насир-ад-дина и в особенности его министра Сани'-ад-даулэ, впоследствии носившего титул И'тимад-ас-сальтанэ. Попытка ввести в Персии книгопечатание имела мало успеха; книги и даже газеты чаще издавались литографским способом; число литографированных изданий, вышедших в Тегеране, довольно значительно.

Из областей Азиатской Турции Малая Азия представляет интерес не только для ориенталистов, но и для исследователей классического мира. Специалистом по классической филологии был Людвиг Росс, посетивший Малую Азию в 1844 г. и издавший подробное описание края в этнографическом и археологическом отношениях. Кроме этих научных задач, его путешествие имело еще другую цель: доказать, что в Малой Азии нашли бы благодарное поприще для своей деятельности представители германской промышленности и другие эмигранты из Германии. Археологии восточной части Малой Азии, вместе с прилегающими к ней областями Кавказа и Персии, был по-

священ труд Тексие; тот же Тексие составил свод сведений о Малой Азии для предпринятого в Париже издания „L'Univers". Материал, собранный прежними путешественниками, был обработан также в двухтомном „Историческом и географическом описании Малой Азии" Вивьен де-С.-Мартена (1845); тот же ученый в своем географическом словаре дает библиографию литературы о Малой Азии до 60-х годов. Из новейших исследователей Малой Азии в историко-географическом отношении можно упомянуть английского ученого Рамсея (Ramsay). Из памятников средневековой истории Малой Азии особенный интерес представляют постройки сельджукских султанов (владевших Малой Азией с конца XI до начала XIV в.) в Конье, древнем Икопии; для описания этих памятников и издания сохранившихся на них надписей более всего сделал французский ориенталист Хюар (Clément Huart). Хюару принадлежат несколько статей о Малой Азии в „Энциклопедии ислама"; эти статьи, по замечанию немецкого путешественника Гроте, отличаются слишком книжным характером, и потому описание не всегда соответствует современной действительности. В новейшее время в Малой Азии были обнаружены еще гораздо более древние памятники, чем памятники классического мира, именно остатки культуры хеттитов — народа, владевшего некогда, кроме Малой Азии, северными областями Месопотамии и Сирии и успешно выдерживавшего борьбу с египетскими и ассирийскими царями. Центром этой культуры было место *Богаз-кёй* в северной части полуострова, где в 1906 году были произведены раскопки ассириологом Винклером, причем были найдены многочисленные клинописные таблички. Культура хеттитов, как и культура царства Урарту в нынешней Армении (главным памятником последней культуры являются надписи близ города Вана), возникла под влиянием ассиро-вавилонской культуры. Еще в 1898 — 99 г.г. в Армению была совершена немецкая экспедиция Белька и Леманна, результатом которой было открытие значительного числа надписей; о приемах работы экспедиции, в особенности о ее раскопках, русские специалисты большей частью отзывались отрицательно. Такие же способы „экстенсивного" исследования часто применялись в первые десятилетия XX века немецкими экспедициями, что, наряду с обилием ценных находок, вредно отзывалось на сохранности памятников, требовавших более продолжительного исследования.

Научные задачи, связанные с изучением Малой Азии, еще далеко нельзя признать выполненными. До некоторой степени

может считаться выполненным географическое изучение полуострова, хотя местность между Кутахией и Ангорой, являющаяся родиной османской державы, впервые была посещена европейцами только в 30-х годах. Чтение надписей, оставленных культурными народами древнего Востока, еще вызывает большие сомнения, и вопрос о племенном происхождении этих народов остается спорным. Раскопки на месте греческих городов едва начались; до последнего времени оставалось неизвестным даже местоположение Милета до-персидской эпохи, того города, где получила начало греческая наука. Средневековая история Малой Азии, в связи с историей получившей здесь начало Османской империи, еще недостаточно изучена; единственным трудом по истории Османской империи, составленным по первоисточникам, остается до настоящего времени труд Хаммер-Пургсталя, совершенно не удовлетворяющий требованиям исторической критики. О наречиях малоазиатских турок имеются только скудные сведения. Для изучения прошлого Турции турками сделано несколько больше, чем персами для изучения Ирана. Книгопечатание упрочилось в Турции еще в начале XVIII в. и тогда же вызвало значительное число изданий; в XIX в. турецким правительством были приняты такие меры, как образование археологического музея и издание каталога рукописей, хранящихся в библиотеках при константинопольских мечетях (кроме того, существует и публичная библиотека, также имеющая каталог). Для изучения турецкой нумизматики турецкими исследователями сделано больше, чем европейскими; в последнее время в Константинополе возникло историческое общество, издающее свой журнал на турецком языке; в настоящее время издает свои труды литературный факультет (адабийят факультеси) константинопольского университета. Но до сих пор работы турецких филологов и историков еще не обнаруживают достаточного знакомства с методами европейской науки; особенно крупными недостатками отличаются турецкие издания текстов и каталог константинопольских рукописей; это относится и к многочисленным изданиям текстов в современной Турции. Работы европейских ученых вообще встречали со стороны прежнего турецкого правительства полное содействие; к посещению европейцами мечетей суннитское население Турции относится гораздо спокойнее, чем шиитское население Персии.

В Палестину в XIX в. совершались экспедиции как специалистами по физической географии и геологии, главным обра-

зом для изучения впадины Мертвого моря, так и археологами, главным образом для изучения памятников священной истории Ветхого и Нового Завета. В том и другом отношениях наиболее ценные результаты были достигнуты экспедицией герцога де-Луиня (1864); отчет об этой экспедиции был положен в основание при дальнейших работах как по изучению Мертвого моря, так и по изучению библейской археологии. Богатый материал по библейской археологии был собран также американцами Робинзоном и Смитом (1838 и 1852 гг.). Для дальнейшего изучения Палестины в археологическом отношении в 1865 г. был образован в Англии особый фонд. Изучение Палестины составляет цель нескольких научных организаций, в том числе германского „Palästina-Verein", издающего свои труды в периодическом органе и отдельных книгах; имеются также научные школы в Иерусалиме. Свод сведений о путешествиях в Палестину (с 333 г. по Р. Х.) был составлен Тоблером; впоследствии его дополнил и продолжил до 1878 г. Рерихт. С 1908 г. в Германии издавалась библиография литературы о Палестине; в первом томе была помещена библиография за годы 1895—1904.

С изучением Палестины тесно связано изучение Финикии. Археологические работы на месте древних финикийских городов с наибольшим успехом производились (с 1860 г.) экспедицией Э. Ренана, снаряженной во время занятия края войсками Наполеона III. Экспедиция Ренана и другие исследования способствовали выяснению топографии финикийских городов; но весь археологический и эпиграфический материал, добытый до настоящего времени, относится к временам не ранее подчинения Финикии персам. Наука не располагает до сих пор памятниками, ни надписями той эпохи, к которой относится наибольший расцвет морского могущества и культурного влияния Финикии. Более древнему времени приписывают только финикийские надписи, найденные на Кипре.

Изучение арабского полуострова было связано для европейцев с несравненно бо́льшими трудностями, чем изучение других стран Ближнего Востока. Священные города ислама, Мекку и Медину, европейцы могли посещать только под видом мусульман, с опасностью для жизни; чтобы проникнуть в оазисы, расположенные внутри полуострова и до XIX в. оставшиеся даже в географическом отношении совершенно неисследованными, приходилось преодолеть все трудности путешествия по песчаным пустыням и по владениям полудиких бедуинов.

Первым европейцем, посетившим Мекку после Вартемы, был швейцарец Иоанн Буркхардт, путешествовавший по поручению лондонского африканского общества под именем мусульманина Ибрагима. Перед этим он прожил некоторое время в Сирии, где основательно изучил арабский язык и откуда, по восточному берегу Мертвого моря и мимо Синайского полуострова, в конце 1812 г. прибыл в Египет. Из Египта он отправился вверх по Нилу в Донголу, в будущем хотел отправиться с караваном в Судан; путешествие в Мекку было предпринято им (из Суакима) только для получения звания хаджи, т.-е. паломника, посетившего священные города ислама, что впоследствии могло оказать ему пользу при дальнейших путешествиях по мусульманским странам. Условия для путешествия из Египта в Мекку в то время были благоприятнее, чем прежде. В начале XIX в. священные города находились во власти пуританской секты ваххабитов, возникшей в Средней Аравии и объявившей войну оффициальному исламу (секта получила название по имени своего основателя, Мухаммеда ибн-Абд-ал-Ваххаба); только в 1812 г. египетский паша Мехмед-Али, основатель ныне правящей в Египте династии, вытеснил ваххабитов из Медины, в 1813 г. из Мекки. Занятие священных городов египетскими войсками значительно облегчало путешествие Буркхардта, тем более что положение европейцев в Египте в то время было благоприятнее, чем в других областях ислама; Мехмед-Али понимал преимущества европейской культуры и старался использовать их для поднятия своего могущества. Буркхардт в 1814 г. совершил в Мекке все обряды паломничества, в начале 1815 г. был в Медине, откуда вернулся в Египет, где умер в 1817 г., готовясь к путешествию в Судан. Приобретенные Буркхардтом арабские рукописи были завещаны кэмбриджскому университету; описание его путешествий было издано после его смерти сначала на английском, потом на немецком языке.

В 1853 г. в Мекку и Медину проник, под видом авганского шейха, также из Египта, по поручению лондонского географического общества, Бэртон (Burton), впоследствии прославившийся своими африканскими путешествиями. Еще более значения имело путешествие голландского ориенталиста Снук-Хургронье (1884 — 85), прожившего в Мекке значительно дольше своих предшественников; его книга „Мекка“ заключает в себе подробный очерк жизни священного города, притом не только во время паломничества, но и в другое время года.

Из путешествий, совершенных для изучения арабского полуострова в географическом отношении, можно привести прежде всего путешествие Садлера, впервые проехавшего через весь полуостров от востока к западу, от Катифа, расположенного на берегу Персидского залива, до Ямбо, гавани Медины (1819). Результаты этого путешествия оставались государственной тайной английского правительства до 1866 г., когда был обнародован только маршрут путешественника, без всяких сведений о посещенной им стране. Наибольшее значение имело путешествие англичанина Пальгрева (Palgrave, 1862—63), совершенное на средства французского правительства. Пальгрев проехал через полуостров по диагонали от берега Мертвого моря до прибрежья Персидского залива. Путешественник кроме научно-географической цели имел в виду также миссионерскую — выяснить, насколько возможно обратить население полуострова в христианство, которое до возникновения ислама имело в Аравии значительное число последователей. Враждебным отношением к исламу и особенно к ваххабитам объясняются некоторые тенденциозные выводы Пальгрева, как преувеличенная оценка культурного уровня христианских арабов и преувеличенное представление о влиянии ислама на упадок культуры; поэтому его наблюдения должны быть принимаемы с осторожностью.

Менее подробны отчеты о путешествиях в центральную Аравию: Пелли, английского резидента в Бушире, посетившего Риад и определившего астрономическое положение этого города; немецкого доктора Вецштейна, описавшего Сирию и северную Аравию; итальянца Гуармани, закупавшего арабских лошадей для французского правительства. Наиболее подробный очерк быта бедуинов дал английский путешественник Доти (Doughty), объездивший из Дамаска некоторые области „пустынной Аравии“ (1876—78). Большое значение, в особенности для географического изучения Аравии, имело совершенное во время мировой войны (1917—8) путешествие английского агента Фильби. Результаты этого путешествия показали, что внутренние области Аравии до сих пор изображались на картах столь же неправильно, как, напр., области Туркестана в начале XIX в.; вместе с тем была окончательно доказана недостоверность сообщений Пальгрева.

Из археологических памятников Аравии предметом исследований европейцев были некоторые постройки в северо-западной части полуострова, в так называемой „каменистой Аравии“ (Arabia Petraea), относящиеся к эпохе влияния греко-римской культуры.

(развалины города Петры по своему значению для историка мало уступают развалинам Пальмиры), и в особенности памятники культуры, возникшей задолго до ислама в юго-западной части Аравии, в Йемене, под влиянием морской торговли между Египтом и Передней Азией с одной стороны и Индией — с другой. Богатый материал по изучению этой культуры, преимущественно эпиграфический, собрали французские ориенталисты Арно (Arnaud, 1843), Халеви (Halévy, 1869) и в особенности австрийский ориенталист Глазер (в 80-х годах).

Арабский язык, как язык ислама и язык культуры, оказавшей несомненное влияние на культуру западной Европы, всегда привлекал к себе наибольшее число исследователей среди европейских ориенталистов; научные успехи, достигнутые этою отраслью знания, значительно превосходят успехи других отраслей востоковедения. Если по истории арабского государства и арабской культуры пока еще слишком мало исследований, основанных на первоисточниках и удовлетворяющих требованиям исторической критики, то материал для таких исследований приведен в известность и доступен в печатных изданиях в несравненно большей степени, чем материал для истории Персии и Турции. В создании арабской культуры население, оставшееся в Аравии, принимало только второстепенное участие; культурная работа преимущественно происходила в покоренных арабами искони культурных странах — в Сирии, Месопотамии и Египте. Центром арабской учености в настоящее время является Каир, где теперь, кроме библиотек при мечетях, существует публичная библиотека, обладающая богатым собранием арабских рукописей и вполне доступная для специалистов всех национальностей. Каир, город, всецело созданный арабами, остается и теперь самым многолюдным городом всей Африки; сохранившиеся в нем памятники мусульманской архитектуры (IX — XV вв.) возбудили в европейском научном мире такой интерес, которому не мог повредить даже интерес к памятникам древней египетской культуры. Та же самая французская научная миссия, связанная с походом Наполеона, которая положила начало египтологии, положила начало изучению исторической топографии Каира. По истории Египта мы имеем большее число как печатных изданий текстов, так и европейских исследований, чем по истории какой либо другой мусульманской страны. Со второй половины XIX в., со времени утверждения французской власти в Алжире, Тунисе и Марокко, французскими учеными издано и переведено большое число текстов, относящихся к этим странам,

и положено начало изучению их истории и культуры, в особенности архитектурных памятников. Сравнительно мало успели сделать итальянцы для изучения „Ливии", т.-е. областей, уступленных турками в 1912 г., хотя были произведены некоторые археологические работы и был основан музей в Бенгази. В издающемся с 1921 г. в Риме итальянском ежемесячнике о современном Востоке (Oriente Moderno) об итальянских владениях говорится очень мало.

В Сирии, в городе Бейруте, католическими миссионерами в 1902 г. был учрежден факультет восточных языков при местном университете св. Иосифа, существующем с 1881 г. Факультет обогатил науку рядом ценных трудов об исламе и арабской культуре, хотя на отношении авторов этих трудов к исламу и в особенности к личности Мухаммеда не могли не отразиться миссионерские задачи школы. На местное население школа не оказала большого влияния, не исключая и арабов-христиан; однако среди последних теперь заметно проявляется стремление к литературному возрождению и к усвоению европейской культуры, от которой их в меньшей степени, чем арабов-мусульман, отделяют религиозные традиции. Из всех мусульманских областей только в Сирии положено начало объединению мусульман и христиан на почве национальной идеи. Национально-культурные стремления с особенной силой проявились после мировой войны и отделения от Турции, хотя Сирия под французской опекой не получила ни политического единства, ни даже той степени независимости, как Египет и Месопотамия. Культурное первенство Сирии в арабском мире было закреплено основанием в 1919 г. арабской национальной академии, правильная деятельность которой началась, после окончания смут, в 1921 г.

Европейские и американские миссионеры действовали также в Месопотамии, при чем и там религиозной пропаганде подвергались не столько мусульмане, сколько восточные христиане; деятельность миссионеров и в этом случае не имела больших результатов. Изучению быта восточных христиан более всего способствовали путешествия английских миссионеров Бэджера и Флетчера (1842—44 и 1850). Начиная с 40-х годов XIX в., Месопотамия приобрела для европейской науки первостепенное значение благодаря открытию памятников культуры, которую многие исследователи были склонны считать древнейшей культурой земного шара. Но в Месопотамии памятники древности не могли, как в Персии, совершенно уничтожить интерес к памятникам мусульманской культуры. Внимание ученых было

обращено не только на Вавилон, Ниневию, Асур (из трудов исследователей этих городов особенную популярность получил труд Лейярда) и другие города древности, но и на столицы аббасидских халифов, Багдад и Самарру, и другие крупные центры ислама, как Мосуль; топография этих городов и памятники их прошлого были предметом таких исследований, каких нет в западно-европейской литературе ни об одном из городов Ирана. Кроме того, в Месопотамии изучение памятников прошлого находится в более тесной связи, чем где бы то ни было, с надеждами на будущее возрождение страны. Восстановлением значения сухопутной торговли, благодаря железным дорогам, и прорытием канала через Суэцский перешеек устранена одна из главных причин, вызвавших после XIV в. экономический упадок областей Ближнего Востока. Вопрос о поднятии и использовании естественных богатств этих областей вновь приобретает первостепенное значение для мировой торговли и промышленности; в связи с проектом багдадской железной дороги возникает проект восстановления той густой оросительной сети, благодаря которой древняя Вавилония еще в первые века ислама оставалась самой доходной областью Передней Азии, хотя климатические и физико-географические условия были в Передней Азии и тогда приблизительно те же, как теперь. Работы по изучению Месопотамии производились в конце XIX и в начале XX вв. преимущественно немецкими учеными, собравшими богатый материал для изучения как памятников прошлого, так и современного состояния страны. Из работ по изучению памятников прошлого особенно богатые результаты дали раскопки Херцфельда (с 1911 г.) в Самарре, городе, где все выдающиеся постройки относятся к одной и той же эпохе (IX в.), вследствие чего исследование развалин приводит к более ясным и наглядным результатам. Во время мировой войны и после ее окончания раскопки велись англичанами, преимущественно на местах древнейших вавилонских поселений. Англичанами продолжались также работы по восстановлению сети каналов, и в промежуток между 1918 и 1921 гг. культурная площадь увеличилась вдвое.

Вопрос о месте мусульманского мира среди других народов Востока с особой категоричностью был поставлен с 30-х годов французским ученым Седильо. Он старался доказать, что надежды европейцев найти богатые сокровища мысли в Индии и Китае не осуществились, тогда как все более выясняется, что из всех восточных народов только арабы по своим науч-

ным заслугам могут соперничать с греками, что другой науки, кроме греческой и арабской, никогда не было, и от этих двух народов находится в зависимости вся наука других стран. Седильо был прав, когда настаивал на историческом значении мусульманской науки и на необходимости ее изучения, но его взгляды не были свободны от преувеличения; даже из памятников арабской литературы видно, что индийцы были не только учениками, но и учителями арабов. Обобщения Седильо оказали некоторое влияние на взгляды А. Гумбольдта.

Успехи изучения Азии в географическом отношении, вместе с успехами востоковедения, должны были вызвать попытку привести в систему добытый материал, сопоставить географические особенности отдельных частей материка с бытом их населения и таким образом выяснить значение географических условий, как основной причины, которой определяется судьба отдельных стран и народов. Эти попытки связаны с именами двух великих немецких ученых, Александра Гумбольдта и Карла Риттера, создавших науку „землеведения“ (Erdkunde) в обширном смысле, одинаково тесно связанную с естествознанием и с гуманитарными науками.

Гумбольдт (1769—1859) был учеником Вернера, впервые определившего последовательность геологических формаций и этим установившего связь между историей земной поверхности и историей органической жизни. Многочисленные путешествия Гумбольдта по различным странам Америки и Азии не сопровождались географическими открытиями; но произведенные им наблюдения отличались несравненно большей полнотой и разнообразием, чем наблюдения прежних путешественников; успехи, достигнутые в то время геологией и метеорологией, дали ему возможность осветить географический материал, доступный и прежним ученым, с совершенно новых точек зрения. Во время своих путешествий он систематически при помощи барометра определял высоту отдельных мест; при составлении географических карт он впервые стал обращать внимание на вертикальное расчленение материка, тогда как прежние картографы заботились только об установлении внешних очертаний земной поверхности — береговых линий, рек, горных хребтов и т. п. Вертикальному расчленению материка Гумбольдт отводил выдающееся место среди причин, определивших ход истории человечества. Им впервые было указано, насколько существование впадины Средиземного моря оказало влияние на судьбу стран Европы, Азии и Африки, прилегающих к этой впадине; на-

сколько движение средне-азиатских кочевых народов определялось направлением террас земной поверхности; насколько географическое положение Индии оказало влияние на судьбу этой страны, из которой не вышло ни одного завоевательного движения и которая всегда была только предметом чужих завоевательных стремлений. Путешествием Гумбольдта в азиатские владения России (1829) было вызвано появление его книги о Средней Азии (1843), которая долго сохраняла значение классического труда, хотя в действительности она может считаться скорее завершением прошлого, чем началом новой эпохи в науке. Наука во второй половине XIX в. шла иными путями, и когда в 1915 г. появился русский перевод книги Гумбольдта, казалось, что им вызваны тени отдаленного прошлого.

Еще более широкие обобщения были предложены, отчасти под влиянием взглядов Гумбольдта, его младшим современником К. Риттером (1779—1859). По представлению Риттера, выяснение связи между устройством земной поверхности и жизнью органического мира, в том числе и человечества, должно было быть предметом особой науки — „сравнительного землеведения“ или „прагматической географии“; эта наука должна была служить „верным основанием изучения и преподавания физических и исторических наук“. Сам Риттер называет основателем „сравнительного землеописания“ Гумбольдта; кроме того, предшественником Риттера иногда называли Геерена (Heeren, 1760—1842), еще в конце XVIII в. сделавшего попытку выяснить историю древнего мира в зависимости от успехов международной торговли. Геерену, который в свое время пользовался громкой славой, а впоследствии признавался только „способным дилетантом“, иногда удавалось с бо́льшим успехом, чем Риттеру, предсказывать будущее; таково замечание Геерена, что атлантический берег Соединенных Штатов скоро покроется таким же рядом торговых гаваней, как в древности восточный берег Средиземного моря. Сведения о географических условиях внеевропейских стран и об истории их населения были доступны Риттеру только из вторых рук; помимо чтения книг, он собирал сведения путем личного общения с учеными; для его познаний в области востоковедения особенное значение имела его поездка в Париж в 1845 г. На восток он не совершал никаких путешествий, кроме посещения Константинополя и берега Малой Азии в 1837 г. Даже этого путешествия было достаточно, чтобы поколебать его мнение о коренном различии между Азией и Европой; на берегах Босфора он вынес впечатление, что эти

части света только дополняют друг друга. Он не знал ни одного из восточных языков; в своих теориях он довольно часто прибегал к лингвистическим сближениям, обнаруживающим полное незнакомство с методами языкознания. Риттер разделял взгляд, возникший во второй половине XVIII в., по которому Средняя Азия была родиной индо-европейского племени и родиной человеческой культуры, и старался подкрепить этот взгляд физико-географическими доводами. Среди причин, определивших дальнейший ход развития культуры в отдельных частях света, Риттер отводил первое место расчленению материка и изрезанности береговой линии; культурное первенство Европы и культурная отсталость Африки, по его мнению, прежде всего объясняются устройством поверхности и очертаниями берегов той и другой части света. С открытием Америки центр морских торговых сношений был перенесен далее на запад; европейский запад по отношению к американскому материку сделался востоком; будущее принадлежит Америке, прежде всего Мексике, которая из всех американских областей обладает лучшим географическим положением и лучшими климатическими условиями.

Теории Гумбольдта и Риттера, как всякие гениальные, хотя бы и преждевременные обобщения, принесли большую пользу успехам человеческой мысли, но в настоящее время сохраняют только историческое значение. Не трудно видеть, что как у Гумбольдта, так в особенности у Риттера физико-географические доводы служат только для подтверждения заранее составленного взгляда на ход истории человечества, причем современные им исторические условия и современный им ход исторической эволюции рассматривались как окончательный результат жизни человечества, предопределенный самой природой. Как для Страбона образование Римской империи было естественным последствием географического положения Италии, как по мнению арабов культурное первенство мусульманского мира было естественным последствием климатических преимуществ того пояса, в котором находятся Багдад и Исфахан, так и для Риттера культурное первенство Европы было естественным последствием географических особенностей этой части света. Ни одно из этих обобщений не считалось с фактом, что *физико-географические* причины оказывали то или другое влияние на судьбу страны только в определенный момент ее исторического существования, в зависимости от хода *исторической* эволюции. По своему физико-географическому положе-

нию Индия не отличается от Италии; в средние века между судьбой обоих полуостровов, действительно, замечается большое сходство, но в древности те же физико-географические условия не помешали Италии объединить вокруг себя все области по берегам Средиземного моря. В отдельных областях Европы культура развивалась не в зависимости от изрезанности береговой линии, но в зависимости от большей или меньшей близости к культурным странам древнего Востока, причем, несмотря на благоприятные физико-географические условия, прошло более 2000 лет от первых успехов культуры на материке Европы до приобщения к культуре последнего из европейских народов, от микенской эпохи (более 1000 л. до Р. Х.) до принятия христианства литовцами (XIV в. по Р. Х.). Таким же образом Риттер был убежден, что Англия своим географическим положением с самого начала (von Anfang an) была предназначена к господству над морями, хотя это господство началось, как известно, только в XVII в. Как в Африке, так и в Европе побережье Атлантического океана, вследствие большей отдаленности от культурных центров, восприняло культуру значительно позже, чем многие области внутри материка. Столь же мало оправдались предсказания Риттера относительно будущего. Мексика, которой Риттер предсказывал культурное первенство вследствие благоприятных условий для морской торговли, была самой культурной страной в Северной Америке именно в то время, когда морских сношений еще не было, и в новейшей истории Америки не могла выдержать соперничества с Соединенными Штатами. Кроме того, исторические факты, которых Риттер не мог предвидеть, именно развитие железных дорог и прорытие Суэцского канала, неожиданно изменили ход исторической эволюции, и американский материк утратил часть своего значения для мировой торговли в пользу старых культурных областей Ближнего Востока.

Более плодотворны были обобщения Риттера, касавшиеся физико-географических особенностей отдельных стран и влияния этих особенностей на развитие органического мира. В этом отношении некоторые из его взглядов сохраняют значение и теперь; но вообще фактический материал, бывший доступным Риттеру в первой половине XIX в., настолько незначителен по сравнению с тем, что сделалось известным во второй половине того же столетия, что нуждается не только в дополнениях и поправках, но в совершенной переработке; поэтому взгляды Риттера на общий характер географических условий и на общий

ход исторических судеб отдельных стран большею частью уже не соответствуют современному состоянию науки. Этим объясняется судьба предприятия, задуманного еще в 1850 г. Имп. Русским Географическим Обществом (капитал для этой цели был пожертвован Голубковым), — перевести на русский язык „Землеведение" Риттера, присоединив к нему, в качестве „дополнений", данные, добытые новейшими путешественниками и исследователями. Были изданы только отдельные части „Землеведения", переведенные П. П. Семеновым, В. В. Григорьевым и Н. В. Ханыковым, причем „дополнения" неизбежно принимали характер опровержения переведенного текста. Трудно понять, каким образом академиком Миддендорфом в 1881 г. могло быть высказано мнение, что и через полстолетие после появления томов труда Риттера, посвященных Средней Азии, нельзя было бы указать почти ни одного источника, который бы не был ему известен.

Вопрос о продолжении перевода „Землеведения Азии" был в последний раз возбужден в 1916 г.; на этот раз речь шла о переводе и дополнении главы, посвященной Азербайджану.

Сам Риттер признавал, что предложенные им обобщения могут показаться преждевременными, но ему казалось, что для прогресса науки такие попытки обобщений необходимы и что только этим „смелым путем", после целого ряда заблуждений, может быть достигнута истина. Несомненно, что иначе относились к его взглядам его слушатели и читатели. Вторая четверть XIX в. вообще была временем, когда в различных отраслях науки признавалось необходимым переходить от собирания материала к установлению окончательных выводов и когда в философии создавались догматические системы. Несостоятельность этих систем скоро была признана, и в 1860 г. Эрнест Ренан писал об их крушении. В философии догматическое направление снова уступило место критическому; в отдельных науках, как в естествознании, так и в истории, собирание и специальная разработка материала снова заняли первое место.

Задачи, которые ставили себе Гумбольдт и Риттер, едва ли мог бы поставить себе современный ученый; все более укрепляется сознание, что в области истории Востока так же, как в других отраслях исторической науки, необходимо перейти от экстенсивных исследований к интенсивным, от широких обобщений к развитию специализации и тщательному изучению, по первоисточникам, истории отдельных стран, народов и эпох. Вследствие обилия материала составление, „всеобщей географии"

или „всемирной истории“ теперь редко предпринимается одним лицом; исключение представляет, напр., „Всеобщая география. Земля и люди“ (в русском переводе слова „земля и люди“ поставлены впереди) Элизе Реклю (1875—1894) и „Всемирная история“ Теодора Линднера (1901—1917). В первом труде книги, посвященные восточным странам, заключают в себе много ошибок, которые отчасти исправлены в русском переводе (1876—1896). В труде Линднера Востоку отводится больше места, чем в большей части европейских трудов по всемирной истории; попытка сопоставить жизнь восточных народов с жизнью европейцев представляет большой интерес для ориенталистов, хотя в основу этого сопоставления положена не вполне научная расовая теория. После 1914 г. на востоковедении, как и на других отраслях научной работы, отразилось ослабление культурной связи между народами. Больше всего пострадали от этого такие международные предприятия, как издающаяся в Голландии „Энциклопедия ислама“, которая должна была быть закончена к 1920 г., но могла быть доведена к 1924 г. только до буквы К.

Совершенно прекратилась с 1914 г. доведенная только до 1910 г. международная библиография по Востоку, издававшаяся в Германии с 1887 г. (Orientalische Bibliographie).

В. Бартольд, Историко-географический обзор Ирана, Спб. 1903; там же библиографические сведения; более подробная библиография у G. N. Curzon, Persia and the Persian question, Lond. 1892. Sir J. Malcolm, The history of Persia, new ed., Lond. 1829. Труды Мориера (J. Morier): A journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople in the years 1808 and 1809, Lond. 1812. A second journey through Persia, Armenia and Asia Minor to Constantinople between the years 1810 and 1816, Lond. 1818. Вольный перевод романа Мориера сделан бароном Брамбеусом (О. И. Сенковским): Мирза Хаджи Баба Исфагани. Изд. 2-ое, Спб. 1845 (4 небольших тома). P. M. Sykes, Ten thousand miles in Persia or eight years in Iran, Lond. 1902. P. M. Sykes, A history of Persia, Lond. 1915; рец. в Изв. Геогр. Общ. LIII, 182 и сл.—F. H. Weissbach, Die Keilinschriften am Grabe des Darius Hystaspis, Lpz. 1911 (Abh. der phil.-hist. Klasse der Kön. Sächs. Ges. der Wiss., Bd. XXIX, № 1). King, Thompson and Budge, The Sculptures and Inscription of Darius the great on the rock of Behistûn in Persia, 1907; рец. напр. Weissbach в Zeitschr. der D. Morg. Ges. LXI (1907), 722 и сл; Прашек в Orient. Litt.-Zeitung XI (1908), 371 и сл. F. Sarreu. E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berl. 1910. M. Dieulafoy, L'Église et la Mosquée (Mélanges H. Derenbourg, Paris 1909, 23—48); о других трудах по искусству Персии И. А. Орбели, Восток, IV, 142. J. de Morgan, Mission scientifique en Perse, Paris 1894—96; ср. рецензию O. Mann в Mitt. des Seminars für Orient. Sprachen, Westas. Stud., II, 256—274; о способе и результатах дальнейших работ J. de Morgan, Les recherches archéologiques, leur but et leurs procédés, Paris 1906. Договор 1900 г. в Матер. по изуч. Востока, изд. мин. иностр. дел, II, Петрогр. 1915, 503 и сл.; там же (278 и сл.) о ходе работ и о дворце экспедиции. A. V. W. Jackson, Persia past and present, New York—London 1906. A. V. W. Jackson, From Constantinople to the Home of Omar Khayyam, New York 1911. F. Sarre, Denkmäler persischer Baukunst, Berl. 1910 и рецензия Max van Berchem в Journ. des Savants, Févr. 1911, 54—69; о более новых работах Изв. Ак. Мат. Культ., II, 361 и сл. H. Roemer, Die Babi Behai,

Potsdam 1912; рец. в Мире Ислама, I (1912), 425 и сл. E. G. Browne, The Persian Revolution of 1905—1909, Cambr. 1910. E. G. Browne, A Literary History of Persia From the Earliest Times until Firdawsi, Lond. 1902; id. From Firdawsi to Sa'di, Lond. 1906. E. G. Browne, A History of Persian Literature under Tartar Dominion, Cambr. 1920; в 1924 г. вышел последний том. Краткая библиограф. литературы по ирановедению (до 1890 г.) в книге К. Г. Залемана и В. А. Жуковского, Краткая грамматика новоперсидского языка. Спб. 1890. Литографированные издания сочинений „Сефер-и Хорасан" (шаха Насир-ад-дина) и „Матла'аш-шемс" (министра Сани'-ад-даулэ). Об И'тимад-ас-сальтанэ статья В. А. Жуковского в Зап. Вост. Отд. Имп. Р. Арх. Общ. X, 187—191. — L. Ross, Kleinasien und Deutschland, Halle 1850. Ch. Texier, Description de l'Asie Mineure, Turin 1837 и сл. — Id., Description de l'Arménie, la Perse et la Mésopotamie, Paris 1842—1852 (2 тома in-fol.), подробности в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, 0134. Vivien de St-Martin, Nouveau dictionnaire de géographie universelle, Paris 1877—79, под словом „Anatolie". Cl. Huart, Epigraphie Arabe de l'Asie Mineure; заметки об этом труде в Journ. Asiat., 9, VI, 136 и VIII, 336 и 356. Cl. Huart, Konia, la ville des derviches tourneurs. Souvenirs d'un voyage en Asie Mineure, Paris 1897 (заметки в Journ. Asiat., 9, IX, 133 и XI, 352). Cl. Huart, Inscription arabe de la mosquée seldjouquide de Divrigui (Asie Mineure) в Journ. As. 9, XVII, 343—346. Замечание H. Grothe о статьях Хюара в Orient. Archiv, II (1912), 207. M. van Berchem et Halil Edhem, Materiaux pour un corpus inscriptionum arabicarum. 3-me partie. Asie Mineure. Le Caire 1910 (Mémoires de l'institut français d'archéologie orientale du Caire, t. XXIX). Статьи Ramsay в Geograph. Journal, vol. XX (1902) и XXII (1903), также Supplem. papers, t. IV; в Supplem. papers, t. III еще статья D. Hogarth и J. A. R. Munro, Modern and ancient roads in Eastern Asia Minor. G. Hogarth, Problems in Exploration. I. Western Asia (Geogr. Journ. XXXII, 1908); ссылка у H. Grothe, Meine Vorderasienexpedition 1906 und 1907, II, Lpz. 1912, 1. A.v. Schweiger—Lerchenfeld, Armenien, Jena 1878, 147. О раскопках Винклера в Memnon II, 101 f., по Mitt. der Deutschen Orient-Ges., H. 35. Б. А. Тураев, История древнего Востока², I, 13 и сл., 322 и сл.; заглавия более новых трудов в Изв. Ак. Мат. Культ., II, 363 и сл. Об Урарту Ист. древн. Вост.², II, 46 и сл.; об экспедиции Белька и Леманна еще В. Ф. Минорский в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXIV, 151; И. А. Орбели там-же, XXI, стр. LXXIX. J. v. Hammer, Geschichte des Osmanischen Reiches, 2-te Ausgabe, Pesth 1834—1836. Galib Edhem, Essai de numismat. ottomane (на тур. яз.), Constant. 1307 (1890); рец. С. Чахотина в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VI, 364—370. Revue Historique, publ. par l'Institut d'histoire ottomane (на турецк. яз., с 1 (14) апр. 1910 г.). О рукописях и каталогах P. Horn в Zeitschr. der D. M. Ges. LIV, 275—332, 475—509; В. Бартольд в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, 0115—0154. — Duc de Luynes, Voyage d'exploration à la mer Morte, à Petra et sur la rive gauche du Jourdain, Paris 1874—76 (коллективный труд участников экспедиции). E. Robinson, Palästina und die südlich angränzenden Länder. Tagebuch einer Reise im Jahre 1838 in Bezug auf die biblische Geographie unternommen von E. Robinson und E. Smith, Halle 1841—42. E. Robinson, Neuere biblische Forschungen in Palästina und in den angränzenden Ländern, Tagebuch einer Reise im Jahre 1852. Von E. Robinson, E. Smith und andern, Berlin 1857. T. Tobler, Bibliographia geographica Palaestinae, Lpz. 1867. Röhricht, Bibliotheca geographica Palaestinae, Berl. 1890. О „Bibliographie der Palästinaliteratur" заметки в Zeitschr. der Pal.-Vereins, XXXVI (1913), 80; об этом труде и более новых еще М. И. Ростовцев в Христ. Вост., I, 255. Б. А. Тураев. Очерк истории изучения финикийской древности (Историч. Обозрение VI, 1—76). — Ист. древн. Востока², I, 42; II, 8 и сл., 276 и сл. О кипрских надписях H. Winckler, Auszug aus der Vorderasiatischen Geschichte, Lpz. 1905, 78. J. Burckhardt, Travels in Arabia, Lond. 1829. Sir R. Burton, Personal narrative of a pilgrimage to El-Medinah and Meccah, memorial edition, Lond. 1893. Snouck Hurgronje, Mekka, Haag 1888—9. W. G. Palgrave's Reise in Arabien, aus dem Englischen, Lpz. 1867—68. Сокращ. франц. перевод J. Belin de Launay (W.-G. Palgrave. Une année dans l'Arabie Centrale, Paris 1869); там же о других поездках. Ср. отзыв о наблюдениях Пальгрева у A. Kremer, Geschichte der herrschenden Ideen des Islams, Lpz. 1868, S. 185, прим. — Kuseir 'Amra, Wien 1907 (Kais. Akad. der Wiss.); рец. Th. Nöldeke в Zeitschr. der D. M. Ges. LXI, 222—233. Статья „Amra". в Enz. des Islam, I, 353 и сл. Doughty, Travels in Arabia Deserta, Cambr. 1888;

*

новое издание в 1921 г. — H. St. J. B. Philby, The Heart of Arabia, Lond. 1922. Основной труд о Петре: R. E. Brünnow u. A. v. Domaszewski, Die Provinzia Arabia, 1904; к этому G. Dalman, Petra und seine Felsheiligtümer, Lpz. 1908 (рец. R. Brünnow в Zeitchr. des D. Palästina Vereins, XXXII, 1909, 247 и сл.); id., Neue Petra-Forschungen, Lpz. 1912 (рец. P. Kahle в Zeitschr. des D. Paläst.-Vereins, XXXVI, 1913, 318 и сл.); P. Kahle, Petra, Lpz. 1908. Относительно литературы о Йемене Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XX, 077; к этому еще O. Weber, Eduard Glasers Forschungsreisen in Südarabien, Lpz. 1909 (ссылка в Der Islam, I, 356). О надписях, собранных Арно, Journ. As. 1845, сент. — окт.; тогда же ими интересовался Риттер. О Египте и Каире статьи Беккера в Enz. des Islam. О французских работах С. Б. Смоторжевский в Мире Ислама, I (1912), M. Hartmann в Mitt. des Seminars für Orient. Spr., XI, Westas. Stud., 215 и сл., 248 и сл. О музее в Бенгази Oriente Moderno, I, 107. О Бейрутской школе L. Bouvat в Journ. As. 10, IV, 351—352; И. Ю. Крачковский в Журн. Мин. Нар. Просв. 1910 г., февр. Об академии в Дамаске Oriente Moderno, I, 109; Восток II, 134 и сл. Rev. G. P. Badger, The Nestorians and their rituals, Lond. 1852. Sir H. Layard, Early Adventures in Persia, Susiana and Babylonia, 1887; по отзыву Херцфельда (Der Islam, I, 106) „das unerreichte Muster aller orientalischer Reisebücher". M. Streck, Die alte Landschaft Babylonien nach den arabischen Geographen, Leyden 1900—1. G. Le Strange, Bagdad during the Abbasid Caliphate, Oxford 1900. E. Herzfeld, Samarra, Berlin 1907. P. Schwarz, Die Abbasiden-Residenz Samarra, Lpz. 1909. О раскопках Херцфельда Der Islam, III, 314; IV, 199; V, 180 и сл. H. Grothe, Geographische Charakterbilder aus der Asiatischen Türkei und dem südlichen mesopotamisch-iranischen Randgebirge, Lpz. 1909 (альбом фотографий). H. Grothe, Meine Vorderasien-Expedition 1906 und 1907, Lpz. 1911—12; рец. в Der Islam, III, 192. Fr. Sarre u. E. Herzfeld, Archaeologische Reise im Euphrat und Tigris Gebiet, Berl. 1911; рецензия Беккера в Der Islam, III, 201 и сл.; еще два тома Berl. 1920, рец. H. Ritter в Der Islam, XII, 141 и сл. О новейших работах Анналы, IV, 7 и сл.; об увеличении культурной площади Contemp. Review, 1921, Febr., 202. Биография Седильо: G. Dugat, Histoire des Orientalistes de l'Europe, I (1868), 121—142. О Риттере и Гумбольдте И. Мушкетов, Туркестан, Спб. 1886, стр. 118—138; 2-ое издание (1915), 129—149; O. Peschel, Geschichte der Erdkunde, S. 570—574, 808—814. О переводе „Asie Centrale" Гумбольдта рец. К. Богдановича в Изв. Геогр. Общ. LII (1916), 114 и сл. К. Риттер, Землеведение Азии, т. I (перев. П. П. Семенова), Спб. 1856, стр. 6—11. Введение к книге: Иран К. Риттера, ч. I, перевел и дополнил Н. В. Ханыков, Спб. 1874. C. Ritter, Einleitung zur allgemeinen vergleichenden Erdkunde, Berlin 1852. G. Kramer, Carl Ritter, ein Lebensbild, Halle 1864—70. Первое издание книги A. Heeren, Ideen über Politik, den Verkehr und den Handel der vornehmsten Völker der Alten Welt вышло в 1791—96 гг.; слова о Соед. Штатах изд. 1805 г. I, 110; о Геерене как предшественнике Риттера И. Н. Березин в рецензии на „Землеведение" Риттера в перев. Семенова, Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 91 (1856), отд. VI, 43. Отзыв о Геерене в Анналах, III, 194. О предложении дополнить главу об Азербайджане Изв. Геогр. Общ. LII (1916), дела общ., 1. Мнение Миддендорфа о труд. Риттера: A. v. Middendorff, Einblikke in das Ferghana—Thal (1881), 362; русский перевод (Очерки Ферганской долины) стр. 368. Статья Э. Ренана о метафизике и ее будущности: E. Renan, Dialogues philosophiques, Paris 1876, 257 и сл. О труде Линднера В. Бартольд, Мусульманский мир, Пет. 1922, 86 и сл. О первом томе „Orientalische Bibliographie" Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., II, 321.

Вторая часть.

ГЛАВА XII.

Переходим теперь к истории сношений между Россией и азиатскими странами и к обзору русских трудов по изучению Востока.

Равнина восточной Европы уже по своему географическому положению должна была подвергаться влиянию Востока в гораздо большей степени, чем западно-европейские страны. Совершенно ошибочно представление, будто Россия до монгольского нашествия была такою же составною частью Европы, как напр. Германия или Франция, и будто только это нашествие на несколько веков отделило Россию от мира европейской культуры. Насколько Россия уже в XI в. отличалась в этом отношении от остальной части Европы, видно из применения турецкого титула „каган“ к Владимиру Святому в церковной проповеди митрополита Илариона; подобный факт не мог бы иметь места в эту эпоху ни в Византии, ни в западно-европейских государствах. Русский каган даже упоминается в истории раньше, чем русский князь; послы русского кагана прибыли еще в 839 г. из Византии к императору Людовику в Ингельхейм. Несомненно, что то русское владение, послы которого пришли к Людовику, находилось на севере, в новгородском районе; титул „каган“ показывает, что даже до этих пределов доходило влияние хазарского царства.

Еще до образования русского государства через восточную Европу, кроме известного водного пути „из варяг в греки“, от берегов Балтийского моря к берегам Черного, проходил другой торговый путь, также водный, из Европы в Азию. По мнению покойного акад. Шахматова, путь из варяг в греки был проложен только в IX в., тогда как каспийско-балтийский путь (через Волгу) существовал гораздо раньше и даже для варягов первоначально имел главное значение; на острове Готланде найдено больше арабских монет, чем в какой бы

то ни было стране Европы и Азии. Древнейшее известие об этом пути принадлежит арабскому географу Ибн-Хордадбеху. Товары отправлялись „по славянской реке", т.-е. по Дону (у другого арабского автора, Ибн-Хаукаля, и у анонимного персидского географа X в. Дон называется „рекою русов"), оттуда по Волге (очевидно, лодки в самом узком месте между Доном и Волгой переносились „волоком") до города Итиля (близ устья Волги), столицы хазарской державы, дальше по Каспийскому морю до области Джурджан (древней Гиркании); иногда русские купцы из Джурджана везли свои товары на верблюдах в Багдад. Главными предметами вывоза из восточной Европы в Азию были в то время меха пушных зверей, мед и воск, впоследствии также лен. Товары привозились в Итиль не только по Дону, но и по верхнему и среднему течению Волги. Ближайшими соседями России, принявшими ислам и подчинившимися влиянию мусульманской культуры, были волжские болгары, занимавшие страну по среднему течению Волги и по нижнему течению Камы. Из областей средней Азии к северной части Каспийского моря ближе всего находился Хорезм, впоследствии Хивинское ханство, где в то время сосредоточивались торговые сношения мусульман со среднеазиатскими кочевниками и откуда нередко отправлялись как караваны, так и посольства в восточную Европу — к хазарам, болгарам, печенегам и русским. Каспийское море в русских летописях называется „*Хвалисским*" или „*Хвалимским*" — название, образованное от названия области „Хорезм" (древнейшее название — Хуваразми, у арабов Хуваризм). Замечательно, что из всех относящихся к Азии географических названий, встречающихся в русских летописях, только название Каспийского моря не было заимствовано из греческих источников.

Состояние культуры в восточной Европе в то время было настолько низким по сравнению с культурой мусульманского мира, что этими торговыми сношениями могли воспользоваться только мусульмане для получения сведений о народах России, но не наоборот. Мусульманские авторы сообщают сведения не только о быте русских и о торговле с ними, но даже о русских военных походах на Восток, о которых в русских летописях нет ни слова. Сюда относятся опустошения, произведенные русскими в областях по западному и южному побережью Каспийского моря в 913 и 943—4 гг. Есть также сведение об опустошительном погроме, которому около 969 г.

подверглись со стороны русских царства болгарское и хазарское; находили хронологическое противоречие между арабскими, греческими и русскими источниками, и потому отношение этого погрома к походу Святослава не могло быть выяснено. В действительности противоречие только кажущееся, и возникло под влиянием неясности выражений Ибн-Хаукаля; указанная им дата 969 г. относится к тому времени, когда он в Джурджане узнал о погроме, и только по небрежности в других местах отнесена им к самому погрому. Из слов самого Ибн-Хаукаля видно что между погромом и тем временем, когда он о нем узнал, прошло несколько лет; бежавшие из Приволжья думали туда вернуться и жить там под властью русских, которую они, повидимому, считали прочно установленной. Вопреки словам Ибн-Хаукаля, очень вероятно, что разгромлено было только хазарское царство; дальнейшие события показывают, что из этого разгрома волжские болгары извлекли больше выгод, чем русские. Вопреки ожиданиям бежавших, Святослав ушел из хазарских земель под влиянием просьбы византийского императора о помощи против дунайских болгар. Для истории России этот факт имел большое значение; если бы русские тогда остались на Волге, они наверное подчинились бы мусульманской культуре; Святослав пожертвовал бы Киевом для Итиля, как потом хотел пожертвовать им для Переяславца.

Вообще история каспийских походов явно свидетельствует о постепенном укреплении в России в X в. начала государственности. Первый поход явно был только беспорядочным грабительским набегом; он охватил большее пространство, чем последующие походы, но никаких мер для рационального использования военных успехов принято не было; целью набега был только захват возможно большего количества добычи. Второй поход имел целью захват самого большого и богатого города мусульманского Закавказья, Берда'и; после взятия города были приняты меры для восстановления в нем порядка и мирной жизни, и только восстание жителей было причиной разгрома города. Третий поход был завоевательной войной против хазарского царства; покорив все земли хазар, русские пробыли там несколько лет, не трогая соседних земель; Апшеронский полуостров, куда русские в 913 г. свозили свою добычу, теперь был безопасным убежищем для бежавших из Поволжья. Последнее военное предприятие русских в прикаспийских областях, о котором говорят мусульманские авторы и не упоминают русские источники, произошло около 1175 г.: русский

флот, состоявший из 70 кораблей, был разбит ширваншахом, т.-е. правителем области Ширван, приблизительно соответствовавшей Бакинской губернии. Этот поход, по всей вероятности, был делом вольницы без участия князей.

До нас дошли не только письменные известия о торговых сношениях между Россией и Востоком в первые века ислама, но и вещественные следы этих сношений, в виде многочисленных кладов восточных монет, найденных в пределах России до Балтийского побережья и даже в Скандинавии. Монеты исключительно серебряные (дирхемы) и относятся к периоду от VIII до начала XI вв. Эти клады показывают, что восточные деньги оставались в России в большом количестве, т.-е. что торговый баланс был в пользу России, из чего, конечно, нельзя сделать вывода о каком-либо культурном или экономическом превосходстве России того времени перед мусульманским Востоком. Очень часто именно народы высшей культуры принуждены расплачиваться деньгами за товары, приобретаемые от менее культурных народов, так как предметы промышленности культурных стран не соответствуют ни потребностям этих народностей, ни степени их экономического благосостояния. Торговля с Россией приносила восточным купцам большие выгоды, так как русские товары приобретались ими по очень дешевой цене; по словам географа Ибн-Рустэ, писавшего X в., мех лисицы стоил $2^1/_2$ дирхема (ок. 50 коп.). С другой стороны, народы России получали от восточных купцов необходимую им звонкую монету. В подражание арабским дирхемам чеканились также монеты в пределах России; в Госуд. Эрмитаже хранится каменная форма для чеканки таких монет, найденная в Витебской губернии. Когда русские великие князья (начиная с Владимира Святого) стали чеканить серебряную монету со своим именем, эти монеты чеканились по весу арабских дирхемов. В XI в. положение изменилось; в областях мусульманского Востока произошел серебряный кризис, и чеканка серебряной монеты на некоторое время совершенно прекратилась; торговые сношения России с Востоком продолжались по прежнему, но теперь русские в обмен на свои товары получали от восточных купцов также товары, а не монету; потребность в звонкой монете удовлетворялась в России путем ввоза серебра из западной Европы (выпуск золотой и серебряной монеты русскими великими князьями прекратился вследствие политического распадения России). Сами арабы, насколько известно, не ездили к русским; сведения о стране русских получались

ими сначала от Византии, потом от волжских болгар. На Волге, в стране болгар или хазар, видел русских Ибн-Фадлан, участник посольства халифа Муктадира к болгарам (922 г.), автор известного рассказа о русском погребении.

Вследствие своего географического положения восточная Европа подвергалась культурному воздействию и религиозной пропаганде с трех сторон: со стороны Византии, католического Запада и мусульманского Востока. Вопрос о том, которому из этих влияний было суждено одержать верх, долгое время мог казаться сомнительным; отголоском этих колебаний является, повидимому, легенда о посольствах, отправленных Владимиром Святым для испытания вер. Независимо от этой легенды, хотя, может быть, под влиянием тех же причин, возник другой легендарный рассказ, сохранившийся у персидского писателя начала XIII в. Ауфи; по этому рассказу русский властитель *Буладмир* (т. е. Владимир; Ауфи ошибочно считал это имя титулом) сначала принял христианство от греков, потом отказался от христианства и принял ислам: военные набеги русских на греческие области после принятия христианства становились невозможными, тогда как учение ислама о священной войне было как нельзя более благоприятно для этих набегов, без которых русские, не занимавшиеся никаким мирным трудом, не могли жить. Возможно, что мусульманская легенда является отголоском похода на Константинополь Владимира Ярославича (1043 г.). По рассказу Ауфи мусульманские миссионеры пришли в Россию из Хорезма.

Принятие христианства от греков надолго определило дальнейший ход развития русской культуры. Вместе с христианством насаждалось в России книжное образование, имевшее, конечно, исключительно богословское направление. Как в Византии и западной Европе того времени, так и в России единственной страной Востока, представлявшей интерес для образованного общества, сделалась Святая Земля. „Хождения“ в Святую Землю были первыми русскими путешествиями на Восток, от которых остались следы в русской литературе. Путешествия совершались морским путем через Константинополь; первым паломником, оставившим описание своего путешествия, был игумен Даниил, посетивший Палестину в начале XII в., когда Иерусалим находился во власти крестоносцев, при первом „иерусалимском короле“ Балдуине. Даниил был хорошо принят Балдуином, провел в Палестине 16 месяцев и осмотрел все святые места. Как Даниил, так и следующие авторы

„хождений“ сообщали о своем путешествии только те сведения, которые были важны для паломников: сведения о путях к христианским святыням, с указанием числа дней, необходимых для путешествия, описание самых святынь и обрядов поклонения им. О политическом состоянии страны, о быте населения и т. п. они не сообщают ничего; Даниил рассказывает, как его принял „князь Балдуин“, но при этом не говорит ни слова ни о происхождении, ни о состоянии его государства.

Из позднейших „хождений“ наиболее известны хождения митрополита Пимена, три раза совершившего паломничество в Святую Землю; сохранилось описание третьего путешествия, совершенного в 1389 г. вместе с диаконом Игнатием (автором записки о путешествии); паломники проехали в Черное море по Дону (через Азов). Другим путем (по Днестру) проехал иеродиакон Зосима, совершивший паломничество в 1420 г.

Все паломничества совершилась через Константинополь (Царьград), с которым у русских людей, естественно, установилась более тесная связь, чем с западной Европой. О завоевании Византии турками (1453 г.) существует на русском языке рассказ очевидца „Нестора-Искандера“, повидимому, находившегося во время осады в турецком войске; в своем рассказе он употребляет множество восточных слов.

О других странах Востока в русских источниках вплоть до XVI в. нет почти никаких сведений, хотя в это время между Россией и восточными народами происходили как военные столкновения (с печенегами, половцами и болгарами), так и мирные сношения. Главный город Хорезма, Гургандж (близ нынешнего Куня-Ургенча), бывший в конце XII и в начале XIII вв. столицей обширного государства, посещался, по свидетельству Плано Карпини, и русскими купцами; в русских летописях он упоминается под именем „*Орначъ*“. Памятники русской литературы того времени, как „*Слово о Полку Игореве*“, показывают, что в русский язык уже тогда вошло много восточных слов; можно думать, что были случаи изучения русскими людьми, для практических целей, восточных языков, хотя сведений об этом не сохранилось. Слова „*Поучения Владимира Мономаха*“ о пяти языках, которые изучил великий князь Всеволод Ярославич (во второй половине XI в.), часто толковались в том смысле, что к числу этих пяти мог принадлежать и один из восточных языков, напр. половецкий; но слова „Поучения“ („*дома сѣдя, изумѣяше пять языкъ*“) ясно показывают, что речь идет о книжных занятиях, предметом

которых в России того времени едва ли могли быть языки Востока. Отсутствие сведений о культурных странах Востока отчасти объясняется изменением русской политики со времени Владимира; вместо происходившего в X в. наступления на Византию и на мир мусульманской культуры начинается стремление к колонизации земель дикарей. Приписанные летописью Добрыне слова о людях в сапогах и о лапотниках сохранили память об этой перемене политики. Русские даже не делали попыток утвердиться на Черном или „Русском" море; Владимир добровольно вернул грекам занятый им Корсунь; впоследствии была утрачена и Тмутаракань. На Волге ко времени монгольского нашествия пограничным городом России был Нижний Новгород, основанный только в 1221 г.

Монгольское нашествие застало Россию на иной стадии политического и экономического развития, чем западную Европу. На Западе в XI и XII вв. происходило постепенное укрепление государственности, развивались торговые сношения с культурным Востоком и приготовлялась почва для дальнейших экономических и политических успехов; для России период от смерти Ярослава Мудрого (1054 г.) до монгольского нашествия был периодом все большего распадения; удельная система и связанные с ней междуусобия уменьшили безопасность, необходимую для успехов торговли. О культурной отсталости России по сравнению с Западом свидетельствует самый факт, что образование монгольской империи не вызвало в России, как в западной Европе, расширения географического кругозора. Россия вошла в состав монгольской империи; русские князья и представители духовенства часто совершали путешествия в Монголию, ко двору великих ханов; русские военнопленные (об одном из них, мастере Кузьме, упоминает Плано Карпини) долгое время жили в монгольской столице; тем не менее в русской литературе нет ни одного описания путей в Монголию и Китай, никаких сведений о дворе монгольских императоров и об устройстве монгольской империи; даже сведения о Золотой Орде, о местоположении и внешнем виде ее городов крайне скудны и не могут выдержать никакого сравнения со сведениями западно-европейских и мусульманских путешественников.

Несмотря на опустошения, произведенные монгольскими войсками, несмотря на все поборы баскаков, в период монгольского владычества было положено начало не только политическому возрождению России, но и дальнейшим успехам русской культуры. Вопреки часто высказывавшемуся мнению,

даже влиянию европейской культуры Россия в московский период подвергалась в гораздо большей степени, чем в киевский. В самой Европе, начиная с XIII в., происходило постепенное передвижение центров промышленности и торговли с юга на север, в местности, находившиеся в более близком расстоянии от России; образовался Ганзейский союз, в состав которого вошли также Новгород и Псков. В XIII и XIV вв. через Россию часто проезжали европейские путешественники (послы, миссионеры и купцы) на пути в Монголию и Китай; с XV в., после усиления османской державы и в особенности после падения Константинополя, через Московское царство вел главный путь из западной Европы в Персию. Уже при Иоанне III (1453—1505), при котором было положено начало независимости и могуществу Московской державы, мы находим на русской службе западно-европейских ученых и художников, как архитектора Фиоравенти, хотя русские, по примеру восточных народов, называли тогда всех европейцев „франками“ (по русски фрязин, фрягове, фряжский). Татарские традиции дольше всего отразились на русской внешней политике и на посольском церемониале. После исчезновения или ослабления татарских ханств на русского царя отчасти была перенесена татарская государственная идея; его стали называть „великим беком, белым ханом“. Но и в этот период между Россией и мусульманским миром не было никакого литературного общения; на русский язык были переведены некоторые произведения арабской философии, но только через посредство западно-европейских переводов, причем посредниками были евреи. Вообще на русском языке уже в московский период была обширная переводная литература с западно-европейских языков; в числе таких книг были и книги о Мухаммеде и исламе, но переводов непосредственно с мусульманских языков не было. Переводились на русский язык, для практических целей, только оффициальные документы; из них самыми ранними являются так называемые „ханские ярлыки“ русскому духовенству, дошедшие до нас только в русском переводе.

При Иоанне III Россия не только освободилась от монгольского ига, но и начались стремления подчинить русской власти некоторые области распавшейся монгольской империи. Казанское ханство на некоторое время было приведено в зависимость от Москвы; в 1483 г. состоялся *первый русский поход на Сибирь*, к низовьям Иртыша и Оби. Снова начались, по Волге и Каспийскому морю, сношения между Россией и пере-

дне-азиатскими государствами. Сведения русских источников об этих сношениях все еще остаются неполными; так персидский историк Абд-ар-Реззак говорит о прибытии русских послов в Герат в 1464 г.; венецианские послы Барбаро и Контарини в 1475 г. встретили в Тебризе, тогдашней столице Персии, русского посла Марка Руфа (Marcus Rufus), впоследствии (1491) строителя грановитой палаты; ни о том, ни о другом посольстве русские источники ничего не говорят; но уже в эту эпоху мы иногда находим в русских источниках сведения о восточных посольствах в Россию, о которых не упоминают восточные авторы. Так в 1490 г. в Москве был посол гератского владетеля султана Хусейна, Урус-богатырь, с предложением „о дружбе и о любви". Возможно, что в этом случае и в некоторых других мнимые послы в действительности были купцами, не имевшими никакого дипломатического поручения; но с некоторыми восточными владетелями действительно был обмен посольствами. С одним из этих посольств было связано *первое русское путешествие в Индию.*

В 1466 г. в Москву прибыло посольство ширваншаха (владетеля Шемахи и Баку) Фаррух-Иесара; с своей стороны Иоанн III в том же году отправил в Ширван ответное посольство, во главе которого стоял Василий Папин. Вместе с посольством отправились и купцы, в том числе тверской купец Афанасий Никитин. На пути русские несколько раз подвергались нападениям: на Волге со стороны татар, отнявших у купцов часть их товаров, на берегу Дагестана со стороны кайтаков, тоже захвативших часть людей и имущества, но потом, по желанию ширваншаха, возвративших награбленное. В Шемахе послы и купцы были хорошо приняты, но когда они хотели вернуться обратно и попросили ширваншаха дать им конвой, им в этом было отказано, под предлогом, что их самих много. После этого, по выражению Никитина, из купцов „у кого есть что на Руси, пошел на Русь, а кто был должен (т.-е. приобрел в кредит товары, с которыми отправился в Ширван), тот пошел туда, куда очи понесли". К числу последних принадлежал и Никитин. Из Шемахи он вернулся в Дербент, откуда по Каспийскому морю проехал сначала в Баку, потом в Мазандеран, из этой области сухим путем в Рей, Кашан и Иезд. В Персии ему рассказали о тех выгодах, которые извлекают купцы из торговли с Индией; он отправился в гавань Ормуз (на острове того же имени), оттуда в Индию, где высадился сначала в Диу, потом в Чауле, из Чауля отпра-

вился внутрь страны через Джунейр и Бидар к берегу Кришны; последним из посещенных им мест был город Парвата. Пробыв некоторое время в Индии, он вернулся в Персию, оттуда в Россию через Трапезунт и Черное море, вследствие чего назвал свое путешествие „хождением за три моря“ (Каспийское море, Индийский океан и Черное море). Не доехав до Твери, Никитин умер в Смоленске, вследствие чего его дневник остался необработанным. Его путешествие продолжалось шесть лет (1466 — 1472).

Как торговец, Никитин не нашел в Индии того, чего ожидал; индийские товары оказались неподходящими для России. Еще в Джунейре он писал: „Мене залгали псы Бесермены, а сказывали, много всего нашего товару, ано нет ничего на нашу землю, все товар белой, на Бесерменьскую землю, перец да краска“. Этим объясняется, что путешествие Никитина не имело никакого значения для успехов русской торговли, и что ни один из русских купцов не воспользовался проложенными им путями, несмотря на обстоятельное описание этих путей и самой страны. Никитину, повидимому, везде удавалось в короткое время овладеть местными языками настолько, чтобы объясняться с туземцами; в свой рассказ он вставляет много слов и выражениий из турецкого (татарского), персидского и индустанского языков. По мнению проф Минаева, посвятившего дневнику Никитина подробное исследование, рассказ русского купца об Индии и ее жителях во многом заслуживает предпочтения перед рассказом образованного венецианца Николо Конти, несколькими десятилетиями раньше посетившего приблизительно те-же местности. В дневнике Никитина приводятся также расспросные сведения о других местностях, где он сам не был; так им упоминается Каликот (Каликут, в то время главная гавань на западном берегу Индии), Силян (остров Цейлон), Пегу (область Пегу на Индо-Китайском полуострове), Чин да Мачин (южная часть Китая) и Китай.

В XVI в. в Москве не имели никаких сведений об Индии. В сентябре 1532 г. московское правительство было удивлено приездом индийского купца „Хози Уссеина“ (ходжи Хусейна), называвшего себя послом султана Бабура, будто бы желавшего вступить в „дружбу и братство“ с московским царем. Бабур, основатель империи „великих моголов“, умер еще в 1530 г. (21 дек.), так что путешествие ходжи Хусейна из Индии в Москву продолжалось не менее двух лет; по всей вероятности, это был купец, путешествовавший только с торговой целью

и получивший от своего правительства только охранную грамоту, причем едва ли эта грамота могла содержать в себе прямое обращение к московскому царю. В Москве „послу“ ответили согласием на торговые сношения между Индией и Россией, но о „братстве“ царь „не приказал“, потому что неизвестно, принадлежит ли султан Бабур к независимым государям и можно ли сноситься с ним, как с равным.

Несколько обстоятельнее были сведения о западной Азии, как показывает следующий рассказ о землях за Араратом, сохранившийся в летописном сборнике XVI в.:

„Стоит гора Арарат за Кавкасийскими и Иверскими горами, промеж трех морей: Черного, Бакинского и Индийского, на границе трех царств: Иверского, Турского и Персидского. Из-под нее вытекли реки во все три моря: в Черное море — Карась река, в Бакинское — Курская река, а Евфрат и Тигр потекли в Индийское море. Пройдя на запад от Арарата по Турским землям, можно прийти в Трапезонт, Цареград, Шам (арабское название Сирии) и Иерусалим; пойдя на восток от Арарата и Гурза (Грузии) по Хорасанским землям, можно прийти в Тиверись и в Спаган и в дальнюю Великую орду; а пойдя на полдень в Вавилонское царство, можно прийти в Багдад, Сафат и в Аламаз...

„Между Евфратом и Тигром большое междуречие, много земли, гор, пустых полей и лесу; а дорога в рай заперта, потому что всеми теми землями владеют неверные; на Тигре бьются персы и турки за Магометова внука, а на Евфрате сидят арапы и мучат христиан-пустынников. Реки (Тигр и Евфрат) потекли на полдень и на полдне сошлись в одну реку; где сошлись оне, там граница трех царств: Арапского, Турецкого и Персидского. Тут было царство Вавилонское и город Вавилон, о котором голос ангела небесного сказал: „падет, падет Вавилон великий, и народы поучатся“. Теперь не видно, где и стоял он. Когда овладели неверные этими землями, то их цари построили город Багдад из камней Вавилона. Но и они по своему неверию, созидая на песке, не твердо строили основания. Они будут биться друг с другом, пока не поразятся все одни другими; тогда свет истины разольется по всему миру. А что теперь безбожные овладели Святою Землею и Цареградом, то это для того, чтобы поучились христиане своими собственными муками и очистили себя от грехов“.

Несмотря на некоторые баснословные сведения и на несомненное влияние географических представлений, заимствован-

ных из библии, этот рассказ свидетельствует о некотором знакомстве с географией Передней Азии и с происходившими там политическими событиями, напр., с начавшимися в XVI в. религиозными войнами между суннитами-турками и шиитами-персами.

В половине XVI в., после завоевания Казани (1552) и Астрахани (1554), начались *сношения России со средне-азиатскими ханствами.* Почин в этом деле принадлежал не России и не ханствам, но англичанину Дженкинсону. Выше (стр. 110) были изложены причины появления в России английских мореплавателей и торговых агентов; торговые сношения с Англией приняли такие размеры, что, благодаря им, на берегу Белого моря мог возникнуть такой город, как Архангельск. Попытка Дженкинсона найти через Среднюю Азию путь в Китай не имела успеха и более не возобновлялась; но прибытие из Средней Азии вместе с Дженкинсоном в 1559 г. посольств из Бухары, Балха и Ургенча (тогдашней столицы Хивинского ханства) было началом дипломатических сношений между узбецкими ханствами и Россией. Перед этим известия о делах Средней Азии доходили до московского правительства через посредство ногайских князей, с которыми в XVI в. велись оживленные сношения. Статейные списки ногайских дел, хранившиеся в архиве московской коллегии иностранных дел (впоследствии московский главный архив министерства иностранных дел), составляли 12 томов; документы, изданные в конце XVIII в. Академией Наук, обнимают время с 1534 до 1575 гг. Нуждаясь, как все кочевники, в произведениях оседлых стран, в особенности в предметах одежды, ногайцы тогда получали эти предметы частью с севера, из России, частью с юга, из Бухары; князь Исмаил писал своему брату Юсуфу: „Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве; а только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагому, и мертвым не на что будет саванов шить". Колебание между экономической (вследствие этого и политической) зависимостью от севера и юга было характерно для средне-азиатских степей и в последующие века. Влияние Средней Азии должно было усиливаться по мере укрепления в степи ислама; в XVI в. среди ногайцев фанатичного настроения не было, и князья в 1551 г. писали Ивану Грозному: „Бог вас сотворил христьяны, а нас сотворил мусульманы."

Главною целью последующих русских посольств было освобождение русских невольников, находившихся в большом

числе в городах Средней Азии; по большей части это были рыбаки и торговцы, захваченные на Каспийском море туркменами; четверо таких невольников были освобождены уже Дженкинсоном. Средне-азиатские ханы отправляли послов в Россию для получения принадлежностей охоты: ружей, свинца, пороха, но больше всего кречетов. Об этих посольствах говорится как в русских, так и в средне-азиатских источниках. Хафиз-Таныш, биограф знаменитого бухарского хана Абдуллы, самого могущественного из узбецких властителей, рассказывает о бухарском посольстве, которое в 1583 г. на обратном пути из России (с кречетами) было задержано в Ургенче и освобождено только по настоянию Абдуллы. В этом рассказе упоминается Москва, как „столица франкских (т.-е. европейских) султанов". В русских источниках упоминается посольство, прибывшее в 1589 г. ко дворцу царя Федора Иоанновича; в грамоте, привезенной послом Махмет-Али, московское правительство заметило некоторое умаление царского титула; кроме того, в ней совершенно не упоминалось о Борисе Годунове. На то и другое упущение было обращено внимание в ответной грамоте, составленной по царскому указу Годуновым.

Средоточием дипломатических и торговых сношений России с Персией и Средней Азией оставалась до XVIII в. Астрахань. Передовым военным постом России на границе со Средней Азией было яицкое казачье войско, фактически независимое от Москвы. Яицкими казаками предпринимались грабительские набеги на Каспийском море, как днепровскими и донскими на Черном; но эти набеги не имели того завоевательного характера, как движение казаков на Сибирь. Только один раз (в 1603 г.) яицкие казаки, под начальством атамана Нечая, предприняли *набег на Хивинское ханство* сухим путем; им удалось застигнуть врасплох и разграбить столицу ханства, Ургенч, но потом они были истреблены ханом Араб-Мухаммедом. Об этих событиях, кроме рассказа хивинского историка Абулгази (сына Араб-Мухаммеда), сохранились известия в русских источниках; из них первыми по времени являются сведения, собранные И. Д. Хохловым во время его посольства в Бухару (1620—22). По рассказу Хохлова вместе с отрядом Нечая погиб купец Леонтий Юдин, который перед этим „былъ для торгу въ Бухарѣхъ и въ Индѣѣ семь лѣтъ". К сожалению, об этом пионере русской торговли нет, повидимому, никаких других сведений.

Иван Данилович Хохлов еще в 1600 г. сопровождал на родину из Казани персидского посла. В 1613 г.

он отправился в Персию из Астрахани в качестве посла атамана Заруцкого, захватившего в то время город. В 1614 г. новый царь Михаил Федорович отправил послами в Персию Михаила Тихонова и Алексея Бухарова; так как Астрахань находилась еще во власти Заруцкого, они должны были ехать необычной дорогой из Самары через степь в Хивинское ханство и оттуда в Хорасан. В Ургенче они были приняты ханом Араб-Мухаммедом. Ко времени прибытия послов в Персию московским войскам удалось покончить с восстанием казаков; Астрахань была взята, Заруцкий бежал на Яик, был выдан и казнен; шах Аббас согласился выдать московским послам Хохлова и его товарищей, причем царь обещал помиловать их и принять к себе на службу.

В 1619 г. в Москве были послы ханов бухарского (Имам-Кули) и хивинского (Араб-Мухаммеда); когда надо было отправить их на родину и с ними ответное посольство, выбор московского правительства пал на того же Хохлова. По обычаю Хохлов вез ханам кречетов; но в это время Араб-Мухаммед был низложен своими сыновьями Ильбарсом и Хабашем, причем Ургенч находился в руках Хабаша; Хохлов отказался иметь с ним дело и дать ему подарки. Бухарский хан Имам-Кули принял послов в Самарканде. „Статейный список“, т.-е. отчет о посольстве Хохлова, заключает в себе подробное описание этой аудиенции и подробные сведения как о путешествии посольства, так и о состоянии ханств. Главная цель всех посольств в Среднюю Азию — освобождение русских невольников — была достигнута Хохловым в большей степени, чем другими послами; из Бухарского ханства с ним отпустили 31 человека, из Хивинского 13. Хохлов уговорил одного из хивинских царевичей, Авган-султана, приехать в Россию и поступить на царскую службу, что, по мнению самого Хохлова, должно было служить „к большой чести и повышенью государева имени“. Об отъезде Авган-султана в Россию (он умер в 1648 г. в Касимове) говорит и его старший брат Абулгази, хивинский историк; по словам Абулгази, Авган-султану было в то время всего 10 лет. Кроме того, из слов Хохлова можно бы было заключить, что это был первый случай поступления хивинского царевича на московскую службу; между тем еще в конце XVI в. в Москве был хивинский царевич Махмет-Кул (Мухаммед-Кули, дядя Авган-султана) и даже принимал участие в походе Бориса Годунова против татар (в 1598 г.).

Географические сведения о Востоке, добытые первыми посольствами, были еще крайне смутны. Тихонов и Бухаров называют индийского посла, которого они видели в Ардебиле, „индейским из черные Арапские земли послом“. Те же послы, упоминая о военных действиях между персами и португальцами (Португалия в то время была подчинена испанскому королю), так описывают страну, с которой шах вел войну: „Государство на Белом море, словет Великая Спания, а по ним словут Фрянки, а та де земля на море, промеж Турской и Индейской земли“. Ошибка объясняется тем, что „между Турцией и Индией“ действительно находились те португальские (или в то время испанские) колонии на берегу Персидского залива, где происходили военные действия.

К середине XVII в. географические представления становятся отчетливее; на посольства, отправлявшиеся в Среднюю Азию, возлагается новая задача — добыть сведения о торговых путях в Индию. Такое поручение было дано еще Анисиму Грибову, ездившему в Бухару еще при Михаиле Федоровиче и вторично в 1646 г.; на этот раз ему не удалось достигнуть Бухары вследствие происходивших в Туркестане смут. В 1669 г. из Астрахани ездил в Хиву Иван Федотов; в 1670 г. состоялось посольство братьев Пазухиных (Бориса и Семена), доставившее более обильные сведения; главой посольства был Борис Пазухин. Послы в марте 1670 г. выехали из Астрахани; вместо обычного пути морем до Мангышлакского полуострова они проехали сухим путем на Яик и оттуда в Хиву, из Хивы в Бухару, где они прожили 16 месяцев; из Бухары через Чарджуй, Мерв и Мешхед к берегу Каспия, оттуда через Баку и Шемаху в Астрахань, куда вернулись в 1672 г. Послы были радушно приняты как хивинским ханом Анушей (сыном Абулгази), так и бухарским ханом Абдул-Азизом. В статейном списке Пазухиных особенно подробно описывается прием у Абдул-Азиза; описывается церемониал приема, угощение, питье кумыса. Между прочим послам, по приказанию хана, показали какого-то большого черного зверя (слона или носорога) и спросили их, водятся ли такие звери в России; не желая сознаться, что бухарский хан может обладать такими предметами, которых нет у русского царя, Борис Пазухин ответил, что сам он таких зверей не видел, но владения русского царя так обширны, что никто не может сказать, какие звери в них водятся.

Посольством были собраны сведения о числе русских невольников, находившихся у средне-азиатских ханов; по этим

сведениям таких было всего 300 человек: 150 в Бухаре, 50 в Хиве и 100 в Балхе. Число людей, находившихся во владении частных лиц, оставалось неизвестным. Послы привезли в Россию всего 31 человека, из которых 9 были выкуплены бухарским ханом, остальные — самими послами.

Чтобы получить сведения о путях в Индию, Пазухины из Бухары отправили своих толмачей, Никиту Медведева и Семена-Измаила, в Балх, где правил брат Абдул-Азиза, Субхан-Кули-хан. Из двух толмачей только один, Медведев, вернулся к послам и рассказал, что „индийская дорога из Балху жилыми местами и никакого дурна и грабительства и налога не бывает". Из Балха надо было ехать в „Хенжон" (Хинджан), оттуда через Перван, Кабул и Пешавер в Дели, столицу Индии. Между „Хенжоном" и Перваном находились „Индейские горы" (Гиндукуш); прямой дорогой через горы было всего 6 дней пути, „в объезд около гор" — четыре недели. Через несколько лет (в 1679 г.) Борис Пазухин был отправлен послом в Крым и по дороге был убит мятежными казаками, разграбившими казну посольства.

Еще раньше были попытки найти путь в Индию (по примеру Афанасия Никитина) через Персию; русскими в Персии были добыты некоторые сведения о направлении этих путей; было известно, что между персидскими и индийскими войсками происходит борьба за пограничный город Кандагар. Но пропустить русских послов и купцов в Индию персидское правительство отказалось.

После возвращения братьев Пазухиных московским правительством была сделана попытка проникнуть в Индию через Среднюю Азию. Когда в 1675 г. возвратился на родину бухарский посол ходжа Фарик, с ним были отправлены Василий Александрович Даудов (перс, принявший христианство в 1653 г. в Казвине, когда там было русское посольство, и поступивший на русскую службу) и казанский татарин (мусульманин) Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) Касимов. Первый должен был проехать только до Бухары и добиться освобождения русских пленных; второму было поручено разузнать, „сухим ли путем или водяным или горами в Индею путь", и по возможности проникнуть к „индейскому восточному шаху", узнав о его имени и титулах. Касимов должен был обратить особенное внимание на водные пути, которые для расширения русской торговли и русских владений всегда имели наибольшее значение. Московскому правительству было известно суще-

ствование в Средней Азии большой реки Аму-Дарьи; Касимов должен был „проведать, откуль та река Дарья вышла и в которых пределах путь свой имеет, и какие по той реке поселены народы, и какие промыслы и ходы и которых государств люди по той реке имеют". С посольством были отправлены из Казани „татарских языков толмачи Анисим Васильев и Иван Горский", из Астрахани „переводчик астраханский татарин Мурметка".

Статейный список посольства Даудова и Касимова, к сожалению, утрачен; в московском архиве министерства иностранных дел, где хранились все дела по внешним сношениям России до 1800 г., об этом статейном списке была только отметка, что он „при ревизии 1806 г. на месте не оказался". Некоторое понятие о путях, пройденных послами, и о достигнутых ими результатах дают сохранившиеся сведения о их расходах. С Даудовым было отпущено из Бухары пять человек пленных; кроме того он выкупил 33 человека. Касимов в 1677 г. вернулся в Москву, проехав только до Кабула. Из Бухары он проехал в Балх через Карши и Келиф; о его пути через Гиндукуш известно только, что он проехал не по той дороге (через Хинджан), о которой говорится в статейном списке Пазухиных, так как на пути между Балхом и Кабульской долиной посетил Гурбенд. Из Гурбенда в Кабул он ехал обычной дорогой через Чарикар и Исталиф. Из Кабула он хотел отправиться в „Анабат" (т.-е. Джеханабад, около Дели), столицу Индии, но ему было предписано вернуться обратно, так как „шах в дружбе и любительных ссылках с великим государем быть не захотел, ибо с давнего времени послов к нему от российского государства не было". Касимову, как мусульманину, предлагали оставить русскую службу и поступить на службу к мусульманскому государю Индии, причем ему указывали на пример толмача Пазухиных, Семена-Измаила, или, как называет его Касимов, „Сеньки-Жидовина", жившего в то время в Кабуле, получавшего довольно большое жалованье и имевшего под своим начальством до 500 человек. Других сведений об этом авантюристе, носившем одновременно христианское и мусульманское имя и происходившем, судя по прозванию „Жидовина", из евреев, мы не имеем. Пазухиными он был отправлен в Балх, конечно, тайно, без оффициального поручения; пользуясь этим, Касимов объявил индийским властям, что „Сенька-Жидовин" никогда не состоял на русской службе, что это был „торгового человека шемахинца садовник,

купленный человек, и приехал из Астрахани для торгового дела с торговыми людьми в Бухары, а из Бухар в Индию"; между тем по статейному списку Пазухиных Семен-Измаил присоединился к Пазухиным в Астрахани „по приказу боярина и воеводы кн. И. С. Прозоровского". Сам Касимов решительно отказался последовать примеру Сеньки и изменить своему государю. Потеряв надежду быть принятым при дворе индийского императора Ауренгзиба, он продал подарки, предназначенные для „индейского шаха", и вырученные деньги употребил на выкуп русских пленных, которых ему удалось освободить до 18 человек.

Касимов был одним из тех деятелей татарского происхождения, которые в XVII и XVIII вв. оказали России большие услуги при сношениях с передне-азиатскими и даже с восточно-азиатскими государствами. Благодаря находившимся на русской службе татарам, русское правительство для сношений с правительствами мусульманских стран располагало готовым кадром переводчиков; этим отчасти объясняется, почему передне-азиатские языки еще в XVIII в. изучались в России менее, чем языки восточной Азии. Татарский язык был некоторое время языком дипломатических сношений между Россией и Персией. Грамоты на персидском языке также переводились в России, вероятно, татарами и излагались слогом русских оффициальных бумаг; некоторые из таких переводов сохранились в архиве министерства иностранных дел вместе с подлинными грамотами, что дает возможность судить о том, насколько переводчики отступали от подлинника. Однако, уже в 40-х годах XVII в. были переводчики и из русских. В документе 1644 г. говорится о „подячем Полуекте Звереве, из новгородской четы", что он „обучался в Астрахани татарскому, арапскому и фарсовскому языкам".

После целого ряда неудач русским торговцам, наконец, удалось проникнуть в Индию, но и этот успех не имел никаких дальнейших последствий. В 1695 г., уже при Петре Великом, с этой целью был отправлен купец Семен Маленький или, по архивным документам, „Семен Малинков и Сергей Аникеев с товарищи для торгу". Семен Маленький отправился в Индию через Персию и в декабре 1696 г. проехал морем из Бендер-Аббаса в Сурат; был в Агре и Дели и был принят императором Ауренгзибом; из Индии он вернулся тем же путем в Персию, в гавань Бендер-Аббас, и на пути из Персии в Россию умер в Шемахе. Из всех участников путешествия

в Астрахань прибыл только один слуга, который только 22 февраля 1716 г. был допрошен в канцелярии сената, куда он явился сам; ни сам Маленький, ни его товарищи не оставили каких-либо записок. Таким образом сношения со среднеазиатскими ханствами в XVII в., несмотря на все усилия московского правительства, не привели ни к освобождению пленных, ни к открытию торгового пути в Индию.

Слова митрополита Илариона у С. Соловьева, История России, изд. товарищ. „Обществ. Польза", I, 260. О событии 839 г., напр. А. А. Шахматов, Введение в курс истории русского языка, ч. I, Петр. 1916, 69, где высказано мнение, что „едва ли можно усомниться в том, что эта Русь прибыла в Константинополь из южной России"; но в другом своем труде (Древнейшие судьбы русского племени, Петр. 1919, 58) Шахматов от этого мнения отказался. Об острове Готланде Древн. судьбы и т. д., 44. О торговом пути Bibl. Geogr. Arab. VI, 115 (франц. перевод). Текст Ибн-Хаукаля в Bibl. Geogr. Arab., II, 276, 16; слова перс. географа в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., X, 137. О походах русских за Каспийское море: В. В. Григорьев, Россия и Азия, Спб. 1876. Mélanges Asiatiques, t. III, p. 114—137 (письмо Ханыкова к Дорну). Б. Дорн, Каспий, Спб. 1875 (прилож. к XXVI т. Зап. Имп. Акад. Наук, № 1). Fr. Westberg, Ibrahim Ibn-Ja'kub's Reisebericht über die Slawenlande aus dem Jahre 965, St.-P. 1898 (Зап. Имп. Акад. Наук по ист.-фил. отд., VIII серия, т. III, № 4). Fr. Westberg, Beiträge zur Klärung orientalischer Quellen über Osteuropa (Изв. Имп. Акад. Наук, т. XI (1899), стр. 211—245; 275—314). Фр. Вестберг. К анализу восточных источников о восточной Европе (Журн. Мин. Нар. Просв., нов. серия, ч. XIII (1908), отд. II, стр. 364—412; ч. XIV, стр. 1—52). J. Marquart, Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge, Lpz. 1903. Статья В. Бартольда „Bulghar" в Enz. des Islam, I, 823. О еврейском документе об Олеге статья П. К. Коковцова в Журн. Мин. Нар. Просв. 1913, ноябрь, 150—172. А. Марков, Топография кладов восточных монет, Спб. 1910. О цене меха Bibl. Geogr. Arab. VII, 142. О монете в России И. И. Кауфман, Русский вес, его развитие и происхождение в связи с историею русских денежных систем с древнейшего времени (Зап. Нумизм. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., т. I, вып. I, стр. 93—183). О монетах и товарах, привозившихся с востока, см. замечание А. Лихачева в Зап. Вост. Отд. Имп. Русск. Арх. Общ., II, 62; также замечание Е. А. Пахомова в Зап. Нумизм. Отд., т. I, вып. IV, стр. 80. О труде Ибн-Фадлана Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XV, 39 и сл.; там же литература предмета. О рассказе Ауфи В. Бартольд, Новое мусульманское известие о русских (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. IX, 262—267). О хождениях в Святую Землю и других путешествиях: Сказания русского народа, собранные И. Сахаровым, Спб. 1841—49. Паломничество игумена Даниила также в „Православном Палестинском Сборнике", I, 3 и III, 3; в том же „Сборнике" несколько других „хождений". Повесть о Царьграде (его основании и взятии турками в 1453 году) Нестора-Искандера, XV в., Спб. 1886 (Памятники древней письменности и искусства, изд. Имп. Общ. люб. древней письм., вып. LXI=1886 г., № 2); рецензия Д. Ф. Кобеко в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., II, 147—149. Что „Орнас" или „Орначь" есть Ургенч, а не город при устье Дона, как полагал Плано Карпини, доказывается сообщаемой у самого Плано Карпини подробностью о затоплении города (Собрание путеш. к татарам, I, 152); из известий русских летописей особенно ясно указывают на Ургенч слова Никоновской летописи о взятии Органча у Тохтамыша Тимуром в 1387 г. (Карамзин, т. V, прим. 137, стр. 60). — Статьи П. М. Мелioранского о турецких элементах в языке „Слова о полку Игореве" в Изв. отд. русск. яз. и слов. Имп. Акад. Наук, VII, кн. 2, 273—302 и X, кн. 2, 66—92; о восточных словах в других памятниках до-монгольского периода статья его же, ibid., X, кн. 4, 109—134. Мнение Карамзина о языках, известных Всеволоду Ярославичу, в Истор. Госуд. Росс., т. II, прим. 233. В. Бартольд, Восток и русская наука (Русская Мысль 1915, авг., 1-13). Г. Вернадский, О движении русских на восток (Научн. историч. журнал 1914, вып. 2). Н. И. Веселовский, Татар-

ское влияние на посольский церемониал в московский период русской истории (Отчет Петерб. унив. 1910 г.). А. П. Соболевский, Переводная литература Московской Руси XIV-XVII веков (Сборн. отд. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. 74). П. К. Коковцов, К вопросу о логике Авиасафа (Журн. Мин. Нар. Просв. 1912, май, 114—133). Против мнения о монгольском владычестве, как причине культурной отсталости России, высказывался еще Погодин в 1832 г. (Барсуков, Жизнь Погодина, IV, 63). О ярлыках последнее исследование: М. Д. Приселков, Ханские ярлыки русским митрополитам, Петрогр. 1916; там же о предшествующих работах; опущено замечание Сахарова в письме Погодину в 1843 г. о григорьевском издании: „В одной Москве шесть рукописей с ярлыками. А он ссылался только на печатные" (Барсуков, Жизнь Погодина, VII, 245). Рец. Н. И. Веселовского в Журн. Мин. Нар. Просв., 1917, март, 118—130. О походе 1483 г. Соловьев, История России, изд. товар. „Общ. Польза", кн. I, 1422. О посольстве 1464 г. Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., I, 30 и сл. О посольстве султана Хусейна Соловьев там же, I, 1442. Об Афанасии Никитине исследование И. П. Минаева, Старая Индия, Спб. 1881 г. (первоначально в Журн. Мин. Нар. Просвещ. 1881, кн. 6 и 7). И. Срезневский, Хожение за три моря Аф. Никитина, Спб. 1857; там же стр. 5—6 о землях за Араратом. R. Stübe в Deutsche Revue, окт. 1909. А. Любимов в Вост. Сборнике, II (1916), 142—165. О посольстве от Бабура Карамзин, VII, 97 и прим. 317. „Ногайские дела" в „Продолжении древней Российской Вивлиофики" ч. VII—XI. Письмо Исмаила Юсуфу у Соловьева, Ист. России, изд. тов. „Обществ. Польза", II, 92; о христианах и мусульманах В. В. Вельяминов-Зернов, Исследование о Касимовских царях и царевичах, I, 320. С. В. Жуковский, Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие, Петрог. 1915; рец. В. Бартольда в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXII, 341—343. Слова Хафиз-Таныша о посольстве 1583 г. по рукописи Аз. муз. Акад. Наук 574 age, л. 380 и след.— Aboul-Ghazi, Histoire des Mogols et des Tatares, publ. par le bar. Desmaisons, St.-P. 1871—4. О посольстве Тихонова и Бухарова: Памятники дипломат. и торговых сношений Московской Руси с Персией, изд. под редакц. Н. И. Веселовского, т. II, Спб. 1892, стр. 151—312 (слова об индейском после и об Испании стр. 298). О посольстве Хохлова: Сборник князя Хилкова, Спб. 1879; о Леонтии Юдине стр. 396; там же, стр. 446 и след. „хронологическое обозрение политических сношений России с Бухариею" (до 1743 г.); статья Н. И. Веселовского в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 272 (1891), стр. 48—72; отчет о посольстве Пазухиных в Русской Исторической библиотеке (изд. Археографической Коммиссии), т. XV (Спб. 1894); статьи Н. Чарыкова в Труд. 3-го междун. съезда ориенталистов, 1, 579—604 и Д. Ф. Кобеко в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. III, 115—119 и XI, 291. О гибели Б. Пазухина Н. И. Веселовский, Неудавшееся посольство в Крым стольника Б. А. Пазухина в 1679 г. (Зап. Одесск. Общ. Ист. и Древн., XXX, 179—216). Автобиография Даудова в Русск. Архиве 1889, кн. 2, исследование о нем Селифонтова в Летописи занятий Археогр. Комиссии, вып. V, 1871. О Звереве Исторические Акты, издаваемые Археогр. Комиссией, III, 493 и сл. О посольстве Касимова И. П. Минаев, Сведения о странах по верховьям Аму-Дарьи, Спб. 1879, стр. 217—228. Заглавие дела о Маленьком там-же, 223, пр. 1; показания слуги (Андрея Семенова) в Матер. военно-ученого архива главного штаба, изд. Бычкова, Спб. 1871, 215—220.

ГЛАВА XIII.

Успешнее были действия московского правительства в Сибири и на границе с Китаем, хотя в этом случае правительство только воспользовалось результатами стихийного движения землеискателей из казаков. Почти все походы предпринима-

лись казаками на собственный страх, без какого-либо поручения от московских властей; только после окончания похода являлись московские приказные люди и объявляли о присоединении новой земли к владениям государя.

При *завоевании Сибири* казаки могли воспользоваться такими же „водяными“ путями, к которым они привыкли у себя на родине. Ни Уральский хребет, ни водоразделы между великими сибирскими реками не представляли препятствий для перенесения лодок „волоком“. Из Обской губы казаки проникли в Таз (торговым пунктом сделался в 1601 г. город Мангазея, в 200 в. выше устья Таза) и Енисей; истоки рек системы Енисея близко подходят к истокам рек системы Лены; из рек системы Лены некоторые отделены только небольшим расстоянием от притоков Амура. При покорении сибирских народов казаки каждый раз прежде всего подчиняли себе низовья реки, где со стороны полярных народностей встречали меньше всего сопротивления, заставляли население платить дань (ясак) русскому царю, строили города и уже после этого двигались на юг вверх по течению. Этим объясняется, что на Енисее Туруханск был выстроен раньше Енисейска (1607 г.), Енисейск раньше Красноярска; последний, основанный в 1628 г., долго оставался пограничным городом русских владений, хотя расположенный к югу от него Минусинский край отличается гораздо большим плодородием. Огнестрельное оружие („огненный бой“) давало русским такое преимущество перед туземцами, что отряда в несколько десятков человек иногда было достаточно для покорения обширного края; только на крайнем юге Сибири казаки встретили врага, обладавшего тем же оружием, и здесь исход борьбы был иной. Даже покорение бурят потребовало много времени. Первые известия о бурятах и их нападениях на русских „ясачных людей“ были получены в 1609 г.; экспедиции в страну бурят начались с 1622 г.; первый острог в бурятской земле был построен в 1631 г., при впадении Оки в Ангару. На берегу Великого океана русские появились приблизительно через 60 лет после похода Ермака, т.-е. для покорения всего огромного пространства Сибири потребовалось только время двух поколений.

Еще в XV в. утверждение русской власти в бассейне Камы и Печоры вызвало столкновение с Сибирским царством, столица которого находилась близ впадения Тобола в Иртыш. Уже в 1483 г. русский отряд действовал на берегах Иртыша и Оби. После падения Казани и Астрахани прибыли послы и

из Сибири с предложением подданства (1555 г.); по русским источникам послы утверждали, что в их государстве до 30,700 „черных людей“, и что Сибирь может давать государю, в качестве ясака, по одному соболю на каждого жителя. В Сибирь был отправлен русский посол Димитрий Куров; когда он вернулся в Москву, с ним приехал посол Боянда, но привез всего 700 соболей. Царь наложил на Боянду „опалу“; в Сибирь были отправлены „служивые татары с грамотою, чтобы во всем исправились“. В 1557 г. прибыли новые послы и привезли 1106 соболей с обещанием ежегодной дани, которое, однако, не было исполнено. Сибирские татары не только не подчинились России, но даже угрожали русским промыслам, устроенным в Пермском крае Строгоновыми. Уже в 1564 г. прошел слух, что „сибирский салтан идет на Пермь войной“. В 1571 г. был заключен первый договор с сибирским ханом Кучумом. В 1573 г. начались враждебные действия царевича Мамет-Кула, сына Кучума; между прочим им был убит „государев посланник, шедший в киргиз-кайсацкую орду“. После этого Строгоновы получили дозволение вести наступательную войну с Сибирью и для этой цели приняли на свою службу казаков, совершавших грабежи на Волге, под начальством атамана Ермака Тимофеевича.

Действия Ермака (1581—1585 гг.), несмотря на временное занятие Сибири (столица Кучума, Искер, была взята 25 октября 1583 г.), окончились неудачно; по проложенным им путем воспользовались войска царя Федора Иоанновича (1584—1597). Уже в 1587 г. был основан, близ развалин города Сибири, или Искера, город Тобольск, долгое время остававшийся столицей всего края; еще в то же самое царствование были построены Березов, Пелым, Сургут, Тара, Нарым и Кетский острог. В начале XVII в. русские утвердились на Енисее; в 1620 г. появились первые отряды на Лене; в 1632 г. был основан Якутск.

На основании одного из дошедших до нас документов можно было полагать, что еще до похода Ермака была сделана попытка составить „роспись государствам за Сибирью“. Под этим названием сохранился отчет о путешествии в 1567 г. казачьих атаманов, Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева. В действительности русские посланцы были отправлены в Монголию и Китай в XVII в. тобольским воеводой. Первым из таких посланцев был Василий Тюменец, отправленный в 1616 г.; за ним последовали Иван Петлин и Андрей Мундов (1618—

20 г.). Отчет Петлина повторяет почти дословно мнимый отчет Петрова и Ялычева; сравнивая эти отчеты, Карамзин пришел к выводу, казавшемуся вполне естественным, что Петлин буквально списал отчет своих предшественников и сам не был ни в Китае, ни даже в Монголии. Однако, этот вывод оказывается неверным, так как рассказ о Монголии, находящийся в обоих отчетах, вполне соответствует положению страны в начале XVII в. и никак не мог быть написан в 1567 г. В настоящее время выяснено, что как имена Ивана Петрова и Бурнаша Ялычева, так и 1567 г. поставлены каким то переписчиком по недоразумению. Иван Петров был спутником Тюменца; послов „Алтына-царя" провожал в Москву и обратно пристав Бурнаш Никонов; донесение Петлина скрепил дьяк Иван Булычев; может быть от этих двух лиц было образовано имя „Бурнаш Ялычев". Томский казак Иван Петлин первым из русских послов прибыл в Пекин (после 4 сент. 1618 г.), где он пробыл больше месяца (до 11 октября). Петлин привез в Тобольск китайскую грамоту, которой там никто прочесть не мог; грамота осталась в Тобольске; Спафари при проезде через этот город нашел там китайца и узнал от него, что в грамоте было сказано „Валли китайский царь". Китайским императором в то время был Вань-ли (1573—1620), из династии Мин. Путешествие Петлина сделалось известным даже в западной Европе и было переведено на языки английский, французский и голландский.

Московское правительство в то время само добивалось сведений о путях в Китай, отчасти под влиянием английского купца Джона Уильяма (по русски Иван Ульянов) Мерика, несколько раз приезжавшего в Россию, в первый раз еще в XVI в.; в 1602 г. с ним были отправлены русские люди в Англию учиться. При Михаиле Федоровиче Мерик добивался пропуска английских купцов по Волге в Персию и по Оби в Индию и Китай; правительство решило из дружбы к английскому королю „послать в сибирские города нарочно к воеводам, велеть проведать, откуда Об река вышла, куда пошла, в какое море, какими судами можно по ней ходить, какие орды у верховьев Оби, какие реки в нее впали, где Китайское государство и как богато, есть ли чего добиваться". После посольства Петлина московское правительство пришло к заключению, что от торговли с Монголией и Китаем выгод ждать нельзя, „потому что те государства дальные, и торговым людем ходити от них в наши государства далеко, а Алтын царь — кочевные

орды, люди воинские, а нашим государствам прибыли от них, кроме запросов, никакие нет и вперед не чаяти". Таким же образом до Петра Великого не имели большого значения сношения с последним могущественным кочевым государством в Средней Азии, ойратской державой; в 1646 г. тюменьскому воеводе было предписано прекратить всякие сношения с ойратами, даже торговые; все сношения должны были сосредоточиваться в Тобольске.

На отдаленном севере Сибири в 1644 г. было основано зимовье при устье Колымы, впоследствии город Нижне-Колымск. Отсюда в 1648 г. казак Семен Дежнев проехал морем до устья реки Анадыри, где прожил шесть лет. Дежнев, таким образом, первый достиг северо-восточной оконечности Азии, только в новейшее время названной, по его имени, мысом Дежнева. Описание путешествия Дежнева только в 1736 г. было найдено в Якутске академиком Миллером; но слухи о том же путешествии, повидимому, дошли до пленного шведского офицера Страленберга, который на своей карте при устье Колымы сделал отметку, что отсюда русские „с большим трудом и опасностью для жизни" отправляются „через ледяные глыбы в страну Камчатку". Если бы плавание Дежнева сделалось известным раньше, то вопрос о проливе между Азией и Америкой, разрешение которого было возложено на Беринга (по его имени, как известно, пролив впоследствии был назван), мог бы считаться разрешенным еще в XVII в.

В 1647 г. казаки из бассейна Лены достигли Великого океана близ устья Ульи (по сведениям Миллера первое появление казаков на Улье относится еще к 1639 г.); несколько севернее этого места ими была построена крепость *Охотск*, в 1654 г. сожженная тунгузами, но потом восстановленная. До присоединения Амурского и Уссурийского края Охотск оставался главной русской гаванью на берегу Великого океана.

В 1643 г. отряд казаков, под начальством Василия Пояркова, двинулся водой из Якутска вниз по Лене и вверх по Алдану и его притокам, перенес лодки „волоком" в Зею, по Зее достиг Амура и проплыл по этой реке до устья, где перезимовал; обратный путь был совершен по Великому океану до устья Ульи, из Ульи волоком в Маю, по Мае, Алдану и Лене в Якутск. Важнее по своим последствиям было плавание Ерофея Павловича Хабарова (1649 г.), избравшего другой путь: вверх по Олекме и Тунгирю, отсюда волоком в Урку, принадлежащую к системе Амура. В бассейне Амура казаки нашли совершенно иные условия, чем в остальной части

Сибири; Хабарову раньше рассказали, что „на устье реки Уры в двух местах серебряная руда, одна в утесе, а другая в воде; да на той же реке Шилке внизу медная и свинцовая руда, а хлеба всякого много“. Кроме возможности захватить хлебородный край, казаков привлекали также рыбные богатства большой реки.

Попытка Хабарова утвердить на Амуре русскую власть сначала имела успех; местный князь Лавкай подчинился русским; но уже в 1650 г. местные дауры ответили казакам, требовавшим от них ясака: „Даем мы ясак богдойскому царю (китайскому императору), а вам какой ясак у нас?“ Впервые русские в Сибири вступили в область, на которую, кроме них, заявляла свои права другая сильная держава, обладавшая огнестрельным оружием. В 1652 г. Хабарову уже пришлось иметь дело с „силой богдойской“, т.-е. с китайским войском, причем китайцы потерпели поражение. Завоевание Амура казалось достигнутым; в 1653 г. из Москвы прибыл для принятия края под власть русского царя дворянин Зиновьев; Хабаров уехал; на Амуре был оставлен Онуфрий Степанов в качестве „приказного человека великой реки Амура новой Даурской земли“.

Китайское правительство в первые годы после этого события ограничилось тем, что предписало жителям (в 1654 и 1656 гг.) покинуть занятую русскими область. В это самое время в Пекин прибыло посольство царя Алексея Михайловича; во главе посольства находился боярский сын Федор Исакович Байков. Послы выехали из России в 1654 г., проехали водным путем вверх по Иртышу, оттуда сухим путем через Монголию и в 1656 г. достигли Пекина. Здесь они, однако, не были приняты императором, так как отказались подчиниться требованиям китайского этикета; московское правительство всегда давало своим послам точные указания, как им надо вести себя, чтобы „царской чести не порушить“, и эти указания были несовместимы с унизительными обрядами поклонения, которых требовали в Пекине от иноземных послов. Байков и его товарищи должны были уехать, не повидав императора, и увезти обратно свои подарки. Из отчета Байкова можно заключить, что переговоров с китайскими чиновниками о политических делах тоже не было, так как в составе посольства не было ни людей, знавших восточные языки, ни образованных лиц, которые могли бы, как делалось впоследствии, объясняться по-латыни с находившимися на китайской службе иезуитами и дру-

гими европейцами (к Байкову китайцы для этой цели присылали „голландских немцев“). Однако, китайцы впоследствии уверяли Спафари, что с Байковым были переговоры об амурских делах и что Байков будто бы назвал казаков, завоевавших Амур, ворами и разбойниками, до которых русскому царю нет никакого дела и с которыми китайское правительство может расправиться по своему усмотрению.

Во всяком случае китайцы тотчас после посольства Байкова двинули на Амур военную силу, которой удалось в 1658 г. уничтожить русских, причем погиб и Онуфрий Степанов, чем, однако, не были прерваны мирные сношения между обоими правительствами. Вскоре после отъезда Байкова в Пекин прибыли боярский сын Иван Перфильев и „бухарец“ (выходец из Средней Азии) Сеиткул Аблин, посланные из Сибири. Впоследствии при ссылках на это посольство и на отчет о нем как русские, так и китайцы упоминали только об Аблине, а не о Перфильеве. Политических результатов посольство не достигло, и привезенная им грамота была возвращена китайцами обратно, как непонятная для них. Участники посольства, однако, могли вывезти из Китая некоторые товары; между прочим, ими впервые были привезены в Москву несколько пудов чая.

События 1658 г. уничтожили все результаты походов Пояркова и Хабарова; но в это время русские уже подходили к берегам Амура с другой стороны, из бассейна Енисея. Енисейские воеводы издавна направляли своих посланцев в Монголию; один из западно-монгольских владетелей, Алтан-хан, теснимый калмыками, перешел с озера Упсы к берегам Абакана, в 1634 г. принял русское подданство и предложил свои услуги на случай военных походов или на случай отправления русских посольств „на китайские, тунгузские и аргунские земли“, но вскоре снова откочевал на верховья Енисея, за Кемчик; сношения с ним продолжались, но не имели для России большого значения. В 1640 г. экспедиция, снаряженная из Енисейска под начальством Максима Перфильева, принесла известие о каком-то тунгузском князе Ботоге, у которого было много соболей и серебра; но только в 50-ых годах, после упорной борьбы с бурятами, русские владения были распространены по Ангаре до Байкала. Еще в 1650 г. на берегу Байкала у мыса, который и теперь называется „Посольским“, был убит бурятами русский посол. В 1656—58 гг. енисейский воевода Афанасий Пашков из бассейна Енисея проник в бассейн Амура, причем лодки были перенесены „волоком“ из Хилока в Ингоду. В бас-

сейне Амура Пашковым был построен Нерчинск, где долгое время сосредоточивались пограничные сношения с Китаем. В Нерчинск в 1666 г. прибыл первый китайский посланец; с 1670 г. стали приезжать и торговцы. Фактической границей русских владений уже в то время сделалась река Аргунь, остающаяся и теперь границей между Россией и Китаем. Игнатий Милованов, посланный в 1670 г. нерчинским воеводой Даниилом Аршинским, доносил, что за Аргунью „государевых ясачных людей нет". Ниже места слияния Шилки и Аргуни у казаков была крепость *Албазин*, основанная Хабаровым, разрушенная в 1658 г. и восстановленная Никифором Черниговским, бежавшим в этот край после того, как им в 1665 г. был убит близ Киренска илимский воевода Обухов.

Пример Никифора Черниговского показывает, что и во второй половине XVII в., как при Ермаке, распространителями русских владений в Сибири иногда являлись люди, совершившие на родине преступление и спасавшиеся от преследования. Сам воевода Афанасий Пашков был лишен своей должности как мятежник, задумавший основать в Сибири самостоятельное царство.

Действиями казаков не только был присоединен к России обширный край, но были открыты для европейской науки новые земли, о которых не было никаких сведений ни в античной, ни в средневековой географии. О Сибири были некоторые сведения у китайцев; еще в истории дин. Тан (618 — 907) говорится о долгих летних днях и коротких ночах в стране к северу от Байкала. В монгольский период как в китайской истории монголов (Юань-ши), так и у Рашид-ад-дина упоминается название Сибири — Ибир-Сибирь; упоминается также река Ангара. Сибирь под названием „Тюлес" упоминается в истории Тимура и под названием „Тура" в рассказе османца Сейфи о русском завоевании; но до западной Европы эти сведения не доходили. Картографические работы, исполненные в Москве по грубым чертежам казаков, большею частью не дошли до нас (сохранились только объяснительные записки к ним), но тогда же обратили на себя внимание западно-европейской науки и сохранились в западно-европейских копиях.

Первой из таких картографических работ был „Большой чертеж", законченный в 1600 г., но заключавший в себе сведения разных эпох, начиная с XV в. Самый чертеж утрачен; сохранилась только составленная в 1627 г. „Книга, глаголемая Большой чертеж" — объяснительная записка, из которой мы можем видеть, какие географические данные были нанесены на

карту. Сведения, относившиеся к западной Сибири, отличались сравнительной подробностью и точностью; о географии Средней Азии, даже о течении Аму-Дарьи и Заряфшана, имели только самое смутное представление, несмотря на ряд посольств в Бухару и Ургенч. Аральское море упоминается под названием „Синего"; говорится, что в нем „вода солона", и тем не менее из него проводится „река Арзас" в Хвалимское, т.-е. Каспийское море. Сыр-Дарья, по представлению составителей чертежа, впадала в „Синее море", Аму-Дарья — в Арзас.

Во второй половине XVII в. географический кругозор русских, особенно благодаря завоеваниям в Сибири, значительно расширился; явилась потребность в новой карте; в 1667 г. тобольский воевода Петр Ив. Годунов получил предписание „всю Сибирскую землю описати, грани земель и жилищ, межи, реки и урочища и всему учинити чертеж". Карта тогда же была напечатана в Москве и в 1672 г. вышла вторым изданием; сохранилось, однако, только „описание", впоследствии изданное Спасским во „Временнике Московского общества истории и древностей" (1858 г.). Но в Стокгольмском архиве оказались копии карты Годунова, сделанные капитаном Пальмквистом, членом шведских посольств Кронемана (1668—69) и Оксеншерна (1673—4); кроме того, в Германии была напечатана копия Г. Шлессингом, прожившим в России (начиная с 1684 г.) около трех лет, под заглавием: „Вновь открытая Сибирия с картой этой страны". Русскими сведениями о Сибири воспользовался голландец Николай Корнелиссон Витзен, проживший в Москве несколько лет (в 60-х годах), впоследствии, после возвращения на родину, сделавшийся амстердамским бургомистром и встретившийся с Петром Великим во время его заграничного путешествия. Витзеном была издана по русским источникам в 1687 г. „Новая карта севера и востока Азии и Европы", в 1692 г. книга „Северная и Восточная Тартария", имевшая несколько изданий и переведенная на несколько языков. Из приложенной к книге карты видно, что сведения о Средней Азии, собранные Витзеном в Москве, не представляли никакого прогресса по сравнению с данными „Большого чертежа".

Этими шведскими, немецкими и голландскими копиями впоследствии пришлось воспользоваться русскому ученому при собирании „Материалов для истории русской картографии". Если западно-европейская наука уже в XVII в. воспользовалась географическими открытиями русских, то сопоставление этих сведений с западно-европейскими сведениями о южных частях Азии

в то время еще представляло непреодолимые трудности. Еще не была исправлена ошибка Птолемея, на карте которого азиатский материк имел слишком большое протяжение к востоку; с другой стороны, авторы русских чертежей впали в противоположную ошибку, и указанное ими протяжение Сибири с запада на восток было меньше действительного.

О собранных русскими картографических материалах еще раз упоминается при снаряжении нового русского посольства в Китай. Главой посольства на этот раз был Николай Гаврилович Спафари, ученый грек из Молдавии, находившийся на русской службе. В Москве в то время уже знали, что переговоры в Пекине будут ведены с учеными европейцами на латинском языке, и что поэтому во главе посольства должен стоять образованный человек. Посольство было отправлено в 1675 г., в том же году, когда состоялось отправление Касимова в Индию. Для Спафари были истребованы все чертежи Сибири и земель к югу от нее „до китайских высоких стен“; упоминаются даже чертежи более южных местностей; так было два чертежа, сделанные тобольским боярским сыном Степаном Поляковым, один Селенгинскому острогу, другой — „Енисейску и Селенгинскому и иным острогам и даурам и мугалам и китайскому и никанскому государствам“ (под „никанским государством“ понимали южный Китай, покоренный маньчжурами несколько позже, чем северный). Московское правительство имело сведения и о деятельности западно-европейских миссионеров и купцов в восточной Азии; в инструкции Спафари говорится о путешествиях иезуитов из Индии в Китай через Тибет, о событиях в Японии и на острове Формозе (остров с 1624 до 1662 гг. принадлежал голландцам, потом был отнят у них китайским предводителем, независимым от пекинского правительства, и ко времени посольства Спафари еще не был покорен маньчжурами). Обо всем этом Спафари должен был подробно разузнать.

Посольство ехало водными путями вплоть до китайской границы: из Оби вверх по Кети, оттуда волоком в Енисейск, вверх по Енисею и Ангаре до Байкала, из Байкала вверх по Селенге и Уде, волоком в Ингоду, через Нерчинск вниз по Шилке и вверх по Аргуни. Отчет Спафари о путешествии по западной Сибири иногда буквально воспроизводит текст „Книги, глаголемой Большой чертеж“. Таким же образом он при описании Китая широко пользовался „Атласом“ Мартини, делая к нему только некоторые добавления. Интересно, между прочим,

замечание о городе Сокчи (Су-чжоу), где, как известно, сосредоточивалась торговля с Китаем мусульман: „да в том же городе и наши тобольские русские люди приходили и купили ревень и прочее“. Таким образом и здесь, как на пути в Индию, были русские, независимо от правительства пользовавшиеся торговыми путями. Интересно тоже замечание о Японии: „Писано же мало нечто и о сем острове Японском, которого описание имеется здесь в России особливая пространнее книжица“. В бассейне Амура Спафари в своих предположениях выдвигал границу русских владений несколько дальше к востоку, чем где она была проведена впоследствии; естественной границей, „где предел меж Сибирского государства и Китайского учинится“, представлялся ему „Таргачинский“ хребет (Хинган). Во всяком случае ему казалось несомненным, что все народы этой части Азии должны будут подчиниться одной из двух держав; встретив на речке Гане (правом притоке Аргуни) людей, еще не принадлежавших ни к русским, ни к китайским подданным, он убеждал их, что „невозможно им жить самовольно меж рубежа Великого Государя и Китайского хана“.

Передовые китайские посты были им встречены только на реке Нонни, откуда посольство проследовало в Пекин. Несмотря на все чертежи, география северного Китая в то время была мало известна; Спафари считал возможным, что от Далай-Нора впоследствии будет найден „водяной путь до Китая“.

Переговоры со Спафари в Пекине, о которых до нас дошли как русские, так и китайские известия, и на этот раз не привели ни к каким результатам. Кроме действий казаков на Амуре, китайское правительство видело нарушение добрососедских отношений в принятии русскими тунгусского князя Гантемира, китайского подданного, бежавшего в 1667 г. в Нерчинск, и требовало его выдачи. Вопрос об Амуре на этот раз касался только Албазина и местности по Зее; местности около устья реки тогда еще не придавали значения ни русские, ни китайцы, и вопрос о значении Амура для судоходства, поднятый в XVIII в., тогда еще не существовал, хотя Спафари знал, что в устье Амура „не токмо большие суды возможно делать, но и великие корабли“. Казаки впоследствии обвиняли Спафари в излишней уступчивости китайским требованиям; он будто бы согласился признать китайскими подданнымм тунгусов, живших по берегу Зеи, и дал албазинским казакам „указныя памяти, чтобы не ходили по Амуру и Зее“.

Уступки Спафари, если они действительно были сделаны, не предотвратили военных действий. Китайцы требовали очищения Албазина; два раза (1684 и 1686 гг.) китайское войско осаждало эту крепость, захватило в плен значительное число людей, которые были отведены в Пекин, но окончательно вытеснить казаков не удалось. В 1689 г. в Нерчинск съехались для заключения мира уполномоченные обеих сторон, со стороны русских окольничий Федор Головин, со стороны китайцев иезуиты Жербильон и Перейра. Об этих переговорах и о заключении трактата до сих пор нет исследования, в котором были бы использованы все источники, русские и китайские. В отчете Головина ход переговоров передан во всяком случае неточно. Китайцам приписывается притязание, чтобы граница была установлена по Байкалу, так как страна к востоку от этого озера принадлежала Китаю еще со времени Александра Македонского. Этого, конечно, не могли бы сказать ни китайцы, ни иезуиты (хотя Миллер считал возможным, что китайцы узнали об Александре Македонском от Жербильона); о действиях Александра Македонского у Байкала говорится только в русских книжных сказаниях того времени, на основании которых, очевидно, и было сочинено требование, приписанное китайским уполномоченным. На карте Ремезова (см. ниже) при устье Амура отмечено: „До сего места царь Александр Македонский доходил и ружье спрятал, колокол оставил".

В полученной Головиным инструкции предписывалось требовать установления границы по Амуру до его устья; если этого не удастся достигнуть, согласиться на проведение границы по Зее, во всяком случае отстаивать Албазин. Китайцы настаивали на разрушении Албазина и на отказе русских от левого берега Амура. Слух о приближении тридцатитысячного китайского войска заставил Головина уступить; из китайских документов о заключении трактата видно, что такого войска в действительности не существовало, и что слух был нарочно распущен с целью добиться от русских необходимых уступок, что̀ и удалось. Границей между Россией и Китаем была признана река Аргунь от слияния с Шилкой вверх „до самых вершин", т.-е. до Далай-Нора; в действительности река осталась границей России только до того места, где впоследствии был построен Абагайтуевский караул. В местности к северу от Амура граница была установлена по реке Горбице, впадающей в Шилку, несколько ниже речки Черной. Русские очистили Албазин и отказались от притязаний на берега Амура и его притоков ниже

*

Горбицы. По берегу Великого океана границей русских владений признавалась Удская бухта; точное определение границы между Горбицей и Удской бухтой признавалось излишним в виду безлюдности края. Не была установлена также граница между Монголиею и русскими владениями за Байкалом. Был определен порядок торговых сношений между китайцами и русскими в пограничных пунктах.

В течение следующих двух столетий после Нерчинского трактата между русскими и китайцами не было никаких военных действий; все спорные вопросы решались путем дипломатических переговоров, хотя ведение их иногда было связано со значительными затруднениями и приводило к цели только после ряда неудачных попыток. Вопрос о торговых сношениях и после 1689 г. продолжал вызывать споры; обе стороны обвиняли друг друга в неисполнении договора. Для обсуждения торговых интересов русских подданных хотели иметь в Пекине постоянного представителя России; кроме того, под предлогом поддержания в православии „албазинцев“ и их потомков, от китайцев требовали, чтобы они дали разрешение на пребывание в Пекине представителей русского духовенства; предполагалось, что деятельность этой духовной миссии вызовет в китайском народе и в самом богдыхане расположение к православию и к России.

Первое посольство в Китай при Петре Великом было отправлено еще в 1692 г.; послом был Эверт-Избранд Идес (по-русски Елизарий Елизариев сын Избрант), голштинец, еще в молодости приехавший в Россию по торговым делам. Помимо вопроса о торговых сношениях, посол должен был поднять вопрос о постройке в Пекине, для албазинцев, православной церкви на средства русского правительства. Посольство вернулось в Россию в 1695 г., не достигнув своей цели. Научным результатом посольства были некоторые дополнения и поправки к карте Витзена. Описание путешествия Избранда было издано в 1704 г. в Амстердаме на голландском языке, под редакцией Витзена; раньше о нем было напечатано только краткое извлечение на немецком языке, в приложении к книге Менцеля (Mentzel) о китайской хронологии (1696).

Вопрос о духовной миссии был поставлен более широко в указе Петра от 18 июня 1700 г. — *первом по времени распоряжении русского правительства об обучении русских людей восточным языкам.* Предполагалось при замещении вакантной в то время кафедры сибирского митрополита (в Тобольске)

отправить с ним „добрых и ученых не престарелых иноков двух или трех человек, которые бы могли китайскому и мунгальскому языку и грамоте научитись“; этим они потом должны были воспользоваться для изучения религиозных учений китайцев и монголов и для распространения среди них православия, чтобы таким образом содействовать политическим и торговым интересам России.

Ученые монахи и священники в то время были только среди малороссийского духовенства, из среды которого и пришлось избрать как митрополита, так и миссионеров. Первым главой духовной миссии был Иларион Лежайский, отправленный в 1707 г. в Монголию, в 1714 г. в Пекин, куда он прибыл в 1716 г.; уже в следующем году он умер, но его ученики остались в Пекине, чем фактически было положено начало духовной миссии, хотя существование ее только десять лет спустя было обеспечено договором.

Петр Великий еще не имел намерения, как это было сделано впоследствии, возложить на духовную миссию и дипломатическое представительство; предполагалось иметь в Пекине особого политического агента из светских лиц. В 1719 г. был отправлен послом в Китай капитан Измайлов и с ним поступивший на русскую службу швед Ланге, который должен был остаться в Пекине в качестве постоянного агента. Пространство между Тобольском и Байкалом было пройдено посольством зимой 1719—20 г.; в Илимске в то время было разветвление дорог на Якутск и на Иркутск (последний был основан в 1661 г.). Из Селенгинска послы проехали в Пекин новой дорогой через Монголию, незадолго перед тем заменившей прежнюю более удобную, но более длинную дорогу от Нерчинска к берегу Нонни. Как прежде на Амуре, так теперь в Монголии китайцы хотели создать нейтральную полосу между Китаем и Россией; послы нашли пастбища на Орхоне покинутыми, так как монголам было запрещено подходить к русской границе. Как на Амуре первоначально предполагалось присоединить к России местность между Аргунью и Хинганом, впоследствии оставшуюся в пределах Китая, так и в Монголии граница, по первоначальным русским предположениям, должна была пройти по реке Толе, т.-е. значительно южнее, чем она была установлена впоследствии.

В ноябре 1720 г. посольство достигло Пекина и было принято императором; вопрос об этикете был разрешен в том смысле, что посол подчинился обычаям страны, причем китай-

ское правительство обещало, что в случае отправления в Россию китайского посольства китайский посол также подчинится всем обычаям, принятым при русском дворе. В Пекине близ восточной стены в то время уже существовала православная часовня для албазинцев. В марте 1721 г. Измайлов покинул Пекин, не добившись никаких результатов; Ланге пробыл в Пекине до июля 1722 г., когда должен был уехать по требованию китайского правительства. По полученной им инструкции, он должен был пользоваться каждым случаем для получения сведений как о самом Китае, так и о соседних с ним странах; исполняя это предписание, он в конце февраля 1722 г. вступил в сношения с прибывшими в Пекин представителями Кореи — государства, находившегося в то время в вассальной зависимости от Китая. Это было одним из обстоятельств, вызвавших неудовольствие китайцев и имевших последствием вынужденный отъезд русского агента.

Достигнуть разрешения спорных вопросов удалось графу Савве Владиславичу Рагузинскому, который в 1725 г. был отправлен послом в Китай и в 1727 г. заключил с Китаем Буринский трактат, подтвержденный Кяхтинским договором 14 июня 1728 г. По этому договору была определена граница между Китаем и Россией от Абагайтуевского караула на Аргуни до перевала Шабин-дабага; с тех пор эта граница не подвергалась изменениям; споры возбуждались только по поводу Урянхайского края, области между хребтами Саянским и Танну-ола, которая по договору, повидимому, должна была оставаться нейтральной. Россия получила право иметь в Пекине духовную миссию, на которую было возложено и дипломатическое представительство. Предполагалось, что миссия будет сменяться каждые десять лет (в действительности некоторые миссии пробыли в Пекине более продолжительное время); светский пристав провожал новую миссию в Пекин, после чего прежняя, в сопровождении того же пристава, возвращалась в Россию. Миссии совершали путь в Пекин и обратно по дороге через Монголию, открытой незадолго до посольства Измайлова; пограничный пункт на этой дороге со стороны России — Кяхта (против которого с китайской стороны находится селение Маймачен) — был единственным местом, где по договору могли происходить торговые сношения между Россией и Китаем. В Кяхте, как центре русско-китайской торговли, приносившей русским купцам огромные выгоды, выработались своеобразные условия жизни, резко отличавшие Кяхту от других сибирских городов. Памят-

ником прежней роскоши остается великолепный Кяхтинский собор.

Кяхтинский договор, которым надолго были определены отношения между обеими державами, давал России большие преимущества перед западно-европейскими государствами. Россия сделалась единственной державой, имевшей постоянные торговые сношения с Китаем и постоянное представительство в Пекине. Существование *„российской духовной миссии в Пекине“* создавало исключительно благоприятные условия для русских научных работ о Китае, особенно после эдиктов против иезуитов. К миссии могли быть прикомандированы и светские лица для научных работ, в том числе для изучения китайского языка и литературы. Если существование миссии не было использовано русской наукой в той степени, как можно было ожидать, то это объясняется низким состоянием в то время русской культуры, в частности низким уровнем образования русского духовенства. Среди членов миссий пьянство было обычным пороком; и в других отношениях образ жизни большей части их, вопреки надеждам Петра Великого, не мог увеличить уважения китайцев к русским. В лучшем случае члены миссии, основательно изучившие китайский язык, являлись переводчиками китайских сочинений, но не исследователями языка, литературы и истории Китая с точки зрения требований европейской науки; ученость их, по отзыву одного из русских ученых, была только ученостью китайских мандаринов. Несмотря на это, существование миссии имело большое значение для русской науки. Когда, по мысли Петра Великого, в 1725 г. его преемницей была учреждена в Петербурге академия наук, мы видим при академии, в качестве переводчиков с китайского и маньчжурского языков, лиц, научившихся этим языкам во время пребывания в Пекине при миссии; лицами из той же среды воспользовались в XIX в., после учреждения кафедр языков Дальнего Востока, русские университеты. Мы видим несколько примеров, что лица, отправившиеся в Пекин вместе с миссией в качестве врачей или астрономов, во время пребывания в Пекине становились синологами и впоследствии посвящали свою жизнь этой отрасли знания.

К первым годам царствования Петра Великого относится завоевание Камчатки, с которым была связана попытка Петра, отчасти осуществленная при его преемниках—ввести в России изучение японского языка. Камчатка была завоевана русскими из Анадырского острога, куда был послан в 1695 г. пятиде-

сятник Владимир Атласов во главе небольшого отряда. В следующем году на полуостров проник помощник Атласова Лука Морозко; в 1697 г. сам Атласов довершил завоевание. Атласов в 1701 г. прибыл в Москву, где представил подробный отчет о своих успехах; на обратном пути он на реке Лене разграбил несколько русских судов, за что временно подвергся опале, но потом снова был назначен на прежнюю должность; в 1711 г. он был убит собственными казаками.

На Камчатку часто выбрасывались бурей японские суда, плававшие по Охотскому морю. Уже Лука Морозко нашел несколько японских рукописей; Атласов встретил в Камчатке японца Денбея, потерпевшего кораблекрушение, и говорит о нем, как о „толковом и учтивом парне". О дальнейшей судьбе Денбея известно только, что Атласов хотел его взять с собой в Якутск, но должен был оставить в Анадырске, так как у японца от непривычного бега на лыжах опухли ноги. Во время пребывания в Москве в 1701 г. Атласов, очевидно, рассказал и о Денбее; 16 апреля 1702 г., в тот же день, как известным указом о вызове иностранцев было положено начало насаждению в России европейской культуры, последовал царский указ о том, чтобы прислать из сибирского приказа в артиллерийский „японского государства иноземца Денбея для обучения русскому языку и грамоте, и как он Денбей русскому языку и грамоте изучится, и ему Денбею учить своему японскому языку и грамоте робят человек четырех или пяти". Насколько известно, мысль Петра не была осуществлена при его жизни, хотя в 1705 г. последовал новый царский указ, с запросом о том, выполнен ли указ 1702 г., и хотя в 1710 г. на берег Камчатки был выброшен другой японец, Санима, которого в 1714 г. привезли в Петербург и расспросили о его родине. В некоторых русских научных работах можно встретить утверждение, будто еще в 1705 г. в Петербурге была основана японская школа и будто в этой школе преподавал Денбей, к которому потом присоединился Санима; но о такой школе не говорит ни один из источников XVIII в.

Школа для изучения японского языка была учреждена только в 1736 г., при академии наук. В 1729 г. около берегов Камчатки снова потерпели крушение два японских судна; спасшиеся на берег японцы подверглись нападению со стороны пятидесятника Андрея Штинникова, причем были перебиты все кроме двоих, Созы и Гонзы, обращенных в рабство; все иму-

щество японцев было разграблено. За такой поступок Штинников потом был заключен в тюрьму и казнен; японцев в 1734 г. привезли в Петербург, представили императрице Анне Иоанновне и обратили в православие; при крещении Соза получил имя Кузьмы Шульца, Гонза—имя Демьяна Поморцева. Было решено воспользоваться японцами для обучения русских людей японскому языку; набрали солдатских детей и поручили японцам обучать их; надзор за школой был вверен помощнику библиотекаря академии наук, Андрею Богданову, под руководством которого японцы обучались русскому языку; Богданов должен был содержать японцев „во всяком страхе“ и заботиться о том, чтобы они и их ученики усердно исполняли свои обязанности. Шульц умер уже в том же 1736 г., 43 лет; Поморцев—в 1739 г., 21 года. Даровитый юноша, по отзывам современников, хорошо объяснялся по-русски и успешно преподавал свой язык; в библиотеке академии сохранились рукописи учебников, составленных им под руководством Богданова; этих книг три: „вокабулы и дружеские разговоры“, „грамматика“ и хрестоматия под заглавием: „Orbis pictus или свет в лицах“. Японские тексты везде написаны русскими буквами, причем в предисловии объяснено, что сам Поморцев, покинувший свою родину 11 лет от роду, не знал японских письмен, которые „трудностью подобны хинским“ (китайским). После смерти обоих японцев художником Конрадом Оснером, по распоряжению академии, были сделаны с их лиц восковые маски, хранящиеся теперь в этнографическом музее академии.

Ранняя смерть Демьяна Поморцева нанесла школе непоправимый удар. Его ученики из солдатских детей должны были сами, без преподавателя, продолжать изучение японского языка и обучать ему других; через несколько лет (1745 г.) в школу снова были доставлены из Камчатки потерпевшие крушение японцы, что потом повторялось еще несколько раз; большею частью это были простые рыбаки, от которых трудно было ожидать успешной педагогической деятельности; такой исключительной личности, как молодой Поморцев, среди них больше не было. Школа оставалась до 1753 г. в Петербурге, потом продолжала существовать еще до 1816 г. в Иркутске; за все это время она не подготовила никаких знатоков японского языка и не оставила никаких следов в истории русского востоковедения.

О завоевании и исследовании Сибири и о посольствах в Китай (кроме „Истории России“ Соловьева и других общеизвестных пособий) введение Ю. В. Арсеньева к „Путешествию через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Ник. Спафария в 1675 г.“, Спб. 1882 (Зап. И. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. X, вып. 1); там же ссылки на издания путешествий. Азиатская Россия, изд. переселенческого управления главного управления землеустройства и земледелия, 1914; рец. в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXII, 337—340. М. Н. Богданов, Из истории бурят (Зап. Зап.-Сиб. Отд. Геогр. Общ., XXXVIII, 43—65). Ф. И. Покровский, Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Петлина в 1618 г. (Изв. отд. русск. яз. Акад. Наук, т. XVIII, кн. 4, 257—304). О Петлине еще арх. Палладий в Зап. Отд. Вост. Арх. Общ., VI, 305—308. А. Е. Любимов в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXI, 65 и сл. Об отправлении русских в Англию Карамзин, т. XI, прим. 126. О переговорах с Мериком Соловьев, История России, изд. „Обществ. польза“, II, 1126; решение московского правительства после посольства Петлина у Покровского, 301. О сношениях с ойратами В. Л. Котвич в Изв. Акад. Наук. 1919, 791 и сл., 1099 и сл; на стр. 1081 документ от 1 янв. 1597 г. по какому то недоразумению приписан Михаилу Федоровичу. О путешествии Дежнева G. F. Müller, Sammlung russischer Geschichte, III, 5—20 (отдельные части „Sammlung russ. Gesch.“ появились также в русском переводе в „Ежемесячных сочинениях к пользе и увеселению служащих“ 1755—1764 гг.); там же II, 293—448 о русских на Амуре. Th. J. v. Strahlenberg, Das Nord-und Ostlich- Theil von Europa und Asia, Stockholm 1730. Кит. известия у Иакинфа, Сборник сведений и т. д., I, 440; текст Рашид-ад-дина в Трудах вост. отд. Арх. Общ., VII, 101 и 168; слова Юаньши у Бретшнейдера, Med. researches, II, 37 и 88. Рассказ Сейфи в рукописи Лейденской библиотеки № 917; известие из истории Тимура в Enz. des Islam, 1127. Книга, глаголемая Большой Чертеж, изд. Г. И. Спасского, Москва 1846. В. Кордт, Материалы для истории русской картографии, Киев 1899—1906. Сведения Витзена о Средней Азии: Л. Берг, Аральское море, Спб. 1908, 37—40. О Спафарии (кроме упомянутого выше издания Арсеньева) П. Сырку в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 239 (1885), стр. 335—366 и в Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ., III, 183—196; А. О. Ивановский там же II, 81—124, 159—220 (текст и перевод маньчжурского отчета о переговорах); Акты исторические, собранные и изданные Археографическою Комиссиею; Дополнения к ним (см. указатель к 5-ти томам актов и к 10-ти томам дополнений). Н. Спафарий, Описание первыя части вселенныя, именуемой Азии, в ней же состоит Китайское государство с прочими его городы и провинции, изд. Катанова, Казань 1910; во введении литература предмета; о Сокчи 91, о Японии и об устье Амура 202. J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China, Lond. 1919, p. 209. Л. Ульяницкий, Албазин и албазинцы (Зап. Приамурского отд. Имп. Общ. Востоковедения, I, 1912, 67—91). О нерчинских переговорах Samml. rus. Gesch. I, 495—515; доклад А. Е. Любимова в вост. отд. Арх. Общ. 17 апр. 1908 г., ср. З. В. Отд. Арх. Общ., XIX, стр. XIII. Об Измайлове и Ланге J. Bell d'Antermony, Voyages depuis St-Pétersbourg en Russie dans diverses contrées de l'Asie, Paris. 1766. Ср. еще Н. Бантыш-Каменский, Дипломатическое собрание дел между Российским и Кит. государствами с 1619 по 1792-й год, изд. В. М. Флоринским, Казань 1882. Х. Трусевич, Посольские и торговые сношения России с Китаем (до XIX в.), Москва 1882. Договоры России с Востоком, политические и торговые, собрал и издал Т. Юзефович ъ, Спб. 1869. Материалы для истории Российской духовной миссии в Пекине, изд. под редакцию Н. И. Веселовского, вып. I, Спб. 1905 г. Н. И. Веселовский, Сведения об оффициальном преподавании восточных языков в России (Труды 3-го международного съезда ориентал., т. I, стр. 97 и след.). Материалы для истории факультета Восточных языков, т. IV. Спб. 1909 (о японцах и японской школе стр. 1—5, 14—19).

ГЛАВА XIV.

С царствования Петра Великого начинается новая эпоха в истории отношений России не только к Дальнему Востоку, но и к мусульманскому миру. Политические и коммерческие задачи, унаследованные от XVII в., были поставлены при нем с большей определенностью и широтой; кроме того с именем Петра связаны первые русские работы научного характера в области изучении Востока. На пути в Персию Петр в 1722 г. осмотрел развалины города *Булгара*, принял меры для их охраны и велел своим переводчикам списать и перевести татарские и армянские надписи. Во время персидского похода было составлено собрание рукописей, которые потом были привезены в Петербург.

Один из татарских переводчиков, переводивших булгарские надписи, Юсуп Ижбулатов, потом в Реште перевел с персидского, но с многочисленными вставками от себя, сочинение по истории Дербента, персидский подлинник которого впоследствии был утрачен; перевод Юсупа был приготовлен для печати, но остался в рукописи. Сочинение по истории Дербента (Дербенднамэ) известно теперь только в нескольких турецких (азербайджанских) версиях.

Политические предприятия Петра на Востоке имели только временный успех. Завоевания его на берегу Черного моря были возвращены Турции вследствие неудачного Прутского похода 1711 г. По С.-Петербургскому договору 1723 г. Персия уступила России все свои прикаспийские области, как на западном, так и на южном берегу Каспийского моря, но этот договор не был ратифицирован, и дальше Гиляна русские владения никогда не распространялись. Даже фактически занятые персидские области не были удержаны, хотя по договору 1724 г. Россия и Турция поделили между собой северные пограничные области Персии и обязались действовать заодно в случае отказа персов уступить той или другой стороне какие нибудь из выговоренных провинций. Вскоре после этого Персия вновь усилилась под властью Надир-шаха, которому удалось отобрать у турок все их завоевания оружием; русские постепенно (по двум решетским договорам 1729 и 1732 гг. и по гянджинскому договору 1735 г.) добровольно возвратили персам все свои завоевания.

Страна к востоку от Каспийского моря, где политические и коммерческие интересы России успели определиться еще

в московский период, в конце XVII в. была известна русским лучше, чем прежде. В 1696 г. тобольскому боярскому сыну Семену Емельяновичу Ремезову было приказано составить „Чертежную книгу Сибири“; Ремезов (известный также составлением тобольской летописи) закончил свой труд в 1701 г. Ремезов лично привез свой атлас в Москву в ноябре 1698 г., где ему за его труд было пожаловано пять рублей. Вошедшая в книгу карта Средней Азии, датированная 1697 г., представляет значительный шаг вперед по сравнению с „Большим чертежом“ и с картой Витзена; Аральское море впервые упомянуто под этим названием и впервые изображено в виде самостоятельного бассейна, не связанного с Каспием. Новые сведения главным образом были добыты посольством 1694 г. к киргизскому хану Тявке (см. гл. XV). В начале XVIII в. были добыты еще более подробные сведения о Каспийском и Аральском морях; эти сведения частью устно (во время пребывания в Париже в 1717 г.), частью письменно были сообщены Петром Делилю, который воспользовался ими при одном из последних изданий своей знаменитой карты (1723 г.). Исправление данных античной географии о Каспийском море и странах к востоку от него было одним из первых результатов русских исследований, принятых западно-европейской наукой.

Отношения к ханствам в то время были иные, чем прежде. Как в Бухарском ханстве после Абдул-Азиза, так и в Хивинском после Ануши начинается время внутренних смут и частой смены ханов; представители узбецкой родовой аристократии вступают в борьбу с престолом, что привело к распадению Бухарского ханства и к ослаблению Хивинского. При Петре русский царь уже не сносился с ханами, как равный с равными; хивинский хан был признан русским подданным, и в этом смысле были составлены грамоты к хану Шах-Ниязу (1700) и к хану Араб-Мухаммеду (1703). Впоследствии у Петра явилась мысль — воспользоваться борьбой между ханами и узбецкой аристократией для действительного подчинения ханств русской власти. Предполагалось поместить, с согласия ханов, в Хиве и Бухаре русские военные отряды, которые содержались бы на счет ханов и помогали бы им против их врагов. Такая мера укрепила бы власть ханов над их подданными, но в то же время поставила бы ханов в полную зависимость от русского правительства.

Такой план был составлен Петром Великим под влиянием тех новых известий о Средней Азии, которые в то время были

получены в России. В 1713 г. туркмен Ходжа-Нефес рассказал в Астрахани, что Аму-Дарья впадала прежде в Каспийское море и только незадолго перед тем была отведена хивинцами в Аральское из страха перед русскими; то же самое подтвердил хивинский посол Ашур-бек. При таких условиях представлялось вполне возможным, путем возвращения Аму-Дарьи в ее прежнее русло, восстановить тот водный путь между Индией и Каспийским морем, о котором писали античные географы. Сверх того сибирский губернатор князь Матвей Гагарин около того же времени прислал донесение о существовании в Средней Азии, близ какого-то города „Еркети", на реке „Дарье", богатых золотых россыпей. Впоследствии было доказано, что имелся в виду город Яркенд в Восточном Туркестане; но в то время о местоположении города имели совершенно неправильное представление; из инструкции, данной в 1716 г. средне-азиатской экспедиции, ясно видно, что „*Еркеть*" (или Эркеть) помещали на Сыр-Дарье.

Таким образом, план мирного завоевания Средней Азии был связан с надеждой восстановить водный путь в Индию и приобрести золотые россыпи. Во главе предприятия был поставлен князь Александр Бекович-Черкасский, происходивший из кавказских горцев и носивший мусульманское имя Девлет-Гирей. Экспедиция началась в 1714 г.; на первый раз Бекович ограничился исследованием восточного берега Каспийского моря от Тюп-Карагана (гавань на Мангышлаке, упоминающаяся еще в XVII в.) до старого русла Аму-Дарьи и убедился в существовании такого русла; в 1715 г. экспедиция вернулась в Астрахань. В 1716 г. Бекович получил в свое распоряжение более значительные силы; ему была дана подробная инструкция из 13 пунктов, как по вопросу о предложении военных отрядов ханам, так и по вопросу об устройстве крепостей на Каспийском и Аральском морях, о разрушении плотин и возвращении реки в старое русло. С берега Аральского моря предполагалось отправить „купчину" вверх по Сыр-Дарье до Эркети. Кроме того, была дана особая инструкция, из пяти пунктов, поручику Кожину, которому было поручено отыскать и описать водный путь в Индию. В распоряжении Бековича было около 4000 человек регулярного войска. Кожин уклонился от возложенного на него поручения, за что потом был привлечен к суду, но, повидимому, прощен. Кожин отрицал существование сухого русла Аму-Дарьи и утверждал, конечно, без всякого основания, будто Бекович изменнически

хотел передаться хивинскому хану „и единственно для сего подтверждал о существовании сей реки“,

Бекович в 1716 г. снова проехал по Каспийскому морю и построил крепости в трех местах; у Тюп-Карагана между Александровским заливом (Бехтир-лиманом) и заливом Киндерли (это место и на современных картах отмечается под названием Девлет-Гирей) и у Красных Вод, т.-е. у Балханской бухты (где ныне город Красноводск), около места впадения в Каспийское море Узбоя — сухого русла Аму-Дарьи. В феврале 1717 г. он вернулся в Астрахань и весною того же года предпринял поход на Хиву, двигаясь, повидимому, вдоль западного берега Аральского моря (на это указывают развалины носящей его имя и, повидимому, построенной им крепости Девлет-Гирей). Отряду удалось достигнуть Хивы и вступить в переговоры с ханом. По сведениям, впоследствии дошедшим до русского правительства, Бекович дал себя обмануть; хан уговорил его разделить свои силы на пять отдельных отрядов, под предлогом, что трудно было бы доставить в одно место провиант для всего войска; как только разделение войска состоялось, хивинцы, по приказанию хана, набросились на отдельные отряды и истребили их; сам Бекович был убит в городе Порсу. Вскоре после этого хивинцами были уничтожены также крепости, построенные Бековичем на берегу Каспийского моря.

О походе „Девлет-Гирея“ говорится и в хивинской оффициальной истории, причем хивинский рассказ вполне подтверждает известия русских источников: по словам хивинцев, отряд удалось истребить „хитростью“, без открытой битвы. О плане отвести воду Аму-Дарьи хивинский рассказ не упоминает; по мнению хивинского историка, отряд имел целью завоевать Хивинское ханство ради золота, добывавшегося в горах Шейх-Джели.

Несмотря на неудачный исход, предприятие Бековича не осталось без результатов для науки. В походе принимали участие некоторые из пленных шведов и немцев, которые впоследствии были отпущены хивинцами; их рассказами воспользовался пленный шведский офицер Страленберг, долго живший в Сибири и после своего возвращения на родину издавший книгу (на немецком языке) о „Северной и восточной частях Европы и Азии“. Карта Страленберга заключает в себе некоторые данныя о бассейнах Каспия и Арала, которых нет на прежних картах. С именем Страленберга связано также открытие сочинения хивинского хана Абулгази (умер в 1663 г.)

по истории турецких племен. Научное использование этого открытия в то время было невозможно; не было ученых, которые могли бы понять и перевести подлинник. Бухарский ахунд (духовное лицо), знавший по русски, продиктовал перевод русскому писцу; с русского был сделан немецкий перевод шведом Шенстремом, изданный в 1780 г. под именем Мессершмидта (о нем см. дальше; зимой 1720 — 1 г. он в Сибири познакомился со Страленбергом, носившим тогда, до приобретения шведского дворянства, фамилию Табберт). С немецкого был сделан французский перевод, изданный в 1726 г.; с французского русский перевод Тредьяковского. Научные издания и переводы сочинения Абулгази появились только в XIX веке. Появление книги 1726 г. объясняется тем, что Страленберг с 1722 г. был в Петербурге, где собранный им материал сделался известен иностранцам; географические сведения Страленберга также отчасти уже были опубликованы за границей до появления, в 1730 г., его собственного труда.

Переговоры со средне-азиатскими ханствами при Петре Великом вообще не привели ни к каким результатам. В том же 1717 г. в России был бухарский посол; когда он возвращался на родину, с ним был отправлен Флорио Беневени, „секретарь ориентальной экспедиции посольского приказа". Беневени проехал в Бухару через Кавказ и Персию, прожил некоторое время в Бухаре, куда он прибыл в 1721 г., потом в Хиве, был принят ханами, но из обоих городов был вынужден спасаться бегством; только в 1725 г. он вернулся в Россию. Им были собраны некоторые сведения о реке Аму-Дарье и о богатстве одной из областей по верхнему течению этой реки, Бадахшана; по словам Беневени, там добывалось и золото. Вообще Беневени были доставлены несколько преувеличенные сведения о богатствах Средней Азии; так он писал, что „за пять ден от Бадакшана горы суть, в которых всякое удовольство, ни Хиве, ни Бухарам не пример"; о Сыр-Дарье им сообщалось, что „по упомянутой Сыр-реке везде можно золото сыскати, но в Индиджане (Андижане) и Мергалане (Маргелане) зело довольно". Хивинский хан Шир-Гази в разговоре с Беневени старался оправдать свой поступок с Бековичем поведением самого несчастного военачальника; Бекович, по словам хана (несомненно, не имевшим никакого основания), изменил русскому государю и хотел завоевать Хивинское ханство для себя. Дневник Беневени о пребывании в Хиве, на итальянском языке (из Шемахи, Теге-

рана и Бухары им присылались донесения по русски) был обнародован только в 1853 г.

Еще до возвращения Беневени, в 1720 г., в Россию прибыл посол хивинского хана Вейс-Мамбет (собственно Айваз-Мухаммед); в отмщение за гибель руского отряда его посадили в крепость, где он в следующем году умер; только один из участников посольства был отпущен в Хиву с грамотой на имя хана. Впоследствии отпущенные из Хивы русские пленные рассказывали, что хан, получив грамоту, растоптал ее ногами.

Одновременно с походом Бековича была сделана попытка достигнуть „Эркети“ с другой стороны, со стороны Сибири. Пограничным пунктом русских владений на Иртыше считалось Ямышево озеро, куда приезжали с разных сторон промышленники для добывания соли и где в определенное время года происходила ярмарка. Еще Спафари советовал построить здесь крепость, но до XVIII в. это не было исполнено, и не было никаких внешних признаков, что местность действительно входит в состав России. К западной Сибири примыкало на юге калмыцкое или чжунгарское государство, последнее из могущественных государств, образованных средне-азиатскими кочевниками; калмыки относили к своим владениям берега Иртыша до Оми, впадающей в Иртыш значительно ниже Ямышева.

Под влиянием слухов об Эркети Петр теперь решил построить крепость в Ямышеве и оттуда двинуть к Эркети военный отряд. Исполнение этой задачи было возложено на подполковника Ивана Бухгольца; ему было приказано взять в Тобольске 1500 человек, „с оным войском иттить в новопостроенную крепость Ямышеву и, перезимовав, иттить к калмыцкому городку Еркетю и оный городок достать и укрепить, и проведать на Дарье реке, как калмыки промышляют песочное золото“.

Бухгольц двинулся в 1715 г. с более значительнымим силами (по словам самого Бухгольца 2450 человек, по некоторым известиям до 4500), но поход был столь же неудачен, как экспедиция Бековича. Калмыки утверждали, что крепость Ямышева построена на их земле, и зимой 1715—16 гг. осадили ее. После долгого сопротивления и больших потерь Бухгольц был вынужден очистить крепость и отойти к устью Оми, где построил крепость Омск; калмыки его не преследовали. С Бухгольцем вернулось всего 700 человек, из чего можно заклю-

чить, что русские потеряли более 1500, хотя по сведениям, впоследствии собранным Унковским, потери были менее значительны — 133 убитых или умерших от ран и 419 пленных, причем в это число включены также офицеры и солдаты другого отряда, шедшего на соединение с Бухгольцем; отряд был окружен калмыками и должен был сдаться в плен. Пленные были уведены в Семиречье и Восточный Туркестан и освобождены только в 1733 г. В числе их был шведский штык-юнкер Иоанн-Густав Ренат, который вылил для калмыков шесть пушек и три мортиры и даже устроил в их стране типографию.

По сведениям, добытым через Унковского, пленные русского происхождения также содействовали развитию промышленности в Восточном Туркестане; так, ими были устроены два кожевенных завода. Ренату приписывалась интересная карта калмыцкого государства, найденная в 1879 г. в шведской королевской библиотеке в Линчёпинге (Linköping). В настоящее время доказано, что Ренат только использовал и перевел на шведский язык калмыцкую карту, полученную им от ойратского владетеля Галдан-цэрэна, причем латинская транскрипция калмыцких названий была сделана в Петербурге при участии русского знатока калмыцкого языка Василия Бакунина.

Неудача Бухгольца не заставила Петра отказаться от своего плана, но было ясно, что до похода на Эркеть необходимо укрепить русскую власть на Иртыше; самому же Бухгольцу было приказано в 1716 г. „иттить до Зайсан-Нор-озера и на оном озере построить город немалой“. Исполнение этого приказания казалось Бухгольцу совершенно невозможным, и поход не состоялся; но в следующие годы русскими на Иртыше были достигнуты значительные успехи. Офицеры Мстигорев и Ступин проникли значительно дальше Ямышева; Ступин в 1718 г. основал *Семипалатинск*; в 1719 г. майор Иван Лихарев с небольшим отрядом (всего 440 человек) достиг Зайсана и даже проплыл оттуда еще некоторое расстояние по Черному Иртышу. Действия Лихарева все еще были связаны с исканием дорог в Эркеть; ему было поручено построить крепость на Зайсане и проведать „о пути от Зайсан озера к Эркетю, как далеко и возможно ли дойти; также, нет ли вершин каких рек, которые подались к Зайсану, и впали в Дарью-реку или в Аральское море“. Поручение построить крепость на Зайсане осталось невыполненным, но на обратном пути Лихарев выстроил на Иртыше выше Семипалатинска крепость *Усть-*

каменногорск, последнюю из русских крепостей на Иртыше. Так возникла „Иртышская линия“ укреплений, долгое время остававшаяся границей Сибири со стороны Средней Азии.

Калмыки не могли препятствовать этим успехам русских; их государство подвергалось в то время более существенной опасности со стороны войск китайского императора Канси. Затруднениями калмыков в борьбе с китайцами воспользовался казацкий старшина Иван Чередов, посланный к калмыцкому владетелю Цэван-Рабтану, и уговорил этого владетеля признать себя русским подданным, чтобы получить от русских военную помощь против китайцев. С таким поручением был отправлен в Россию калмыцкий посол Борокурган, принятый сначала в Тобольске, потом в Петербурге. Предложения, сделанные послом от имени своего государя, вполне соответствовали планам Петра Великого: калмыки предлагали русским отправить из Семипалатинска войско в 20000 человек и построить крепость „выше озера, где сошлись два Иртыша“, т.-е. на Верхнем Иртыше, у места слияния Черного Иртыша с Синим. Для окончательного разрешения вопроса к калмыкам было отправлено новое русское посольство, во главе которого был капитан Иван Унковский (1722 — 24); цель посольства, кроме переговоров с Цэван-Рабтаном, заключалась в осмотре „тех мест, где удобно крепостям быть, а особливо, чтоб в тех местах, где может найдена быть руда и коммуникация с Сибирью, особливо ж водяным путем“. Унковский проехал с берега Иртыша на Или и оттуда до речек Тюп и Джаргалан, впадающих с юго-востока в озеро Иссык-куль. Отчет его содержит подробное описание его маршрута; всему краю, по которому он проехал, он составил чертеж, на который были нанесены также расспросные сведения о городах Восточного Туркестана. Как было принято в России вообще, Унковский называет всех оседлых жителей Туркестана, как нынешнего русского, так и нынешнего китайского, бухарцами. Уже д'Эрбело знал, что русские называют Бухарой всю страну между владениями русского царя и китайскими. Политические условия ко времени посольства Унковского успели измениться; император Канси умер в 1722 г., и опасность для калмыцкого государства со стороны Китая временно была устранена; в помощи русских калмыки более не нуждались и не желали ни появления русских отрядов, ни постройки русских крепостей. Поэтому Унковский на вопрос о городах получил от Цэван-Рабтана ответ: „Ныне городы мне не надобны“. Калмыки даже жаловались на действия русских

на Иртыше и возобновляли свои притязания на берега Иртыша вплоть до Оми.

Вместе с Унковским прибыл в Россию в 1724 г. новый калмыцкий посол Дорчжи; из переговоров с ним выяснилось, что ему „о подданстве не приказано просить", а только о согласии. В таком смысле и была составлена ответная грамота; в ней уже не было упоминания о подданстве, и только выражение „мы вас в нашей И. В. высокой милости содержать не оставим" показывало, что калмыцкий „контайша" (так был переделан русскими титул калмыцких владетелей — хун-тайчжи) не признается равным русскому государю.

Ряд предприятий, вызванных слухами об „Эркети", закончился посольством плац-майора Угримова (1732—33). Ему удалось добиться полного освобождения всех русских пленных, захваченных во время несчастного похода Бухгольца, и выяснить вопрос о золотых россыпях. Оказалось, что золото добывалось в Восточном Туркестане, притом не столько около главного города страны, Яркенда, сколько около города Керии, где и теперь существуют золотые прииски. С тех пор, как было определено географическое положение рудников, мысль о военном походе с целью завладения ими более не возникала; когда четверть века спустя калмыцкое государство было завоевано китайцами, это совершилось без всяких препятствий со стороны России. О путешествии Унковского в то время были сообщены в печати только краткие сведения; подробный дневник его и другие документы, касавшиеся сношений с калмыками до посольства Угримова, были напечатаны только в 1887 г.

Последним из предприятий в Азии, мысль о которых принадлежала Петру Великому и которые были осуществлены после его смерти, было исследование северных и восточных берегов материка; главным из географических вопросов, требовавших разрешения, был вопрос о проливе между Азией и Америкой. До Петра у русских, если не считать плавания казаков из Колымы в Анадырь и с устья Амура к устью Ульи, не было судов на Великом океане; в 1716 г. шведскими пленными, по поручению Петра, были построены суда в Охотске. В 1725 г. при личном участии царя был составлен план экспедиции, впоследствии получившей название „первой камчатской", для разрешения вопроса о проливе; руководство экспедицией было поручено датчанину Витусу Берингу, состоявшему на русской службе с 1704 г.; из русских моряков в ней принимали участие Чириков, Шпангберг и Чаплин. Беринг только в 1728 г.

*

начал свое плавание из Охотска и в 1730 г. вернулся обратно, причем им был открыт остров св. Лаврентия. Достигнуть берега Америки ему на этот раз не удалось, но он проследил берег Азии до его северо-восточной оконечности и убедился в том, что отсюда береговая линия направляется на запад, в чем видел достаточное доказательство, что материки Азии и Америки отделены один от другого морем.

Приблизительно в то же время, в 1726 г., в Петербурге была снаряжена экспедиция в землю чукчей под начальством казачьего головы Афанасия Шестакова из Якутска, откуда и раньше доставлялись сведения о северо-восточной Азии. Шестаков привез несколько карт, на которых, между прочим, был обозначен берег Аляски, под названием „Большая земля". Шестаков выехал из Петербурга в 1727 г. и в 1730 г. погиб в стычке с чукчами; его подчиненный подштурман Иван Федоров в 1732 г. достиг берега „Большой земли", хотя и не высаживался там. Федоров умер на Камчатке в 1733 г.; сведения об экспедиции впоследствии, в 1741 и 1743 гг., были сообщены ее участником, геодезистом Гвоздевым, которому поэтому часто приписывалась честь открытия. Берег Америки был обозначен уже на карте Страленберга, под не вполне объясненным до сих пор названием Puchochotski или Pogukotzki.

Несколько раньше, в 1716 г., был заключен контракт с д-ром Мессершмидтом, обязавшимся составить подробное описание Сибири не только в естественно-историческом, но также в этнографическом и археологическом отношениях. Мессершмидт отправился в Сибирь в 1720 и вернулся в Россию в 1727 г.; представленный им дневник (на немецком языке) остался в рукописи; только в 1888 г. из него были напечатаны (в русском переводе) некоторые извлечения В. В. Радловым. Мессершмидт умер в 1735 г.

Мысль Петра Великого об описании Сибири и изучении отдаленного севера легла в основу обширной экспедиции, план которой был составлен одним из главных сподвижников Петра, сенатским обер-секретарем Кирилловым. Эта „великая северная экспедиция", называемая также „первой академической" и „второй камчатской", по обширности выполненных ею задач и до настоящего времени не имеет себе равной среди научных экспедиций, когда-либо снаряженных каким-либо правительством. Районом работ экспедиции были берега Европы и Азии от Архангельска до Японии; кроме того был совершен ряд поездок в Сибирь сухим путем для изучения страны во всех отношениях.

Достигнутые экспедицией результаты были куплены тяжкими жертвами. Члены экспедиции должны были выполнять возложенные на них поручения, соединенные с тяжелыми лишениями, не ожидая ни наград, ни каких-либо выгод; некоторые из них поплатились жизнью. На население местностей, где происходили работы, возлагались такие обременительные натуральные повинности, что целые народности были доведены ими до состояния нищеты.

Для исследования берегов Сибири было совершено несколько экспедиций. Одна из них исследовала береговую полосу от Архангельска до устья Оби, причем для путешествия туда и обратно потребовалось пять лет (1734 — 1739); другая направилась от устья Оби к устью Енисея (после нескольких неудачных попыток в 1737 г. удалось пройти это пространство), третья — от устья Енисея на полуостров Таймыр; две экспедиции были отправлены с устьев Лены, одна на запад, к северной оконечности Азии, другая на восток, к Шелагскому мысу, получившему такое название от вымершего народа шалагов, о котором первые сведения были сообщены Атласовым. Северная оконечность материка была достигнута в 1742 г. на санях штурманом Челюскиным, который назвал этот мыс северо-восточным; достижение этой цели было связано с такими трудностями, что впоследствии высказывалось сомнение в достоверности отчета Челюскина; только в 1878 г. экспедиция Норденшельда, которой впервые удалось достигнуть того же места морским путем, доказала полную правдивость этого отчета, после чего мыс получил новое название по имени русского исследователя.

Во главе всех морских работ экспедиции находился Беринг, взявший на себя лично выполнение главной задачи — исследование пролива между Европой и Азией. В 1740 г. он покинул Охотск с кораблями „Петр“ и „Павел“ и приплыл к Камчатке, где открыл превосходную гавань, получившую от его кораблей название Петропавловска. В 1741 г. он из Петропавловска отправился дальше и достиг берега Америки. На обратном пути ему пришлось зимовать на Беринговом острове, причем от цынги погибла большая часть экипажа; сам Беринг умер в конце 1741 г. Для исследования полярной природы эта зимовка имела большое значение благодаря участию адъюнкта Стеллера, сохранявшего бодрость даже при этой тяжелой обстановке ; произведенные им наблюдения представляли большую цену; между прочим им описан вид полярного животного („морская корова“), теперь уже не встречающийся.

Наконец, в 1739 г. была отправлена экспедиция из Камчатки к берегам Японии, под начальством капитана Шпангберга (участника первой камчатской экспедиции) и лейтенанта Вальтона. Им удалось достигнуть цели; несмотря на закон, запрещавший сношения с иностранцами, русские везде были хорошо приняты населением, но не могли объясняться с ним и не знали названий тех мест, куда приставали; сведения об этом мы находим только в японских источниках. Результаты экспедиции Шпангберга и Вальтона настолько противоречили географическим представлениям того времени, что было признано необходимым совершить ту же поездку вторично; на этот раз были отправлены из Петербурга для участия в экспедиции солдатские дети Шенаныкин и Фенев, ученики Демьяна Поморцева. С ними Шпангберг и Вальтон отправились вторично в 1742 г., но на этот раз их суда вследствие бурь и туманов не могли проникнуть дальше Курильских островов.

Общее руководство исследованиями на суше было возложено на натуралиста Иоанна-Георга Гмелина; кроме того Делиль-де-ля-Круаер (сын знаменитого французского географа Делиля) заведывал астрономическими работами, Герхард-Фридрих Миллер, пробывший в Сибири десять лет (1733—1743) — собиранием исторического материала. Гмелин в 1745 г., недовольный действиями секретаря академии Шумахера, покинул Россию; собранный им ботанический материал впоследствии был издан Палласом под заглавием Flora Sibiriae; сам Гмелин издал на немецком языке в Геттингене описание своего путешествия.

Астрономические наблюдения произвел вместо Делиля, умершего в 1741 г. на Камчатке, его ученик Красильников. Из отдельных областей Сибири подробнее всего была изучена Камчатка; этой области был посвящен труд Стеллера, изданный в 1774 г. на немецком языке (сам Стеллер умер от горячки на обратном пути в Тюмени), и труд его помощника студента Крашенинникова „Описание земли Камчатки“, напечатанный в 1755 г. Миллер, труды которого являются главным источником по истории деятельности академии наук в первые десятилетия ее существования и по истории северной Сибири, еще в бассейне Волги собрал сведения об инородцах края, главным образом о их быте и языках; в Сибири им были исследованы местные архивы и собран исторический материал. На русском языке была напечатана только первая часть составленного Миллером „Описания Сибирского царства и всех происшедших в нем

дел“ (1750); сочинение было найдено слишком обширным, чтобы быть напечатанным полностью. Составление, на основании собранного Миллером материала, более краткой „Сибирской истории“ принял на себя проф. Фишер, сочинение которого вышло в 1768 г. на немецком, в 1774 г. на русском языке. Труд Миллера теперь является первоисточником по истории Сибири, так как архивные документы, по которым он был составлен, большею частью утрачены; к сожалению рассказ как в подлинном труде Миллера, так и в обработке Фишера доведен только до начала 60-х годов XVII в. В руки Фишера, также совершившего путешествие в Сибирь (1739—1747), кроме исторического материала, собранного Миллером, перешел и лингвистический материал, собранный еще при Петре Великом Татищевым, заведывавшим уральскими горными заводами. Татищев разослал по сибирским воеводствам список русских слов, с предписанием доставить перевод этих слов на языки инородческого населения соответствующих местностей. Получив рукопись этого труда, Фишер впоследствии передал ее историку Шлецеру, который после отъезда из России увез ее с собой и подарил библиотеке Геттингенского университета, где она находится и до сих пор.

Результатом топографических и астрономических работ, произведенных экспедицией, был академический атлас России с ее азиатскими владениями, изданный в 1745 г. Руководителем работ по составлению атласа был приглашенный на русскую службу географ Делиль (один из сыновей знаменитого французского географа). Карта северного берега Сибири до Шелагского мыса, впервые установленная экспедицией, не подвергалась впоследствие почти никаким изменениям; только экспедицией Норденшельда (1878 — 79) были внесены некоторые поправки. Географические сведения о северо-восточной части Сибири и о некоторых областях внутри страны отличались меньшею точностью, отчасти вследствие излишнего недоверия академиков, особенно Миллера, к карте, составленной Шестаковым. В этом отношение академическая карта уступала карте Делиля (другой сын знаменитого Делиля, оставшийся во Франции), воспользовавшегося картой Шестакова.

И. Березин, Булгар на Волге, Казань 1853. Сочинение, переведенное „города Казани ориентальных языков переводчиком Юсупом“, сохранилось в деле Московского архива 219/379, в бумагах Г.-Ф. Миллера; из дела видно, что Миллер предполагал перевести труд Юсупа на немецкий язык и включить в „Sammlung russischer Geschichte“. О Дербенд-намэ Е. Козубский, Опыт библиографии Дагестанской области (Памятн. кн. Дагестанской обл., 1895), в особен-

ности № 394. Enz. des Islam, I, 985. О договорах изд. Юзефовича, см. выше о рукописи, связанной с договорами с Турдией, Изв. Акад. Наук 1919,926. П. Пекарский, Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, Спб. 1862. О картах Л. Берг, Аральское море, Спб. 1908, стр. 40—45. О карте Ремезова еще А. Миддендорф, Путешествие на север и восток Сибири, Спб. 1860—78, т. I, 34—39. Письма и бумаги Имп. Петра Великого, Спб. 1887—9, т. I, стр. 372—373 т. II, стр. 190—191 и 496. G. F. Müller, Sammlung russischer Geschichte, IV, 183—274 (о „Еркети", Бековиче и иртышских походах), VII, 156 и след. (о Бековиче); III, 112—304 (о двух камчатских экспедициях). Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, Спб. 1877. А. И. Макшеев, Исторический обзор Туркестана и поступательного движения в него русских, Спб. 1890. М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, т. I, Спб. 1906. Инструкции Бековичу и Кожину в Полн. Собр. Зак. №№ 2993 и 2994 (14 февр. 1716 г.). Хивинский рассказ о походе Бековича в рукописи Аз. музея Акад. Наук 590оа, л. 74б—75а—сочин. Муниса (Шир-Мухаммеда) „Фирдаус-ал-икбаль"; Кауфманский Сборник, Москва 1910, 4. А. Н. Попов, Сношения России с Хивою и Бухарою при Петре Великом (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. кн. IX (1853), стр. 237—424); о Кожине еще Н. Муравьев, Путешествие в Туркмению и Хиву, Москва 1822, II, 11. О деле Бековича еще Матер. военно-ученого архива главного штаба, I, 197—506. Об открытии труда Абулгази Библ. вост. историков, т. III, ч. I, Казань 1854. Письмо Бухгольца кн. Меншикову в „Истории России" Соловьева, кн. IV, стр. 931—934. Carte de la Dzoungarie dressée par le Suédois Renat pendant sa captivité chez les Kalmouks de 1716—1733, éd. de la Soc. Impér. Russe de Géographie, St.-Pét. 1881. J. F. Baddeley, Russia, Mongolia, China (о карте Ремезова CLVII и друг., о карте Рената CL, XVI и друг.). В. Л. Котвич в Изв. Акад. Наук 1919, 797 и след. Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван-Рабтану кап. от артилл. Ив. Унковского и путевой журнал его за 1722—1724 годы. Документы, изд. с предисл. и примеч. Н. И. Веселовского. Спб. 1887 (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отдел. этногр., т. X, вып. 2). Л. С. Берг, Известия о Беринговом проливе и его берегах до Беринга и Кука, Петр. 1920. В. Радлов, Сибирские древности, Спб. 1888. A. E. Freih. von Nordenskiöld, Die Umsegelung Asiens und Europas, Lpz. 1882, I, 309; II, 174—194. Японские известия о плавании русских: Д. Позднеев, Материалы по истории северной Японии и ее отношений к материку Азии и России, Иокохама 1906, т. II, ч. II, стр. 18—20. П. Пекарский, История Имп. Академии Наук, Спб. 1870, т. I (биографические сведения о Миллере и Фишере). Сведения о черемисах, чувашах и вотяках (в списке слов, кроме того, слова татарские, мордовские, пермяцкие и зырянские) в Samml. russ. Gesch. III, 305—412; вторично издано в 1791 г. под заглавием „Описание живущих в Казанской губернии языческих народов". „Sibirische Geschichte" Миллера в Samml. russ. Geschichte VI, 109—565 и VIII, 1—458 (с некоторыми сокращениями против русского текста). О судьбе материалов Фишера также Th. Benfey, Geschichte der Sprachwissenschaft, München 1869, S. 265. К. Свенске, Материалы для истории составления атласа Российской Империи, изд. Имп. Акад. Наук в 1745 г., Спб. 1866 (прилож. к IX тому Зап. Имп. Акад. Наук, № 2). Отзыв Миллера о карте Шестакова в Samml. russ. Geschichte III, 49 f.

ГЛАВА XV.

С именем того же сенатского обер-прокурора Кириллова, которому принадлежал план великой северной экспедиции, связана попытка утвердить русскую власть в Средней Азии с помощью так называемых „киргиз-кайсацких орд".

Название „киргиз“ собственно принадлежит народу, известному теперь у русских под названием „кара-киргизов“, „дикокаменных киргизов“ или „бурутов“ (последнее название было заимствовано у калмыков и встречается у Унковского). Эти киргизы жили в средние века по верхнему течению Енисея, где еще русские застали в XVII в. остатки этого народа; бо́льшая часть его постепенно (первое известие о таком движении относится еще к X в.) переселилась на юго-запад, в нынешнюю Семиреченскую область и прилегающие к ней земли, где они живут до настоящего времени. В XVI в. эти киргизы тесно сблизились с частью узбецкого народа, отделившейся от своих ханов и оставшейся в степи в то время, когда ханы с остальными узбеками предприняли завоевательное движение против культурных областей бассейна Аральского моря. Узбекам, оставшимся в степи, было присвоено название „казаков“. Турецкое слово „казак“ (этимологическое его происхождение остается спорным) применялось к человеку, отделившемуся от своего государства, племени или рода и принужденному вести жизнь искателя приключений. „Казаком“ становился хан, потерпевший поражение в борьбе за свой престол и спасшийся бегством с горстью преданных ему людей; „казаками“ были и подданные, недовольные своим ханом и ушедшие из-под его власти, чтобы на свой страх искать счастия в другом месте. Тот же турецкий термин присвоила себе русская „вольница“, не захотевшая примириться с порядками московской Руси и покинувшая свою родину.

Узбецкие казаки уже в начале XVI в. были могущественным народом, имевшим своих ханов и нередко одерживавшим победы над своими соплеменниками, владевшими Самаркандом и Бухарой. Мы не имеем точных сведений о том, как произошло распадение этого народа на три орды: большую, среднюю и малую (или старшую, среднюю и младшую), из которых каждая имела своего хана. Кочевья этих орд располагались в порядке с востока на запад (большая занимала самую восточную часть степи, малая — самую западную); орды получили свое название не по числу принадлежавших к ним кочевников (малая орда была самой многочисленной), но по старшинству входивших в их состав родов. К казакам всех трех орд русские неправильно отнесли не принадлежавшее им название киргизов (сами казаки и до сих пор никогда себя так не называют) и в отличие от настоящих киргизов назвали их „киргиз-кайсаками“, причем слово „кайсак“ является только искажением слова „казак“.

В начале XVIII в. казаки всех трех орд, подобно настоящим киргизам, подвергались нападениям калмыков и по временам бывали вынуждены признать над собой власть калмыцких владетелей. Притеснения со стороны калмыков заставили киргиз-кайсаков искать помощи у русских; в 1717 г. все три хана Тявка, Каип и Абуль-Хайр признали себя подданными Петра Великого (хан Тявка еще в 1694 г. принимал у себя в городе Туркестане русских посланцев, казаков Фед. Скибина и Матв. Трошина, отправленных из Тобольска), но это подданство оставалось столь же номинальным, как подданство хивинского хана или несколько лет спустя подданство самого калмыцкого владетеля Цэван-Рабтана. Но в 1730 г. ближайший сосед России, хан малой орды Абуль-Хайр вторично предложил свое подданство. Его посланцы были приняты в Уфе и Петербурге; предложение казалось очень заманчивым, и для принятия присяги от новых подданных был отправлен в степь татарин мурза Тевкелев. Тевкелев пробыл в степи два года (1731 — 33), причем доходил вместе с Абуль-Хайром до устья Сыр-Дарьи. Выполнить возложенное на него поручение оказалось не так легко, как можно было ожидать. Абуль-Хайру, как и другим средне-азиатским владетелям, подданство казалось только выгодной сделкой, благодаря которой слабейший становился под покровительство сильнейшего и в то же время не принимал на себя никаких обязанностей. Предлагая русским свое подданство, он имел в виду только личные цели; с помощью русских он надеялся укрепить и упрочить свою власть, может быть даже стать во главе всего киргизского народа. Власть степного хана над своими подданными не соответствовала русскому представлению о правителе, имеющем право заключить договор от имени своего народа; предводитель кочевого народа не имеет иной власти, кроме той, которую дают ему его личные качества, и в этом отношении обаяние Абуль-Хайра не стояло высоко. Тевкелеву пришлось убедиться, что народ вовсе не считал для себя обязательными обещания Абуль-Хайра; пришлось вести переговоры о подданстве не только с ханом, но и с народом. При этих переговорах Тевкелев обнаружил большое дипломатическое искусство и в конце концов достиг цели. Не только младшая орда, во главе которой находился Абуль-Хайр, но и часть средней, с ханом Шемякой, согласилися принести присягу. Абуль-Хайр отправил с Тевкелевым новое посольство, во главе которого находился его сын Эр-Али; хан желал, чтобы русские для укрепления его власти построили два

города: один к северу от степи, на реке Ори, притоке Урала (тогда называвшегося Яиком), другой к югу от нее, при устье Сыр-Дарьи.

В Петербурге в это время, под влиянием ослабления Турции и средне-азиатских ханств, составлялись обширные завоевательные проекты. Профессор арабского языка Кер, состоявший в то время при академии наук, в 1733 г. подал проект учреждения особой восточной академии, в котором ссылается на составленные им раньше планы завоевания Турции и завоевания Средней Азии; при этом была высказана надежда, отчасти оправдавшаяся в XIX в., что при завоевании Самарканда и Бухары будет найдено много восточных рукописей. Успех Тевкелева возбудил самые широкие надежды; на необходимости принять подданство Абуль-Хайра и исполнить все его желания особенно настаивал Кириллов; он доказывал, что в противном случае „не токмо новые многие народы, пришедшие в подданство и еще желающие подданства, со многими городами, яко Ташкент и Арал, можем потерять, но и нынешний случай к подобранию рассыпанных бухарских и самаркандских провинций и богатого места Бодокшана упустим". Из последних слов видно, что и в Средней Азии, как прежде в Маньчжурии и в Монголии, составлявшиеся в то время проекты присоединяли к России области, которые и потом оставались вне пределов Российской империи: „богатое место Бодокшан", т.-е. область Бадахшан входит в настоящее время в состав Авганистана.

Записка Кириллова была одобрена правительством, и ему самому, в качестве начальника „Оренбургской экспедиции" (в первые годы экспедиция называлась только „известной" и уже потом ей было присвоено название „Оренбургской"), было поручено привести в исполнение свои планы (1734). Ближайшая цель, кроме основания городов к северу и к югу от степи, состояла в том, чтобы „на Аральском море российский флаг объявить"; вновь был поднят вопрос о торговом пути через средне-азиатские ханства в Индию.

Из всех проектов Кириллова осуществилось только устройство линии укреплений вдоль северо-западной границы „киргиз-кайсацких степей". В 1735 г. Кирилловым был построен на реке Ори город *Оренбург* в том месте, где теперь находится Орск. Место оказалось выбранным неудачно; в 1739 г. город был перенесен на новое место, где теперь Красногорская станица, в 1742 г. — на третье место, где он находится в на-

стоящее время. В этот третий Оренбург были перенесены из Уфы правительственные учреждения; в 1744 г. была образована *Оренбургская губерния*, в состав которой вошла и нынешняя Уфимская. До завоевания Туркестана и учреждения Туркестанского генерал-губернаторства Оренбург оставался центром управления киргизскими степями и всех торговых и дипломатических сношений со Средней Азией; в этом отношении к нему перешла роль, до тех пор принадлежавшая Астрахани. Оренбург получил от хивинцев название Енги-Кала (новая крепость). Кроме Оренбурга и Орска был основан на Урале и в прилегающей к нему местности ряд других укреплений или станиц; несмотря на номинальное подданство киргизов, Оренбургская линия вместе с Иртышской долгое время оставалась фактической границей России. Линией русских укреплений были отделены друг от друга два народа, одинаково считавшиеся русскими подданными, но враждовавшие между собой, башкиры и киргизы. Борьба между этими народами продолжалась и после устройства Оренбургской губернии; оренбургским властям даже было предписано, в зависимости от обстоятельств, усмирять один народ при помощи другого, чтобы щадить русскую кровь. В 50-х годах, при первом оренбургском губернаторе Неплюеве, среди башкир руками киргизов был произведен страшный погром, от которого башкирский народ уже не мог оправиться.

Проект утверждения русской власти в самих степях и в особенности к югу от них в XVIII в. не был выполнен; не удалось даже построить город у низовьв Сыр-Дарьи. Кириллов умер в 1737 г.; его преемник Татищев отправил на Сыр-Дарью с разведочной целью поручика Гладышева, геодезиста Муравина и переводчика Назарова. Когда они прибыли к низовьям Сыр-Дарьи, то оказалось, что Абуль-Хайр, которого они надеялись там найти, отправился в Хиву, где его избрали ханом. Гладышев и Муравин последовали за ним и в 1740 г. прибыли в Хивинское ханство, которое в это время подвергалось нашествию персидского шаха Надира. Русские посланцы известили шаха, что Абуль-Хайр русский подданный и что поэтому управляемое им ханство находится под покровительством России; Надир выразил согласие заключить договор с Абуль-Хайром, если тот явится к нему, но в это время Абуль-Хайр покинул своих хивинских подданных и спасся бегством в свои родные степи. Тогда же (в 1740 г.) инженером Назимовым был сделан план Хивы. Хивинское ханство

было занято войсками шаха, который оставил здесь своего наместника; но тотчас после удаления Надира хивинцы вернули себе независимость и призвали на престол сына Абуль-Хайра, Нур-Али. От этого хана русские посланцы (те же Гладышев и Муравин, вторично посланные в августе 1741 г. и в январе 1742 г. видевшие Абуль-Хайра в низовьях Аму-Дарьи) также потребовали присяги, как от русского подданного, и прислали ему присяжный лист, но Нур-Али отказался принять его (1742).

Киргизы по прежнему нападали на караваны, направлявшиеся в Россию или из России в ханства (так в 1739—40 гг. в Ташкенте был караван под начальством поручика Миллера). Абуль-Хайр умер в 1748 г.; ему наследовал, с помощью русских, его сын Нур-Али, уже несколькими годами раньше изгнанный из Хивы; вместо него в Хиве после некоторого перерыва сделался ханом Каип (Гаиб), сын соперника Абуль-Хайра, султана Батыря. Соперничество между Нур-Али и Батырем еще более затрудняло движение караванов; вновь высказанная в 1752 г. надежда на распространение русской торговли до Индии оставалась столь же неосуществимой, как прежде. Не удалось даже обезопасить торговые сношения с Хивинским ханством, ближайшим к России; в 1753 г. хивинский караван, отправленный в Россию, был разграблен киргизами из числа подданных Нур-Али, и последний откровенно признался, что это было сделано по его приказанию за то, что караван шел не по его владениям, а по владениям его соперника Батыря. Тем не менее Неплюев в том же 1753 г. отправил в Хиву через владения Нур-Али купеческий караван, с переводчиками Гуляевым и Чучаловым; во главе каравана находился самарский купец Даниил Рукавкин, представивший после своего возвращения краткое описание ханства. Караван был на долгое время задержан в Хиве притеснениями хана.

Русское правительство причисляло к своим подданным не только малую орду, но и две других, хотя киргизы в то же время поддерживали сношения с калмыцким государством. Насколько различны были понятия о подданстве у киргизов и у русских, показывает факт, что средняя орда уже при Екатерине II (1775—6) вновь предложила России свое подданство, на что от имени императрицы последовал ответ, что в этом нет никакой надобности, так как все три киргиз-кайсацкие орды давно уже состоят в подданстве России. Столь же мало последствий имели предложения со стороны прикаспийских

туркмен об устройстве русских крепостей на восточном берегу Каспийского моря. Еще в 1744 г. туркменские послы предложили „строить крепость для торга“ на Мангышлакском полуострове; впоследствии намечались другие местности, устье Эмбы и даже Огурчинские острова, расположенные не далеко от старого русла Аму-Дарьи; но ни одно из этих предложений не было осуществлено. В московском главном архиве имеется дело о „трухменцах“, к которым были посланы капитан Копытовский и штурман Лебедев, сообщивший журнал своего путешествия; этих туркмен было всего 2500 кибиток. На просьбу туркмен о подданстве последовала резолюция „о заслужении ими впредь милости быть принятыми в покровительство России через безобидную с пограничными купцами торговлю, через пропуск и вспоможение проезжающих от Мангышлака с товарами в Хиву и Бухары и через всегдашнее возвращение российских пленных“.

Политическое положение сделалось еще более запутанным, когда калмыцкое государство было разгромлено и завоевано китайцами, причем среди калмыцкого народа было произведено страшное избиение (1756 — 58). Тогда же возник ряд китайских пикетов, расположенных теперь между принадлежащей Китаю Чжунгарией и русскими владениями (Семипалатинской областью и северной частью Семиреченской). На обширное степное пространство между русскими и китайскими пограничными укреплениями заявляли притязание обе стороны. Начальник китайских пикетов носил титул „главнокомандующего поколениями заграничных ханов“; в степь отправлялись китайские посланцы, иногда и военные отряды, и требовали подданства и дани не только от кара-киргизов, но и от трех киргиз-кайсацких орд. Русское правительство, считавшее киргиз-кайсаков своими подданными, обвиняло китайцев в том, что они, „нарушая мир, учинили на наши сибирские границы наступление“. Русское правительство, однако, не ответило на это „наступление“ военными действиями, хотя только в XIX в. пограничный спор был разрешен в пользу России. В XVIII в. киргизы исполняли требования русского правительства только тогда, когда им это было выгодно. Когда в 1771 г. значительная часть калмыков, живших в южно-русских степях, решила покинуть Россию и уйти в китайские пределы, киргизы охотно приняли участие в преследовании беглецов, нанесли им страшный урон и захватили значительную добычу. Во время Пугачевского бунта киргизы оставались нейтральными.

В течение всего этого периода в Оренбурге, как центре управления обширным краем, сосредоточивались сведения как о самом крае, так и о соседних областях Средней Азии. Уже в 1744 г. была основана в Оренбурге татарско-калмыцкая школа для приготовления переводчиков этих языков. Из попыток обработать собранный в Оренбурге географический и исторический материал особенно замечательны труды Рычковых, отца (Петра Ив.) и сына (Николая Петровича); первому принадлежит составление „Истории оренбургской“ (1759), „Топографии оренбургской“ (1762) и „Опыта Казанской истории“ (1767). Для татар Оренбург сделался центром, откуда принимались меры для укрепления ислама в киргизских степях, где кочевники до тех пор были мусульманами только по имени. 1740 ые годы были временем ожесточенного гонения на ислам. Начало этому гонению было положено именным указом 11 сентября 1740 г. казанской ново-крещенской конторе, в котором предписывалось распространять христианство без принуждения, но в то же время освобождать крещеных от податей и рекрутчины, возлагая то и другое на некрещеных. Сенатским указом 19 ноября 1742 г. было разрешено оставить мечети только в тех деревнях, где не было ни русских, ни новокрещеных; в Казанской губернии к июню 1744 г. из 536 мечетей было разрушено 418; от полного уничтожения мечетей воздержались потому, что слух об этом мог дойти до мусульманских стран и вызвать там разрушение церквей. Религиозное гонение было одной из причин башкирского восстания 1755 г., после которого политика правительства несколько изменилась. В 1755 г. было разрешено основание, в небольшом расстоянии к северу от Оренбурга, так называемого Сеитовского посада (у татар Каргала), для 200 семейств, освобожденных от податей и повинностей, причем, по словам Рычкова, была построена „мечеть, которой больше и лучше, как сказывают, во всей Казанской губернии ныне нет.“ Сеитовский посад оставался до последнего времени центром мусульманской науки; колонией его является Стерлибаш, учреждение с той же целью в Уфимской губернии, к юго-западу от основанного в 1767 г. города Стерлитамака. Неуспех правительственных мер отчасти объясняется тем, что муллы резко выделялись среди народных масс своею ученостью и пользовались общим уважением, тогда как невежественное православное духовенство не имело никакого влияния на своих прихожан.

Сведения о средне-азиатских ханствах получались частью от приходивших в Оренбург средне-азиатских торговцев,

частью от русских людей, захваченных в плен киргизами и проданных в рабство. Подобные случаи бывали и по Оренбургской линии, причем захвату в плен подвергались не только русские поселенцы, но и русские солдаты. Из числа таких невольных путешествий особенно замечательно путешествие унтер-офицера Филипа Ефремова (1774—82). Около Оренбургской линии он во время Пугачевщины был захвачен в плен сначала яицкими казаками, потом киргизами, которые увезли его в Бухару, где он благодаря своим познаниям в военном деле приобрел некоторое значение при дворе местного правителя (аталыка) Данияр-бека; по поручению аталыка он ездил в Хиву и Мерв, потом, покинув бухарскую службу, бежал в Коканд, из Коканда проехал через Кашгар, Яркенд и Тибет в Индию, откуда через Англию вернулся в Россию. Благодаря знанию восточных языков и своему оффициальному положению при бухарском дворе он мог собрать ценные сведения и, вернувшись на родину, издал книгу о своем „Странствовании в Бухарии, Хиве, Персии и Индии". Книга настолько заинтересовала современников, что выдержала три издания (1786, 1794 и 1811).

Оффициальных посольств из Оренбурга в средне-азиатские ханства в XVIII в., если не считать отправления торговых караванов, было только одно, именно посольство переводчика Мендияра Бекчурина в Бухару в 1780—1 г.; им были добыты некоторые интересные сведения; между прочим у него едва ли не в первый раз упоминается о делении узбеков на 92 рода. Кроме того, из Оренбурга было совершено путешествие глазного врача Бланкеннагеля (1793—4), посланного в Хиву по просьбе правителя Хивинского ханства для исцеления глаз ослепшего дяди правителя. По прибытии в Хиву Бланкеннагель нашел больного неизлечимым, за что в Хиве подвергся большой опасности и только с трудом спас свою жизнь. По отзыву издателя его отчета, проф. Григорьева, Бланкеннагель „в течение одного месяца пребывания в степи понял ее лучше, нежели множество администраторов, десятки лет имевших дело с киргизами".

Из бухарских послов, приезжавших в Россию не через Оренбург, особенно известен Ир-Назар-бай Максютов (в 1774 и вторично в 1779 г.). Имя Ир-Назара носило одно из бухарских медресе, вследствие чего распространилось мнение, совершенно неосновательное, будто деньги на постройку этого медресе были даны Екатериной. Ир-Назар был пропущен

через Россию в Константинополь и умер в Конье в 1781 г.; в 1785 г. в Россию приезжал его сын Шериф.

В противоположность царствованию Елизаветы Петровны, царствование Екатерины было благоприятно для ислама. Присоединение в 1783 г. Крыма, где еще в 1736 г. русскими был сожжен Бахчисарай, имело последствием издание в 1785 г. грамоты о веротерпимости, текст которой в XIX в. вошел в основные законы. В 1786 г., после утверждения устава народных училищ, барону Игельстрому, наместнику симбирскому и уфимскому, было поручено озаботиться введением таких училищ в киргизских степях; было предписано, чтобы учебные книги печатались на киргизском языке вместе с российским. Эта мера привела к утверждению в степи не русской, а средневековой мусульманской культуры, так как на преподавательские должности, в виду отсутствия подходящих кандидатов среди русских и киргиз, назначались казанские муллы. В то же царствование были приняты некоторые меры для распространения знания восточных языков среди русских; в 1769 г. был введен татарский класс в казанской гимназии; указом 27 сентября 1782 г. было предписано ввести преподавание арабского языка в народных училищах тех губерний, которые „лежат к стороне татарской, персидской и бухарской“, и китайского в училищах Иркутской губернии и Колыванской области.

Одновременно с действиями в Средней Азии продолжались также работы по изучению Сибири, особенно ее северной части, и прилегающих к ней государств. К этому периоду относится первое известное путешествие из пределов России в священную столицу Тибета — Лхасу. С XVII в. Россия имела в числе своих подданных приверженцев ламаизма (тибетской формы буддизма) — калмыков и бурят, хотя среди последних ламаизм окончательно утвердился только в царствование Екатерины II, при содействии русского правительства, как ислам среди киргиз, причем, однако, ревнители ислама, насколько известно, не прибегали к насильственным мерам, тогда как ревнители буддизма, несмотря на более мирный характер этой религии сравнительно с исламом, „жгли, вешали, рубили и грабили шаманистов“. Столица Тибета для всех представителей этой религии является местом паломничества; один из бурятских паломников, Заяев, совершивший паломничество в 1741 г., впоследствии признанный главой буддийского духовенства среди бурят и в 1767 г. бывший в числе депутатов коммиссии для издания законов, составил описание своего пу-

тешествия на бурятском и тибетском языках. Важность изучения Тибета в то время еще не сознавалась ни правительством, ни обществом, и потому путешествие Заяева прошло незамеченным.

Главное внимание попрежнему было обращено на Сибирь. Из политических вопросов, связанных с Сибирью, еще в 50-х годах был поднят вопрос о судоходстве по Амуру. При заключении Нерчинского трактата значение Амура, как судоходной реки, еще не сознавалось; теперь, когда выяснилась необходимость связать русские владения на Великом океане более удобным путем с остальной частью Сибири, русское правительство, не возбуждая вопроса об изменении установленных трактатом границ, хотело только заключить с китайцами договор об открытии Амура для плавания русских судов. Китайцы упорно отказывались от заключения такого договора, и в 1764 г. русское правительство решило отказаться от дальнейших попыток в этом направлении.

Около этого времени были возобновлены работы по изучению русских владений в Азии. Внешним поводом для этого было астрономическое явление — прохождение Венеры перед солнцем, — ради которого были отправлены ученые экспедиции в некоторые города Сибири. Явление происходило в 1761 и 1769 г.; в первый раз его наблюдал в Тобольске французский астроном Клод Шапп д'Отерош, написавший книгу о России, вызвавшую резкий ответ императрицы Екатерины („Антидот"); во второй раз ради его наблюдения была снаряжена так называемая „вторая академическая экспедиция". В виду связанных с экспедицией значительных расходов было решено не ограничиться изучением астрономического явления, продолжающегося несколько минут, но собрать материал для всестороннего изучения природы края и его естественных богатств. Лингвистические и исторические работы, подобные тем, какие были произведены членами первой академической экспедиции, при этом не имелись в виду; может быть, это объясняется тем, что регламент 1745 г. придал академии наук характер учреждения, посвященного исключительно естественным и физико-математическим наукам. В экспедиции принимали участие только натуралисты, но некоторые из них, помимо работ по своей специальности, добровольно собрали также материал для изучения языков, быта и истории сибирских инородцев.

Главой экспедиции считался Самуил Гмелин, племянник Іоанна-Георга Гмелина, в 1774 г. взятый в плен в Да-

гестане и умерший в плену. Результатом его шестилетнего путешествия (1768—1774) была книга на русском и немецком языках: „Путешествие по России для исследования трех царств естества". В те же годы совершил свое путешествие ботаник Петр-Симон Паллас; крайним пунктом, достигнутым им, было место Акша на Ононе; кроме Сибири он посетил также Среднюю Азию и в Оренбурге пользовался ценным содействием некоторых местных деятелей, напр. Рычковых. В истории изучения природы России гениальные теории Палласа имеют большое значение; так им впервые был выяснен характер Арало-Каспийской равнины, как высохшего дна обширного внутреннего моря. Кроме того, Паллас из всех членов экспедиции посвятил больше всего внимания собиранию этнографического и исторического материала; кроме описания своего „Путешествия по разным провинциям Российской Империи" (на немецком и русском языках) он издал (на немецком языке) „Собрание исторических известий о монгольских народностях". В своих исторических теориях он, как и следовало ожидать, был менее счастлив; так сходство уйгурского письма с сирийским казалось ему чисто случайным, исторические известия о миссионерской деятельности сирийцев в Средней Азии — недостоверными.

Из других участников экспедиции можно назвать Лепехина (посетившего восточную часть европейской России и западную Сибирь 1767—1771; он первый издал сделанный при Петре перевод надписей города Булгара на Волге) и Гильденштедта, совершившего трехлетнее путешествие (1770—73) по южной России, Кавказу и Грузии и собравшего также материал для изучения Кавказа в лингвистическом отношении.

В связи с русскими путешествиями в Азию можно упомянуть о двух путешествиях на Восток, совершенных в конце XVIII в. из пределов Кавказа, именно о путешествиях армянских приказчиков братьев Атанасовых (1790) и грузинского дворянина Рафаила Данибегова (1795—1813). Кавказ во время начала этих путешествий не входил в состав России, но путешественники вернулись на родину через русские владения, и в России были обнародованы сведения об их путешествиях. Маршрут в обоих случаях был приблизительно один и тот же: через Персию в Индию, оттуда через западную часть Тибета и Восточный Туркестан на Иртышскую линию, в Семипалатинск. Рассказ братьев Атанасовых был записан с их слов в Семипалатинске и впоследствии (1818) напечатан

в „Сибирском Вестнике“ Спасского; описание путешествия Данибегова было составлено им самим на грузинском языке и им же в 1815 г. издано в Москве в русском переводе. В 1820 г., в связи с проектом разведения в Сибири кашмирских коз, из Семипалатинска в Тибет был послан коммерции советник Мехти Рафаилов; в 1822 г. пришло известие, что он умер в Тибете, в трех днях пути от Кашмира; его спутники вернулись в Россию, его имущество не удалось разыскать.

Независимо от работ второй академической экспедиции были возобновлены с 1760 г. работы по изучению отдаленного севера. Уже в 60-х годах были открыты и присоединены к России Алеутские острова; в 1770 г. Ляхов открыл часть архипелага Ново-Сибирских островов, именно острова Ближний (Ляхов), Малый и Котельный (главный остров архипелага, Новая Сибирь, был открыт только в 1806 г.). Ценные сведения о берегах Сибири были собраны полковником Плениснером (главный начальник Анадырска 1760 — 1772, умер в 1778 г. в Петербурге), сообщены императрице и академии наук и использованы при составлении карт Сибири. В 80-х годах Григорий Шелехов, мещанин города Рыльска (в Курской губернии), исследовал берег полуострова Аляски и прилегающие к нему острова; здесь им были устроены русские промыслы, и весь край был объявлен присоединенным к России; в 1799 г. для эксплуатации его была учреждена „Российско-Американская компания“.

Работами первой академической экспедиции было установлено очертание северного берега Сибири до Шелагского мыса; в дополнение к этому в 1785 г. была снаряжена так называемая „секретная“ экспедиция для исследования пространства между Шелагским мысом и Беринговым проливом, хотя эта полоса берега отчасти уже была исследована во время плавания Кука (1778). Начальником экспедиции был назначен английский капитан Биллингс, поступивший на русскую службу по предложению русского посла в Англии графа Воронцова. Биллингс сделал две попытки (1787 и 1791 гг.) проникнуть через Берингов пролив к Шелагскому мысу, но оба раза льды заставили его вернуться обратно, не достигнув цели; он доходил с востока до острова Колючина. Сведения о путешествиях Биллингса были напечатаны русским помощником его лейтенантом Сарычевым (впоследствии адмиралом) в двух книгах; в первой из них приводятся также данныя о языке

населения. Съемка берега от устья Индигирки до острова Колючина была произведена Врангелем (1821 — 3), чем было закончено исследование северных берегов Азии.

После основания русских промыслов на берегу Америки вопрос о развитии русской торговли на Великом океане имел для России еще большее значение, чем прежде; в связи с этим находился также вопрос об установлении торговых сношений с Японией. Сама императрица Екатерина не придавала этому вопросу большого значения и находила, что ввоз японских товаров не принесет России никаких существенных выгод; тем не менее она дала согласие на представленный ей проект: вернуть в Японию несколько рыбаков-японцев, выброшенных на берег Камчатки, и воспользоваться этим для установления дружественных отношений к их родине. Проект принадлежал академику Эрику Лаксману, с 1781 г. жившему в Сибири и в 1790 г. получившему от одного из японцев, живших в Иркутске, карту Японии; выполнение проекта было поручено его сыну Адаму. Посольство Адама Лаксмана (1792 — 3) не имело существенных результатов; сношения с японцами затруднялись отсутствием лиц, знавших японский язык; с Лаксманом был один из воспитанников японской школы, Туголуков, но его японский язык оказался для японцев непонятным. Лично Лаксман произвел на японцев хорошее впечатление и был принят ими вежливо; от переговоров о торговле японцы отказались под предлогом, что по японским законам единственной гаванью, где разрешены сношения с иностранцами, является Нагасаки (Лаксман прибыл в гавань Немуро, на острове Иесо); русским даже дали разрешительное свидетельство для посещения этого порта.

Научные результаты, достигнутые в XVIII в. русскими учеными экспедициями, оказались возможными только благодаря участию в этих экспедициях иностранных ученых, находившихся на русской службе. К поступлению на русскую службу этих ученых, помимо материальных выгод, могла побуждать также важность научных вопросов, связанных с изучением русских владений в Азии и сопредельных с ними стран. Важность открытия России для науки сознавали уже современники Петра Великого, как Витзен и философ Лейбниц; помимо ожидавшихся географических и естественно-исторических открытий, внимание ученых было привлечено разноплеменным составом населения империи; было ясно, что изучение этих многочисленных народностей доставит богатый материал для наук о

человеке, в особенности для языкознания. Методы и задачи этой последней науки в то время и в западной Европе еще не были установлены; при рассмотрении вопроса о родстве между собой различных языков и о происхождении человеческой речи вообще ограничивались простым сопоставлением слов, заимствованных из возможно бо́льшего числа языков, причем обращали внимание только на сходство звукового состава, не стараясь объяснить, как произошло это сходство и по каким законам совершаются переходы и перемещения звуков. Среди сборников лингвистического материала, составленных по этой системе, одно из главных мест принадлежит сборнику, составленному в России при личном участии Екатерины II и потому получившему заглавие: „Сравнительные словари всех языков и наречий, собранные десницею Высочайшей особы". Екатерина занималась словарем еще будучи великой княгиней под руководством Дюмареска (Dumaresque), капеллана английской фактории в Петербурге. Книга Дюмареска упоминается под заглавием французским (Vocabulaire comparatif des langues orientales) и английским (Comparative Vocabulary of the Eastern Languages). Повидимому, книга на была напечатана и рано исчезла; уже Фр. Аделунг, писавший в 1815 г., не мог ее найти. Издание словаря было поручено Палласу; в этом первом издании, вышедшем в 1786 или в 1787 г., помещены слова 200 языков (51 европейского и 149 азиатских); в дополненном и переработанном издании Ф. И. Янковича де-Мириево к числу этих языков присоединены еще несколько других. Материал в издании Янковича расположен по „азбучному порядку", т.-е. соединены вместе заимствованные из различных языков слова, сходные по звуковому составу, хотя бы совершенно различные по значению; при распределении материала не обращено никакого внимания ни на общий характер отдельных языков, ни даже на географическое соседство народов. Из ученых ориенталистов в составлении словаря принимал участие Бакмейстер, помощник библиотекаря академии наук. Вообще число ориенталистов, находившихся на русской службе во второй половине XVIII в., было крайне незначительно. В академии наук гуманитарные науки, как мы видели, после регламента 1745 г. утратили всякое значение; вопрос о высшем образовании в XVIII в. еще не был разрешен, несмотря на представление ряда проектов, из которых в некоторых, как в трех проектах Ломоносова (1754—5, 1759 и 1764 гг.), была предусмотрена и кафедра восточных языков.

Учрежденный в 1755 г. Московский университет, где в состав „философского“ факультета входили только четыре кафедры (философии, физики, истории и красноречия), не мог иметь значения для успеха гуманитарных наук. Восточные языки в царствование Екатерины преподавались только в практических школах, имевших целью подготовление переводчиков. Кроме некоторых учебников, предназначенных для тех же школ, некоторых переводов, принадлежавших членам пекинской миссии, и нескольких небольших списков слов на разных восточных языках в России в то время не было никакой литературы по востоковедению.

О слове „казак“ П. А. Фалев, Пословицы, поговорки и приметы крымских татар, Симферополь 1915, 54. Н. Я. Марр в Журн. Мин. Нар. Просв. 1915, июнь, 286. Об истории киргизов и казаков В. Бартольд, Очерк истории Семиречья (Пам. кн. Семиреч. областн. статист. комитета на 1898 г., т. II, стр. 74 и след.), стр. 92, 153—170 (отд. оттиск стр. 19, 80—97). О сношениях киргиз-казаков с русскими А. И. Левшин, Описание Киргиз-кайсацких орд и степей, Спб. 1832, ч. II. В. В. Вельяминов-Зернов, Историч. известия о Киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею со времени кончины Абуль-Хайр Хана (1748—1765), Уфа 1853 (из „Оренб. Губ. Ведомостей“). А. П. Чулошников, Очерки по истории Казак-Киргизского народа, ч. I, Оренбург 1924 (Труды Общ. изуч. Киргизского края, вып. V). В. Н. Витевский, И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г., Казань 1889—97. О посольстве к Тявке: Дополнения к актам историческим, изд. Археограф. Ком., X, 375 и след. О проекте Кера П. С. Савельев, Предположения об учреждении восточной академии в С.-Петербурге (Журн. Мин. Нар. Просв. 1856, № 2). П. Столпянский, Город Оренбург, 1908. О Енги-кала Н. Муравьев, Путешествие и т. д., II, 142. Дневник Гладышева и Муравина в Географ. Известиях, издав. Имп. Р. Геогр. Общ., 1850, стр. 519—599; план Хивы в Географ. Изв. 1849 г., 200. Отчет Рукавкина издан. Ст. В. Руссовым в Журн. Мин. Внутр. Дел XXXIV (1839), 373—385. П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, Спб. 1867. Указ 1740 г. в Полн. собр. зак. № 8236. Н. Фирсов, Инородческое население прежнего Казанского царства в новой России до 1762 г., Казань 1869. Отзыв о книге Ефремова у И. В. Мушкетова, Туркестан, Спб. 1886, стр. 73—74; изд. 1915 г., 84; там же (стр. 74 и след., в изд. 1915 г. 85 и сл.) о второй академической экспедиции, в особенности о заслугах Палласа. О посольстве Бекчурина С. В. Жуковский в Вост. Сборнике, II, 273 и сл. „Описание Хивы“ Бланкеннагеля издано Григорьевым в Вестн. И. Р. Геогр. Общ. XXII (1858), 87—116; по замечанию Григорьева записки Бланкеннагеля уже за 40 лет до того (следовательно, около 1818 г.) были напечатаны „в одном из русских журналов, кажется, Соревнователе Просвещения и Благотворения“. А. Позднеев, К истории развития буддизма в Забайкальском крае (Зап. Вост. Отд. И. Р. Арх. Общ. I, 169—188). О Залеве еще С. Ф. Ольденбург в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 356 (1904), отд. II, стр. 142. Регламент академии 1745 г.: Полн. Собр. Зак. № 9425. J. S. Pallas, Sammlung historischer Nachrichten über die mongolischen Völkerschaften, St.-P. 1776; о несторианах и алфавите II, 362. И. И. Лепехин, Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского Государства в 1767—71 гг., Спб. 1771—80. J. A. Güldenstädt, Reisen durch Russland und im Caucasischen Gebirge, St.-P. 1787—1791. Р. Данибегов, Путешествие в Индию, перев. с грузинского, Москва 1815. О Рафаилове Н. Маев, Материалы для статист. Туркест. края, IV, 90 и сл. О Ляхове и других Nordenskiöld, Die Umsegelung etc., I, 379 f.; II, 197 f. „Странствования“ Г. Шелехова изданы В. Сопиковым в Спб. 1792—93. Г. Сарычев, Путешествие по северо-восточной части Сибири и т. д., с 1785—1793 гг., Спб. 1802. Его же Путешествие фл. капитана Биллингса чрез

Чукотскую землю в 1791 г., Спб. 1811. Л. Берг, Известия о Беринговом проливе и т. д., особенно 53 и сл. О посольстве Лаксмана Д. Позднеев, Материалы по истории сев. Японии, т. II, ч. II, стр. 38—88. О Туголукове еще Труды 3-го междун. съезда ориентал., т. I, стр. 163. О работах и проектах второй половины XVIII в. Матер. для истории фак. Вост. яз., IV, 20—22; там же ссылки на источники; еще Fr. Adelung, Catherinens der Grossen Verdienste um die vergleichende Sprachenkunde, St. P. 1815. С. В. Рождественский, Очерки по истории систем нар. образов. в XVIII и XIX в., т. I, Спб. 1912, 640 и сл. К. Булич, Очерк истории языкознания в России, т. I, Спб. 1904.

ГЛАВА XVI.

В XIX в. изучение Востока сделало в России, может быть, еще более значительные успехи, чем в западной Европе. За это время совершенно изменились условия научной работы. В академии наук уже с первых лет XIX в. гуманитарным наукам, в том числе и востоковедению, было отведено более значительное место, чем прежде, хотя только в 1830 г. академии был дан новый устав, по которому к числу специальностей, представленных в академии, должны были принадлежать и восточные языки. Вопрос о соединении в одной академии гуманитарных наук с точными еще признавался спорным; даже по проекту С. С. Уварова в 1841 г. предполагалось сохранить в академии наук только точные науки и учредить рядом с ней еще две академии: академию русской словесности или словесно-русскую и академию истории и филологии. Только резолюция Николая I решила вопрос в пользу одной академии с тремя отделениями. Вопрос об организации высшего образования был разрешен первым университетским уставом 1804 г.; по этому уставу в числе кафедр историко-филологического факультета должна была быть кафедра восточных языков, под которыми тогда в России, как и на западе, понимали языки библии и мусульманских народов; но вскоре после этого предметом университетского преподавания сделались и языки Дальнего Востока. Центром университетского преподавания востоковедения сделался во время попечительства М. Н. Мусина-Пушкина (1826—1845) Казанский университет. По университетскому уставу 1835 г. во всех русских университетах, кроме преподавания мусульманских языков, должно было быть введено преподавание языков монгольского и калмыцкого; это требование устава не удалось осуществить на деле, но в Казани при Мусине-Пушкине, кроме упомянутых

языков, преподавались еще языки китайский, армянский и санскритский. Университетское преподавание востоковедения получило еще большее развитие в С.-Петербурге, где в 1854 г. был учрежден факультет восточных языков. Возникнувшие в 60-х годах проекты об учреждении университетов в Саратове, Астрахани, Тифлисе и в Крыму, причем в Тифлисе предполагалось учредить кафедру истории мусульманского Востока, тогда не получили осуществления.

Успехам изучения Востока, кроме академии наук и университетов, способствовало образование, при содействии правительства, ряда научных обществ, из которых некоторые, как имп. русское географическое общество (в С.-Петербурге) и императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии (в Москве), имели отделы в азиатских владениях России и этим способствовали организации местных научных сил.

Одним из научных вопросов, унаследованных XIX в. от предшествующего столетия, был вопрос об отношении японского архипелага к берегам Азии; с этим вопросом был связан и экономический вопрос об установлении торговых сношений с японцами, имевший особенное значение для российско-американской компании. Изучение берегов Японии было одной из главных целей первого кругосветного плавания, предпринятого из России (1803—1806). Начальником этой экспедиции был назначен капитан (впоследствии адмирал) Крузенштерн; для дипломатических переговоров с японцами в экспедиции принимал участие камергер Резанов, зять Шелехова и преемник его по должности директора российско-американской компании. Экспедиция Крузенштерна выполнила свою научную задачу и впервые выяснила расположение островов японского архипелага; но попытки вступить в сношение с японцами не имели успеха, хотя русские прибыли для этой цели в Нагасаки,— гавань, указанную самими японцами, и воспользовались свидетельством, данным Лаксману. Повидимому, на отказ японцев от сношений с русскими оказали некоторое влияние голландцы, которым было выгодно сохранить свою монополию; кроме того, Резанов не получил должной поддержки от Крузенштерна, с которым у него были личные недоразумения (подобно Екатерине II, Крузенштерн находил, что для России вопрос об установлении торговых сношений с Японией не имеет большого значения). Резанов был так раздражен упорством японцев, что приказал двум офицерам,

Хвостову и Давыдову, произвести набег на берега Японии и разграбить некоторые прибрежные селения, чем, конечно, вызвал среди японцев еще большее раздражение против русских. Поступок Резанова угрожал ему тяжкой ответственностью, которую он пытался возложить на офицеров; на обратном пути через Сибирь он умер в Красноярске. Хвостов и Давыдов, счастливо избежавшие мести японцев, впоследствии погибли в Петербурге, переправляясь ночью через Неву во время разводки мостов.

Следующая экспедиция в Японию, отправленная в 1811 г., имела еще более неудачный исход; начальник экспедиции Головнин был взят в плен японцами и только в 1813 г. освобожден своим помощником капитаном Рикордом. Как Головниным, так и Рикордом были изданы записки о своих плаваниях; записки Головнина о „приключениях в плену у японцев“, кроме того, заключают в себе некоторые сведения о стране и народе и некоторый материал для изучения японского языка.

Следующее русское кругосветное плавание, совершенное в 1826—29 гг., под начальством Литке, не коснулось берегов Японии и было посвящено только изучению берегов Маньчжурии и Камчатки и островов Берингова пролива. Только кругосветная экспедиция адмирала Путятина, отправленная в 1853 г. (плавание экспедиции, как известно, описано Гончаровым, принимавшим в ней участие), заставила японское правительство заключить торговый договор с Россией. Экспедиция достигла Нагасаки в то время, когда японское правительство было вынуждено отказаться от своей прежней политики и заключить договоры с американскими Соединенными Штатами и несколькими европейскими государствами; такой же договор, хотя и не без затруднений, удалось заключить адм. Путятину (в январе 1855 г.).

Российско-американской компании не пришлось извлечь выгод из этого договора; в 1865 г. действия компании прекратились, в 1867 г. Россия продала свои американские владения Соединенным Штатам. Вообще сношения с Японией не имели тех результатов, которых можно было ожидать при географической близости японских островов к России, особенно после присоединения к России Амура и Уссурийского края. Несмотря на то, что Россия имела в Японии своих дипломатических представителей и консулов наравне с другими государствами, несмотря на то, что в некоторых пунктах, как в Хакодате,

только одна Россия учредила консульство, число русских трудов о Японии и японцах, об их языке, литературе и истории остается крайне незначительным; в этом отношении русская научная литература не могла бы выдержать никакого сравнения с английской. Важность изучения японского языка так мало сознавалась русским правительством, что ходатайство факультета восточных языков об учреждении кафедры японской словесности, впервые возбужденное в 1871 г., было удовлетворено только в 1898 г., после целого ряда отказов. Фактически японский язык преподавался во Владивостоке раньше, чем в Петербурге. Одним из владивостокских японологов, В. Н. Мендриным, был предпринят перевод с комментариями обширного японского сочинения по истории сёгуната — труд, который, по отзыву специалиста, если бы был доведен до конца, „составил бы эпоху развития европейского японоведения". В настоящее время преподавание японского языка и изучение японской истории организовано в Ленинграде и в Москве; из специальных научных задач О. О. Розенбергом, к сожалению, рано умершим, было поставлено на очередь изучение японского буддизма.

Кроме морских экспедиций к берегам Сибири, мы в XIX в. видим довольно значительное число путешествий с научною целью из европейской России в Сибирь сухим путем. Экспедиции первой половины XIX в. большею частью были снаряжены академией наук или при ее участии; так в 1850 г. астроном Фус, сопровождавший русскую миссию в Пекин, на пути до Кяхты определил ряд астрономических пунктов в Сибири. Академией же была снаряжена большая экспедиция для исследования крайнего севера и востока Сибири, во главе которой стоял профессор Киевского университета Миддендорф, впоследствии академик.

По своим научным результатам экспедиция Миддендорфа (1842 — 45) до сих пор занимает первое место среди ученых путешествий в Сибирь, совершенных в XIX в. Помимо изучения края в естественно-историческом отношении, Миддендорфом было обращено внимание и на изучение ее населения; не будучи лингвистом по специальности, он собрал значительный материал для изучения языка и народной словесности якутов и тунгусов. Материалом Миддендофа воспользовался для своего труда о якутском языке академик Бетлингк (1851); но значительная часть этого материала и до сих пор остается неиспользованной.

Результаты путешествия Миддендорфа оказали влияние и на политические действия русского правительства. Миддендорфом снова было обращено внимание на важность присоединения к России Амурского края и на отсутствие каких-либо фактических доказательств, что край входит в состав Китайской империи. Вопрос о возвращении России Амура был поднят русским правительством еще в первые годы XIX в.; такова была одна из целей отправления в Китай, во главе русского посольства, графа Головкина (1805), но посольство в этом отношении, как и во всех других, потерпело полную неудачу. Столь же неудачны были последующие попытки. В 1832 г. полковник Ладыженский совершил плавание по Амуру до Албазина и составил проект военного занятия Амурского края; этот проект был в руках у Миддендорфа. После экспедиции Миддендорфа сделалось ясным, что край мог быть занят русскими без всякого столкновения с Китаем, так как в нем не было ни китайских гарнизонов, ни органов китайского управления. Таким путем и было совершено присоединение Амура. В 1849 г. в Татарский пролив и оттуда в устье Амура вошел русский корабль под начальством Невельского (впоследствии адмирала); встретив там только дикарей-гиляков, оказавших русским полное содействие, Невельский решился водрузить здесь русский флаг. Невельский действовал таким образом без каких-либо оффициальных полномочий; но когда в Петербурге был поднят вопрос о последствиях этого поступка, император Николай объявил, что там, где раз был поднят русский флаг, он уже не может быть спущен. В 1851 г. на низовьях Амура были основаны военные посты Николаевский и Мариинский; в 1854 г. генерал-губернатор восточной Сибири Муравьев (впоследствии граф) воспользовался пребыванием у берегов восточной Сибири экскадры адмирала Путятятина, чтобы совершить плавание по Амуру от Шилкинского завода до Мариинска и этим фактически присоединить весь край к России, хотя только в 1858 г. этот факт был подтвержден заключением договора с Китаем (Айгунского трактата). Тотчас после фактического присоединения края, еще до юридического разрешения вопроса, академия наук командировала туда для научных исследований своего члена Шренка (1854 — 56).

Граница между Россией и Китаем со стороны Маньчжурии окончательно была определена Пекинским договором 1860 г. Кроме левого берега Амура, к России отошел и так назы-

ваемый Уссурийский край, область между рекой Уссури, правым притоком Амура, и берегом океана. Вместе с этим краем Россия приобрела одну из лучших гаваней на берегу Великого океана, где в 1860 г. был основан Владивосток (объявлен городом в 1880 г.); кроме того, в этот край намеревались направить переселенческое движение из европейской России. После первых неудачных опытов колонизации генерал-губернатором Восточной Сибири была снаряжена экспедиция для подробного изучения края (1867—69), причем эта задача была возложена на Пржевальского, впоследствии прославившегося своими путешествиями в западный Китай. Результатом этой экспедиции было превосходное описание Уссурийского края.

Из путешествий в Сибирь, предпринимавшихся для лингвистических исследований, наиболее замечательно путешествие финляндского ученого Кастрена (1845—49). Предметом его особого внимания были наречия остяков и других финских народностей Сибири; кроме чисто-научных интересов, им руководила естественная симпатия к менее счастливым соплеменникам своего народа. В то же время, однако, его лингвистические занятия имели в виду и более широкие задачи. Кастрену принадлежит теория (еще и теперь не вполне оставленная) об „урало-алтайской“ семье языков, разделяющейся на пять групп: самоедскую, финскую, турецкую, монгольскую и тунгусскую. Кастрен в этом случае отчасти шел по стопам немецкого ученого, Вильгельма Шотта, еще в 1836 г. старавшегося доказать родство между собой маньчжуров, монголов, турок, финнов и „гипербореев“, т.-е. народов крайнего севера. Кроме материала по финским наречиям, Кастреном был собран также материал для изучения самоедов и турецких народностей Сибири; помимо чисто-лингвистического материала, он записывал также произведения народной словесности, напр. эпические сказания так называемых минусинских татар. Наконец, им был выяснен характер наречия небольшого народа, известного под именем „енисейских остяков“; оказалось, что этот народ говорит на совершенно особом языке, не находящемся ни в каком родстве с урало-алтайскими наречиями. Впоследствии о енисейских остяках появился ряд работ В. И. Анучина.

Кастрен производил свои исследования независимо от русских ученых учреждений; но издание привезенных им материалов составляет заслугу академии наук, возложившей эту задачу на одного из своих членов, Шифнера. И впоследствии,

когда ученые экспедиции большою частью снаряжались не академией, а географическим обществом, академия часто брала на себя издание добытого этими экспедициями лингвистического материала. Для изучения финских наречий работы русских исследователей не имели большого значения; этой отраслью языкознания в России вне Финляндии занимались мало (е ть несколько трудов на русском языке о наречиях приуральских финских народностей). Даже учреждение кафедры финских наречий при Казанском университете мало отразилось на успехах науки, и кафедра часто оставалась вакантной. Финляндские ученые по примеру Кастрена считали изучение финского племени своим национальным долгом, причем распространяли свои исследования и на другие группы урало-алтайской семьи. В том же направлении работали ориенталисты, принадлежавшие к другому культурному финскому народу, венгерскому. Венгерскими учеными для этой цели был предпринят ряд исследований в пределах России, при содействии русской академии наук; к числу таких исследователей принадлежал уже один из современников Кастрена, Регули.

Особое место среди русских трудов по изучению Сибири занимает труд П. А. Чихачева о восточном Алтае (1845). Чихачев был командирован в 1842 г. горным ведомством для исследования минеральных богатств Алтая; результатом его путешествия был труд на французском языке, во многом дополнявший и исправлявший вышедший двумя годами раньше, на том же языке, труд Гумбольдта о Средней Азии. Книга Чихачева об Алтае, как и вся деятельность этого ученого, гораздо теснее связана с западно-европейской, чем с русской научной литературой; последующие труды Чихачева, к которым нам еще придется вернуться, были изданы тоже на французском языке; по завещанию (он умер в 1890г.) он оставил значительный капитал (100,000 фр.) французской академии наук. Изучению языка и быта жителей Алтая больше всего способствовали работы В. В. Радлова, после которых, отчасти под его влиянием, появился ряд других. Изучение Алтая сделало такие успехи, что в 1912 г. об этой стране мог появиться путеводитель, в состав которого входит и этнографический очерк.

В деятельности основанного в 1845 г. русского географического общества работы по изучению Сибири занимают одно из главных мест. Еще в 50-х годах обществом была организована экспедиция в Сибирь под руководством астронома

Шварца; экспедиция произвела ряд астрономических наблюдений и собрала значительный материал для изучения орографии и гидрографии как самой Сибири, так и некоторых местностей Монголии (по верхнему Енисею). После этого по поручению общества был произведен целый ряд исследований на всем пространстве Сибири, от Урала до Камчатки и до Берингова пролива, со включением островов Северного океана, причем эти исследования, кроме различных отраслей географической науки в тесном смысле, касались также изучения края в этнографическом, лингвистическом и экономическом отношениях. В 1851 г. был открыт в Иркутске сибирский отдел общества; впоследствии вместо него были учреждены несколько других, для изучения отдельных частей страны: отдел Западной Сибири, с под-отделами алтайским (в Барнауле) и семипалатинским, отдел Восточной Сибири, с Красноярским под-отделом, отдел Приамурский в Хабаровске с отделением во Владивостоке, носящим название „Общества изучения Амурского края“; кроме того, при этом же отделе находился Читинский под-отдел с Троицкосавско-Кяхтинским отделением; позднее был учрежден Якутский отдел. Образование отделов, получающих от центрального общества поддержку в финансовом отношении и посылающих ему отчеты о своей деятельности, способствовало организации местных научных сил, выяснению научных задач, которые могли быть ими выполнены, и созданию необходимых условий для плодотворной научной работы, в том числе учреждению местных библиотек и музеев. Среди последних особенно выдается музей, основанный в 1877 г. Н. М. Мартьяновым в городе Минусинске, уезд которого из всех местностей Сибири представляет, может быть, наибольший интерес в археологическом отношении. К сожалению, в Сибири, как и в других частях Российской империи, кроме столиц и немногих университетских городов, было слишком мало культурных сил, чтобы устроить на прочных основаниях жизнь местных ученых обществ и в особенности жизнь местных библиотек и музеев. Отделы географического общества иногда в течение нескольких лет не присылали в Петербург отчетов и ничем не проявляли своего существования; музеи приходили в упадок тотчас после смерти или отъезда своих основателей; не находилось лиц, которые могли бы позаботиться о сохранности существующих колекций, не говоря уже о дальнейшем обогащении музея. Значительная часть местных научных деятелей вышла из среды невольных жителей края—политических ссыль-

ных, трудом которых в широкой степени воспользовались академия наук, географическое общество и его отделы. Академией наук приемущественно издавались тексты и вообще лингвистические материалы, обнимающие большое число народов до крайнего северо-востока Азии („Материалы по изучению чукотского языка“ В. Г. Богораза) и до бассейна Амура („Материалы по изучению гиляцкого языка“ Л. Я. Штернберга); но значительная часть материалов, доставленных в академию, остается не изданной. Не окончено до сих пор печатание едва ли не самого монументального из этих лингвистических трудов—„Словаря якутского языка“ Э. К. Пекарского, составлявшегося 25 лет (1882—1907) и печатающегося с 1907 г. Высшие учебные заведения в Сибири — университет в Томске и восточный институт во Владивостоке—возникли только в конце XIX в.; кроме того, деятельность восточного института, по характеру возложенных на него задач, была направлена почти исключительно на изучение областей, входящих в состав китайских и японских владений.

Условия изучения Сибири существенно изменились после революции; возник новый университет в Иркутске, преобразован в университет бывший институт во Владивостоке. Возникло несколько национальных республик, из которых едва ли не самую оживленную культурную деятельность проявляет Якутская; по инициативе Якутского правительства, возбужден вопрос о всестороннем исследовании Якутской республики большой академической экспедицией. Национальные стремления, как всегда, соединяются с любовью к родной старине, так что образование национальных республик и автономных областей, вероятно, будет способствовать успехам исторической науки. В настоящее время представление даже самых образованных туземцев о прошлом своих областей крайне смутно; этим объясняется, напр., принятие минусинскими турками народного названия хакас (в действительности это неправильное произношение китайских иероглифов, которыми обозначалось название некогда живших на верхнем Енисее киргиз) и жителями Восточного Туркестана народного названия уйгур (в действительности язык современного населения этой страны не имеет ничего общего с наречием средневековых уйгуров, остатки которых сохранились в западном Китае, к югу от дороги между городами Су-чжоу и Гань-чжоу).

Об организации востоковедения Н. Веселовский, Сведения об оффициальном преподавании восточных языков в России (Труды 3-го междун. съезда ориентал., т. I, стр. 99—256 и 605—606). Материалы для истории фак. вост. яз., т. I, II и IV, Спб. 1905—1909. Проект Уварова у Барсукова, Жизнь Погодина, VI, 242 и сл.; там же (XVII, 329, 351, 368 и сл., 383) о проектах 60-х годов. П. П. Семенов, История полувековой деятельности Имп. Р. Геогр. Общ. 1845—1895 гг., Спб. 1896. Об экспедиции Крузенштерна и Резанова Д. Позднеев, Материалы по истории сев. Японии, т. II, ч. II, стр. 90—236. И. Крузенштерн, Путешествие вокруг света в 1803—1806 гг., Спб. 1809—1812. В. М. Головнин, Записки о приключениях в плену у японцев, Спб. 1816. П. Рикорд, Записки о плавании к японским берегам, Спб. 1816. О трудах В. М. Мендрина Н. И. Конрад, Япония, 164. О. О. Розенберг, О миросозерцании современного буддизма на Дальнем Востоке, Петерб. 1919 (в действительности говорится только о японском буддизме). A. v. Middendorff, Reise in den äussersten Norden und Osten Sibiriens, St.-P. 1848—75 (о русском переводе см. выше). Эд. Пекарский, Миддендорф и его якутские тексты (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XVIII, 044—060). О полк. Ладыженском Миддендорф, Путешествие, I, 164 и сл. L. Schrenck, Reisen und Forschungen im Amur-Gebiet, St.-P. 1858—1895 (часть вышла и в русском переводе). Н. М. Пржевальский, Путешествие в Уссурийском крае, Спб. 1870. Заглавия русских трудов об уральских финнах см. в Энциклоп. слов. Брокгауза и Эфрона под словами „Зыряне“ и „Пермяки“. М. А. Castrén, Nordische Reisen, St.-P. 1853—56. О Кастрене и Шотте Изв. Геогр. Общ. LIV, 167. Орган финской этнографии—Finnisch-Ugriche Forschungen; т. XV вышел в 1915 г.; ср. Анналы, IV, 2 и сл. В. И. Анучин, Предварительный отчет о поездке к Енисейским остякам (Изв. Русск. Ком. для изуч. Средней и Вост. Азии, VI, 38—50). Он же, Очерк шаманства у енисейских остяков (Сборн. Музея Антроп. и Этнографии, II, 2, 1914). О Регули и его деятельности в России см. автобиографию (Nachrichten über Leben und Schriften) K. E. v. Baer, St.-P. 1865, S. 651—658. P. Tchihatcheff, Voyage scientifique dans l'Altaï Oriental, St-P. 1845. В. В. Сапожников, Пути по Русскому Алтаю, Томск 1912; о населении очерк Потанина. По вопросу о музеях ср. состояние Семипалатинского областного музея при приеме его Семипалатинским подъотделом И. Р. Геогр. Общества: обнаружилось, что „в сущности никакого музея нет, а есть остатки некогда бывшего музея“ (Отчет о деятельности Семипал. Подъотдела Зап.-Сиб. Отдела Имп. Р. Геогр. Общ. за 1902 г., стр. 27). Двадцатипятилетие Красноярского Городского Музея (1889—1914), Красноярск 1915. Перечень трудов о Сибири: В. И. Межов, Сибирская библиография, изд. И. М. Сибиряков, Спб. 1891—2. Перечень академических изданий до 1918 г. в „Каталоге изданий Академии Наук“ и „Прибавлении“ к нему. О „Якутии“ А. Н. Самойлович в „Востоке“, IV, 185 и сл.

ГЛАВА XVII.

С изучением Сибири было тесно связано изучение Средней Азии, особенно киргизских степей. Иртышская линия, наравне с Оренбургской, была исходным пунктом целого ряда посольств, научных экспедиций и военных походов для исследования степей и для подчинения их русской власти. В „Сибирском Вестнике“ Спасского, издававшемся в 1818—1824 гг., были обнародованы некоторые сведения о прежних путешествиях в эти страны.

В первой половине XIX в. внимание правительства было обращено преимущественно на западную часть степей; действиями оренбургских властей постепенно было достигнуто большее подчинение киргизов русской власти, чем прежде. Ханская власть постепенно была уничтожена, и в 1822 г. было выработано новое положение об управлении киргизами. После уничтожения ханской власти правительство стремилось к уничтожению привилегий так называемой „белой кости“ или султанов и к слиянию их с народной массой. При этом киргизскому народу было даровано некоторое самоуправление, но выборы должны были происходить исключительно по территориальным единицам, независимо от родовых делений, к которым привык народ. При организации управления киргизами было решено не признавать родовых делений и заменить их территориальными, чтобы тем самым содействовать разложению родового строя; таков был основной принцип русской политики по отношению к киргизам, впоследствии также по отношению к другим кочевникам, принявшим русское подданство; но искусственные территориальные деления совершенно не соответствовали условиям действительной жизни; народу при таких условиях было трудно сознательно осуществлять свои права, и открывался широкий простор выборным интригам.

Подчинение киргизов русской власти было необходимым условием для движения через степи русских караванов и научных экспедиций. Караван Гавердовского, отправленный в 1803 г. в Бухару, еще должен был вернуться обратно, не достигнув цели; результатом его было только описание части степей. В 1825 г. состоялась большая экспедиция, под начальством полковника Берга, для исследования возвышенности Усть-Урт, между Аральским и Каспийским морями. Сопровождавший экспедицию военный отряд был так многочислен, что хивинцы смотрели на эту экспедицию, как на военный поход против Хивы. Действительный поход, предпринятый из Оренбурга зимой 1839 — 40 гг. Перовским, окончился неудачно; отряд вследствие глубоких снегов должен был вернуться обратно с большими потерями. В 1842 — 46 гг. степи были подробно исследованы в топографическом отношении (с определением астрономических пунктов) Леммом. Результатом всех предшествующих исследований была книга Левшина „Описание Киргиз-Кайсацких орд и степей“ (1832 г., 3 части) и небольшой труд Ягмина „Киргиз-Кайсацкие степи и их жители“ (1845).

До 1840-х годов сохранял свое значение ряд укреплений, которым Россия защищала себя от степи, разделенный на четыре линии: Уральскую, Оренбургскую, Ишимскую и Иртышскую. Укрепления начинались от Гурьева, недалеко от места впадения Урала (Яика) в Каспийское море, шли на север до Уральска, оттуда на восток до Орска, от Орска на север до Петропавловской, оттуда на восток до Омска, от Омска на юго-восток вверх по Иртышу до Бухтарминской. В 1835 г. от Орска была поведена новая, передовая линия на северо-восток, к нижнему течению Уи; в 1836 г. вдоль этой линии начали вести непрерывный вал со рвом, но потом это намерение было оставлено.

Только в 1847 г. была осуществлена задача, намеченная еще в 1734 г. Кирилловым — построить укрепление на низовьях Сыр-Дарьи и в связи с этим „на Аральском море российский флаг объявить". В этом году на Сыр-Дарье было построено *Раимское укрепление*, в 1851 г. переименованное в Аральское, в 1855 г. упраздненное, в 60 верстах от моря; туда же были доставлены из Оренбурга в разобранном виде суда „Николай" и „Константин". В связи с этим капитан Бутаков и прапорщик Поспелов произвели первое подробное исследование Аральского моря (1848 — 50), благодаря которому не только русская, но и западно-европейская наука получила первые достоверные и подробные сведения об этом бассейне. К 40-м годам относятся также работы Иванина по описанию Каспийского моря; продолжателями его были Ивашинцев (1856) и Пущин (1874). Благодаря всем этим работам, Каспийское море из всех русских морей теперь считается наиболее подробно исследованным. На Аральском море была оборудована флотилия, местом стоянки которой был форт № 1 на Сыр-Дарье, построенный в 1853 г. и в 1867 г. переименованный в уездный город Казалинск. Туда же был переведен в 1855 г. гарнизон из упраздненного Аральского укрепления. Флотилия была упразднена в 1883 г.

В том же году (1847), когда Оренбургская линия, вследствие основания укрепления на Сыр-Дарье, утратила свое прежнее значение пограничной черты, Иртышская линия также была выдвинута вперед от Семипалатинска на юг основанием станиц Сергиопольской и Копальской (впоследствии города Сергиополь и Копал) в нынешней Семиреченской (Джетысуйской) области, в бассейне озера Балхаша. При образовании новых линий и устройстве казачьих станиц нередко грубо нарушались

*

земельные права туземного населения. В связи с движением русских отрядов с Иртыша в Семиречье находились попытки заключить договор с китайскими властями в Кульдже относительно пограничной торговли. Еще в 1811 г. с этою целью был отправлен на реку Или из Семипалатинска переводчик Путимцев; в 1851 г. в Кульджу ездили Ковалевский и инженер Влангали, при чем на этот раз результатом переговоров было заключение Кульджинского трактата, которым был разрешен вопрос о пограничных торговых сношениях между русскими и китайцами в этой местности; для русской торговли были открыты города Кульджа и Чугучак.

За основанием первого русского укрепления на Сыр-Дарье последовали военные действия против Кокандского ханства. Средне-азиатские ханства в XIX в. уже не находились больше в том состоянии, которым был вызван проект Кириллова о „подобрании бухарских и самаркандских рассыпанных провинций". В Бухаре и Хиве возникли новые династии, которым вновь удалось установить здесь более прочную государственную власть; в то же время на крайнем востоке узбецких владений, в Ферганской долине, местные узбецкие князья (беки) приняли ханский титул и положили начало новому ханству, столицей которого сделался город Коканд. Первым из кокандских беков, принявшим ханский титул, был Алим-хан, которому удалось, кроме Ферганской долины, подчинить своей власти Ташкент; при его преемнике Омар-хане (умер в 1822 г.) был присоединен город Туркестан и почти все течение Сыр-Дарьи до Аральского моря; при Мадали-хане (1822 — 1843) кокандцами был основан ряд поселков и укреплений вдоль северного склона Александровского хребта, между реками Талас и Чу; начальниками этих крепостей взимались подати также с кочевого населения соседних степей, кара-киргизов и киргиз-кайсаков. Таким образом, русские при дальнейшем движении как на Сыр-Дарье, так и в Семиречье должны были прийти в столкновение с кокандцами. Примирить русские и кокандские притязания на киргизские степи было невозможно; русское правительство должно было сделать выбор между двумя решениями: или совершенно отказаться от власти над степями, или вытеснить оттуда кокандцев. Присоединение к России культурных областей бассейна Аральского моря первоначально не имелось в виду. Еще в ноте, посланной в 1864 г. всем великим державам, министр князь Горчаков говорил только об установлении прочной и безопасной государственной границы, как о

единственной цели военных действий; для этой цели признавалось необходимым подчинить России кочевников, с которыми не могло быть никакого прочного соглашения, и расширить пределы русских владений до ближайших культурных государств, с которыми казалось возможным установить добрососедские отношения. В действительности результат событий был иной, что объясняется отчасти личным честолюбием некоторых русских генералов, действовавших вопреки полученным ими инструкциям, отчасти происходившими в Кокандском ханстве политическими раздорами, при которых присоединение края к России казалось единственным возможным исходом. Раздоры, как и в других ханствах, были вызваны борьбой между престолом и узбецкой аристократией, на стороне которой было также духовенство. Против аристократии ханы пользовались частью народными массами, частью вооруженными отрядами из других кочевников и из горцев; при таких условиях борьба между враждебными друг другу элементами населения иногда принимала, особенно в Кокандском ханстве, такой характер, что сами ханы были только подставными лицами в руках предводителей враждующих партий. Помимо внутренних раздоров, Кокандское ханство подвергалось нашествиям со стороны войск бухарского эмира, пользовавшегося этими междуусобиями для своих целей. Кроме политических смут, облегчавших действия русских войск, на стороне последних были, конечно, все преимущества военной дисциплины и лучшего вооружения. Ни в открытом поле, ни за своими глинобитными стенами средне-азиатцы не могли оказать русским сколько-нибудь серьезного сопротивления; даже малочисленные отряды могли одерживать верх над большими скопищами с ничтожными потерями для себя.

Наиболее дорого обошелся русским первый успех — взятие крепости Ак-Мечеть на Сыр-Дарье (1853 г.). К этой крепости, которая, по утверждению русских, была выстроена кокандцами на русской земле, русские войска, под начальством Бларамберга, безуспешно приступали еще в 1852 г.; только в 1853 г. крепость была взята Перовским и по его имени получила новое название (форт Перовский, ныне город Перовск). Еще не зная своего врага, русские подвергли крепость правильной осаде и вследствие этого понесли сравнительно большие потери; впоследствии, когда вошло в обыкновение после первой бреши итти на приступ, взятие крепостей обходилось гораздо дешевле.

Одновременно с взятием Ак-Мечети, русские войска в Семиречье перешли через реку Или; в 1854 г. было осно-

вано укрепление Верное (впоследствии город Верный, после революции неудачно переименованный в Алма-ата; действительное туземное название — Алматы). Этими действиями был определен дальнейший ход завоеваний. Было признано необходимым, вместо прежних линий Оренбургской и Иртышской, образовать сплошную линию укреплений к югу от степей, от Сыр-Дарьи до Или, для чего было необходимо соединение оренбургского отряда с сибирским. В 1860 г. началось движение с обеих сторон; в Семиречье кокандцы были разбиты при Узун-агаче; еще раньше пали кокандские укрепления в долине реки Чу; на Сыр-Дарье после нескольких небольших укреплений начальником оренбургского отряда Веревкиным в 1864 г. был взят город Туркестан; в то же время Черняев, начальник сибирского отряда, взял Аулие-ата; оба отряда сошлись у города Чимкента (впоследствии переименованного в Черняев), который был взят в том же году, после чего Черняев сделался начальником всех военных сил, действовавших в Средней Азии.

Взятием Чимкента была достигнута цель, указанная в циркуляре князя Горчакова, но русские войска на этом не остановились. Черняев еще в том же году сделал неудачную попытку овладеть большим городом Ташкентом, которую в следующем году возобновил с полным успехом. В 1866 г. война с Кокандским ханством считалась оконченной, хотя в это время русские овладели городом Ходжентом, входившим в состав этого ханства. Кокандский хан сохранил из всех своих владений только Ферганскую долину; фактически он и этой областью продолжал править только в качестве русского вассала, хотя даже в договоре 1868 г. о зависимости ханства от России не упоминалось.

В том же 1866 г. Черняева сменил Романовский. Еще до его назначения начались военные действия против Бухарского ханства. Во время войны с Кокандом Черняев старался извлечь выгоду из враждебных отношений между кокандским ханом и бухарским эмиром и предложил эмиру занять южную часть ханства в то время, как русские займут северную. Эмир, которому незадолго перед тем удалось на короткое время овладеть Кокандом, считал своею собственностью все ханство; даже в Ташкенте в то время, когда происходило нападение русских, начальствовал бухарский бек. После взятия Ташкента русские владения непосредственно соприкасались со владениями эмира, которому принадлежал город Джизак; было необходимо

разрешить вопрос о границе и о торговых сношениях между обоими государствами; но вследствие притязаний эмира эти вопросы не могли быть разрешены без вооруженной борьбы. Вопрос о том, какие города относятся к Бухарскому и какие к Кокандскому ханству, был неясен для самих русских; этим объясняется, что разрыв с эмиром прежде всего вызвал взятие русскими Ходжента, принадлежавшего кокандскому хану, с которым незадолго перед тем были восстановлены мирные отношения, хотя окончательное заключение мирного договора последовало только в 1868 г. В 1866 г. Романовскому, однако, удалось разбить бухарские войска и взять принадлежавшие эмиру города Джизак и Ура-тюбе.

В 1867 г. из завоеванных средне-азиатских областей было образовано особое генерал-губернаторство, одинаково независимое от Оренбурга и от Сибири, с главным городом Ташкентом. Первым генерал-губернатором был назначен К. П. фон-Кауфман, управлявший краем номинально в течение 15 лет (1867—1882; фактически 13 л. 5 мес., так как с марта 1881, когда его поразил удар, он не приходил в сознание). Прежде всего ему предстояло окончить войну с Бухарой, что и было достигнуто в 1868 г.; эмир должен был заплатить контрибуцию и уступить России часть своих владений по верхнему течению Заряфшана с городом Самаркандом. После 1868 г. границы России со стороны Бухары не подвергались изменениям. Часть местности, уступленной эмиром, пришлось занять с оружием в руках, именно горную область в верховьях Заряфшана, где население фактически было совершенно независимо от Бухары; русские войска действовали и против некоторых других беков, не признававших власти эмира, но завоеванные ими города были присоединены к бухарским владениям. Та же судьба постигла впоследствии области в верховьях Аму-Дарьи (Дарваз, Рошан и Шугнан), отторгнутые от Авганистана по памирскому разграничению, состоявшемуся в 1895 г. после переговоров между Россией и Англией. Отношение ханства к России было определено „договором о дружбе“ 1873 г. Учреждением в Бухаре русского политического агентства (в 1886 г.) зависимость ханства от России получила более определенное выражение, но за то эмир сделался более независимым по отношению к Туркестанскому генерал-губернатору; между политическим агентством в Бухаре и управлением генерал-губернатора в Ташкенте происходили постоянные ведомственные трения. В большей степени господство России

над ханством было обеспечено проведением железной дороги через пределы ханства, устройством (с 1894 г.) русской таможенной линии на Аму-Дарье вдоль его южной границы (с Авганистаном), основанием в некоторых местах этой линии (переправа Керки, развалины города Термеза, пост в Шугнане) укреплений с русскими гарнизонами и устройством пароходного сообщения вверх по реке до Термеза. Несмотря, однако, на русский протекторат, бухарская государственность сохраняла свой средневековой характер; ни для устранения произвола эмира и чиновников, ни для установления правильного государственного бюджета ничего сделано не было; сверх того русские власти не отказывались, за немногими исключениями, от щедрот эмира. Как было написано мною еще в 1912 г., нельзя отрицать, что русская политика могла иметь только неблагоприятные последствия как для благосостояния народа, так и для престижа России в Средней Азии.

Революцией 1920 г. была создана Бухарская советская республика. Вместе со всем Туркестаном, Бухаре пришлось пережить период крайнего разорения, от которого она теперь начинает медленно оправляться.

Одновременно с военными действиями против ханств происходило занятие русскими восточного берега Каспийского моря, отделенного от ханств степным пространством. В эту местность русские отряды посылались частью из Астрахани, частью из Кавказа; после утверждения здесь русской власти Закаспийская область долго оставалась под управлением кавказских властей и только впоследствии была соединена в административном отношении с Туркестанским краем.

Еще в 1839 г. было основано на берегу Мангышлакского полуострова Ново-Петровское укрепление, переименованное в 1859 г. в форт Александровский; в 1869 г. основанием Красноводска был выполнен план Петра Великого — построить укрепление на берегу Балханского залива, около старого устья Аму-Дарьи. Жившие здесь туркмены фактически были совершенно независимы как от хивинского, так и от персидского правительства; тем не менее правительство персидского шаха считало основание Красноводска нарушением своих прав.

Благодаря этим событиям, генерал-губернатор Кауфман с бо́льшим успехом, чем в 1839 г. Перовский, мог предпринять движение против Хивинского ханства, владетель которого по-прежнему отказывался освободить русских пленных и продолжал посылать отряды в киргизские степи, в местности, сви-

тавшиеся присоединенными к России. Хивинцы утверждали, что границу между ханством и Россией составляет река Сыр-Дарья; русские считали своими владениями как правый так и левый берег реки. Еще труднее было бы определить границу в местности между Аральским и Каспийским морями.

В 1873 г. против Хивинского ханства были отправлены русские отряды с четырех сторон: из Оренбурга (под начальством Веревкина), из Ташкента (во главе этого отряда находился сам Кауфман), из Мангышлака и из Красноводска. Из этих отрядов три первых (четвертый не мог преодолеть трудностей похода через песчаные степи и был вынужден вернуться обратно) достигли цели и после ничтожного сопротивления заняли ханство. При заключении мира хивинский хан должен был признать свою зависимость от России в более категорической форме, чем ханы бухарский и кокандский; по первому пункту договора хан признал себя „покорным слугою императора всероссийского". Часть ханства к востоку от Аму-Дарьи была непосредственно присоединена к русским владениям; здесь был основан город Петро-Александровск (ныне Турткуль), где были сосредоточены сношения между ханством и русскими властями, без учреждения агентства в самой Хиве.

Таким образом, ханства Бухарское и Хивинское сохранили свое существование, хотя и были приведены в полную зависимость от России. В Кокандском ханстве в 1875 г. снова произошли смуты, связанные с восстанием против русских; после усмирения восстания и занятия городов ханства русскими войсками существованию ханства в 1876 г. был положен конец, и в Ферганской области было введено русское управление.

С присоединением Семиречья Россия приобрела край, на который в XVIII в. изъявляло притязание китайское правительство. Для обеспечения новых приобретений было необходимо заключить договор с Китаем и определить границу между Россией и Китайской империей, что́ и было достигнуто Чугучакским договором 1864 г. Около того же времени в Илийском крае, как и в Восточном Туркестане, произошло кровопролитное восстание мусульманского населения против китайцев; господство китайцев было уничтожено, и возникли новые мусульманские государства. Одно из них, Кульджинское султанство, в 1871 г. вследствие пограничных недоразумений было занято русскими войсками, причем русское правительство объявило, что не оспаривает прав китайского правительства на эту область и вернет ее Китаю, как только последний будет в со-

стоянии поддерживать здесь порядок. Кульджинский край оставался под русским управлением до 1882 г.; в это время китайцам удалось покончить с мусульманским восстанием в Восточном Туркестане; китайские войска подошли к границам занятой русскими области, и китайское правительство требовало выполнения обещания, данного в 1871 г. После некоторых колебаний был заключен С.-Петербургский трактат (в 1881 году), по которому Кульджа была возвращена Китаю и вновь была установлена граница между обоими государствами, причем к России отошла только небольшая часть бывшего Кульджинского султанства; возвращение Китаю остальной части края состоялось в 1882 г.

После завоевания кокандских крепостей в Семиречье и по Сыр-Дарье изучение русскими киргизских степей уже не встречало препятствий. Уже в 1865 г. был издан обширный статистический труд Мейера „Киргизская степь Оренбургского Ведомства"; к концу 60-х годов относится также путешествие тюрколога Вас. Вас. Радлова, впоследствии академика, которым был собран обширный материал по народной литературе киргиз-кайсаков, кара-киргизов и других турецких народов, представленный через академика Шифнера академии наук и изданный ею в подлиннике и немецком переводе. На этом материале и на лингвистических исследованиях В. В. Радлова основаны почти все дальнейшие успехи тюркологии, как науки; в то же время отчет о путешествии Радлова, также напечатанный на немецком языке, значительно обогатил наши сведения по этнографии средне-азиатских турок. Из всех народов турецкого происхождения особенное внимание исследователей обращали на себя, по своей многочисленности и по обширности занимаемой ими территории, киргиз-кайсаки; об этом народе на русском языке существует обширная литература, рассеяная по различным периодическим изданиям. Оренбург, после образования генерал-губернаторств Туркестанского и Степного (учрежденного в 1882 г.), утратил свое прежнее административное значение, но благодаря деятельности Оренбургской ученой архивной комиссии и издававшимся ею „Трудам" в нем отчасти и потом сосредоточивались работы по изучению киргизских степей, в особенности их прошлого, о котором в оренбургском архиве хранится, повидимому, еще много неизданного материала. Такое же значение имеют издающиеся теперь в Оренбурге, как в центре Киргизской Советской республики, „Труды Общества Изучения Киргизского Края".

Кроме вопросов этнографических и лингвистических русскими исследователями был разрешен также один из вопросов физической географии Средней Азии, который до тех пор был для западно-европейских ученых только предметом догадок и предположений, именно вопрос о характере средне-азиатских горных систем, в особенности главной из них, известной под китайским названием Тянь-шань („Небесные горы“). Благодаря целому ряду астрономических, геологических, топографических и друг. работ характер хребтов Тянь-шаня был вполне выяснен, причем была доказана несостоятельность гипотезы Гумбольдта о вулканическом характере этой системы. Исследование Тянь-шаня признается одной из важнейших заслуг русской науки в деле изучения земного шара. Представители русской науки, особенно деятели географического общества, придавали этой задаче такое значение, что экспедиции с этой целью предпринимались, с опасностью для жизни исследователей, тотчас после первых успехов русского оружия, задолго до окончательного замирения края. Уже в 1856—7 гг. П. П. Семенов первый через Семиречье достиг Тянь-шаня. В 1859 г. капитан Голубев совершил путешествие вокруг озера Иссык-куль. В 1861 г. артиллерийским офицером Венюковым было составлено описание новых приобретений России, под заглавием „Очерки Заилийского края“. Изучению Тянь-шаня и Памирской возвышенности, где ныне сходятся границы владений русских, китайских и англо-индийских, более всего способствовали труды Северцова; главные его путешествия относятся к 1864—67 г., но его первые экскурсии были совершены гораздо раньше; еще в 1858 г. он во время одной из таких экскурсий был взят в плен кокандцами и пробыл в плену около месяца.

После образования Туркестанского генерал-губернаторства путешествие для исследования Тянь-шаня совершил в 1869 г. барон Каульбарс. В том же году начались исследования Федченко. После изучения верховьев Заряфшана, он в 1871 г. перенес свои работы в пределы Кокандского ханства; им впервые была исследована местность между Ферганской долиной и Памирской возвышенностью, причем были открыты снежные хребты Алайский и Заалайский и расположенная между ними Алайская долина. Федченко погиб в 1874 г. при восхождении на один из швейцарских ледников, не успев обработать своих трудов, которые были изданы уже после его смерти.

Работы по изучению края встречали со стороны генерал-губернатора Кауфмана полное содействие, иногда даже

предпринимались по его инициативе. На этой стороне деятельности Кауфмана нам придется подробнее остановиться в следующей главе; мы увидим, как велики были и в этом отношении заслуги первого туркестанского генерал-губернатора, за которым вообще упрочилась слава „устроителя Туркестанского края", хотя некоторые из вопросов, имевших для края жизненное значение, были разрешены только после него. К числу таких вопросов прежде всего принадлежал вопрос о путях сообщения между Туркестаном и коренными русскими областями. При жизни Кауфмана единственной дорогой, соединявшей Туркестан с европейской Россией, оставался оренбургский почтовый тракт. В следующие годы, уже при генерал-губернаторе Черняеве (1882—1884), возник спор о том, вести ли железную дорогу в Туркестан от Оренбурга или от берега Каспийского моря, именно от Балханской бухты. Вопрос был разрешен в пользу второго направления, отчасти в связи с возобновлением старого проекта снова направить реку Аму-Дарью в Каспийское море; горячим сторонником этого проекта, впоследствии признанного несостоятельным, был и Черняев. Кроме того, в деятельности Кауфмана, конечно, были недостатки, связанные с общим направлением русской государственной жизни того времени. Как в Литве, так и в Туркестане Кауфман представлял себе свою задачу в виде постепенной подготовки края к слиянию с остальной Россией. Мусульманская культура казалась ему обреченной на гибель, причем для этой цели, по его мнению, было достаточно предоставить ее самой себе. Жизнь скоро опровергла это мнение; в Туркестан была принесена волжскими татарами и встретила там довольно благоприятную почву мысль о преобразовании мусульманской школы в духе современных требований, но без утраты национальной и религиозной основы. В настоящее время учреждением Туркестанской республики создана почва для национального возрождения на более широкой основе.

Проведение железной дороги было возможно только после окончательного покорения туркмен, занимавших страну между Каспийским морем и берегом Аму-Дарьи и до начала 80-х годов сохранявших свою независимость. Война с туркменами, начавшаяся в 1879 г., остается до настоящего времени последним значительным военным предприятием России в Средней Азии. Кочевники-туркмены еще в меньшей степени, чем узбеки, обладали государственной организацией и были еще хуже вооружены; артиллерии у них не было совсем; в их стране не было

ни городов, ни постоянных крепостей; были только временные укрепления, служившие оплотом при нашествии врага и покидавшиеся населением, когда опасность была устранена. Тем не менее русские войска в стране туркмен встретили гораздо более упорное сопротивление, чем в остальной части Средней Азии. Первый поход (1879 г.) окончился совершенной неудачей; в следующем году против туркмен был отправлен лучший из русских генералов, Скобелев, и ему в 1881 г. после правильной осады, со значительными потерями, удалось взять главное туркменское укрепление, Гёк-тепе. Во время осады был случай потери русским отрядом, при неожиданной вылазке туркмен, знамени и двух пушек, чего не случалось с русскими войсками ни при одном из других средне-азиатских походов. Для туркмен падение Гёк-тепе было соединено со страшными потерями, совершенно сломившими их сопротивление; присоединение остальной части туркменских земель, закончившееся в 1884 г. присягою мервских туркмен, было достигнуто без военных действий. Туркменские земли граничили с Персией и с Авганистаном, причем граница ни в том, ни в другом случае не была точно определена. Установление государственной границы России с Персией было достигнуто путем непосредственных переговоров между обоими государствами; установление границы с Авганистаном, находившимся в сфере английского влияния, было связано с большими затруднениями. В 1885 г. насильственное вытеснение авганского отряда русскими из спорной территории едва не было причиной войны между Россией и Англией; но потом удалось достигнуть соглашения, и граница была установлена англо-русской разграничительной комиссией.

Только после этих событий мог быть осуществлен проект железной дороги между берегом Каспийского моря и культурными областями Аральского бассейна. Первый участок этой железной дороги, до Кызыл-Арвата, был закончен еще в 1881 г., но только в 1887 г. дорога была доведена через Мерв до Самарканда, причем впоследствии была выстроена ветвь от Мерва к авганской границе. В последние годы XIX в. дорога от Самарканда была продолжена до Ташкента и Андижана. К этому времени успела выясниться нецелесообразность направления, избранного в начале восьмидесятых годов, вследствие которого железнодорожное сообщение между европейской Россией и Туркестаном прерывалось переездом через Каспийское море. В начале XX в. Ташкент был соединен железной дорогой с Орен-

бургом, чем было установлено непрерывное железнодорожное сообщение от Петербурга до авганской границы. В 1916 г. была открыта железная дорога из Бухары через Карши в Термез, потом разрушенная во время революции, но теперь восстановленная.

О русских работах по изучению киргизских степей, Аральского и Каспийского морей ср. И. В. Мушкетов, Туркестан, Спб. 1886; также Л. Берг, Аральское море, Спб. 1908. А. И. Добросмыслов, Города Сыр-Дарьинской области, Ташкент 1912. О Семиречье В. Масальский, Туркест. край, 321. Об истории Кокандского ханства В. П. Наливкин, Краткая история Кокандского ханства, Казань 1885; ср. отзывы Н. И. Веселовского (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. I, 227—228) и бар. В. Р. Розена (ibid. IV, 126—128); также статьи в Зап. Вост. Отд. XI, 87—114 и статьи Н. Г. Маллицкого „Несколько страниц из истории Ташкента за последнее столетие“ (Протоколы Турк. кружка люб. арх. III, 153—177) и „К истории Ташкента под кокандским владычеством“ (ibid. V, 126—137). Нота Горчакова в английском переводе в книге Fr. H. Skrine and E. D. Ross, The heart of Asia, Lond. 1899, p. 417—423. О русских и кокандских притязаниях еще W. Radloff, Aus Sibirien, 2-te Ausg., Lpz. 1883, II, 417 f. О действиях кокандцев в Семиречье напр. Н. Коншин, Материалы для истории Степного Края, V. К истории Каркаралинского и Аягузского округов в 30-х и 40-х годах XIX ст. (Записки Семипалатинского подъотдела и т. д., вып. 1, 1903), особенно стр. 93 и сл. О ходе завоеваний книги Макшеева и Терентьева (заглавия см. выше, стр. 216); также Н. Веселовский, Киргизский рассказ о русских завоеваниях в Туркестанском крае, Спб. 1894. Ф. Н. Лобысевич, Поступательное движение в Средней Азии в торговом и дипломатическо-военном отношениях, Спб. 1900. Статья „Bukhara“ в Enz. des Islam, I, 809 и сл.; о русской политике 816, там же литература предмета. Договоры еще у С. В. Жуковского, Сношения России с Бухарой и Хивой. О положении после революции особенно Военная Мысль, 1920 г., 299 и сл., 1921 г., кн. I, 212 и сл.; кн. II, 227 и сл. О событиях в Кульджинском крае W. Radloff, Aus Sibirien, II, 286—415; Воспоминания илийского сибинца о дунганско-таранчинском восстании в 1864—1871 годах в Илийском крае, перев. А. Дьякова (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, 233—282; там же на стр. 236 библиографические замечания В. Л. Котвича). О крае под русским управлением Н. Пантусов, Сведения о Кульджинском районе за 1871—77 гг., Казань 1881. О положении после восстановления китайского владычества С. Н. Велецкий в Изв. Геогр. Общ. LI (1915), 149—176. Библиографический обзор трудов В. В. Радлова до 1906 г. (К. Г. Залемана) в юбилейном издании: „Ко дню семидесятилетия Вас. Вас. Раллова“, Спб. 1907. Материалы для биогр. словаря членов Акад. Наук, II (1917), 129 и сл.; о его деятельности Изв. Геогр. Общ. LIV (1918), 164 и сл. К литературе о киргизах см. П. Мелиоранский, Краткая грамматика казак-киргизского языка. Ч. I, Спб. 1894, стр. 5—6; там же упомянут „Библиограф. указатель“ А. Харузина до 1891 г. (Этногр. Обозр., 1891, кн. IX, прибавление; дополнения в книгах XI, XIII и XIV). А. Е. Алекторов, Указатель книг, журнальных и газетных статей и заметок о киргизах (Изв. Общ. Арх., Истор. и Этногр. при Каз. Унив., т. XX, 1904). О присоединении Мерва А. А. Семенов, Очерки из истории присоединения вольной Туркмении (1881—1885), Ташк. 1909. А. А. Семенову принадлежит также подробная биография Кауфмана во введении к Кауфманскому сборнику (1910). Характеристика деятельности Кауфмана еще М. А. Терентьев, История завоевания Средней Азии, III, 266—328.

ГЛАВА XVIII.

Изучение русскими средне-азиатских ханств достигло значительных успехов уже в первой половине XIX в., еще до подчинения ханств русской власти. Путешествия в Бухару и в Хиву в то время совершались обыкновенно из Оренбурга, путешествия в Кокандское ханство — из пунктов Иртышской линии. Результаты этих путешествий могли быть использованы для науки в большей степени, чем прежде, отчасти благодаря деятельности профессоров-ориенталистов, представителей учрежденных в начале XIX в. университетских кафедр восточных языков.

В 1820 г. в Бухару было отправлено посольство Негри; путешествие из Оренбурга в Бухару было описано двумя участниками посольства, офицером генерального штаба Мейендорфом (секретарем посольства) на французском языке и натуралистом Эверсманом на немецком; последний, кроме сведений о стране, сообщил также список слов авганского языка. Труд Мейендорфа был напечатан в Париже, труд Эверсмана — в Берлине. Негри получил в подарок от эмира рукопись исторического сочинения (Тарихи Муким-Хани), которое было издано и переведено на французский язык профессором Сенковским и долгое время оставалось для европейцев единственным источником для истории Бухарского ханства; ненадежность этого источника теперь доказана, но материал для его проверки и теперь еще не приведен в известность в достаточной степени.

В 1834 г. учитель татарского языка в оренбургском училище, барон Демезон, впоследствии директор учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел, совершил путешествие из Оренбурга в Бухару, переодетый татарским муллой. Для науки этот смелый подвиг, хотя и совершенный ученым ориенталистом, имел столь же мало результатов, как тридцать лет спустя такой же подвиг венгерского ориенталиста Вамбери.

Следующее путешествие было совершено при иных условиях; на этот раз русские люди могли отправиться в Бухарское ханство совершенно открыто, по приглашению самого эмира, нуждавшегося в горных инженерах для разработки естественных богатств его страны. Первое путешествие, вызванное просьбой эмира, именно путешествие Ковалевского и Герн-гросса (1839 г.), не достигло цели; более успешно было

путешествие инженеров Бутенева и Богословского, которых сопровождали молодой ориенталист-автодидакт Ханыков, воспитанник Царскосельского лицея, и натуралист Леман (1841—42 гг.). Главным результатом путешествия была книга Ханыкова „Описание Бухарского ханства“ (1843). В книге даются подробные сведения о стране, о населении, в особенности об административном устройстве, подробно описываются, с приложением планов, города Бухара и Самарканд и т. п. С тех пор многие русские исследователи имели возможность посетить Бухарское ханство при еще более благоприятных условиях, чем Ханыков; тем не менее его книга остается и до сих пор лучшим описанием ханства, за исключением восточных областей, присоединенных к бухарским владениям только после русского завоевания и тогда же впервые посещенных русскими. Исключительные достоинства книги Ханыкова возбуждают еще больше удивления, если вспомнить, что автору во время пребывания в Бухаре было 19 лет, во время издания книги — 21 год. Ханыковым было приобретено также значительное количество рукописей, впоследствии переданных в имп. (ныне государственную) публичную библиотеку.

Записки Лемана о том же путешествии, на немецком языке, после его смерти (он умер в 1842 г. на обратном пути из Бухары) были переданы академии наук и изданы по ее распоряжению, причем издатель (Helmersen) воспользовался также книгой Ханыкова. Кроме части страны, описанной Ханыковым, Леман впервые посетил и описал местность по верховьям Заряфшана; из археологических памятников им между прочим описан караван-сарай Рабати-Мелик (в степи между культурными полосами Самарканда и Бухары), построенный, как было доказано впоследствии, во второй половине XI в. После рисунков Лемана только в 1906 г. были сделаны новые изображения (фотографические) этого здания.

Некоторое значение для науки имело посольство в Хиву и Бухару Игнатьева (1858); при посольстве находился командированный академией наук ориенталист Лерх, приобревший некоторое число рукописей для Азиатского музея академии и монет для эрмитажа и археологического общества. Еще более значительное количество рукописей перешло в собственность русского правительства во время военных действий 1868—69 гг.; рукописи были переданы в имп. публичную библиотеку, где составили так называемую „коллекцию Кауфмана“. Между прочим, в Самарканде был приобретен один из древнейших

списков Корана; как и некоторые другие древние списки, эта рукопись выдается за экземпляр Корана, находившийся в руках халифа Османа, когда к нему ворвались убийцы, и сохранивший следы крови халифа (после революции этот коран был возвращен в Туркестан). Богатое собрание рукописей было добыто при взятии города Шахрисябза. Одним из владетелей Шахрисябза Джурабеком, поступившим на русскую службу, впоследствии снова было составлено собрание рукописей, с которым в 1902 г. имел возможность ознакомиться один из русских исследователей.

События 1868 г. сделали Бухарское ханство вполне доступным для русских исследователей. Начиная с 70-х годов был совершен ряд поездок в восточную часть ханства, особенно в горные области по верховьям Аму-Дарьи, прилегающие к памирской возвышенности. В географическом отношении край был исследован довольно подробно. Еще в 30-х годах край был известен русским лучше, чем западным европейцам; Бэрнс только на русских картах нашел правильно обозначенным течение Заряфшана, который на западно-европейских картах изображался как приток Аму-Дарьи. Более подробны были сведения Вуда и друг.: наиболее подробной и точной английской картой Средней Азии до русского завоевания была карта Уокера (Walker); русскими исследователями и эта карта была во многих отношениях исправлена и дополнена. Некоторыми путешественниками сверх того был собран этнографический и лингвистический материал; как по особенностям своего быта, так и по языку население некоторых горных областей существенно отличается от остальных жителей ханства. В 1898 и 1901 гг. эти области посетили гр. А. А. Бобринской и ориенталист (воспитанник Лазаревского института восточных языков) А. А. Семенов; гр. Бобринскому принадлежит также статья об остатках некогда могущественной секты исмаилитов, сохранившихся в тех же областях. Впоследствии появилось еще несколько работ как о языке и быте горцев, так и о распространенных среди них религиозных учениях.

Для изучения Бухарского ханства в других отношениях со времени подчинения его русской власти сделано меньше, чем можно было ожидать. Книга Ханыкова до сих пор не заменена другим, столь же подробным и всесторонним описанием ханства в его нынешнем состоянии. Несколько книг о Бухарском ханстве издал Д. Н. Логофет, проживший в пределах ханства более 10 лет, но эти книги, даже независимо

от незнакомства автора с языком страны, не удовлетворяют научным требованиям. Нет также обзора истории ханства, составленного по первоисточникам; большею частью эти источники даже не изданы, и время узбецкого владычества остается одним из самых темных периодов в истории Средней Азии. В пределах ханства не было ни археологических, ни историко-географических исследований; не выяснена даже топография средневековой Бухары, хотя условия для такого исследования как нельзя более благоприятны, так как Бухара, в отличие от большей части других среднеазиатских городов, всегда находилась на том же месте, как теперь, и о топографии города до нас дошли такие подробные письменные известия, как ни об одном из других городов края. После революции были приняты меры для основания необходимых для научных работ учреждений в самой Бухаре, прежде всего библиотеки и музея.

Путешествия из Оренбурга в Хиву, несмотря на бо́льшую близость расстояния, были связаны еще с бо́льшими затруднениями, чем путешествия в Бухару; отношение хивинского правительства к России было еще более враждебно; до завоевания русскими Средней Азии Хива оставалась главным рынком, на котором продавались в рабство русские пленные; требование освободить этих пленных, предъявлявшееся всеми русскими посольствами, здесь встречало наибольшие затруднения.

Посольство, отправленное из Оренбурга в Хиву в 1818—19 гг., не достигло места назначения; но в 1819 г. в Хиву удалось проникнуть русскому посольству с другой стороны, из Кавказа. Капитан Николай Муравьев (впоследствии Муравьев-Карсский) совершил путешествие в Хиву по поручению главноначальствующего на Кавказе Ермолова; после Бековича он первый высадился около Балханской бухты, места впадения Узбоя (старого русла Аму-Дарьи), и оттуда через кочевья туркмен достиг Хивы, где сначала встретил неблагоприятный прием, даже был подвергнут заключению, но потом все-таки был принят ханом и возвратился к Ермолову в сопровождении хивинских послов. Результатом этого путешествия была книга о Хивинском ханстве, тотчас же переведенная на французский и немецкий языки и долгое время остававшаяся для европейских читателей почти единственным источником сведений об этом узбецком владении.

После похода Перовского (1839) отношения ханства к России на короткое время сделались несколько более дружественными; несмотря на неудачу похода хивинцы поняли угро-

жавшую им опасность, тем более, что в Оренбурге тотчас после возвращения Перовского начались приготовления к новому походу. Русские послы Никифоров (1841) и Данилевский (1842) были приняты ханом лучше, чем их предшественники; второму даже удалось заключить договор с ханством относительно торговых сношений (русские пленные были освобождены еще раньше). Данилевским было составлено описание ханства, изданное только в 1851 г. географическим обществом. Другое описание ханства на немецком языке составил один из спутников Данилевского, натуралист Базинер. По замечанию Я. Ханыкова, маршрут Никифорова был основой карты Хивы, изданной в 1845 г. в Берлине под именем Базинеровской и впоследствии приложенной самим Базинером к отчету о его путешествии.

Договор, заключенный Данилевским, не был выполнен; отношения вновь приняли прежний характер; в Хиву снова стали доставляться русские пленные. Вопрос о Хиве, как мы видели, был разрешен только походом 1873 г. Участниками этого похода были произведены также работы (топографические и другие) для изучения ханства и для исправления его карты; в этих работах принимал деятельное участие воспитанник факультета восточных языков А. Л. Кун, статьи которого, кроме сведений о современном состоянии страны, заключают в себе также сведения о памятниках древности. Кроме того, им во время похода были приобретены некоторые рукописи, впоследствии купленные у его наследников азиатским музеем академии наук. В числе их находится полный экземпляр оффициальной истории ханства, составленной в XIX в. несколькими авторами и доведенной до 1872 г.

Как приготовления к походу, так и результаты его вызвали довольно обширную литературу, в том числе и некоторые труды ориенталистов; свод сведений об истории ханства составили в 1873 г. на немецком языке Лерх, в 1877 г. на русском языке Н. И. Веселовский. Тем не менее для изучения Хивинского ханства, при русском владычестве сделано столь же мало, как для изучения Бухарского. Полного описания ханства также не существует; находящийся в азиатском музее академии наук экземпляр оффициальной истории ханства остается неизданным и еще никем не был использован. Как в туркестанских, так и в столичных изданиях о Хивинском ханстве после 70-х годов были напечатаны только отдельные статьи. Еще в последние годы до-революционного периода

*

в Хиве принимались некоторые меры для поднятия культуры; русские ученые и техники встречали полное содействие; был составлен план снаряжения экспедиции по вопросу об ирригации и вместе с тем для производства археологических исследований. Успеху культуры вредили постоянные внутренние междуусобия между хивинцами и туркменами, продолжавшиеся и при русском владычестве, даже после революции.

Путешествия в Ташкент и Коканд совершались, как мы видели, преимущественно из пограничных городов Сибири, из которых главным был Петропавловск или, как его называли туземцы, Кызыл-джар. В самом конце XVIII в. ташкентский владетель, как сорок лет спустя бухарский эмир, обратился к русским властям с просьбой прислать знатоков горного дела; из Семипалатинска в 1800 г. были посланы в Ташкент горные чиновники Бурнашев и Поспелов (Бурнашев еще в 1794 г. ездил в Бухару), с поручением „удовлетворить настоящие тамошнего владетеля, в рассуждении открытых близ Ташкента рудных приисков". Бурнашев и Поспелов между прочим сообщили некоторые сведения о происходивших в то время войнах между владетелями Ташкента и Коканда; несколько лет спустя Алим-хану кокандскому (он первый из узбецких владетелей Ферганы принял ханский титул) удалось завоевать Ташкент. В 1813—14 г. в Коканд, уже при Омар-хане, ездил из Петропавловска переводчик Филипп Назаров; результатом этого путешествия были „Записки о некоторых народах и землях средней части Азии". В 1830 г. хорунжий Потанин сопровождал кокандское посольство, возвращавшееся из России на родину, и тоже составил описание ханства. В конце 40-х годов, перед началом военных действий, были собраны сведения о ханстве от находившихся в Оренбурге кокандских купцов, и на основании этих сведений была составлена особая записка. К числу трудов о Кокандском ханстве принадлежат некоторые из трудов В. В. Вельяминова-Зернова, выдающегося исследователя Средней Азии, первого из русских ориенталистов, избранного в академию наук (1858). Вельяминов-Зернов приготовил к печати целый ряд обширных работ, но после болезни, постигшей его в 1871 г., больше не возвращался к трудам по востоковедению, хотя прожил до 1904 г. После присоединения ханства к русским владениям Ферганская область, как и другие области Средней Азии, была предметом ряда исследований. Изучению края в географическом отношении более всего способствовали упомянутые выше труды Федченко;

из трудов, посвященных изучению быта населения, выдаются „Очерки Ферганской долины“ академика Миддендорфа, посетившего область в 1878 г. по предложению П. П. Семенова, когда Кауфманом был поднят вопрос об изучении области в сельскохозяйственном и экономическом отношениях, и в особенности „Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы“ супругов Наливкиных, проживших несколько лет в кышлаке (селении) Нанай (Наманганского уезда), причем их жизнь по внешней обстановке ничем не отличалась от жизни туземцев. В. П. Наливкину принадлежит также составление „Краткой истории Кокандского ханства“ по первоисточникам; книга имела такой успех, что впоследствии была переведена на французский язык, но не исключает необходимости дальнейших исследований по истории ханства, тем более, что ссылки автора на свои источники не всегда ясны, и его труд далеко не вполне удовлетворяет требованиям исторической науки. Кроме произведений туземных историков он пользовался и оффициальными документами, причем некоторые из документов, отнесенных им к первым векам хиджры, в действительности относятся к периоду узбецкого владычества. Из его источников до сих пор издан только один, притом далеко не самый ценный; другие до настоящего времени остаются в рукописи. Таким образом, для изучения Кокандского ханства и его прошлого также сделано до сих пор гораздо меньше, чем еще остается сделать.

Образование Туркестанского генерал-губернаторства на некоторое время, благодаря Кауфману, вызвало в крае оживленную научную деятельность. Главной целью работ было изучение края в географическом, естественно-историческом и статистическом отношениях; но были также приняты меры для изучения быта населения и его прошлого. Изданный при Кауфмане „Туркестанский альбом“ заключает в себе, между прочим, отделы этнографический и археологический; учрежденный в Ташкенте музей — некоторый материал по археологии края; для „Туркестанской публичной библиотеки“, также основанной при Кауфмане, в то время старались приобрести по возможности все сочинения, касавшиеся Туркестана, в том числе и изданные в Европе произведения восточных историков и географов. При библиотеке находится также собрание восточных рукописей, приобретенных в Туркестане. Под руководством Межова, известного автора „Сибирской библиографии“, было положено начало „Туркестанскому сборнику“, в котором предполагали

соединить все статьи о Туркестане, появлявшиеся в различных периодических органах. Значительное количество статей по изучению края было помещено в оффициальной газете „Туркестанские Ведомости“, основанной в 1870 г. Была сделана первая попытка организации местных научных сил, посредством учреждения Туркестанского отдела имп. общества любителей естествознания, антропологии и этнографии, открытого в 1870 г. Возникшая в Петербурге мысль о привлечении на службу в Туркестанском крае молодых людей, окончивших курс факультета восточных языков, встретила со стороны Кауфмана полное сочувствие.

После смерти Кауфмана условия совершенно изменились, и дело изучения края не получило такого развития, как можно было ожидать. При первом преемнике Кауфмана, Черняеве, даже было принято решение уничтожить Туркестанскую публичную библиотеку; при следующем генерал-губернаторе это решение было отменено, и библиотека была восстановлена, но больше уже не принималось мер для того, чтобы библиотека заключала в себе все издания, касающиеся Средней Азии, в том числе и издания ориенталистов. В этом отношении библиотека получила существенное приращение только в начале XX в. благодаря подарку вел. князя Николая Константиновича, пожертвовавшего ей свою частную библиотеку, в которой с большой полнотой были собраны произведения английской литературы о Средней Азии. Отдел рукописей также оставался в том же виде, как при Кауфмане, кроме случайного приобретения — конфискованной в 1898 г. библиотеки минтюбинского ишана, руководителя андижанского восстания. После революции в библиотеку поступили некоторые собрания рукописей, но мер для систематического обогащения рукописного отдела до сих пор, насколько известно, принято не было. Еще более печальной была участь музея, не только не обогатившегося новыми приобретениями, но даже утратившего часть своего прежнего имущества. Как библиотека, так и музей после революции были приведены в несравненно лучшее состояние; заведывание тем и другим учреждением уже не является синекурой офицеров и чиновников, но поручено любящим свое дело специалистам. Составление Туркестанского сборника было прервано после 1887 г. и возобновлено только в 1907 г. С 1910 г. издавался составленный полк. А. Г. Серебренниковым „Сборник материалов для истории завоевания Туркестанского края“, причем на первых четырех томах сделана надпись „не

подлежит оглашению". Ст. V этой надписи нет, и самое заглавие несколько изменено: „Туркестанский край. Сборник материалов для истории его завоевания". Вышли томы I — VIII (документы 1839 — 1852 гг.) и XVII — XXII (1864 — 1866). Это издание заключает в себе большое число интересных документов, и можно только пожалеть, если оно останется неоконченным.

Несмотря на все это, работы по изучению края, конечно, продолжались, и даже были достигнуты некоторые успехи в деле организации этих работ. В это время были образованы местные статистические комитеты, в которых сосредоточивались работы по изучению края не только в статистическом, но также в географическом, этнографическом и историческом отношениях. Сыр-Дарьинский статистический комитет приступил к печатанию своих трудов уже с 80-х годов, самаркандский и ферганский — с 90-х. Туркестанский отдел общества любителей естествознания фактически прекратил свою деятельность с 1893 г., но вместо него возникли другие ученые общества: в 1895 г. Туркестанский кружок любителей археологии, в 1897 г. Туркестанский отдел русского географического общества, причем тем и другим обществом были основаны периодические органы для издания своих трудов. В городе Самарканде, где сохранилось больше всего памятников прошлой жизни Туркестана, благодаря местному статистическому комитету учрежден в 1896 г. второй в Туркестанском крае музей; такой же музей возник в 1898 г. в Асхабаде (ныне Полторацке). Издававшиеся в Самарканде работы В. Л. Вяткина занимают совершенно исключительное место среди работ по истории Туркестана. Как в Самарканде, так и в других местах производились археологические изыскания (как в смысле раскопок, так и в смысле изучения развалин построек) под руководством несколько раз приезжавшего в Туркестан Н. И. Веселовского, печатавшего статьи и в местных органах. Кроме развития газетного дела, были попытки, хотя и не имевшие большого успеха, издавать ежемесячные журналы, в которых могли бы быть помещены более значительные по объему научно-популярные статьи по изучению края. Наконец, в Туркестанский край по прежнему снаряжались научные экспедиции из европейской России, как для разрешения физико-географических вопросов (напр. для изучения ледников), так и для изучения памятников прошлого. Особенный интерес для археологов представляет город Самарканд; в самом городе сохранились, хотя и сильно пострадавшие от времени,

архитектурные памятники эпохи Тимура и Тимуридов; к северу от города расположено городище Афрасиаб, ныне совершенно пустынное и лишенное орошения; городище соответствует Самарканду домусульманского периода, окончательно покинутому жителями только после монгольского нашествия. Таким образом, раскопки на месте старого города здесь могут производиться без нарушения чьих-либо имущественных прав (только в недавнее время некоторые места Афрасиаба стали засеиваться под дождь), вследствие чего в Самарканде условия столь же благоприятны для археологических исследований, как в Бухаре для историко-топографических. Необходимость воспользоваться такими благоприятными условиями в том и другом случае мало сознавалась. Южная часть Афрасиаба еще до русского завоевания была обращена в кладбище, и при русском владычестве не было принято мер для устройства кладбища в другом месте, дальше от города; остальной части городища угрожала опасность быть обращенной в свалочное место. В последние годы до революции были приняты меры для охраны Афрасиаба, но все обязательства прежних властей были уничтожены революцией; пишущий эти строки в 1920 г. видел на Афрасиабе, в его северо-западной части, свалочное место, и убедился в том, что кладбища не только остались на прежнем месте, вопреки обещанию прежних властей, но даже значительно увеличены. Как для раскопок на Афрасиабе, так и для изучения самаркандских архитектурных памятников было снаряжено несколько экспедиций бывшей имп. археологической комиссией, впоследствии также Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии; после революции в самом Ташкенте возникло центральное учреждение для охраны памятников старины; тем не менее до настоящего времени исполнена только небольшая часть работ, необходимых для выполнения этих научных задач. Существование в Ташкенте в настоящее время высших учебных заведений (университета и восточного института) должно, конечно, способствовать успеху научных исследований, если только исполнится пожелание, высказанное в местной печати еще в 1922 г.: „Взамен реорганизации прежде всего должен наступить период длительной стабилизации“.

Завоевание Туркмении и последующие события также не прошли бесследно для науки. Наиболее подробное описание военных действий было составлено Гродековым; ряд статей о новых русских приобретениях напечатал инженер Лессар в „Известиях“ русского географического общества. Для под-

нятия культуры края русское завоевание в этом случае имело еще больше значения, чем в остальной части Средней Азии. Все города, существовавшие здесь в древности и в средние века, задолго до русского завоевания были обращены в развалины; вместо них были только аулы кочевников-туркмен; существующие теперь города Асхабад, Мерв и Кызыл-Арват возникли уже при русских. Для изучения памятников прошлого края проф. Жуковским, по поручению имп. археологической комиссии, были совершены две поездки (в 1890 и 1896 гг.); результатом первой поездки был капитальный труд о развалинах старого Мерва, заключающий в себе, кроме описания самих развалин, исследование о прошлом города, составленное по первоисточникам, какого нет до сих пор ни в одной из европейских литератур ни для одного из городов Средней Азии или Персии. И в этом случае надо надеяться, что даровитый туркменский народ, получив, в той или иной форме, возможность самостоятельно устроить свою судьбу, отведет подобающее место изучению памятников прошлого.

Поднятые в конце 70-х годов вопросы о направлении железной дороги и о старом русле Аму-Дарьи требовали целого ряда исследований, касавшихся не только физико-географических условий, но и исторического прошлого страны. Первые работы по изучению так называемых старых русел реки были произведены еще в связи с хивинским походом 1873 г. бароном Каульбарсом, продолжавшим свои исследования в следующие годы; результаты этих исследований с наибольшей полнотой изложены им в статье, напечатанной в „Записках географического общества по общей географии“ 1887 г.; Каульбарс старался доказать, что течение Аму-Дарьи постепенно отклонялось с запада на восток под влиянием работы самой реки, а не под влиянием плотин или других человеческих сооружений. Для изучения Аму-Дарьи и ее так называемого старого русла, Узбоя, был снаряжен еще ряд других экспедиций, как аму-дарьинская экспедиция 1874 года., снаряженная географическим обществом, под руководством генерала Столетова; „Самарская ученая экспедиция для исследования направления средне-азиатской железной дороги и исследования реки Аму-Дарьи“ 1879 г., под руководством вел. князя Николая Константиновича; экспедиции Обручева, Коншина, Глуховского и других. Об Узбое, кроме мнения Каульбарса, были высказаны и другие мнения; некоторые, как Обручев, поддерживали прежнее мнение об Узбое, как о речном русле, из которого вода была отведена

посредством сооружения плотин; другие, как Коншин и проф. Мушкетов, доказывали, что Узбой является только морским проливом, образовавшимся во время отделения от Каспийского моря Арало-Сарыкамышского бассейна (котловина Сары-Камыш, к юго-зап. от Аральского моря, в настоящее время совершенно суха, кроме двух небольших озер, сохранившихся на дне ее ниже уровня Каспия), и никогда не был речным руслом. Было также высказано мнение (проф. Богдановичем, ген. Комаровым и другими), что русло Узбоя было образовано дождевыми потоками и столь же ошибочно считается прежним руслом Аму-Дарьи, как образовавшиеся таким же путем „вади" в тропической Африке — руслами Нила. Данные, относящиеся к этому вопросу, собраны в книге Л. С. Берга об Аральском море, которое было им исследовано по поручению Туркестанского отдела географического общества. Эти данные едва ли позволяют сомневаться в том, что с XIII до XVI вв. часть вод Аму-Дарьи направлялась в Сары-Камышскую котловину и оттуда по Узбою в Каспийское море, так что Узбой, каковы бы ни были причины его первоначального образования, в течение некоторого времени был руслом Аму-Дарьи.

Литература о Средней Азии рассмотрена в книге И. В. Мушкетова, Туркестан, Спб. 1886 (втор. изд. 1915); там же заглавия сочинений. О посольствах в Бухару и Хиву в особенности книга С. В. Жуковского, см. выше. J. Senkowski, Supplément à l'histoire générale des Huns, des Turks et des Mogols, St.-P. 1824. О времени постройки Рабати-Мелик см. В. Бартольд, Туркестан в эпоху монгольского нашествия, II, 259 и 336. Снимки И. А. Беляева в Азиатском Музее Академии Наук. Некролог Лерха в Журн. Мин. Нар. Просв., ч. 236 (1884), отд. III, стр. 57—66. Краткое описание коллекции Кауфмана (П. И. Лерха и В. Д. Смирнова) в Отчете Имп. Публ. библ. 1871 г., стр. 14—22; 1874 г., стр. 72—92; 1876 г., стр. 100—168; 1877 г., стр. 49—79. О самаркандском Коране см. статью А. Шебунина в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VI, 69—133. О собраниях рукописей в Средней Азии Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 174 и сл.; XXII, 303 и сл.; XXIII, 245 и сл. Гр. А. А. Бобринской, Горцы верховьев Пянджа, Москва 1908. Гр. А. А. Бобринской, Секта Исмаилья в русских и бухарских пределах Средней Азии, Москва 1902 из Этнограф. Обозр. 1902 г., № 2, стр. 1—20). А. А. Семенов Этнограф. очерки Зарафшанских гор, Каратегина и Дарваза, Москва 1903 (рец. А. Максимова в Этногр. Обозр. 1903 г., № 3, стр. 180—182). Он же, Из области религиозных верований шугнанских исмаилитов (Мир Ислама, I, 1912, 523—561). Он же, О мусульманских сектантах мерванитах (Мусульман. Мир, I. 1917, 5—9). В. А. Иванов, Исмаилитские рукописи Азиатского Музея (Изв. Акад. Наук 1917, 359—386). И. И. Зарубин, Материалы и заметки по этнографии горных таджиков. Долина Бартанга (Сборн. муз. антроп. и этногр., V, 97—148). Из новейших обще-доступных описаний Бухары: Д. Н. Логофет, Бухарское ханство под русским протекторатом, Спб. 1911. — Мухаммад Наршахи, История Бухары, перев. с персидского Н. Лыкошин, Ташкент 1897 г. Записки Мирзы-Шемса-Бухари о некоторых событиях в Бухаре, Хоканде и Кашгаре, изд. В. В. Григорьевым, Казань 1861. И. И. Умняков, К вопросу об исторической топографии средневековой Бухары (Сборн. Туркест. Вост. Института в честь проф. А. Э. Шмидта, Ташк. 1923, 148—157). Данилевский, Описание Хивинского, ханства, в Зап. И. Р. Геогр. Общ., кн. V, (1851), стр. 62—139. Я. В. Ханыков, Пояснительная записка к карте Аральского моря и Хивинского ханства, с их окрестностями (ibid., стр. 268—358). План Хивы у Базинера (Beiträge zur Kenntnis des Russ. Reiches,

XV, 1848, к стр. 120); о путешествии Базинера еще П. Савельев в Геогр. Изв. 1849, 157—171, 206—212. Статьи А. Л. Куна в Материалах для статист. Туркест. края, вып. IV. О рукописях статья его же в Изв. И. Р. Геогр. Общ., т. X, отд. II, стр. 57; также Mélanges Asiatiques X, 278 и В. Бартольд, События перед хивинским походом 1873 г. по рассказу хивинского историка (Сборник в память К. П. фон-Кауфмана). P. Lerch, Khiva oder Kharezm. Seine historischen und geographischen Verhältnisse, St.-P. 1873. Н. И. Веселовский, Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего, Спб. 1877. Несколько статей А. Н. Самойловича, особенно Изв. Русск. Комит. для изуч. Средней и Вост. Азии, IX, 15—29. А. Калмыков в Проток. Турк. Кружка люб. арх. XII, 49—71. О новейших движениях Военная Мысль, 1920, 250 и сл., 282 и сл.; 1921, кн. I, 227 и сл. Обозрение Коканского ханства в нынешнем его состоянии (анон., Зап. Геогр. Общ., кн. III, 1849, стр. 176—216). Записки Н. И. Потанина перепечатаны в Зап. Зап.-Сиб. отдела Геогр. Общ. т. XXXVIII, 192—258. Некролог Вельяминова-Зернова, составленный Н. И. Веселовским, в Журн. Мин. Нар. Просв. 1904, отд. 4, 197—212. В. Наливкин и М. Наливкина, Очерк быта женщины оседлого туземного населения Ферганы, Казань 1886; рец. Н. И. Веселовского в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., I, 319—320. Об „Истории" см. выше стр. 254; также Зап. Вост. Отд., XV, 272; о грамотах Карасанского мазара там же, стр. 275. Таарих Шахрохи, сочин. Моллы Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед, хокандца, изд. Н. Н. Пантусовым, Казань 1885. К этому Зап. Вост. Отд. XI, 105 и сл. Л. Ф. Костенко, Туркестанский край. Опыт военно-статист. обозрения Туркест. военного округа, Спб. 1880. В. И. Масальский, Туркестанский край, Спб. 1913,; рец. в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXII, 198—206. В. Бартольд, К истории орошения Туркестана, Спб. 1914. О „Туркестанском альбоме" в Отчете Имп. Публ. библ. 1883 г., прилож., стр. 47—51. О „Туркестанском Сборнике" Зап. Вост. Отд. I, 38 и XVIII, 0191—0193. О „Туркест. Ведомостях" ibid. IX, 243—262. Е. Каль, Персидские, арабские и тюркские рукописи Туркестанской Публичной библиотеки, Ташкент 1889; рец. бар. В. Р. Розена в Зап. Вост. Отд. V, 123—124. История библиотеки и музея: А. И. Добросмыслов, Ташкент в прошлом и настоящем, Ташк. 1912, 253—281. О библиотеке в наст. время Изв. Акад. Наук, 1921, 188 и сл. Е. К. Беттер, Туркест. Госуд. Библиотека 1918—1922 (Наука и Просвещение, № 2, 192—203). О н-же, Отчет Туркест. Госуд. Библ. до 1923 г., Ташк. 1924; там же указатель литературы о библиотеке. Главные периодические издания (кроме того, комитетами издавались и отдельные сочинения) статистических комитетов: Труды Сыр-Дарьинского Обл. Стат. Ком. в 1887—88 гг., Ташкент 1888 (рец. в Зап. Вост. Отд. IV, 121—122); Сборник матер. для статист. Сыр-Дарьинской обл. (т. I в 1891 г., т. XII в 1905 г.); Справочная книжка Самаркандской обл. (вып. I в 1893 г., вып. IX в 1907 г., вып. X в 1912 г.; рецензии на отдельные выпуски в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XII, 0122—0125; XV, 050—056; XVIII, 0181—0191; XXI, 0143—0145; там же о значении трудов В. Л. Вяткина). Очерк деятельности Н. И. Веселовского и перечень его работ в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXV, 337—398) Материалы для статистики Ферганской области (вып. I в 1897 г.); Ежегодник Ферганской обл. (т. I в 1902 г., рец. в Зап. Вост. Отд. XV, 045—046). Протоколы Турк. кружка люб. арх. (см. рецензии в Зап. Вост. Отд. XII, 027—028; XIII, 0113—0115; XX, 067—073; XXIII, 217—226). Известия Турк. отдела Имп. Р. Геогр. Общ. (рец. ibid. XIII 0115—0117), т. IX в 1913 г. О современной жизни Турк. отдела Геогр. Общ. и новых научных обществ: Научная жизнь Туркестана (прилож. к журналу „Наука и Просвещение", октябрь 1922). Бюллетень 1-го Средне-Аз. Госуд. Унив., отдел „Жизнь Научных Обществ" (с № 2, дек. 1923). Краткий библиограф. указатель литературы по Туркестану, Ташк. 1924 (изд. Центр. Статист. Управления Туркест. Республики). В. Жуковский, Древности Закасп. края. Развалины Старого Мерва, Спб. 1894 (Материалы по археол. России, изд. Имп. Арх. Комиссией, № 16); к этому статьи в Зап. Вост. Отд. IX, 300—303; XI, 327—333; XIX, 115—138. О работах 1896 г. Отчет Имп. Арх. Комиссии за 1896 г., Спб. 1898, стр. 104—105. Л. Берг, Аральское море, Спб. 1908 (Изв. Турк. Отд. Имп. Р. Геогр. Общ., т. V); там же подробные сведения о литературе предмета, кроме мнения А. В Комарова, приведенного в Зап. Вост. Отд. XIV, стр. XI—XII. О новейших мнениях Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXII, 357 и сл.

ГЛАВА XIX.

Для изучения областей Дальнего Востока, входивших в состав Китайской империи, русскими учеными в XIX в. также был предпринят ряд исследований, увенчавшихся полным успехом.

Со времени Кяхтинского договора особенное значение для России имела Монголия; на монгольской границе происходили торговые сношения между русскими и китайцами; через Монголию совершали путь в Китай члены пекинской духовной миссии в сопровождении приставов; последними иногда составлялись описания этих путешествий, в которых сообщались сведения и о Монголии. Из таких трудов можно назвать труд Тимковского, совершившего путешествие в 1820 и 1821 гг., и труд Ковалевского (миссия 1849 г.), причем последний иногда повторял, без указания источника, сведения своих предшественников. Переводные труды членов миссии касались иногда и Монголии; так в числе трудов о. Иакинфа Бичурина, посвященных различным областям Китайской империи, находятся также „Записки о Монголии“ (описание путешествия через Монголию, статистические сведения о стране, очерк ее истории, перевод уложения, на основании которого страна управляется при маньчжурах). Для пограничных сношений требовались знатоки не только китайского, но и монгольского языков, вследствие чего знавшие эти языки принимались на службу в качестве переводчиков. Когда было решено ввести преподавание монгольского языка в университетах, один из местных знатоков языка, Игумнов, сделался учителем будущих профессоров монгольской словесности. Монгольский язык изучался русскими также при сношениях с астраханскими калмыками; таким путем приобрел свои первые познания в этом языке Я. И. Шмидт (1779—1847), совершивший свою первую поездку к калмыкам в 1804 г., избранный в 1829 г. академиком и издавший в 1831 г. в Петербурге на немецком языке первую монгольскую грамматику.

Решение учредить кафедру монгольского языка в Казанском университете было принято в 1828 г., по мысли попечителя Мусина-Пушкина. В качестве кандидатов для занятия кафедры были намечены Ос. Мих. Ковалевский и Ал. Вас. Попов; оба впоследствии, после возвращения из Забайкалья и сдачи экзамена при академии наук, были назначены профессорами и продолжительное время преподавали свой

предмет в Казани, Попов сверх того еще несколько лет в Петербурге, после учреждения факультета восточных языков. Деятельность Ковалевского, сделавшегося ориенталистом против своего желания (до 1824 г. он был преподавателем латинского языка в Виленской гимназии, за участие в тайном обществе был уволен и командирован в Казань для изучения восточных языков), имела значительное влияние на дальнейшие успехи востоковедения; синолог В. П. Васильев считал его своим главным учителем; изданный Ковалевским „Монголо-русско-французский словарь“ (1844—6 гг.) не устарел и до настоящего времени. По уставу 1835 г. предполагалось ввести преподавание монгольского языка во всех русских университетах, но это предположение не осуществилось; монгольский язык по-прежнему преподавался только в Казани, притом кроме университета еще в одной из гимназий. С 1855 г. преподавание этого языка в Казани было прекращено; кафедра была перенесена в Петербург, где представителем ее сделался ориенталист казанской школы Голстунский, преемником которого был его ученик Позднеев.

Во второй половине XIX в., когда области Китайской империи вновь сделались доступными для европейских путешественников, русское географическое общество снарядило в Монголию несколько экспедиций. Кроме экспедиций, для которых изучение Монголии было главной задачей, сведения о Монголии и монголах были собраны также многими путешественниками, направлявшимися в Китай или Тибет. Изучению страны более всего способствовали первое путешествие Пржевальского (1870—73), результатом которого была книга о „Монголии и Тангуте“, и два путешествия Потанина (1876—77 и 1879—80), результатом которых был четырехтомный труд „Очерки северо-западной Монголии“, заключающий в себе, кроме описания путешествия, богатый материал по археологии и этнографии страны, в особенности по народной литературе. Одним из участников первого путешествия Потанина был монголист Позднеев, оставшийся в Монголии до 1879 г. и приобревший большое число монгольских рукописей для библиотеки С-Петербургского университета. Проф. Позднеевым впоследствии была совершена еще другая экспедиция в Монголию (1892 — 3), на средства министерства иностранных дел; результатом этого путешествия должен был быть капитальный труд о Монголии и монголах в семи томах, из которых вышли в свет только два. В XX в. к изучению мон-

гольского письменного языка присоединилось изучение монгольских живых наречий и народной литературы; такова была главная цель экспедиций, снаряжавшихся Русским Комитетом для изучения Средней и Восточной Азии. В собирании материалов по народной литературе и быту монголов принимали участие и работавшие в Монголии русские торговцы. Из сибирских городов торговыми сношениями с Монголией больше всего дорожил Бийск. Бийск был исходным пунктом экспедиции, снаряженной в 1910 г., результатом которой было подробное исследование о русско-монгольской торговле.

В 1889 г. в Монголии было сделано русским исследователем Ядринцевым важное археологическое открытие. На берегу реки Орхон были открыты памятники, поставленные в 733 и 735 гг. китайскими мастерами турецкому хану Могиляну и его брату Кюль-тегину, с надписями на двух языках, китайском и турецком, причем во втором случае письмена оказались теми же самыми, как в надписях, открытых еще в XVIII в. в долине верхнего Енисея и оставшихся неразобранными. Теперь исследователи, вместо кратких енисейских надписей, получили в свое распоряжение гораздо более обширный материал (главная надпись на памятнике Кюльтегина заключает в себе 40 строк), притом из китайской надписи было известно, к каким лицам и событиям надписи относятся, что давало надежду открыть ключ к чтению письмен, хотя содержание китайского и турецкого текстов, как потом оказалось, не было тожественным. Для получения точных снимков и копий с надписей были снаряжены две экспедиции: одна из Финляндии, другая из С.-Петербурга, от академии наук, под руководством академика Радлова. Последней экспедиции, получившей название „Орхонской“ (1891 г.), кроме приготовления эстампажей с надписей, открытых Ядринцевым (сам Ядринцев тоже принимал участие в экспедиции), удалось открыть несколько новых надписей, частью еще более древних; кроме того, ею впервые были подробно описаны развалины Каракорума, столицы монгольских ханов XIII в., и открыты некоторые надписи в самом городе и его окрестностях. Благодаря атласам, обнародованным обеими экспедициями (финляндской и академической), датскому ученому Томсену удалось в 1893 г. найти ключ к чтению енисейских и орхонских письмен. Таким образом европейская наука получила доступ к изучению древнейших памятников турецкого языка; кроме того, впервые был найден новый, туземный источник для истории кочевых госу-

дарств, о которых раньше черпали сведения только из китайских летописей. Орхонские надписи вызвали обширную литературу, преимущественно на немецком языке; из русских ученых в деле разбора надписей, кроме академика Радлова, принял участие проф. Мелиоранский. Некоторый новый материал, как по монгольским, так и по турецким орхонским древностям был добыт экспедицией В. Л. Котвича в 1912 г. Успехи русского монголоведения позволяют надеяться, что приобщение монгольского народа к европейской культуре, поставленное на очередь деятелями современной монгольской республики, произойдет при содействии русской науки.

Изучением Китая, китайской и маньчжурской литературы занимались в России в первой половине XIX в. исключительно члены пекинской духовной миссии и лица причисленные к ней. Наибольшие заслуги в этом отношении принадлежат о. Иакинфу Бичурину, находившемуся во главе 9-ой миссии (1806—1821 гг.); им был переведен с китайского целый ряд трудов, преимущественно географического и исторического содержания. Как было упомянуто выше, пекинская миссия, кроме своих религиозных задач, служила также целям министерства иностранных дел, и последнее в большей степени, чем главы духовенства, умело ценить важность познаний, приобретенных бывшими членами миссий во время пребывания в Пекине. Многие из таких лиц, в том числе и о. Иакинф Бичурин, после возвращения из Китая нашли приложение своим познаниям только благодаря учрежденному в 1819 г. азиатскому департаменту министерства.

Впоследствии, когда возникла мысль о введении в России преподавания китайского и маньчжурского языков, услугами бывших членов миссии в широкой степени воспользовалось и министерство народного просвещения. Проект распространить университетское преподавание восточных языков на языки Дальнего Востока впервые был представлен в 1811 г. Харьковским университетом, но тогда не получил осуществления; предполагалось учредить должность адъюнкта „татарско-маньчжурского“ языка, причем указывалось на возможность ознакомиться посредством маньчжурских переводов с произведениями китайской исторической литературы; очевидно, изучение подлинных произведений китайской литературы признавалось невозможным, хотя на русский язык еще в XVIII в. были переведены некоторые китайские сочинения. Кафедра китайского языка впервые была учреждена в 1837 г. в Казанском университете; первым

представителем ее был архимандрит Даниил Сивиллов, член 10-й пекинской миссии, от которого университет несколько раньше приобрел библиотеку китайских сочинений (в состав ее, как мы видели, входила и библиотека прежней иезуитской миссии). Этим не ограничилось значение миссии для развития университетского преподавания восточных языков. Преемник о. Даниила, Войцеховский, преподававший в Казани, кроме китайского, также маньчжурский язык, научился этим языкам в Пекине, в должности врача при миссии; преемник Войцеховского, Вас. Павл. Васильев, в молодости пробыл десять лет (1840 — 50) в Пекине вместе с духовной миссией, к которой он был причислен по желанию попечителя Мусина-Пушкина для изучения тибетского и китайского языков. Впоследствии в Петербургском университете преподавали бывшие члены миссии Скачков, Пещуров (магистр астрономии, причисленный к миссии для астрономических наблюдений) и Захаров, бывший первым и до настоящего времени единственным в России профессором маньчжурского языка. Продолжительная научная деятельность В. П. Васильева составила ему громкую славу; но его крайний научный скептицизм не позволил ему создать школу; современные русские синологи более примыкают к западной синологии, особенно к направлению Шаванна, чем к традициям Васильева. Больше всего следа в науке оставили труды Васильева о буддизме. Некоторые статьи Васильева о Китае второй половины XIX в. настолько сохранили свой интерес, что в 1909 г. были изданы в немецком переводе. Изучение маньчжурского языка и родственных ему тунгусских наречий не имело до настоящего времени большого успеха. И в этом случае, как в области монголоведения, на очередь было поставлено изучение живых наречий, причем и эта работа производилась на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии; но собранный материал еще не нашел исследователей.

После Пекинского договора 1860 г. уже не было основания возлагать дипломатические обязанности на духовную миссию, и последняя после учреждения светской миссии (1861 г.) лишилась своего прежнего значения и существовала только как пережиток прошлого. В истории научной деятельности пекинской миссии именно этот период можно признать самым блестящим; во главе миссии стоял (1849 — 1859 и вторично с 1864 г.) о. Палладий Кафаров († 1878), один из лучших синологов, автор известного словаря, впоследствии

дополненного и изданного П. С. Поповым. Кроме словаря, о. Палладию принадлежит ряд ценных статей исторического (особенно о распространении в Китае религий христианской и мусульманской) и историко-географического характера (объяснения к путешествию Марко Поло, „Дорожные заметки на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию“ и „Дорожные заметки на пути по Монголии“). При о. Палладии члены миссии в первый и в последний раз за время ее существования начали издавать свои „труды“ (издание было начато в 1852 г., прекратилось на 4-м томе, вышедшем в 1866 г.).

После договоров, заключенных в 50-х и 60-х годах, кяхтинская торговля утратила свое прежнее монопольное значение; для русской торговли были открыты и другие пути в китайские владения. Изучение новых торговых путей было целью нескольких экспедиций, из которых по обширности своих задач выдается экспедиция Сосновского, Матусовского и Пясецкого (1874—5) для исследования пути от города Хань-коу на Ян-цзы-цзяне, главного центра чайной торговли, до Зайсанского поста. Одним из участников этой экспедиции, Матусовским, впоследствии было составлено географическое описание Китайской империи, лучшее на русском языке и в то время единственное в Европе. К 70-м годам относятся также два путешествия Певцова; в первое путешествие (1876) он прошел с караваном из Зайсанского поста в Гучен и обратно; в 1878—9 гг. он сопровождал другой караван, отправленный русскими купцами из города Кобдо (в западной Монголии) на юго-восток через пустыню Гоби; достигнув города Куку-хото, экспедиция вернулась в Россию через восточную Монголию. Результатом первого путешествия был труд Певцова „Путевые очерки Чжунгарии“, напечатанный в „Записках Зап.-Сиб. отд. Геогр. Общ.“ (1879); второе путешествие описано Певцовым в труде „Очерк путешествия по Монголии и северным провинциям Внутреннего Китая“ (1883). Торговые интересы России на Дальнем Востоке, отчасти в связи с агрессивными стремлениями, вызвавшими потом войну с Японией, были причиной появления обширных компилятивных трудов о Маньчжурии и Корее, изданных, при участии и под редакцией специалистов, министерством финансов.

Начиная с 70-х годов, было несколько экспедиций в Китайскую империю, снаряженных русским географическим обществом; главная цель их была изучить, в физико-географическом отношении, мало исследованные области Восточного Туркестана,

Тибета и часть собственного Китая, населенную главным образом тибетцами, хотя в политическом отношении не входящую в состав Тибета. Таковы третье путешествие Потанина (1884—6), результатом которого была книга о „Тангутско-тибетской окраине Китая", путешествия братьев Грум-Гржимайло (1889—90), Обручева (1893—4), три путешествия Пржевальского (1876—8, 1879—80, 1883—5) и путешествия его преемников,—Певцова (1889—90), Роборовского (1893—5) и Козлова (1899—1901 и 1907—1909). Все эти путешествия коснулись только северной, почти безлюдной части Тибета; некоторые из путешественников, как Пржевальский, пытались проникнуть в центральный Тибет и даже в главный город страны, Лхасу, но были вынуждены вернуться обратно, не достигнув цели. Во время второй экспедиции П. К. Козлова были подробно исследованы развалины небольшого города Хара-хото (у низовьев реки Эцзин-гол, в южной части Монголии, прилегающей к китайской провинции Гань-су), причем было найдено богатое собрание памятников китайской, тибетской и тангутской письменности; этими находками впервые был доставлен материал для дешифровки так называемого тангутского письма, применявшегося в государстве династии Си-ся, уничтоженной монголами.

О Тибете на русском языке еще в первой половине XIX в. было два переводных сочинения, именно переведенные с китайского о. Иакинфом Бичуриным „Описание Тибета" и „История Тибета и Хухунора". В конце XVIII в. (1792—1795) ново-патрасский митрополит Хрисанф, переселившийся из Турции в Индию, оттуда (из Бенгалии) через Тибет и Среднюю Азию проехал в Сибирь, причем будто бы посетил и Лхасу; но описание его путешествия настолько неясно и сбивчиво, что становится сомнительным, был ли он вообще когда-либо в столице Тибета (между прочим он уверяет, что в Лхасе не менее $1^1/_2$ миллиона жителей, что у далай-ламы до 300.000 пехоты и конницы и 2000 слонов). В новейшее время Лхаса и вся прилегающая к ней местность были безусловно закрыты для европейцев, в том числе и для русских. Подобно тому, как англичане для изучения этой местности прибегли к услугам „пандитов", так и русские могли получать сведения о Лхасе от паломников-буддистов из русских подданных—калмыков и бурят. Из путешествий калмыцких паломников наиболее важно путешествие База-бакши (1891—94), описание которого было переведено на русский язык проф. Позднеевым.

Еще больше значения имело путешествие Цыбикова (1899—1902), по происхождению бурята, воспитанника факультета восточных языков, впоследствии и. д. профессора восточного института во Владивостоке. Цыбикову удалось проникнуть в Лхасу и прожить там некоторое время; благодаря полученной им специальной подготовке, его наблюдения могли охватить все стороны местной жизни и в этом отношении выгодно отличаются от наблюдений участников английской военной экспедиции 1903—4 г.г. Есть полное основание надеяться, что этим не ограничится участие русских подданных-буддистов, получивших европейское образование, в деле изучения Тибета и в особенности тибетской культуры. Ценные в научном отношении результаты имело путешествие Барадийна (1905—7), также происходящего из бурят, впоследствии и. д. лектора С.-Петербургского университета, который после нескольких лет специальной подготовки был командирован в Тибет „Русским комитетом для изучения Средней и Восточной Азии", хотя он на первый раз посетил только монастыри, расположенные к северу от границ собственного Тибета. Даже в настоящее время тибетский фонд Азиатского музея академии наук по богатству превосходит все другие европейские собрания, что́ позволяет надеяться на дальнейшие успехи русской науки в этой отрасли востоковедения, значение которой, помимо других причин, определяется влиянием тибетского буддизма на целый ряд народов.

Из русских трудов о Тибете необходимо еще упомянуть о компилятивном труде проф. Кюнера „Описание Тибета"; о Тибете, в особенности об истории его изучения европейцами, в этом труде собраны сведения, которых нельзя найти в такой полноте ни в одном из западно-европейских сочинений.

В Восточный Туркестан в XIX в. было отправлено несколько экспедиций и посольств из Сибири и Средней Азии. Еще в 20-х годах в города Иртышской линии проникли сведения о происходившем тогда восстании проти китайцев; сведения об этом восстании, сохранившиеся в архиве города Семипалатинска, впоследствии были изданы Семипалатинским статистическим комитетом. Еще больше значения имело восстание 50-х годов, когда Восточный Туркестан на короткое время совершенно отделился от Китая. Для получения сведений об этих событиях и о самой стране из Сибири был командирован состоявший на русской службе киргиз Чокан Валиханов, которому и удалось проехать по стране под видом торговца (1858—9). Как составленное им описание страны,

так и другие работы даровитого киргизского султана возбудили большие надежды, но вскоре после этого Валиханов отказался от условий культурной жизни и вернулся в свой родной аул, где и умер.

Китайцы в 1858 г. восстановили свою власть, но вскоре были изгнаны новым восстанием (1863 — 5); образовалось мусульманское государство, просуществовавшее до 1878 г. От первоначальных руководителей восстания, ходжей (термин, обозначающий потомков пророка; в Восточном Туркестане из ходжей вышла династия, в конце XVII в. захватившая в свои руки и светскую власть), господство перешло к кокандскому выходцу Я'куб-беку. Русские владения в Семиречье граничили непосредственно с владениями Я'куб-бека; было необходимо установить границу между обоими государствами и заключить договор о торговых отношениях. С этой целью к Я'куб-беку были отправлены Рейнталь (1868 и вторично 1875) и Каульбарс (1872), которому и удалось добиться заключения торгового договора. После присоединения к России Кокандского ханства (1876) сделалось необходимым определить границу с государством Я'куб-бека и со стороны Ферганской долины. При китайском владычестве граница оставалась совершенно неопределенной, и китайцы даже позволяли сборщикам кокандского хана собирать подати в городах Восточного Туркестана; Я'куб-бек, напротив, присоединил к своим владениям всю горную полосу; одно из его передовых укреплений находилось даже в местности, географически принадлежащей не к Восточному Туркестану, а к бассейну Сыр-Дарьи. Для разрешения вопроса о границе был отправлен из Ташкента капитан (впоследствии военный министр) Куропаткин (1876 — 7); пользуясь затруднительным положением Я'куб-бека в борьбе с китайцами, ему удалось добиться от этого владетеля значительных уступок; но вследствие смерти Я'куб-бека и завоевания его государства китайцами эти уступки не имели практического значения, и граница с Китаем, установленная на основании С.-Петербургского трактата 1881 г., была гораздо менее выгодна для России.

Еще до посольства Куропаткина на русском языке появилась книга о Восточном Туркестане, представлявшая свод сведений об этой стране. При переводе на русский язык, по постановлению географического общества, „Землеведения“ Риттера отдел о Восточном Туркестане был поручен проф. Григорьеву, который в 1869 г. издал перевод текста Риттера

со своими критическими примечаниями, в 1873 г. — особый дополнительный выпуск, заключающий в себе историко-географический обзор Восточного Туркестана с древнейших времен до 1872 г. Многие из взглядов, высказанных в этой книге, уже не соответствуют современному состоянию науки, но как свод исторических данных о Восточном Туркестане, труд проф. Григорьева сохраняет свое значение и теперь; до сих пор ни на одном из европейских языков нет труда о Восточном Туркестане, который по точности и полноте собранных в нем сведений мог бы сравниться с этой книгой. Тем не менее исторические сведения, приведенные в книге Куропаткина о „Кашгарии", заимствованы не из книги Григорьева, но из гораздо менее удовлетворительной в научном отношении английской книги Белью.

После восстановления в Восточном Туркестане китайского владычества и определения границы с Россией из Туркестана было еще несколько путешествий в эту страну, как путешествие д-ра Зеланда (1886 г.) из Семиречья и путешествие подполковника Корнилова (1899—1900) из Ташкента. Последним было составлено ценное описание края, изданное туркестанским военно-топографическим отделом.

В конце XIX в. в Восточном Туркестане были сделаны те археологические открытия, о которых мы упоминали в X главе; успеху науки в этом отношении много способствовала деятельность русского генерального консула Петровского, которым было составлено единственное по своему научному значению собрание древностей края, впоследствии переданное частью в Эрмитаж, частью в музей русского археологического общества. Из русских путешественников некоторые сведения о памятниках древности сообщили братья Грум-Гржимайло; специально для изучения края в археологическом отношении были совершены путешествия Клеменца (1898), Березовского (1906—7) и академика Ольденбурга (1909—10 и 1914—15)— первое на средства академии наук, остальные на средства Русского комитета для изучения Средней и Восточной Азии. Тем же комитетом были снаряжены в Восточный Туркестан две лингвистические экспедиции С. Е. Малова (1909—1911 и 1913—1915). Русскими же учеными был разрешен вопрос о местоположении уйгурского города Бишбалыка и найдены его развалины.

Менее значительно было участие русских путешественников и ученых в деле изучения Индии. Столь же случайно,

как в XV в. Афанасий Никитин, проник в Индию в конце XVIII в. другой русский путешественник, музыкант Герасим Лебедев, прибывший в Англию в свите русского посольства и оттуда из страсти к путешествиям отправившийся в Индию, где пробыл 12 лет (1785 — 1797). Продолжая заниматься своим искусством, он в то же время изучал санскритский язык и в особенности современные индийские наречия, главным образом бенгальское. Из Индии он вернулся сначала в Англию, где в 1801 г. издал на английском языке грамматику индийских наречий, в том числе и санскрита, потом в С.-Петерург, где, по повелению императора Александра I, устроил типографию с санскритским шрифтом и в 1805 г. напечатал: „Беспристрастное созерцание систем Восточной Индии Брамгенов". Еще меньше значения для науки имели два путешествия в Индию художника-любителя кн. Салтыкова (1841 — 3 и 1844 — 6), аристократа-англомана, издавшего в Париже описание своих путешествий и собрание сделанных им рисунков.

Увлечение индийской культурой, проявляющееся в западной Европе в конце XVIII и в начале XIX вв., не миновало и России, как показывает проект учреждения азиатской академии, представленый в 1810 г. с.-петербурским попечителем Уваровым (впоследствии министром и графом), и речь, произнесенная им же в 1818 г. при открытии преподавания восточных языков в главном педагогическом институте (преобразованном в 1819 г. в С.-Петербургский университет). Тем не менее изучение санскритского языка не сделало в России особенных успехов; долгое время представителями этой специальности в университетах и в академии оставались иностранные ученые, приглашенные на русскую службу. Одним из первых русских санскритистов был проф. Петров, начавший в 1841 г. преподавание санскритского языка в Казанском университете, впоследствии, с 1852 до 1875 гг., занимавший кафедру в Москве.

Европейская наука в начале XIX в. интересовалась произведениями санскритской литературы главным образом как древнейшими памятниками языка и культуры индо-европейцев. Впоследствии выяснилось сверх того значение санскритоведения для изучения одной из мировых религий — буддизма. В работах по изучению буддизма, среди которых выдающееся место принадлежит трудам русских синологов и монголистов, приняли участие и русские санскритисты; проф. Минаевым, в про-

тивоположность господствующему в западной Европе мнению о древности палийского канона (собрания священных текстов, принятого цейлонскими буддистами), была высказана самостоятельная теория о большей древности северного буддизма. Работы по изучению индийского буддизма продолжались и учеником Минаева, Ф. И. Щербатским, которому принадлежит ряд трудов о буддийской философии. Проф. Минаев был первым из русских ученых, совершившим с научною целью путешествие в Индию, которую ему удалось посетить три раза (1874 — 6, 1879 и 1885); результатом этих путешествий, кроме ряда специальных статей, отчасти напечатанных только после смерти автора, было популярное сочинение: „Очерки Цейлона и Индии, из путевых заметок русского“ (1878) и две статьи в „Вестнике Европы“ 1875 и 1887 гг. Впоследствии путешествие в Индию с научною целью совершили русские санскритисты бар. фон-Сталь-Гольстейн (1903 — 4) и проф. Щербатской (1909 — 10)

Еще меньше сделано в России для изучения Афганистана и афганцев, несмотря на то, что в С.-Петербургском университете некоторое время (1855 — 57) читались лекции по афганскому языку академиком Дорном, еще раньше (в 1847 г.) издавшим в С.-Петербурге, хотя и под английским заглавием, первую афганскую хрестоматию. Два раза русское правительство или лица, действовавшие от его имени, пытались включить Афганистан в сферу русского влияния; результат в обоих случаях был один и тот же: разрыв между Афганистаном и англо-индийским правительством и вступление в страну англо-индийских войск, причем афганский эмир не получил со стороны России той помощи, на которую рассчитывал. В первый раз (1837 — 39 гг.) в Афганистане действовал, по поручению русского посла в Персии гр. Симонича, ссыльный поляк Виткевич, еще раньше, в 1835 г., совершивший путешествие в Бухару. Пребывание Виткевича в Афганистане не доставило России никаких сведений об этой стране; вернувшись в 1839 г. в С.-Петербург, Виткевич, когда министерство иностранных дел приняло его как авантюриста, превысившего свои полномочия, покончил с собой, предварительно уничтожив свой дневник.

Во второй раз в Афганистан было отправлено, от имени туркестанского генерал-губернатора, русское посольство, во главе которого находился генерал Столетов (1878 — 9). Англия в то время угрожала России войной из-за Сан-Сте-

фанского договора, которым закончились военные действия на Балканском полуострове. Посольство в Афганистан имело целью воспользоваться недоразумениями между англо-индийским правительством и эмиром Шир-Али, чтобы создать для Англии затруднения на северо-западной границе Индии. Результатом пребывания в Афганистане посольства Столетова был двухтомный труд участника посольства, д-ра Яворского: „Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству“ (1882—3). Тогда же (в 1878 г.) были совершены из Туркестана поездки полковников Гродекова (впоследствии туркестанского генерал-губернатора) через северо-западную часть Афганистана до стен Герата и Матвеева в Бадахшан; сведения об этих поездках были напечатаны в секретном военном издании; в общедоступные сочинения вошли только краткие извлечения из отчетов обоих офицеров.

Действия англо-русской разграничительной комиссии 1885—6 г., о которой было упомянуто в XVII гл., ничем не отразились на русской литературе об Афганистане. Некоторыми из английских членов комиссии впоследствии были напечатаны труды, заключающие в себе, кроме отчета о переговорах, сведения о стране, где происходили работы комиссии, в том числе и о памятниках древности; с русской стороны не было произведено никаких научных исследований или наблюдений. Из новейших русских исследователей Афганистаном и афганцами занимался Н. А. Аристов, работавший, однако, исключительно по английским источникам. После установления прямых дипломатических сношений между Россией и Афганистаном изучение Афганистана было поставлено на очередь Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения в Москве (ныне Научная Ассоциация Востоковедения Союза ССР), издавшей в 1924 г. сборник „Афганистан“, в котором наибольший интерес представляет последняя статья „Археологические памятники в Афганистане“ М. Г. Вечеслова, совершившего в 1922 г. поездку в Афганистан преимущественно с целью изучения памятников буддийской культуры.

З. Матусовский, Географическое обозрение Китайской империи с картою на четырех листах и пятью приложениями в тексте, Спб. 1888 (там-же много сведений о литературе предмета). Е. Тимковский, Путешествие в Китай через Монголию в 1820 и 1821 гг., Спб. 1824. Е. Ковалевский, Путешествие в Китай, Спб. 1853. J. J. Schmidt, Grammatik der mongolischen Sprache, St.-P. 1831. Биография Шмидта (Fr. Babinger) в Festschrift für Fr. Hirth, 1920, 7—21. О кафедре монгольского языка в Казани и С.-Петербурге Матер. для истории фак. Вост. яз. IV, 30—31, 59 и 186. А. Позднеев, Монголия и монголы, Спб. 1896—8 (в предисловии био-

графия автора и перечень его трудов). Отчеты об экспедициях Русского комитета в его „Известиях“; один из результатов их—издание академии наук: „Образцы народной словесности монгольских племен. Тексты. Т. I. 1913 — 1918“. Б. Я. Владимирцов, Монголо-Ойратский героический эпос, 1923. (изд. „Всемирная литература“). М. И. Боголепов и М. Н. Соболев, Очерки Русско-Монгольской торговли, Томск 1911 (Труды Томского О-ва изучения Сибири, т. I). Ср. также Труды Томского О-ва, т. III, 1915 и рецензию в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIII, 420. О коллекции А. В. Бурдукова Азиатский музей 1818 — 1918, 79. Из работ о современных монгольских наречиях самая значительная — А. Д. Руднев, Материалы по говорам Восточной Монголии, Спб. 1911. О значении открытия Ядринцева статья бар. Розена в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. VIII, 323 — 325; там-же (стр. 328 — 337) перевод статьи Томсена. О Каракоруме и результатах экспедиции В. В. Радлова в Сборн. трудов Орхонской экспедиции, I, II и V (Спб. 1892 — 1901); русский перевод надписей там-же, IV (1897) и в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XII, 1—144. Об экспедиции Котвича Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXII, стр. V и след. О Иакинфе Бичурине часто в „Жизнь Погодина“ Барсукова, особ. III, 131 и сл.; X, 386. Ср. еще биографию, составленную Н. И. Веселовским, в Русск. Биограф. Словаре, под словом „Иакинф“. О трудах Васильева Изв. Акад. Наук, 1918. 531—566. О Захарове и его трудах Биогр. Словарь проф. Спб. унив., 1896, I, 261 и сл. „Дорожные заметки“ о. Палладия помещены в Зап. Геогр. Общ. по общей географии, т. IV (1871) и т. XXII (1892); ср. рец. бар. Розена в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., VII, 360—361. Комментарий архим. Палладия Кафарова на путеш. Марко Поло по сев. Китаю, с предисл. Н. И. Веселовского, Спб. 1902 (оттиск из Изв. Имп. Р. Геогр. Общ. XXXVIII. 1 — 46). Арх. Палладий, Китайская литература магометан (Труды Вост. Отд. Арх. Общ., ч. XVIII, стр. 163 — 496); кроме того, статьи в „Восточном Сборнике“ (Спб. 1877) и в „Трудах членов Российской Духовной миссии в Пекине“. Описание Маньчжурии, под ред. Д. Позднеева, Спб. 1897. Описание Кореи, Спб. 1900. Г. Е. Грум-Гржимайло, Описание путешествия в Западный Китай, Спб. 1896 — 1907. Путешествия Пржевальского (кроме первого): 1) От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор, Спб. 1878; 2) Третье путешествие в Центральной Азии. Из Зайсана через Хами в Тибет и на верховья Желтой реки, Спб. 1883; 3) Четвертое путеш. в Центр. Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима, Спб. 1888. Труды Тибетской экспед. 1889 — 90 гг. под начальством М. В. Певцова, Спб. 1892 — 6. Труды экспед. И. Р. Геогр. Общ. по центр. Азии, совершенной в 1893 — 95 гг. под начальством В. И. Роборовского, Спб. 1899. Монголия и Кам. Труды экспедиции, совершенной в 1899 — 1901 г. под руководством П. К. Козлова. Спб. 1906 — 1908. О результатах второй экспедиции П. К. Козлова Изв. И. Р. Геогр. Общ. XLIV, 171 — 181, 299 — 316, 453 — 466; XLV, 121 — 195, 407—432; также Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIX, стр. XLVIII и Изв. Имп. Акад. Наук 1909, стр. 1221 и след. Ср. также выше стр. 241 (об истории географ. общ.). Монголия и Амдо и мертвый город Хара-Хото. Экспедиция Русского Географ. Общества в Нагорной Азии П. К. Козлова 1907 — 1909. Москва — Петроград 1923; рец. Б. Я. Владимирцова, Восток, III, 171 и сл. О митроп. Хрисанфе статья Д. Ф. Кобеко в Сборн. общ. для пос. нужд. литер. и ученым, Спб. 1884, стр. 385 — 398; о его рассказе отзыв С. Ф. Ольденбурга в Журн. Мин. Нар. Просв. ч. 356, отд. II, стр. 138. А. Позднеев, Сказание о хождении в Тибетскую страну мало-дэрбётского База-Бакши, Спб. 1897. Г. Ц. Цыбиков, О центральном Тибете (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIX, 187 — 218). Б. Б. Барадийн, Путешествие в Лавран (ibid. XLIV, 183 — 232). Г. Ц. Цыбиков, Буддист паломник у святынь Тибета, Петрогр. 1918. О тибетском фонде академии наук Азиатский Музей Росс. Акад. Наук, краткая памятка, Пет. 1920, 76. Сочинения Ч. Ч. Валиханова, изд. под ред. Н. И. Веселовского, Спб. 1904 (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по отд. этногр., т. XXIX). А. Н. Куропаткин, Кашгария, Спб. 1879. Землеведение К. Риттера. Восточный или Китайский Туркестан, перев. В. В. Григорьева, вып. 1 — перевод и примечания, Спб. 1869; вып. II, дополнения, Спб. 1873. Н. Зеланд, Кашгария и перевалы Тяньшаня, Омск 1888. Корнилов, Кашгария или Восточный Туркестан, Ташкент 1903; рец. в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XV, 0131 — 0137. Некролог Н. Ф. Петровского ibid. XX, 01 — 08

(С. Ф. Ольденбурга). Nachrichten über die von der Kais. Akad. der Wiss. ausgerüstete Exped. nach Turfan, Heft I (D. Klementz, Turfan und seine Alterthümer), St.-P. 1899; рец. С. Ф. Ольденбурга в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIII, 065 — 068. Русская Туркест. экспедиция 1909 — 1910 года. Краткий предварительный отчет, составил С. Ф. Ольденбург. Спб. 1914. О Бишбалыке Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIII, 77 — 122. О Лебедеве С. К. Булич, Очерк истории языкозн. в России, т. I, стр. 501, 504 — 505, 618 — 625. — Pr. A. Soltykoff, Voyages dans l'Inde et en Perse, Paris 1853. Soltykoff et Troyer, Habitants de l'Inde, dessinés et lithographiés à deux teintes, Paris 1853 (последняя книга мне не была доступна). О Салтыкове еще Барсуков, Жизнь Погодина, X, 371 и сл. Его „Путешествие в Персию" и „Письма из Индии" в „Москвитянине" 1849 г. кн. IV, V и VI. О речи Уварова см. выше стр. 35. Биография Петрова составлена проф. С. К. Буличем для Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона, XXIII, 464 и след. И. П. Минаев, Буддизм. Исследования и материалы, Спб. 1887. Биография Минаева (С. К. Булича) в Биограф. Слов. проф. Спб. унив., т. II, Спб. 1898, стр. 49 — 55; ср. также С. Ф. Ольденбург, Памяти И. П. Минаева (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. X, 67 — 77). О работах Ф. И. Щербатского Изв. Акад. Наук. 1918, 1713 — 1724. Бар. А. фон-Сталь-Гольштейн, Путевые впечатления из Индии (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XL, 557—583). Об Афганистане и трудах Аристова см. выше стр. 144. О Виткевиче еще М. Терентьев, История завоевания Средней Азии, Спб. 1906, I, 109 и след.; о Столетове, Гродекове и Матвееве ibid., II, 466 — 513; маршрут Гродекова у Л. Костенко, Туркест. край, II, 168 — 178. Маршрут Виткевича (со слов его проводника) приведен И. Ф. Бларамбергом в Зап. Русск. Геогр. Общ., кн. VII, стр. 335 — 346.

ГЛАВА XX.

Русская литература о Передней Азии далеко на отличается тем богатством, как можно было бы ожидать по географическому положению России и по составу ее населения. Что на русском языке мало работ об Индии и Афганистане, отчасти объясняется скудостью материала, находящегося в распоряжении русских исследователей по сравнению с западно-европейскими, особенно с английскими; но бедность русской литературы о Персии и других мусульманских странах может быть объяснена только отсталостью русской науки. Столь же характерно, что в России, где мусульмане составляют такую значительную часть населения, до сих не появилось почти ни одного труда об исламе, который в свое время представлял бы шаг вперед в науке.

Как уже было упомянуто, под „восточными языками", преподавание которых было введено в русских университетах уставом 1804 г., первоначально понимались языки библейского и мусульманского Востока. Кроме лекций профессоров, приглашенных из-за границы, успехам изучения в России языков арабского, персидского и турецкого содействовала продолжительная преподавательская деятельность Болдырева в Москве

(1811 — 1837), Сенковского в С.-Петербурге (1822—1847) Казем-Бека в Казани (1826 — 1845) и в С.-Петербурге (1845—1870). Болдырев был автором учебных пособий по арабскому и персидскому языкам, употреблявшихся в русских университетах до последних десятилетий XIX в. Сенковский и Казем-Бек своими лекциями создали русское востоковедение; почти все русские ориенталисты следующих поколений были учениками одного из этих двух ученых или учениками их учеников. Кроме того, русская наука обязана Сенковскому таким неоценимым приобретением, как ардебильское собрание персидских рукописей, ныне находящееся в Ленинграде в публичной библиотеке. Ардебильская библиотека обязана своим происхождением шаху Аббасу Великому (в начале XVII в.); после взятия города Ардебиля русскими войсками (в начале 1828 г.) Сенковским было обращено внимание на ценность библиотеки, и по его настоянию она была перевезена в С.-Петербург.

Несмотря на существование в Персии русской дипломатической миссии и нескольких консульств, несмотря на такое обилие материала в самом Петербурге, в русской литературе долгое время не было ни исследований о прошлом Персии, ни очерков современного состояния страны. Некоторую литературу о Персии вызвали события конца тридцатых годов; одновременно с деятельностью Виткевича в Авганистане, в Персии под русским влиянием также возникло враждебное движение против Англии и был предпринят поход на Герат (1837), в то время принадлежавший особому владетелю, независимому от авганского эмира. Переход Герата в руки персов, к которому стремились русские, не соответствовал желаниям англо-индийского правительства, считавшего Герат ключем Индии. Английский офицер Эльдред Поттинджер руководил обороной против персидского войска, при котором находились русские офицеры и русский уполномоченный граф Симонич (этот авантюрист, выходец из Сербии, самовольно присвоил себе графский титул, изменив таким образом свою двойную фамилию Гра-Симонич); кроме того, в Персидском заливе появилась английская эскадра, и шах был вынужден отозвать свое войско от Герата (1838). Из русских, бывших в то время в Персии, статьи об этой стране и о своем пребывании в ней напечатали Дюгамель, преемник Симонича, Муравьев, ездивший в 1839 г. в Тегеран с депешами к Дюгамелю и в 1840 г. посетивший Исфахан и Хамадан, откуда он через Тебриз вернулся в Россию, и Бларамберг, участвовавший в гератском походе.

В 1840 — 1 гг. некоторые области Персии посетил секретарь русской миссии, барон Боде; результатом этой поездки был двухтомный труд на английском языке о путешествии в Луристан и Аравистан (между прочим в мало известную страну бахтияров) и несколько статей в „Записках“ русского географического общества и в журнале „Библиотека для чтения“. Барон Боде интересовался преимущественно памятниками ахеменидского периода и письменными известиями о той же эпохе; им же было составлено собрание археологических предметов.

В конце 40-х и в 50-х годах в жизни Персии вновь произошли события, в которых приняли участие русские. В 1849 — 52 гг. действовала международная комиссия по установлению границы между Турцией и Персией; одним из русских членов комиссии, Чириковым, был составлен „путевой журнал“, изданный в 1875 г. его спутником Гамазовым, впоследствии занимавшим должность директора учебного отделения восточных языков при министерстве иностранных дел. В начале 50-х годов служившим в то время на Кавказе Н. В. Хановым была совершена поездка в персидский Курдистан и составлена карта Азербайджана. Во время Крымской кампании персидское правительство склонялось в пользу России, хотя и не принимало участия в военных действиях. Враждебное отношение к Англии выразилось в новом походе на Герат, который на этот раз был отнят персами у авганцев (1856 г.); англичане ответили на этот поход военными действиями со стороны Персидского залива, и по договору 1857 г. персы были вынуждены очистить Герат и исполнить все требования англичан. В следующем 1858 г. была снаряжена русская научная экспедиция в Хорасан и соседние области; во главе экспедиции стоял ориенталист Ханыков (автор известной книги о Бухаре); результаты экспедиции были обнародованы на французском языке, на средства парижского географического общества. Из позднейших трудов о Персии представителей русской дипломатии можно привести работы Ходзько (на французском и английском языках) и статью о Сеистане Миллера (1906 г.), бывшего в течение нескольких лет русским консулом в этой пограничной области Персии, потом в Кермане, о котором он также написал статью. В XX в. министерство иностранных дел издало два выпуска „Материалов по изучению Востока“ (1909 — 1915), но эти выпуски считались секретными. Много ценного материала об экономи-

ческой жизни Персии заключали в себе „Сборники консульских донесений".

Некоторые поездки по Персии были совершены по поручению министерства финансов (напр., поездка М. Л. Томары в 1893—4 гг., результатом которой была „первая попытка у нас изучения Персии в экономическом отношении"), военного ведомства (напр., поездка кап. Туманского в 1894 г. от Каспийского моря к Ормузскому проливу и обратно), академии наук (первое путешествие Зарудного 1896 г.) и географического общества (путешествия Зарудного 1898 и 1900—1 гг., по восточной пограничной полосе Персии до города Чахбара на берегу Индийского океана). В 1900 г. на частные средства (В. А. Саханским) была организована экспедиция через Персию к Персидскому заливу и Индийскому океану. Все эти путешествия относятся к тому времени, когда русское правительство предполагало проложить русской торговле путь через Персию к Индийскому океану; Чахбар должен был быть конечным пунктом русской железной дороги. Этим стремлениям положило конец англо-русское соглашение 1907 г. Некоторые статьи об экономическом состоянии Персии появлялись и впоследствии, из которых можно упомянуть очерк Хащаба (1912).

Путешествия в Персию с чисто-научною целью, совершенные по поручению академии наук и университетов, не были многочисленны. В 1842—45 гг. Казанским университетом были командированы в Персию, для приготовления к занятию кафедры, магистры Диттель и Березин. Первый умер в 1848 г. от холеры, не успев использовать добытый им материал (краткий очерк его путешествия был напечатан в „Библиот. для чтения" 1849 г.); Березиным (впоследствии профессором С.-Петербургского университета) было издано „Путешествие по Востоку" в двух томах, причем первый том посвящен Дагестану и Закавказью, второй — северной Персии. Интересному содержанию книги Березина не вполне соответствует форма изложения; книга была предназначена для широкого круга читателей и потому написана тем слогом, которого в то время считали необходимым придерживаться авторы популярно-научных сочинений о Востоке (также писал Сенковский).

К 1860—61 гг. относится путешествие академика Дорна и магистра (впоследствии доцента) Мельгунова в прикаспийские области Персии; результатом этого путешествия были труды, остающиеся и до сих пор наиболее полным сводом истори-

ческого и лингвистического материала, относящегося к этим областям. Трехлетнее пребывание в Персии магистра (впоследствии профессора) Жуковского (1883 — 6) обогатило науку ценным материалом для изучения персидских наречий, персидской народной литературы и религиозных верований народа. Работы по изучению персидской народной литературы продолжали после Жуковского его ученики, А. А. Ромаскевич и В. А. Иванов. Из русских трудов, возникших под влиянием трудов Жуковского, о персидских религиозных верованиях можно упомянуть о труде В. Ф. Минорского о секте „людей истины". Основание в Персии секты бабидов вызвало в России целый ряд трудов, много способствовавших выяснению этого религиозного движения. Еще в 60-х годах появилось исследование о бабидах проф. Казем-Бека, тогда же переведенное на французский язык; впоследствии изучение секты было облегчено основанием бабидской общины в пределах России, в Асхабаде, где и произвел свои исследования о бабидах Туманский, впоследствии издавший, кроме нескольких отдельных статей, одну из священных книг бабидов „Китаби Акдес" с приложением русского перевода. Ряд других статей и изданий, касающихся бабизма, принадлежат бар. Розену и проф. Жуковскому; первым было также описано довольно значительное количество бабидских рукописей.

Число восточных рукописей, находящихся в Ленинграде, настолько значительно, что Ленинграду в этом отношении принадлежит одно из первых, если не первое место среди европейских городов. Кроме публичной библиотеки, Азиатского музея академии наук и университета, богатым собранием восточных рукописей владело учебное отделение восточных языков при министерстве иностранных дел, основанное в 1823 г. для приготовления молодых людей к дипломатической службе на Ближнем Востоке. Предполагалось, что в этом учебном заведении будущие дипломаты, под руководством преподавателей, проживших долгое время на Востоке, получат возможность усвоить необходимые для их службы практические сведения, в дополнение к теоретическим познаниям по востоковедению, полученным в университете или в других высших учебных заведениях. В действительности преподавание в учебном отделении часто поручалось ориенталистам-теоретикам, иногда тем же самым, которые занимали кафедры в университете. Вопрос о том, насколько учебным отделением достигалась цель, намеченная при его учреждении, еще с 50-х годов вызывал споры

между представителями министерств иностранных дел и народного просвещения; столь же спорной представлялась целесообразность меры, принятой в 1890 г., когда на учебное отделение была возложена новая задача: обучать восточным языкам офицеров, для потребностей военного ведомства. Независимо от вопроса, насколько учебное отделение выполняло свои педагогические задачи, нельзя отрицать, что образование при учебном отделении богатого собрания восточных рукописей составляет большую заслугу перед русским востоковедением, тем более, что это собрание (поступившее после революции в Азиатский музей академии наук) остается до настоящего времени единственным в России, для которого существует так называемый „catalogue raisonné“ (описание рукописей с подробными данными о их содержании). Арабские и персидские рукописи учебного отделения описаны бар. Розеном, турецкие — проф. Смирновым. Для других собраний, кроме некоторых устарелых каталогов (академика Дорна, проф. Готвальда и других), имеются только краткие списки рукописей и краткие сведения о новых приобретениях. Из рукописей на языках Передней Азии персидские рукописи представлены в Ленинграде в наибольшем числе. Из среды слушателей учебного отделения вышел самый подробный на русском языке труд (анонимный) о персидской революции, доведенный только до смерти шаха Музаффар-ад-дина (в начале января 1907 г.). О событиях в Персии после мировой войны есть несколько статей в журналах „Военная Мысль“ и „Новый Восток“.

Попытки составить свод сведений о Персии на русском языке не было; имеются только справочные пособия компилятивного характера. Перевод соответствующих глав „Землеведения“ Риттера взял на себя Ханыков, но изданная им в 1874 г. книга „Иран“ заключает в себе перевод (с дополнениями) только небольшой части отдела о Персии. Географическое общество приняло меры к составлению перевода остальных глав, но этот труд не был выпущен в свет.

Еще меньше было на русском языке трудов, посвященных областям Азиатской Турции. Лучшее на русском языке описание Малой Азии вышло в свет еще в тридцатых годах. К этому периоду относится самый крупный успех русской дипломатии в истории сношений с Турцией: в 1833 г. в Хункяр-Искелеси (на берегу Босфора) между Россией и Турцией был заключен оборонительный союз на 8 лет, и Турция секретной статьей обязалась закрыть Дарданеллы для судов иностранных

держав. Русское войско в это время находилось на азиатском берегу Босфора для защиты султана от войск мятежного египетского паши Мехмед-Али. При таких условиях русские офицеры могли беспрепятственно изучать малоазиатский полуостров; одним из этих офицеров, капитаном Вронченко, впоследствии было издано, в двух томах, „Обозрение Малой Азии, в нынешнем ее состоянии“ (1839—40).

Впоследствии в Малой Азии в течение 16 лет (1847—63) совершил ряд путешествий Чихачев (автор известной книги об Алтае). Обширный труд Чихачева о Малой Азии, посвященный преимущественно геологическому описанию страны (1853—69), был издан на французском языке и, как и другие произведения этого ученого, не может быть причислен к русской научной литературе. В 1886 г. в Малой Азии был известный русский путешественник д-р Елисеев, посетивший во время своих странствий целый ряд областей Азии и Африки. Участие русских ученых в деле археологического изучения Малой Азии не было значительным; так можно упомянуть о поездке Я. И. Смирнова в 1883—4г.г.; кроме того, некоторые работы были произведены по почину Русского Археологического института, учрежденного в Константинополе в 1895 г. Материал по изучению турецких наречий собирали в Малой Азии Максимов (в 60-х годах), Писарев и Мартинович. Другие путешествия русских ориенталистов в Константинополь и соседние с ним области Малой Азии имели целью главным образом изучение и приобретение турецких рукописей.

Предметом университетского преподавания османский язык впервые сделался в С.-Петербурге, где он преподавался Сенковским вместе с арабским и персидским, в качестве самостоятельного предмета—учеником Сенковского, Мухлинским, первым представителем кафедры турецкого языка; впоследствии турецкий язык преподавался также в московском Лазаревском институте. Благодаря трудам профессоров Смирнова, Крымского и Гордлевского русская наука обладает такими подробными очерками истории турецкой литературы, каких на русском языке еще нет по истории литературы арабов и персов.

Путешествия в Палестину были связаны преимущественно с изучением святых мест; особенно выдаются путешествия А. Н. Муравьева (1830) и Норова (1835); кроме того, книгу о Сирии и Палестине издал в 1842 г. Базили, бывший в течение 15 лет консулом в Яффе и задавшийся целью описать положение страны под турецким владычеством. Изучению

Палестины много способствовала деятельность „Православного Палестинского общества", основаннаго в 1882 г. Еще до учреждения общества его будущий председатель Хитрово (скончавшийся в 1903 г.) издал (для 3-го международного съезда ориеналистов) библиографический обзор оригинальных и переводных трудов о Святой земле на русском языке. По почину общества уже в 1883 г. были произведены в Иерусалиме археологические работы арх. Антонином и местным ученым К. Шиком; в 1891 г. была снаряжена в Сирию и Палестину археологическая экспедиция, в составе акад. Н. П. Кондакова и А. А. Олесникова, в 1898 г. на средства общества в тех же странах производил археологические исследования Ф. И. Успенский. В научных работах общества принимали деятельное участие и некоторые ориенталисты (Марр, Медников, Цагарели, Коковцов и друг.); проф. Медниковым по поручению общества были собраны и разработаны известия арабских источников о Палестине со времени арабского завоевания до крестовых походов. Общество с 1886 г. издавало свои „Сообщения", с 1904 г. обращенные в четырехмесячник. В 1900 г. при обществе были организованы „собеседования по научным вопросам, касающимся Палестины, Сирии и сопредельных с ними стран" — одна из немногих попыток образования в России общества ориенталистов со специальными научными задачами. Собеседования прекратились уже в 1902 г. Еще меньше успеха имела попытка организовать (в 1907 г.) при историческом обществе, существовавшем при С.-Петербургском университете, под-секцию для изучения семитской культуры. Узко-религиозное направление Палестинского общества (членами могли быть только православные) и недостаточная культурность православного духовенства и в Палестине, также производившего археологические исследования, иногда вредно отражались на интересах науки. В 1912 г., была выражена мысль о необходимости назначения в Палестину представителя Константинопольского института. В 1915 г., во время мировой войны, в связи с отделением Палестины от Турции, был разработан проект организации изучения Палестины на более широких началах, с учреждением комитета палестиноведения в Петрограде и Археологического института в Иерусалиме. В Москве этому проекту М. В. Никольским, при поддержке московского археологического общества, был противопоставлен более широкий проект учреждения „Российского Передне-Азиатского общества". По ходу политических событий русская наука после

1914 г. уже не могла принимать участия ни в изучении Палестины, ни в изучении Передней Азии; остается даже открытым вопрос об имуществе как бывших русских палестинских учреждений, так и константинопольского института.

Норов, автор книги о Палестине, был также в Египте и Нубии (1834—35) и описал свое путешествие в эти страны, как введение к путешествию в Палестину. В 1846—8 гг. некоторые страны Востока (Египет, Сирию, Палестину, Алжирию и Тунис) посетил по распоряжению правительства, для изучения вопроса о чуме, д-р Рафалович, описавший свое путешествие в Египет; в Александрии он научился арабскому языку и вообще старался собрать сведения о современном состоянии страны, в противоположность большинству путешественников, обращавших внимание почти исключительно на памятники древности. Путешествия русских ориенталистов (Сенковский, Гиргас и друг.) в Сирию и Египет большею частью были только поездками начинающих ученых, изучавших арабский язык для приготовления к занятию кафедры. Русских путешествий на арабский полуостров не было (если не считать некоторых местностей Каменистой Аравии, посещенных Елисеевым); не было также русских путешествий в Месопотамию, которые представляли бы интерес в научном отношении. Вообще русские семитологи (кроме арабистов) только в редких случаях имели возможность знакомить представителей западно-европейской науки с новым материалом.

О южной части Месопотамии на русском языке имеется обширный труд А. Адамова, написанный на основании долголетнего знакомства с краем, но в своей исторической части находящийся в полной зависимости от западных пособий и заключающий в себе много неточностей.

Больше внимания было обращено русскими учеными на Синайский полуостров с его многочисленными надписями и древним монастырем, обладающим богатыми собраниями рукописей. Для изучения монастыря и надписей особенное значение имели путешествия архимандрита (впоследствии епископа) Порфирия (с 1845 г.). Впоследствии синайский монастырь посетили с тою же целью ориенталисты Цагарели, Марр, Васильев и кн. Джавахов; поездка проф. Марра (1902 г.), кроме того, имела целью изучение грузинских рукописей в Иерусалиме.

Изучение христианского Востока вообще составляет одну из главных задач, которые, по географическому положению и

историческим преданиям России, преимущественно должны быть выполнены русскими учеными, особенно русскими арабистами. Из ученых трудов русских арабистов, относящихся к этой области, выдаются труды бар. Розена, которому принадлежат также большие заслуги по выполнению двух других задач, лежащих на представителях этой специальности в России: по описанию арабских рукописей, входящих в состав русских библиотек, и по исследованию известий арабских писателей о русском народе. Из русских работ по истории христианского Востока выдаются работы В. В. Болотова († 1900). С 1912 до 1917 гг. при академии наук издавался периодический орган „Христианский Восток", посвященный изучению „христианской культуры народов Азии и Африки".

В деле изучения древнего Востока русские ученые до сих пор принимали мало участия; экспедиций с этою целью из России отправлено не было. Из отдельных представителей этой специальности в России можно назвать ассириолога Никольского, египтологов Лемма, Голенищева и Тураева. Голенищевым было составлено ценное собрание египетских древностей, ныне находящееся в московском историческом музее. Исследовательская и преподавательская деятельность умершего в 1920 г. Б. А. Тураева, автора первого на русском языке общего обзора „Истории Древнего Востока", составленного специалистом, создавшего целую школу исследователей этой отрасли исторической науки, до сих пор не могла иметь тех последствий, которые она имела бы в периоды более спокойной политической жизни. В изучении древностей Египта принимали участие и представители классической филологии, как проф. Ростовцев.

События XIX в. усилили в России интерес к кавказоведению, по которому еще в XVIII в. был собран некоторый материал Гильденштедтом и Гмелином. В 1801 г. была присоединена Грузия; по договорам с Персией в Гюлистане (1813) и Туркменчае (1828) русские владения были расширены до Аракса и Арарата. Для управления вновь присоединенными областями требовались люди, знающие языки армянский и грузинский; в то же время облегчалась возможность изучить эти языки и их литературы с чисто-научною целью. Европейские ученые в начале XIX в. интересовались главным образом армянской исторической литературой, в которой надеялись найти новый материал по истории Передней Азии. Языки кавказских народностей, не имевших литературы, представляли большой

интерес для лингвистов по загадочности своего происхождения и по своему своеобразному строю. Все эти причины вызвали еще в 1807 — 8 гг. ученое путешествие на Кавказ ориенталиста Клапрота, в то время бывшего членом русской академии наук. Клапрот принял деятельное участие в составлении упомянутого выше проекта „азиатской академии", представленного в 1810 г. Уваровым; ему принадлежит включенный в проект перечень важнейших научных задач по различным отраслям востоковедения, в том числе и по изучению кавказских языков.

За исключением истории Грузии митрополита Евгения, составленной главным образом по сведениям, полученным от находившихся в то время (после 1801 г.) в С.-Петербурге „грузинских посланников и депутатов", „Новейших географических и исторических известий о Кавказе" Броневского (1823), „Грузии и Армении" А. Н. Муравьева (1848) и некоторых других трудов, работы по кавказоведению в России и в течение следующих десятилетий производились главным образом иностранными учеными. Успехам в России грузиноведения, отчасти и арменоведения более всего содействовала деятельность французского ориенталиста Броссе. Броссе, избранный в академию в 1836 г., прибыл в Россию в 1837 г. и впоследствии (1847 — 8) совершил ученое путешествие на Кавказ. Труды Броссе (он умер в 1880 г.) положили начало изучению грузинской литературы и истории не только в России, но и в Европе. В России под его влиянием было введено преподавание армянского и грузинского языков (в 40-х годах, в С.-Петербургском университете); его деятельность оказала влияние и на ход научных работ в самой Грузии, хотя Броссе еще не имел возможности отнестись критически к тому построению грузинской истории, которое в последние столетия существования Грузии было выработано в грузинских интеллигентных кругах и, как потом было доказано, мало соответствовало действительности.

Научному изучению кавказских языков, не имеющих литературы, положили начало труды бар. Услара, собранные в одно целое и сделавшиеся доступными для более обширного круга читателей только много лет после смерти исследователя († 1875). Западно-европейской науке результаты работ Услара сделались известными раньше, благодаря статьям академика Шифнера, на немецком языке. Когда на Кавказе возникли научные общества и научные издания, в этих изданиях стал помещаться и лингвистический материал; научные учреждения

империи уделяли этой отрасли кавказоведения мало внимания. Для самого Услара изучение кавказских языков должно было быть только средством для изучения истории страны (в 1858 г. он получил Высочайшее повеление составить историю Кавказа).

Преподавателями языков армянского и грузинского в университетах, со времени учреждения кафедр этих языков, всегда были природные армяне и грузины. Таков же был первоначально характер специального учебного заведения — Лазаревского института восточных языков в Москве, — в котором впоследствии было введено преподавание и других языков Ближнего Востока. Ученым армянского и грузинского происхождения русская наука была обязана как распространением в России научных взглядов, выработанных в армянских и грузинских кругах, так и впоследствии исправлением этих взглядов на основании методов европейской науки. Ими же были определены новые научные задачи грузиноведения и арменоведения. Выяснению прошлого как Армении, так и Грузии много способствовало изучение развалин города Ани, столицы армянских царей X—XI в., сохранившей свое значение и после падения царства Багратидов, до XVI в. Территория развалин со времени Туркменчайского договора находилась в нескольких верстах от русской границы, со времени войны 1877—8 гг. входила до 1918 г. в состав русских владений; поэтому они могли быть посещены из России без особенных затруднений и посещались учеными различных национальностей, но только раскопками проф. Марра (с 1892 г.) был выяснен действительный характер истории города в связи с общим ходом политической и культурной истории Передней Азии.

Изучение Кавказа в естественно-историческом отношении было целью нескольких экспедиций, снаряженных академией наук и географическим обществом. Особенно важны труды академика Абиха, имевшие значение и для археологии края; им был составлен план развалин Ани (1844 г.), которым пользовались еще при новейших раскопках. Географическим обществом с первых лет его деятельности (в 1851 г.) был образован на Кавказе особый отдел. Много данных по географии, этнографии, статистике и истории края имеются в сборниках на русском языке, изданных в Тифлисе, в особенности в „Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа“, издававшемся управлением кавказского учебного округа. Музей города Тифлиса принадлежал к лучшим русским

провинциальным музеям; с музеем была связана и библиотека, заключающая в себе, между прочим, небольшое собрание восточных рукописей. Изучение края и его населения составляло также цель нескольких местных обществ, издающих свои труды на местных языках; среди них выдавалось грузинское общество распространения грамотности в Тифлисе. После революции и образования в Грузии особой республики, сначала буржуазной, потом советской, Тифлис остался центром грузинской национальной науки, но связь с русским востоковедением была прервана. После Тифлиса важнейшим просветительным центром на Кавказе был монастырь *Эчмиадзин*, местопребывание католикоса всех армян; после революции получила большое значение Эривань, как столица армянской советской республики. Среди мусульманского населения Кавказа интерес к своему прошлому до последнего времени был развит в гораздо меньшей степени; русская и европейская наука также уделяла кавказским мусульманам гораздо меньше внимания, чем армянам и грузинам, хотя наиболее распространенное среди кавказских мусульман наречие (так называемое адербиджанское, т. е. азербайджанское) долгое время преподавалось в С.-Петербургском университете. Центры исторической жизни кавказских мусульман, именно города Дербент, Гянджа (Елисаветполь), Баку и др. до сих пор не подвергались подробному изучению, и не было принято достаточных мер для того, чтобы спасти от разрушения сохранившиеся в этих городах архитектурные памятники прежних веков. Несмотря на экономическое процветание Баку, в нем не было никакой культурной жизни; еще в 1916 г. в этом городе не было ни музея, ни библиотеки. Положение изменилось только с тех пор, как Баку сделался столицей азербайджанской республики. Ряд культурных начинаний местного правительства позволяет надеяться, что культурной отсталости этой части Кавказа скоро будет положен конец. К изучению мусульманского Кавказа относится также Дагестанско-Чеченская экспедиция, снаряженная в 1923 г. Всероссийской Научной Ассоциацией Востоковедения и давшая интересные результаты.

Обзор русских трудов по изучению Востока показывает, что русской наукой в этом отношении достигнуты, особенно в XIX в., значительные успехи, но что эти успехи большею частью все-таки далеко не соответствуют тем ожиданиям, на которые, казалось бы, дают право географическое положение России, состав ее населения и труд длинного ряда поколений со времени Петра Великого. Несмотря на достигнутые успехи,

состояние русского востоковедения, как и русской науки вообще, все-таки является красноречивым доказательством общей отсталости русской культуры, что̀ отражается и на судьбе трудов русских востоковедов. Более чем спорно мнение, высказанное одним из выдающихся русских востоковедов (С. Ф. Ольденбургом): — „Сосед Востока, Россия, всегда хорошо его знала и понимала". С бо̀льшим правом можно было бы сказать „Сосед Востока, Россия, несмотря на это соседство, часто предпочитала чтение плохих западных книг о Востоке непосредственному изучению Востока"; в особенности это относится к Востоку мусульманскому. Сам С. Ф. Ольденбург признает, что „наших ориенталистов больше знают и ценят на Западе, чем у нас, во всяком случае, лучше читают". Тем не менее в настоящее время русской наукой почти во всех отраслях востоковедения созданы определенные традиции, и дальнейшие успехи русского востоковедения могут быть достигнуты только путем дальнейшего развития и углубления этих традиций; в этой работе, надо надеяться, примут участие и представители восточных народностей, которым теперь уже нет основания опасаться обрусительных стремлений. Кроме того, для успехов востоковедения, как и всякой другой отрасли научного познания, необходимо открытие доступа к нему возможно большему числу людей.

О новейших русских трудах об исламе В. Бартольд, Ислам, Петрогр. 1918, 94 и сл.; кроме того, еще А. Э. Шмидт, Абд-ал-Ваххаб ат-Ша'раний и его книга рассыпанных жемчужин, Спб. 1914; рец. в Журн. Мин. Нар. Просв. 1915, стр., 388 — 400. О деятельности Болдырева, Сенковского и Казем-Бека см. Материалы для истории факультета Восточных языков, т. IV, Спб. 1909. Краткий очерк сношений России с Персией в XIX в.: П. А. Риттих, Политико-статистический очерк Персии, Спб. 1896, стр. 222 — 280. О Гра-Симониче Терентьев, История завоев. Средней Азии, I, 118. Статьи Дюгамеля (автобиография) в Русском Архиве 1885 г., кн. II, стр. 82 126. 222 — 247 Н. М[уравьев], Письма русского из Персии, Спб. 1844; рецензия в Библиот. для Чтения, т. 63, отд. VI. стр. 26 — 30. И. Ф. Бларамберг, Статистическое обозрение Персии, составленное в 1841 г. (Зап. И. Р. Геогр. Общ. кн. VII, 1853), C. A. de Bode, Travels in Luristan and Arabistan, Lond. 1845 (мне недоступно). К. Боде, Путевые заметки (Библ. для Чтения, т. 123, отд. III, стр. 1 — 54); К. Боде, Путешествие в Луристан и Аравистан (ibid., т. 125, отд. III и IV, стр. 117—166, т. 126, отд. III и IV, стр. 29—80). Путевой журнал Е. И. Чирикова, русского комиссара-посредника по турецко-персидскому разграничению 1849 — 52 гг., изд. под редакцией М. А. Гамазова (Зап. Кавк. Отд. Имп. Р. Географ. Общ., кн. IX, 1875). Библиография работ о пограничной полосе в Матер. по изуч. Востока, II, 534. N. de Khanikoff, Mémoire sur la partie méridionale de l'Asie Centrale, Paris 1861 (Recueil de voyages et de mémoires, publ. par la Soc. de géogr., t. VII); N. de Khanikoff, Mémoire sur l'ethnographie de la Perse, Paris 1866 (ibid., t. VIII). А. Я. Миллер Прошлое и настоящее Сеистана („Живая Старина" 1906 г., отд. II, стр. 237—248, 297 — 308). Он же, Малиат Керманской области (Матер. по изуч. Востока, I). A. Chodzko, Specimens of the popular poetry of Persia, Lond. 1842; Grammaire de la langue persane, Paris 1852, 2-oe изд. 1883; Théatre persan, Paris 1878. M. A

Томара. Экономическое положение Персии, Спб. 1895 (отзыв А. Г. Туманского в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., т. X, 299—300). А. Г. Туманский, От Каспийского моря к Хормузскому проливу и обратно, Спб. 1896 г. (Сборн. матер. по Азии, изд. военно-ученого комитета главного штаба, вып. 65). Н. Зарудный, Несколько слов о поездке в Персию в 1896 г. (Изв. И. Р. Геогр. Общ. XXXIV, 209—216); Н. Зарудный, Экскурсия по восточной Персии (Зап. Имп. Р. Геогр. Общ. по общей геогр., т. XXXVI). Его же, Предварительный краткий отчет о поездке в Персию в 1900—1901 г. (Изв. Геогр. Общ. XXXVIII, 127—170); подробнее в Зап. Геогр. Общ. по общей геогр., т. L, 1916. А. Хащаб, Экономич. положение современной Персии и ее торговля с прочими странами (Мир Ислама, I, 1912, 153—184). И. Березин, Путешествие по Востоку, Казань 1849—52. Описание путешествия Дорна в Mélanges asiatiques IV, 429—590. Статьи Дорна в Mém. de l'Acad. 1840—47 под общим заглавием: „Beiträge zur Geschichte der Kaukasischen Länder und Völker aus morgenländischen Quellen"; его же „Auszüge aus morgenländischen Schriftstellern, betreffend das Kaspische Meer und angränzende Länder", Mél. Asiat. VI и VII. Заглавия других трудов о прикаспийских областях и о их наречиях см. в Grundr. der iran. Philologie, Bd. I, 2-te Abt., S. 344—346, в „Краткой грамматике новоперсидского языка" К. Г. Залемана и В. А. Жуковского, Спб. 1890, стр. 99 и в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, 0138 и 0254. В. А. Жуковский, Материалы для изучения персидских наречий, ч. I, Спб. 1888. ч. II, III, Петроград 1921. В. А. Жуковский, Образцы персидского народного творчества, Спб. 1902. В. А. Жуковский, Секта „Людей истины" в Персии (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 1—24). В. А. Жуковский, Российский имп. консул Ф. А. Бакулин в истории изучения бабизма, Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIV, 33—90. Некролог В. А. Жуковского и перечень его трудов там-же. XXV, 399—422. В. А. Иванов, Несколько образцов персидской народной поэзии (там же, XXIII, 33—58). А. А. Ромаскевич, Персидские народные четверостишия (там же, XXIII, 313—347 и XXV, 145—228). О материалах А. А. Ромаскевича еще Изв. Акад. Наук 1919, 451 и сл. В. Ф. Минорский, Материалы для изучения персидской секты „Люди Истины" или Али-Илахи. ч. I, Москва 1911 (Труды по востоков., издав. Лазаревским Институтом, вып. XXXIII). V. Minorsky, Notes sur la Secte des Ahlé-Haqq (1921); там-же перечень других работ автора (заглавия во франц. переводе). Мирза Казем-Бек, Баб и Бабиды, Спб. 1865 (франц. перевод в Journ. Asiat. 1866 г.). А. Г. Туманский, Китабе Акдес. „Священнейшая книга" современных Бабидов, Спб. 1899 (Зап. Имп. Акад. Наук по ист.-фил. отд., VIII серия, т. III, № 6). О работах по бабизму бар. Розена и его учеников ср. Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVIII, прилож., стр. 11—12. О спорах по вопросу об учебном отделении см. Материалы для истории фак. Вост. яз., т. I и II. Collections scientifiques de l'institut des langues orientales du ministère des affaires étrangères, I (1877), III (1886) и VIII (1897). B. Dorn, Catalogue des manuscrits et xylographes orientaux de la Bibl. Impér. Publ. de St.-Pétersbourg, St.-P. 1852. І. Готвальд, Описание арабских рукописей, принадлежавших библ. Имп. Каз. Унив., Казань 1854—55 (Ученые Зап. Имп. Каз. Унив.). М. А., Последнее политическое движение в Персии, вып. I 1906, вып. II 1907. Л. Ф. Богданов, Персия в географ., религиозном, бытовом, торгово-промышл. и администр. отношениях, Спб. 1909. Иран К. Риттера, ч. I, перев. и дополн. Н. В. Ханыков, Спб. 1874. О переводе остальной части Отчет Имп. Р. Геогр. Общ. за 1908 год, стр. 47. P. Tchihatcheff, Asie Mineure, St.-P. 1853—1869. О путешествиях Елисеева см. Историю Имп. Р. Геогр. Общ., стр. 947—950, 1195—1197. О работах Я. И. Смирнова Тураев, История древн. Востока, I, 41. Русский Археологический институт с 1896 г. издавал свои „Известия"; о работах в Малой Азии ср. напр., т. I, Отчет, стр. 25—29; т. II, Отчет, стр. 11—20 и статьи, стр. 77—184. В. Максимов, Опыт исследования тюркских диалектов в Худавендгяре и Карамании, Спб. 1867. В. Писарев, Несколько слов о требизондском диалекте (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIII, 173—201). Краткий отчет о командировке Мартиновича в Изв. Русск. Комит. для изуч. Средней и Восточной Азии, № 7, стр. 52—53. В. Смирнов, Очерк истории турецкой литературы (из „Всеобщей литературы" под ред. В. Ф. Корша и А. И. Кирпичникова, т. IV). А. Крымский, История Турции и ее литературы от расцвета до начала упадка, Москва 1910 (Труды по востоков., издав. Лазар. Инст., вып. XXIX, № 1). Он же, История Турции и ее литературы,

т. I, Москва 1916 (там же, вып. 28, А). А. Кримський, Історія Туреччини, Київ 1924 Українська Акад. Наук, збірник Іст.-Філ. Відділу, № 10). Вл. Гордлевский, Очерки по новой османской литературе, Москва 1912 (Труды... Лазар. Инст., вып. XXXIX). А. Муравьев, Путешествие по святым местам в 1830 г., Спб. 1832. А. Норов, Путешествие. Изд. 2-ое, Спб. 1853 — 54. К. Базили, Сирия и Палестина под турецким правительством. Одесса 1862. В. Н. Хитрово, Библиографический указатель русских книг и статей о святых местах Востока, преимущ. палестинских и синайских (Палестина и Синай, ч. I, вып. I). Н. А. Медников, Палестина от завоевания ее арабами до крестовых походов по арабским источникам, Спб. 1897 — 1902. Импер. Православное Палестинское Общество и его деятельность (1882 — 1907). Истор. записка, составленная проф. А. А. Дмитриевским, Спб. 1907. О „собеседованиях" см. Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. XII (1901) и XIII (1902). О работах в Палестине М. Ростовцев в Христ. Востоке, I, 247 — 266. Брошюра „Русские научные интересы в Палестине и прилежащих областях. Докладчик Е. П. Ковалевский". — По вопросу о задачах русской археологической и исторической науки на Переднем Востоке, Москва 1917. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты, Спб. 1850. О положении русских семитологов замечание П. К. Коковцова в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XIV, стр. X. А. Адамов, Ирак Арабский. Бассорский вилайэт в его прошлом и настоящем, Спб. 1912. Порфирий, Первое путешествие в Синайский монастырь в 1845 г., Спб. 1856. Порфирий, Путешествие по Египту в 1850 г., Спб. 1856. А. Цагарели, Преосвященный Порфирий о грузинских древностях (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. I, 8 — 18). Описание рукописей и книг из собрания преосв. Порфирия в Отчете Импер. Публ. библ. за 1883 г., стр. 11 — 189. А. Цагарели, Памятники грузинской старины в святой земле и на Синае, Спб. 1888 (Правосл. Палест. Сборник, вып. 11). Н. Марр, Предварительный отчет о работах на Синае, веденных в сотрудничестве с И. А. Джаваховым, и в Иерусалиме, в поездку 1902 г. (из Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. т. XIV, ч. II, 1903); также Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XVI, стр. IV — VII. А. А. Васильев, поездка на Синай в 1902 г., Спб. 1904 (из Сообщ. Имп. Правосл. Палест. Общ. т. XV, вып. 3). Главный труд бар. Розена: Император Василий Болгаробойца, Спб. 1883; о его значении и результатах Зап. Вост. Отд., т. XVIII, прилож., стр. 19 — 24; там же, стр. 39 — 47 список трудов бар. Розена. Некролог В. В. Болотова и перечень его трудов в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XIII, 041 — 045. О задачах „Христ. Востока" редакционная статья в т. I, стр. 1 — 5; рец. в „Мире Ислама" I, 1912, 412 — 425. О деятельности М. В. Никольского Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XI, 334. Перечисление главных трудов проф. Тураева см. в Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона XXXIV, 84. О значении его „Истории древнего Востока" Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. XXIV, 259 — 268 Некрологи Б. А. Тураева в Изв. Акад. Наук 1920, 169 — 176 (П. К. Коковцова); Русск. Истор. Журнал, VII, 3 — 6 (С. А. Жебелева). Статьи учеников Б. А. Тураева в Изв. Акад. Ист. Мат. Культуры, Востоке и Новом Востоке о первом съезде русских египтологов. Восток, II, 126 — 130. Новый Восток,; II, 543 — 551. М. И. Ростовцев, Поездка в Египет, Спб. 1908. J. Klaproth, Reise in den Kaukasus und nach Georgien, Halle 1812 — 14; дополненное французское издание: Voyage au mont Caucase et en Géorgie, Paris 1823. Projet d'une Académie Asiatidue, St.-P. 1810. Митроп. Евгений, Историческое изображение Грузии, Спб. 1802. Bibliographie analytique des ouvrages de Mons. M.-F. Brosset, St.-P, 1887; рец. бар. Розена в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. II, 317 — 321. Н. Марр, К столетию дня рождения М. И. Броссе (ibid., XIV, 073 — 078). Бар. П. К. Услар, Этнография Кавказа. Языкознание, Тифлис 1887 — 1892. Тридцатилетие специальных классов Лазаревского Института восточных языков (1872 — 1902). Москва 1903. Н. Я. Марр, К вопросу о задачах арменоведения (Журн. Мин. Нар. Просв., июль 1899 г.); его же, Возникновение и расцвет древне-грузинской светской литературы (ibid., дек. 1899 г.). Библиографию работ об Ани см. в статьях В. Бартольда „Ani" (Enzyklop. des Islam) и „Ани" (2-ое изд. Энциклоп. Слов. Брокгауза и Эфрона); см. также „Список печатных работ, появившихся в свет в связи с археологическим исследованием Ани и его окрестностей" на обложке № 5 „Анийской серии", Спб. 1911). Общая оценка археологических работ в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XXIII, 373 — 411. Краткие сведения об

отдельных памятниках города можно найти в № 4 той же серии (И. Орбели, Краткий путеводитель по городищу Ани, Спб. 1910). А. Берже, Краткий каталог Тифлисской публ. библ., Тифлис 1861. О кавказском сборнике и указателе к 20-ти первым выпускам рец. бар. Розена в Зап. Вост. Отд. Арх. Общ. IX, 292—295. Ссылки на литературу об Эчмиадзине в Bibliogr. anal. des ouvrages de Brosset (см. указатель под словами „Bibliothèques“ и „Edchmiadzin“). Библиография трудов о Дагестане в трудах Е. И. Козубского: 1) Памятн. книжка Дагестанской области. Темир-Хан-Шура 1895; 2) Дагестанский Сборник. вып. I (ibid. 1902) и II (ibid. 1904); 3) История города Дербента, ibid. 1906. О Дагестано-Чеченской экспедиции Новый Восток. V, 238—265. Мнение С. Ф. Ольденбурга в „Востоке“, II, 149 и сл.

Для русской литературы *по археологии* Передней Азии и Кавказа ср. также соответствующие отделы издания К. А. Иностранцева и Я. И. Смирнова „Материалы для библиографии мусульманской археологии из бумаг бар. В. Г. Тизенгаузена“, Спб. 1906 (Зап. Вост. Отд. Арх. Общ., XVI).

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН.

Абагайтуевский караул 198.
Абака, хан 57.
Абакан, р. 190.
Аббас Великий 109—111, 124, 178, 283.
Аббас II 114.
Абд-ар-Реззак 173.
Абдулла, хан 177.
Абдул-Азиз, хан 179, 180, 204.
Абель-Ремюза 129, 142.
Абиссиния 65.
Абих 293.
Аблин Сеиткул 190.
Абу-Зейд 55.
Абулгази 177—179, 184, 206, 207, 216.
Абу-л-Фида 57, 61, 106.
Абульфарадж 70, 116.
Абуль-Хайр, хан 218—221, 231.
Абу-Ма'шар 55, 61.
Авганистан 138, 140—142, 144, 219, 247, 248, 253, 279, 280, 282, 283.
Авган-султан 178.
Август, импер. 11.
Авдиев В. 35.
Аверроэс 78.
Авиасаф 184.
Авиценна 78.
Австралия 95.
Агафий 50, 52.
Агра 102, 182.
Адамов А. 290, 297.
Адамс Виллиам 93, 104.
Адамс (Adams F. O.) 131, 143.
Аделунг 230, 232.
Аден 84, 108.
Адрианополь 80.
Адриатическое море 38, 67.
Азербайджан 161, 164, 284.
Азия 23—26, 29, 30, 32, 34, 37, 38, 41—44, 46—49, 52, 58, 60, 63—65, 68, 71, 73, 79, 81, 83, 85—87, 93, 95, 102, 103, 105, 107, 115, 116, 122, 126, 129, 139, 142, 145, 154, 156, 157, 164—166, 175, 176, 182, 183, 188, 192, 194, 202, 206, 211—213, 216, 226, 229, 233, 240, 254, 270, 272, 275, 277, 281, 287, 288, 290, 291, 293 296, 298.
Азия Малая 6, 7, 29, 36, 38, 40, 60, 71, 72, 80, 82, 106, 113, 116, 117, 120, 148—150, 158, 162, 163, 287, 288, 296.
Азия Средняя 24, 38, 46, 49, 50—55, 57—59, 61—64, 66, 67, 70, 75—77, 79, 89—92, 102, 104, 108, 110, 111, 122, 124, 139, 143, 145, 158, 159, 161, 166, 176—181, 188, 190, 192, 202, 204, 205, 207, 210, 216, 219, 220, 223, 225, 227, 231, 238, 241, 246, 248, 251—254, 257, 258, 260, 262, 264—266, 270, 272, 274, 275, 277, 282, 295, 296.
Азовское море 37.
Азов 170; ср. Тана.
Ай-се 71; см. Изол.
Акбар 89, 90, 92.
Аксу 47, 91.
Акша 227.
Ак-Мечеть см. Перовск.
Алайская долина 251.
Алайский хребет 251.
Алмаз 175.
Албазин 191, 194, 195, 202, 236.
Алдан, р. 188.
Александретта 109.
Александрия (в Арахосии) 45, 58; см. Кандагар.
Александрия (в Египте) 43, 290.
Александровский залив (Бехтир-лиман) 206.
Александровский форт 248.
Александровский хребет 244.
Александр I, импер. 278.
Александр III, папа 66.
Александр VII, папа 99.
Александр Македонский 7, 41—43, 47, 53, 54, 135, 195.
Алексеев В. М. 143.
Алексей Михайлович 189.
Алекторов А. Е. 254.
Аленпо 113, 116.

Алеутские острова 228.
Алжирия 154, 290.
Алим-хан 244, 260.
Алмалык 75, 76.
Алматы (Алма-ата) 246.
Алтай 238, 241, 288.
Алтан-хан монгольский 187
Алтан-хан (в зап. Монголии) 190.
Алькок 131, 143.
Аляска 212, 228.
Амальфи 63.
Амати 95.
Амдо 281.
Америка 61, 75, 85, 104, 105, 116, 157, 159, 160, 188, 211—213, 229.
Аммон 42.
Амстердам 196.
Аму-Дарья 44, 140, 144, 181, 184, 192, 205, 207, 221, 222, 247—249, 252, 257, 258, 265, 266.
Амурский край 188, 236, 239.
Амур 185, 188—191, 194, 195, 197, 202, 211, 226, 234, 236, 237, 240, 241.
Амхерст (Amherst) 126, 142.
Анабад см. Джеханабад.
Анадырский острог (Анадырск) 199, 200, 228.
Анадырь, р. 188, 211.
Анаксимандр 37.
д'Анвиль 104, 105, 121.
Ангара, р. 185, 190, 191, 193.
Англия 93, 110, 113, 115, 116, 118, 120, 123, 127, 129, 133, 141, 142, 144, 145, 151, 160, 163, 176, 187, 202, 224, 228, 247, 253, 278—280, 283, 284.
Ангора 80, 82, 150.
Андижан 207, 253.
д' Андрада Антоний 102.
Андреас 146.
Ани 117, 293, 297, 298.
Аникеев Сергей 182.
Анкетиль-дю-Перрон 23, 117—119, 123, 125.
Анна Иоанновна 201.
Аннам 48, 49.
Антильские острова 85.
Антиохия (Ань-ду) 58, 59.
Антиох I Сотер 43.
Антоний де-Мота 87.
Антонин, архиеп. 289.
Анучин В. И. 237, 241.
Ануша, хан 179, 204.
Ань-дунь (Антонин) 48.
Аполлон Пифийский 37.
Апшеронский полуостров 167.
Араб-Мухаммед, хан 177, 178, 204.
Аравистан 284, 295; см. Сузиана и Хузистан.
Аравия 29, 48, 50, 119, 125, 152—154, 163, 164.
Аравия Каменистая 290.
Аракс 39, 291.
Арало-Каспийская равнина 227.
Арало-Сарыкамышский бассейн 266.
Арал 219.
Аральское море (Синее) 58, 192, 202, 204, 205, 209, 216, 217, 219, 242—244, 249, 253, 254, 266, 267.
Аранская земля 179.
Аранское царство 175.
Арарат 117, 125, 175, 184, 291.
Арахосия 45, 58.
Аргунь, р. 191, 193—195, 197, 198.
Ардебиль 179, 283.
Арзас, р. 192.
Аристагор 37.
Аристей 37, 38, 51.
Аристобул 42.
Аристов Н. А. 144, 280, 282.
Аристотель 15, 40, 41, 43, 45, 51, 52.
Арманго (Armengaud), врач 78.
Армения 41, 72, 78, 117, 149, 162, 163, 292, 293.
Арно (Arnaud) 154, 164.
Арриан 42, 43, 47.
Арсеньев Ю. В. 202.
Артаксеркс II Мнемон 40.
Архангельск 176, 212, 213.
Аршинский Даниил 191.
Арыс, р. 75.
Assemanius J. 79.
Ассирия 5, 28, 35, 43.
Ассурбанипал 28.
Астрахань 111, 123, 124, 176—179, 181—183, 185, 205, 233, 248.
Асур 156.
Асхабад 263, 265, 286.
Асцелин 69, 79.
Атанасовы бр. 227.
Атлантический океан 45, 160.
Атласов Владимир 200.
Аузли В. (W. Ouseley) 145.
Аузли Г. 145.
Аулие-ата 246.
Ауренгзиб 114, 115, 182.
Ауфи 61, 169, 183.
Auzakia 47.
Афины 8, 48, 137.
Афраспаб 264.
Африка 37, 44, 45, 49, 52, 54, 84—86, 106, 122, 124, 154, 157, 159, 160, 266, 288, 291.
Ахмед, министр 73.
Ашур-бек 205.

Babinger Fr. 125, 280.
Бабур 89, 90, 174, 175, 184.
Багдад 53, 54, 83, 113, 120, 156, 159, 166, 175.
Багров Л. С. 79, 86.
Балахшан 91, 207, 219, 280.
Badger G. P. (Бэджер) 124, 155, 164.
Baddeley J. F. 92, 202, 216.
Baer K. E. 241.
База-Баши 274, 281.
Базель 77, 127.

Базили К. 288, 297.
Базинер 259, 266, 267.
Байкал 190, 191, 193, 195—197.
Байков Федор Исакович 189, 190.
Бакинская губ. 168.
Бакинское море 175; см. Каспийское.
Бакмейстер 230.
Бактриана 44.
Бактры 42, 47.
Баку 173, 179, 294.
Бакулин 296.
Бакунин Вас. 209.
Балдуин (иерусалимский) 169, 170.
Балканский полуостров 80, 280.
Ball C. J. 35.
Балтийское море 165.
Балтийское побережье 168.
Балханская бухта (Красные Воды) 206, 252, 258.
Балханский залив 248.
Балхаш 243.
ал-Балхи 54.
Балх 42, 54, 72, 176, 180, 181, 299.
Бамиан 318.
Бантыш-Каменский Н. 202.
Баньчань см. Тешу-лама.
Барадийн Б. Б. 275, 281.
Барбаро Иосафат 83, 86, 173.
Барнаул 239.
Барселона 75.
Барсов 124.
Барсуков 125, 184, 241, 281, 282.
Бартанг 266.
Barth P. 21.
Бартольд В. В. 36, 61, 78, 79, 125, 143, 162—164, 183, 189, 231, 266, 267, 295, 297.
Басра 109, 120.
Бастиан 137, 144.
Батавия 123.
Батум 82.
Батырь 221.
Бахистан (Bagistana) см. Бисутун.
Бахчисарай 225.
Баязид, султан 80, 82.
Bevan E. B. 52.
Бегаим (Behaim) Мартин 85, 86.
Бедвель (Bedwell) 116, 125.
Бейрут 155.
Беккер 164.
Бекович-Черкасский Александр, кн. 205—208, 216, 258.
Ал-Бекри 106.
Бекчурин 224, 231.
Belin de Launay 163.
Bell d'Antermony 202.
Белое море 110, 176, 179.
Белуджистан 144.
Белык 149, 163.
Белью 139.
Беляев И. А. 266.
Бенгази 155, 164.
Бенгалия 108, 123, 274.
Бенгальский залив 49.
Бендер-Аббас 113, 182.
Беневени Флорио 207, 208.
Бенфей (Benfey Th.) 35, 124, 143, 216.
Берг Л. С. 202, 216, 232, 242, 254, 266, 267.
Берг, полковник 242.
Bergk I. A. 125.
Берда'а 167.
Березин И. Н. 80, 215, 285, 296.
Березовский 277.
Березов 186.
Берже А. 298.
Berger H. 51.
Берингов остров 213.
Берингов пролив 216, 228, 232, 234, 239.
Беринг Витус 188, 211, 213, 216.
Берлин 255, 259.
Bernheim E. 21.
Бернье Франсуа (Bernier Fr.) 114, 115, 124.
Берос 43, 52.
Бершем (Berchem) М. ф. 148, 162, 163.
Бетгер Е. К. 267.
Бетлингк 235.
Bezold C. 62.
Бидар 174.
Бийск 270.
Биллингс 228, 231.
Бирма 137.
Бируни 56, 61.
Бисутун 27.
Бичурин о. Иакинф 62, 202, 268, 271, 274, 281.
Бишбалык 277, 282.
Благовещенск 273.
Бланкеннагель 224, 231.
Бларамберг И. Ф. 245, 282, 283, 295.
Ближний (Ляхов) остров 228.
Blochet E. 62.
Бобринский, гр. А. А. 257, 266.
Богаз-кэй 149.
Богданович, проф. 164, 266.
Богданов Андрей 201.
Богданов Л. Ф. 296.
Богданов М. Н. 202.
Богль Джордж 124, 125.
Боголепов М. И. 281.
Богораз В. Г. 240.
Богословский 256.
Боде, бар. (de Bode C. A.) 284, 295.
Боденское озеро 136.
Боккаччио 69, 79.
Bolchert P. 51.
Болдырев 282, 283, 295.
Болонья 77, 108, 122, 125.
Болотов В. В. 291, 297.
Бомбей 119, 123.
Бопп Фр. 133.
Борис Годунов 177, 178.
Боровкурган 210.
Босфор 158, 287, 288.
Ботога 190.

Ботта 27.
Боуэр (Bower) 139, 144.
Боянда 186.
Бразилия 128.
Брамбеус, бар. см. Сенковский.
Bretschneider E. 62, 124, 202.
Brinkley A. 143.
Browne E. G. 125, 148, 163.
Brockelmann C. 61, 124.
Брокгауз 241, 297.
Броневский 292.
Броссе 292, 297.
Брун Ф. 86.
Брюгман 112.
Brünnow R. E. 164.
Bouvat L. 164.
Budge 162.
Бузескул В. П. 22, 35, 51.
Буладмир см. Владимир.
Булгар на Волге 78, 203, 227.
Булич С. К. 232, 282.
Бунге 87.
Бурдуков А. В. 281.
Буркхардт Иоанн 152, 163.
Бурнашев 260.
Бутаков 243.
Бутенев 256.
Бухара 55, 72, 102, 111, 140, 144, 176, 177, 179—182, 184, 192, 204, 207, 208, 210, 216, 217, 219, 222, 224, 242, 244, 247, 248, 254—256, 258, 260, 264, 266, 279, 284.
Бухаров Алексей 178, 179, 184.
Бухарская республика 248.
Бухарское ханство 178, 204, 246, 247, 249, 255—257, 259, 280.
Бухгольц Иван 208, 209, 211, 216.
Бушар 25.
Бушир 153.
Бэджер см. Badger.
Бэрджес (Burgess) 134.
Бэрнс Александр (Burnes) 140, 141, 144, 257.
Бэртон (Burton) 152, 163.
Бюлер (Bühler G.) 35, 126, 143.
Бюрнуф Евгений 119.

Вавилония 27, 28, 40, 43, 55, 56, 156.
Вавилонское царство 175.
Вавилон 5, 27, 29—31, 35, 36, 38, 39, 43, 83, 109, 147, 156.
Валентин Франциск 95.
Валиханов Чокан 275, 276, 281.
делла Валле Пиетро 108—111, 114, 124.
Вальтон 214.
Вамбери 255.
Ван 149.
Ван-янь-дэ 59.
Вань-ли, импер. 187.
Варнер 106.
Вартема Лодовико 108—110, 120, 152.
Васик, халиф 54.
Василий Болгаробойца 297.
Васильев А. А. 52, 78, 290, 297.
Васильев Анисим 181.
Васильев В. П. 104, 269, 272, 281
Васко-де-Гама 84—86.
Weber O. 164.
Weissbach J. H. 162.
Вейс-Мамбет 208.
Велецкий С. Н. 254.
Великий океан 58, 64, 185, 188, 196, 211, 229, 237.
Вельяминов-Зернов 184, 231, 260, 267.
Wenckstern Fr. von 104, 143.
Вендидад 117.
Венеция 71, 73, 78, 84, 108—111.
Венюков 251.
Вербист 97—99, 102.
Веревкин 246, 249.
Вернадский Г. 183.
Вернер 157.
Верный см. Алматы.
Веселовский А. Н. 21.
Веселовский Н. И. 86, 124, 183, 184, 202, 216, 241, 254, 259, 263, 267, 281.
Westberg Fr. 183.
Вецштейн 153.
Вечеслов М. Г. 280.
де-Виверо и Веласко, дон Родриг 95.
Вивьен де-С.-Мартен 149, 163.
Wieland C. M. 125.
Византия 12, 34, 36, 50—52, 60, 63, 80, 82, 165, 169—171.
Вико 15, 16, 22.
Виллиамс 127, 131, 142.
Виллоби 110.
Вильгельм II, король голл. 131.
Вильфорд 123.
Винклер 29, 30, 35, 149, 163.
Висделу 100, 102, 105, 124, 297.
Витебская губ. 168.
Витевский В. Н. 231.
Витзен Николай Корнелиссон 192, 196, 204, 229.
Виткевич 279, 282, 283.
де-Витри Яков 66.
Виенна 77.
Владивосток 235, 237, 239, 240, 275.
Владимир Мономах 170.
Владимир Св. 165, 168, 169, 171.
Владимир Ярославич 169.
Владимирцов Б. Я. 80, 281.
Вланган 244.
Войцеховский 272.
Волга (Ра) 44, 72, 75, 80, 165—167, 169, 171—173, 186, 187, 214, 215.
Wolff J. 144.
Вольней Франсуа 116, 119, 121, 122, 125.
Воронцов, гр. 228.
Врангель 229.
Вронченко 288.
Всеволод Ярославич 170, 183.
Вуд 116, 140, 257.
Wüstenfeld F. 61.

Вяткин В. 61, 263, 267.

Габалы 65.
Габе (Gabet) 128.
Гавердовский 242.
Гагарин Матвей 205.
Газна 142, 318.
Гаити 85.
Гайтон (Гетум) 78.
Галдан-цэрэн 209.
Galib Edhem 163.
Галикарнасс 38.
Галифакс 116.
Гамазов М. А. 284, 295.
дю-Гамель (Du Hamel) 95, 104.
Ганг, р. 42.
Гантемир 194.
Ган, р. 194.
Гань-су 274.
Гань-чжоу 240.
Гао-ли 88.
Garbe R. 92.
Гардан (Gardanne) 145.
Гардизи 55, 61.
Гарнье 137.
Гарфорд Джонс 145.
Gauthiot R. 79.
Гвоздев 212.
Гегель 17.
Геерен 158, 164.
Geiger W. 144.
Gemelli Carreri 115, 125.
Генрих III исп. 80.
Генуя 71, 72.
Герат 108, 123, 173, 279, 280, 283, 284.
Гердер 17, 120, 125.
Германия 82, 105, 112, 120, 129, 131, 148, 151, 162, 163, 165, 192.
Германн 43, 52.
Гернгросс 255.
Геродот 6, 7, 24, 26, 37—40, 42, 69, 121.
Гесиод 3.
Гете 16, 22.
Геттинген 214.
Geyer P. 78.
Гёк-тепе 253.
Гильденштедт (Güldenstädt J. A.) 227, 231.
Гилян 75, 112, 203.
Гималаи 102, 124.
Гиндукуш 141, 144, 180, 181.
Гиргас 290.
Гистасп 27.
Гладышев 220, 221, 231.
Глазер 154.
Глуховской 265.
Гмелин Иоанн Георг 214, 226, 291.
Гмелин Самуил 226.
Гоа 86, 87, 90.
Гоби 273.
Гобиль 101, 103, 105.
Годар (Godard) 318.
Годунов см. Борис.
Годунов Петр Ив. 192.
Голенищев 291.
Голиус Яков 106, 113, 124.
Голландия 93, 106, 115, 120, 162.
Головин Федор 195.
Головкин 236.
Головнин В. М. 234, 241.
Голстунский 269.
Голубев 251.
Голубков 161.
Гольдцинэр 143.
Гольштейн 112, 113.
Гонконг 127.
Гончаров 234.
Горбица, р. 195, 196.
Гордлевский Вл. 288, 297.
Горский Ив. 181.
Горчаков, кн. 244, 246, 254.
Готвальд I. 287, 296.
Готланд 165, 183.
Гоэс Бенедикт 89—92, 111.
Grey Ch. 86.
Grey E. 124.
Греция 5, 8, 10, 15, 22, 36, 37, 116.
Грибов Анисим 179.
Григорий IX, папа 72.
Григорьев В. В. 52, 62, 79, 92, 161, 183, 224, 231, 266, 276, 277, 281.
Гродеков 264, 280, 282.
Грозье 101.
Гротефенд 26, 27, 120.
Grothe H. 149, 163, 164.
Грузия 175, 227, 291—294, 297.
Грум-Гржимайло, бр. 274, 277.
Грум-Гржимайло Г. Е. 281.
Грюбер 102.
Grünwedel A. 79.
Гуармани 153.
де-Гуе 61.
Гулистан 113.
Гуляев 221.
Гумбольдт Александр 157—159, 161, 164, 238, 251.
Gunkel H. 21.
Гурбевд 181.
Гургандж 170; ср. Куня-Ургенч и Ургенч.
Гурьев, город 243.
Гучен 273.
Гуюк 68, 69.
Гюк (Huc) 104, 128, 143.
Гюлистан, гор. 291.
Гюцлаф (Gutzlaff) 127, 131, 142.
Гянджа (Елисаветполь) 294.

Давид, легенд. царь 66—68.
Давид, царь евр. 6, 66.
Давыдов 234.
Дагестан 173, 215, 226, 227, 285, 298.
Далай-Нор 194, 195.
Dallet 132.
Dalman G. 164.
Дамаск 84, 108, 153.

Данибегов Рафаил 227, 228, 231.
Даниил, игум. 169, 170, 183.
Даниил см. Сивиллов.
Данилевский 259, 266.
Данишменд 115.
Данияр-бек 224.
Дарваз 247, 266.
Дарданеллы 287.
Дарий 27, 146, 162.
Даудов Вас. Александр. 180, 181, 184.
Даукинс 116.
Даурская земля 189.
Да-цин (Римская имп.) 58.
Девлет-Гирей см. Бекович.
Девлет-Гирей, крепость 206.
Дегинь (Degulnes) 102, 105.
Дежнев Семен 188, 202.
Дезидери Ипполит 102.
Дели 136, 180—182.
Делиль, знам. географ. 103—105, 204, 214.
Делиль (в России) 215.
Делиль-де-ля Круаер 214.
Delmar Morgan E. 124.
Делос, остров 9, 38.
Денбей 200.
Дем зон (Desmaisons) 184, 255.
Дербент 39, 173, 203, 294.
Десима 94, 95, 104.
Джавахов И. А., кн. 80, 290, 297.
Джагатай 91.
Джанибек 77.
Джаргалан, р. 210.
Джахиз 55.
Джейхани 54, 55.
Джексон (Jackson) 52, 148, 162.
Дженкинсон Антоний 111, 122, 124, 176, 177.
Джеханабад 181.
Джехангир 122.
Джидда 87, 108.
Джизак 247.
Джонс 23, 35, 133.
Джувейни 66.
Джунгария 216, 222, 273.
Джунейр 174.
Джурабек 257.
Джурджан (Гиркания) 166, 167.
Диез (Diez) Педро 87.
Дикеарх 43.
Диттель 285.
Диодор 11, 14, 24, 40, 43.
Дионисий Периегет 46.
Диу 173.
Дмитриевский А. А. 297.
Днестр 170.
Доброй Надежды м. 84.
Добросмыслов А. И. 254, 267.
Добрыня 171.
Domaszewski A. 164.
Донгола 152.
Дон 75, 166, 170, 183; ср. Танаис.
Дорн Б. 183, 279, 285, 287, 296.
Дорчжи 211.
Доти (Doughty) 153, 163.
Доусон (Dowson J.) 92, 125, 133, 143.
Дьеляфуа (Dieulafoy) г-жа 146, 162.
Дьяков А. 254.
Дэвис 126, 127.
Дюгальд (du Halde) 101, 103, 104.
Дюгамель 283, 295.
Dugat G. 80, 124, 164.
Дюмареск 230.
Dümichen J. 35.
Dussaud R. 22.

Евгений, митр. 292, 297.
Евгений IV, папа 84.
Евклид 15.
Европа 12, 15, 16, 22—24, 28, 30—34, 37, 38, 41, 44, 45, 49, 51—53, 56, 57, 59—61, 65, 67, 68, 70. 72, 75—78, 80, 83, 84, 86, 88. 93, 96, 97, 99, 101, 103, 105, 107, 108, 111, 114, 115, 119, 121, 124, 127, 129, 131—133, 135, 136. 140, 146. 152, 154, 157—160, 165, 166, 168—172, 183, 187, 191, 192, 206, 212, 213, 216, 230, 232, 261, 273, 278, 279, 292.
Евтихий 116.
Евфрат 42. 45, 84, 175.
Египет 4, 5, 24, 26, 29, 30, 35, 36, 38, 41, 43, 47, 48, 52, 71, 76, 77, 84, 87, 108, 109, 113, 115, 116. 119—121, 125, 154, 155, 290, 291, 297.
Едигей 82.
Екатерина II 221, 224—226, 229—233.
Елизавета Петровна 225.
Елисеев,д-р 288, 290, 296.
Енги-Кала 231.
Енисей, р. 54, 185, 186, 190, 193, 213, 217, 239, 240, 270.
Енисейск 185, 190, 193.
Еркеть см. Эркеть.
Ермак 185, 186, 191.
Ермолов 258.
Ефремов Филипп 224, 231.

Жебелев С. А. 22, 52.
Жербильон 98, 102, 195.
Желтая река 281.
Жуковский В. А. 144, 163, 184, 265, 267, 286. 296.
Жуковский С. В. 231, 254, 266.

Заалайский хребет 251.
Забайкалье (Забайкальский край) 231, 268.
Заилийский край 251.
Зайсанский пост (Зайсан) 209, 273, 281.
Зайсан-Нор, оз. 209.
Зайтун (Цюэн-чжоу-фу) 55.
Закавказье 145, 167, 285.
Закаспийская область 248.
Залеман К. Г. (Salemann) 0, 163, 254, 296.

Зарафшанские горы 266.
Зардандан 74.
Зарре (Fr. Sarre) 146, 148, 162, 164.
Зарубин И. И. 266.
Зарудный Н. 285, 296.
Зарунский, атам. 178.
Заряфшан, р. 192, 247, 251, 256, 257.
Захаров 281.
Заяев 225, 226, 231.
Зверев Полуект 182, 184.
Зеланд 277, 281.
Земарх 51, 52.
Зено Катерино 83.
Зея, р. 188, 194.
Зибольд 61, 96, 104, 143.
Зиновьев 189.
Золотая Орда 77, 82, 171.
Зондские острова 54, 84, 122, 123.
Зороастр 117, 118.
Зосима, иеродиакон 170.
Зульфикар 74.

Иакинф см. Бичурин.
Ибн-Вахб 55.
Ибн-Рустэ 61, 168.
Ибн-Фадлан 169, 183.
Ибн-ал-Факих 61.
Ибн Халлун 13—16, 22, 60.
Ибн-Хаукаль 54, 61, 166, 167, 183.
Ибн Хордадбех 54, 55, 61, 166.
Ибн-Юнус 56.
Ибрагим-ибн-Якуб 183.
Иван Грозный 176.
Иванин 243.
Иванов В. А. 266, 286, 296.
Ивановский А. О. 202.
Ивашинцев 243.
Иверские горы 175.
Игельстром 225.
Игнатий, диакон 170.
Игнатьев 256.
Игумнов 268.
Идриси 57, 61, 106.
Иеддо (Токио) 95.
Иезд 173
Йемен 48, 108, 119, 154.
Иерусалимское королевство 65.
Иерусалим 62, 109, 151, 175, 289, 297.
Иесо, остр в 94, 229.
Избрант Е. (Эв. Избранд Идес) 196.
Измайлов 197, 198, 202
Изол (Исол), пизанец 71, 79.
Иисус 63; ср. Христос.
Иконий 249; см. Конья.
Иларион, мигроп. 165, 183.
Или 210, 245. 246.
Илийский край см. Кульджинский край.
Ишимск 197.
Ильбарс 178.
Имай 110.
Имаам-Кули 178.
Ингельхейм 165. 165.
Ингода, р. 190, 193.
Индигирка 229.
Индийский архипелаг 108.
Индийский ок. (Эрифрейский) 47—50, 87, 145, 174, 285.
Индийское море 175.
Индия 4, 5, 13, 23, 24, 35, 39, 40, 42—50, 52, 54—56, 59, 61, 64—66, 68, 76, 84, 86, 87, 89—93, 95, 102, 105, 108, 109, 111, 113—120, 122—124, 126, 127, 130, 132—139, 141, 154, 156, 158, 160, 173—175, 177, 179—184, 187, 193, 194, 205, 219, 221, 224, 227, 231, 274, 277—280, 282.
Индо-Китай 72, 84, 137, 138, 144, 174.
Индустан 72, 75.
Инд, р. 39, 41, 90.
Иннокентий IV, папа 68.
Иннокентий X, папа 99.
Иностранцев К. А. 298.
Иоанн III 172, 173.
Иоанн, свящ. (легенд.) 65—68, 70, 76, 79, 84, 86.
Иосифа св. университет 155.
Ирак Арабский 297.
Иранское плоскогорье 73, 145, 147.
Иран 41, 52, 117, 145, 147, 148, 150, 156, 162, 287, 296.
Иркутск 197, 201, 229, 239, 240.
Иркутская губ. 225.
Ир-Назар-бай Максютов 224.
Иртыш 54, 172, 185, 189, 208—211, 227, 243, 244.
Иса см. Изол.
Исаак, армянин 91.
Исидор харакский 45, 46, 52, 58.
Исмаил ногайский 176, 184.
Исмаил, шах 107.
Испания 45, 52, 111, 116, 179, 184.
Иссык-куль 64, 78, 210, 251.
Исталиф 181.
Истахри 39, 54.
Истрин В. М. 79.
Исфахан 53, 112, 113, 115, 116, 146, 159, 175, 283.
Италия 45, 75, 110, 111, 116, 159, 160.
Итиль 166, 167.
И'тимад-ас-салтанэ 148, 163.
И-цзин 59.
Jacquet 79.
Jaubert A. 61.
Julien St. 62.

Кабульская долина 181.
Кабул 90, 123, 141, 142, 180, 181, 318.
Кавказский хребет 44, 175, 231.
Кавказ 52, 119, 144, 148, 207, 227, 248, 258, 284, 292, 293, 297, 298.
Казалинск 243.
Казанская губ. 223.
Казанское ханство 231.
Казань 176, 177, 181, 185, 232, 269, 272, 279, 280, 283.
Казвин 180.

Казем-Бек 283, 286, 295, 296.
Каин 218, 221.
Каир 61, 115, 137, 154, 163.
Kahle P. 164.
Калидаса 133.
Каликут (Каликот) 84, 108, 109, 123, 136, 174.
Калмыков А. 267.
Каль Е. 267.
Кам 281.
Кама, р. 166, 185.
Камчатка 188, 199—201, 212—214, 229, 234, 239.
Кананор 108.
Кандагар 45, 58, 123, 180.
Канджут 139.
Кандия 116; ср. Крит.
Каннингэм (Cunningham) 134, 135.
Канси 97—100, 103, 210.
Кантонский залив 87.
Кантон 55, 87, 100, 126, 128.
Каракорум 70, 72, 270.
Карамания 296.
Карамзин 183, 184, 187, 202.
Карась, р. 175.
Каратегин 266.
Карл Великий 78, 79.
Карл II англ. 113, 123.
Карл V 107.
Карсавин Л. П. 21.
Карфаген 10, 18.
Карши 181, 254.
Касимов, гор. 178, 193.
Касимов Махмет-Исуп (Мухаммед-Юсуф) 180—182.
Каспийское море (Хвалисское, Хвалимское, Каспий) 39, 42, 44, 52, 66, 69, 75, 79, 85, 86, 111, 112, 123, 145, 166, 172—175, 177, 179, 183, 192, 203—206, 222, 242, 243, 248, 249, 252—254, 266, 285, 296.
Кастрен (Castrén M. A.) 237, 238, 241.
Катай (Cathay) 75, 85, 89—91; ср. Хитай.
Катиф 153.
Каулинг (Couling) 130, 131.
Каульбарс 251, 265, 276.
Каутский 35.
Кауфман И. И. 183.
фон-Кауфман К. П. 247—249, 251, 252, 254, 256, 261, 262, 266, 267.
Кафаров о. Палладий 79, 202, 272, 273, 281.
Кафиристан 141.
Кашан 173.
Кашгар 91, 224, 266.
Кашгария 277, 281.
Кашмир 60, 115, 138, 228.
Келиф 181.
Кельн 91, 97.
Кемпфер Энгельберт 95, 96, 104.
Кемчик, р. 190.
Kennelly M. 142.
Кер 219, 231.
Керия 211.
Керки 248.
Керман 284.
Кер-Портер 145.
Кесария 69.
Кетский острог 186.
Кеть, р. 193.
Киев 167.
Кильхорн 136.
King 162.
Кипр 30, 69, 116, 120, 151.
Кир 27, 39.
Киракос 78.
Киргизский край 250.
Киренск 191.
Кириллов 212, 216, 219, 243, 244.
Кир Младший 40.
Кирпичников А. И. 296.
Китай 4, 34, 36, 46, 48—50, 52, 54—62, 64, 66, 68, 71—77, 79, 81, 85, 87—89, 91—94, 96—105, 108, 110, 111, 113, 114, 116, 126—130, 137—139, 142, 143, 156, 171, 172, 174, 176, 184, 186, 187, 190, 191, 193—199, 202, 210, 216, 222, 236, 237, 240, 249, 250, 268, 269, 271—275, 280, 281; см. также Катай, Махачина, Хитай, Чина и Чин.
Клавихо 80, 81, 86.
Клапрот 292, 297.
Клеменц 277, 282.
Клеомен 37.
Климент IV, папа 72.
Clifford H. 144.
Кобдо 273.
Кобеко Д. Ф. 183, 184, 281.
Ковалевский В. 244, 255.
Ковалевский Е. 268, 280.
Ковалевский Е. П. 297.
Ковалевский Ос. Мих. 244, 255, 268, 269.
Кожин 205, 216.
Козлов П. К. 274, 281.
Козубский Е. И. 215, 298.
Козьма Индоплазатель 47, 50.
Кокандское ханство 244—247, 251, 254, 255, 260, 261, 267, 276.
Коканд 224, 244, 260, 266.
Коковцев П. К. 79, 183, 184, 289, 297.
Колумб 45, 75, 85, 86.
Колыванская область 225.
Колыма, р. 188, 211.
Кольбер 96, 114, 115.
Кольбрук (Colebrooke) 133.
Колючин остров 228, 229.
Комаров А. В. 266, 267.
Кондаков Н. П. 289.
Conder C. X. 35.
Коноли (Conolly A.) 141, 144.
Конрад Н. И. 143, 241.
Константинополь 71, 81, 82, 109, 120, 122, 137, 150, 158, 162, 169, 170 172, 175, 183, 225, 288; ср. Царьград.

Константин антиохийский см. Козьма.
Контарини Амвросий 83, 86, 173.
Конти Николо 84, 86, 174.
Конт Огюст 16.
Конфуций 32, 98, 104.
Коншин 254, 265, 266.
Конья 149, 163, 225.
Coothe C. H. 124.
Копал 243.
Коперник 15.
Кордт В. 202.
Кордье (Cordier) 79, 104, 124, 130, 137, 143, 144.
Корелин М. 79, 80.
Корея (Корейский полуостров) 54, 88, 92, 95, 102, 104, 105, 131, 132, 143, 198, 281.
Корнилов 277, 281.
Корсунь 171.
Корш В. Ф. 296.
Костенко Л. Ф. 267, 282.
Кост (Coste) 146.
Котвич В. Л. 144, 202, 216, 254, 271, 281.
Котельный остров 228.
Красильников 214.
Красноводск 206, 248, 249.
Красногорская станица 219.
Красное море 75.
Красноярск 185, 234.
Крачковский И. Ю. 104, 125, 164.
Крашенинников 214.
Kremer A. 163.
Крит 5, 22; ср. Кандия.
Кришна, р. 174.
Кронеман 192.
Крузенштерн 233, 241.
Крым 71, 180, 184, 225, 233.
Крымский А. 80, 288, 296, 297.
Ксаверий 87.
Ксенофонт 40, 42.
Ксеркс 27, 38, 39.
Ктесий 40, 42, 43, 51.
Куба, остров 85.
Кудама 61.
Kugler Fr. X. 35.
Кузьма, мастер 171.
Куку-хото 273.
Кук 216, 228.
Кульджа 75, 244, 250, 281.
Кульджинский край 64, 249, 250.
Кун А. Л. 267.
Куня-Ургенч 75, 170; ср. Ургенч.
Courant 132.
Курдистан 41, 284.
Курильские острова 214.
Куров Димитрий 186.
Куропаткин 276, 277, 281.
Курская губ. 223.
Курская река (Кура) 175.
Кутахия 159.
Kuun G. 80, 259.
Куча 51, 64, 91, 139, 140.
Кучлук 66, 67, 70.
Кучум 186.
Кызыл-Арват 253, 265.
Кэрзон (Curzon) 145, 146, 162.
Кэри (Carey) 139, 144.
Кюль-тегин 270.
Кюнер Н. В. 92, 104, 125, 132, 138, 143, 144, 275.
Кю-сю 87, 88, 93.
Кяхта 198.

Лавкай 189.
Лавран 281.
Лаврентия св. остров 212.
Лагор 90.
Лагре 137.
Ладак 138.
Ладыженский 236, 241.
Лаксман Адам 229, 232, 233.
Лаксман Эрик 229.
Ланге 197, 198, 202.
Ланглес (Langlès L.) 35, 104.
Ланглуа 21.
Лаппо-Данилевский А. С. 21.
Лассен 134, 143.
Laufer B. 62.
Лаяццо (Аяс) 72.
Лебедев Герасим 222, 278, 282.
Лебрен 122, 125.
Лев X, папа 106.
Лев африканский 106.
Левенклау (Leunclavius) 105.
Левшин А. И. 231, 242.
Legge J. 62.
Ледовитый ок. 73, 93; ср. Северный океан.
Лежайский Иларион 197.
Лейбниц 229.
Лейден 120, 131.
Лейярд (Layard) 156, 164.
v. Le Coq A. 79.
Леман 149, 163, 256.
Лемм О. Э. 242, 291.
Лена, р. 185, 186, 188, 200, 213.
Лепехин 227, 231.
Лерх П. И. 256, 259, 266, 267.
Лессар 264.
Le Strange 164.
Ливийская пустыня 42.
Ливия 155.
Лидия 37, 51.
Ликейские острова (Лю-цю) 87.
Lindner Th. 36, 86, 162.
Линней 96.
Линчепинг (Linköping) 209.
Lippert J. 61.
Лиссабон 85, 108.
Литке 234.
Литва 252.
Лихарев Иван 209.
Лихачев А. 183.
Лоб-Нор 281.
Лобысевич Ф. Н. 254.

Логофет Д. Н. 257, 266.
Лод (Laud) 116.
Лойола Игнатий 87.
Локхарт 141.
Ломоносов 230.
Лондон 136, 147.
де-Лонжюмо Андрей 69.
Лоренцо 124.
де-Луинь (Luynes) 154, 163.
Луристан 284, 295.
Лхаса 76, 102, 124, 128, 138, 225, 274, 275.
Лыкошин Н. С. 266.
Любимов А. Е. 184, 202.
Людовик IX 69, 70.
Людовик XIV 113.
Людовик XV 118.
Людовик, импер. 165.
Ляхов 228, 231.
Ляхов остров см. Ближний.

Магакия 80.
Мадагаскар 73.
Мадали-хан 244.
Маев Н. 231.
Maës Titianus 47.
Мазандеран 39, 173.
Major R. H. 86, 92.
Майначен 198.
Макао 87, 88, 99, 100, 127, 128.
Макартней 126, 142.
ал-Макин 116.
Максимов А. 266.
Максимов В. 288, 296.
Макшеев А. И. 216, 254.
Малакка 87, 116.
Малеин А. И. 79.
Малинков Семен (Маленький) 182—184.
Маллицкий Н. Г. 254.
Малов С. Е. 277.
Малый остров 228.
Малькольм (Malcolm J.) 140, 145, 146, 162.
Малья 101.
Мамет-Кул 186.
Мамун, халиф 53.
Мангазея 185.
Манги (Мань-цзы) 89.
Мангышлак (Мангышлакский полуостров) 111, 179, 205, 222, 248, 249.
Мандевиль Джон 76, 79.
Манефон 43, 52.
Мани 139.
Манн О. 162.
Маннинг 124, 125, 128.
Мансур, халиф 53.
Манувл, король 84.
дю-Ман Рафаил (du Mans) 113, 114, 124.
Маншук 82.
Маньчжурия 98, 102, 128, 219, 234, 236, 273, 281.
Маргелан 207.
Мариинский пост (Мариинск) 236.
Мариньолли 76.
Марин тирский 47.
Мария, дева 63.
Марк Аврелий 48.
Марков А. К. 183.
Марко Поло 72—77, 79, 83, 85, 86, 88, 89, 91, 273, 281.
Марк Руф 173.
Маркс К. 35.
Марокко 106, 154.
Marquart J. 61, 144, 183.
Марр Н. Я. 37, 44, 51, 52, 80, 139, 144, 231, 289, 290, 293, 297.
Marshall (Маршаль Джон) 134, 143.
Марсильи 122, 125.
Мартини 99, 101, 106, 193.
Мартинович 288, 296.
Мартьянов Н. М. 239.
Масальский В. 254, 267.
Маскат 119.
Мас'уди 56, 61, 106.
Матвеев 280, 282.
Матусовский З. 273, 280.
Махачина 48; см. Мачин.
Махмет-Али (бух. посол) 177.
Махмет-Кул (Мухаммед-Кули) 178.
Махмуд кашг. 55, 61, 73, 142, 144.
Мачин 174; см. Махачина.
Мая, р. 188.
Мегасфен 42.
Медведев Никита 180.
Медина 87, 151—153.
Медников Н. А. 289, 297.
Межов В. И. 241, 261.
Мейер (Meyer Ed.) 35, 250
Мейендорф 255.
Мекка 87, 90, 108, 151, 152.
Мексика 159, 160.
Ме-ли-и-лин 60.
Мелиоранский П. М. 183, 254, 271.
Мельгунов 285.
Менандр Протектор 51.
Мендеце Пинто 87.
Мендоза 88, 92.
Мендрин В. Н. 235, 241.
Менцель (Mentzel) 196.
Меншиков 216.
Мерага 57.
Мерв 140, 179, 224, 253, 254, 265, 267.
Мерик Джон Уильям 187.
Меркатор 86, 124.
Мертвое море 151—153.
Месопотамия 28—30, 32, 38, 41, 71, 80, 109, 116, 149, 154—156, 163, 290.
Мессершмидт 207, 212.
Мехмед-Али (егип.) 152, 288.
Мешхед 179.
Миддендорф 161, 164, 216, 235, 236, 241, 261
Милет 6, 36, 37, 150.
Миллер А. Я. 284, 295.
Миллер Герхард-Фридрих 79, 188, 195, 202, 214—216.

Миллер, поручик 221.
Милованов Игнатий 191.
Минаев И. П. 62, 79, 144, 174, 184, 278, 279, 282.
Минорский В. Ф. 163, 286, 296.
Минусинский край 185.
Минусинск 239.
Мирза-Шемс-Бухари 266.
Михаил VII, имп. 80.
Михаил Федорович 112, 124, 178, 179, 187, 202.
Михаэлис 119, 120.
Могилян 270.
Моисей 35.
Моисей Хоренский 50, 52.
Молдавия 193.
Molinier A. 78.
Молла Ниязи Мухаммед бен Ашур Мухаммед 267.
Молуккские острова 95, 108.
Монголия 34, 51, 60, 65—70, 102, 128, 171, 172, 186, 187, 189, 190, 196—198, 202, 216, 219, 239, 268—270, 273, 274, 280, 281.
Монпелье 78.
Montalto de Jésus C. A. 92.
Монтанус Арнольд 95.
Монтгомери 138.
де-Монте Корвино Иоанн 76, 89.
Монтескье 16.
де-Морган (Morgan J.) 147, 162.
Mordtmann J. H. 124.
Мориер (Morier J.) 145, 162.
Морозко Лука 200.
Моррисон 126, 142.
Moshemius L. 79.
Москва 96, 112, 124, 172—178, 181, 184, 186, 189—193, 200, 204, 228, 233, 235, 278, 280, 289, 293.
Московское царство 172.
Мосуль 157.
Мстигорев 209.
Музаффар-ад-дин 287.
Мукаддаси 61.
Муктафи, халиф 169.
Мундов Андрей 186.
Мунис (Шир-Мухаммед) 216.
Мункэ 70, 78.
Munro J. A. R. 163.
Муравин 220, 221, 231.
Муравьев-Амурский 236.
Муравьев А. Н. 288, 292, 297.
Муравьев Николай (Муравьев-Карский) 216, 231, 258.
Муравьев Н., путешеств. 283, 295.
Муркрофт 140.
Мурметка, татарин 181.
Мусин-Пушкин М. Н. 232, 268.
Мухаммед-ибн-Абд-ал-Ваххаб 152.
Мухаммед, пророк 98, 104, 115, 155, 172.
Мухаммед, хорезмшах 66.
Мухлинский 288.
Мушкетов И. В. 144, 164, 231, 254, 266.
Мэссон 140.
Müller F. W. K. 79.
Müller G. F. см. Миллер Г.-Ф.

Набунид 29.
Nachod O. 92.
Нагасаки 94, 95, 233, 234.
Надир 122, 203, 220, 221.
Назаров, переводчик 220.
Назаров Филипп 260.
Назимов 220.
Наливкин В. П. 254, 261.
Наливкины 261, 267.
Nallino C. A. 61.
Наманганский уезд 261.
Нанай 261.
Нанкин 142.
Наполеон I 24, 140, 145, 154.
Наполеон III 151.
Нарамсин 29.
Наршахи Мухаммед 266.
Нарым 186.
Насир-ад-дин Туси 57.
Насир-ад-дин, шах 148, 163.
Неаполь 22, 78, 80, 115.
Неарх 42, 46.
Нева 234.
Невельский 236.
Негри 255.
Нейманн К.-Ф. (Neumann) 52, 104, 126, 127, 142.
Нельдеке (Nöldeke Th.) 146, 163.
Немуро 229.
Нешлюев 220, 221, 231.
Нерчинск 98, 191, 193—195, 197, 202.
Несторий 63.
Нестор-Искандер 170, 183.
Neumann K. J. 52, 104.
Нечай 177.
Нибур, историк 15, 22.
Нибур, путеш. 119—122, 125.
Нижне-Колымск 188.
Нижний Новгород 171.
Никитин Афанасий 173, 174, 180, 184, 278.
Никифор Вотаниат 60.
Никифор Мелиссин 60, 62.
Никифоров 259.
Николаевский пост 236.
Николай Дамаскин 40.
Николай, имп. 232, 236.
Николай Константинович, вел. кн. 262, 265.
Никольский М. В. 289, 291, 297.
Никополь 80, 82.
Нил 125, 152, 266.
Ниневия 27, 156.
Нипон 94.
Новая Сибирь, остров 228.
Новгород 172.
Ново-Петровское укрепление (форт Александровский) 248.

Ново-Сибирские острова 228.
Нонни, р. 194, 197.
Норденшельд 213, 215, 216, 231.
Норов А. 288, 290, 297.
Ноэль (Noël) 101.
Нубия 290.
Нур-Али 221.
Нюрнберг 85.

Обручев 265, 274.
Обская губа 185.
Обухов 191.
Обь, р. 172, 185, 187, 193, 213.
Огул-Гаймыш 69.
Огурчинские острова 222.
Одорик 76, 79.
Ока 185.
Окерблад 25.
Оксеншерна 192.
Оксфорд 77, 136.
Oldenberg H. 143.
Олеарий Адам (Эльшлегер) 112, 113, 124.
Олег 183.
Олекма, р. 188.
Олесников А. А. 289.
Ольденбург С. Ф. 36, 124, 125, 143, 144, 277, 281, 282, 295, 297.
Омар Хайям 162.
Омар-хан 244, 260.
Омск 208, 243.
Омь, р. 208, 211.
Онесикрит 47.
Онкен 35.
Онон, р. 227.
Oppert G. 79.
Орбели И. 162, 163, 298.
д'Орвиль 102.
Оренбургская губ. 220.
Оренбургский край 231.
Оренбург 219, 220, 223, 224, 227, 231, 242, 243, 247, 249, 250, 252—255, 258—260.
d'Orléans Pierre Joseph 104.
Ормузский прол. 285, 296.
Ормуз 72, 83, 84, 86, 173.
Орначь 170.
Орск 219, 220, 243.
Ортелиус 86.
Орхон, р. 70, 197, 270.
Орь, р. 219.
Османская империя 150, 163; ср. Турецкое царство и Турция.
Осман, халиф 257.
Оснер Конрад 201.
д'Оссон Мураджа 122, 125.
Ост-Индия 95.
Отрар 75.
Оттон Фрейзингенский 65.
Охотск 188, 211—213.
Охотское море 200.

Павел, ап. 33.
Пави Авг. 137.
Павсаний 46.
Pagès L. 104.
Пазухины 179—182.
Палестина 6, 62, 63, 120, 150, 151, 163, 164, 169, 170, 175, 183, 288—290, 297.
Палладий см. Кафаров.
Паллас Петр-Симон 35, 214, 227, 230, 231.
Пальгрев (Palgrave) 153, 163.
Пальмира 116, 154.
Пальмквист 192.
Памир (Памирская возв.) 72, 96, 251.
Панин Василий 173.
Пантусов Н. Н. 254, 267.
Парвата 174.
Париж 77, 96, 105, 117, 118, 121, 122, 131, 147, 149, 158, 204, 255, 278.
Патканов К. 50, 52, 80.
Патрокл 42, 52.
Пахомов Е. А. 183.
Пашков Афанасий 190, 191.
Певцов М. В. 273, 274, 281.
Пеголотти Бальдуччи 75.
Пегу (Певгу) 174.
Пейтингер 45.
Пекарский П. 231.
Пекарский Эд. 216, 240, 241.
Пекин (Ханбалык) 72—76, 88, 91, 100—102, 128, 187, 189, 190, 193—199, 202, 235, 271—273, 281, 283.
Пелли 153.
Pelliot 52, 61, 62, 79, 92.
Пелопоннес 37.
Пелым 189.
Перван 180.
Перейра 98, 195.
Перес д'Андрада Фердинанд 87.
Переяславец 167.
Пермский край 186.
Пермь 186.
Перовский 242, 245, 248, 258.
Перовск (форт Перовский) 245.
Перри 131.
Персеполь 26. 83, 109, 114, 120, 146.
Персиваль (Percival R.) 123, 125.
Персидский зал. 42, 72, 95, 109, 119, 153, 179, 284, 285.
Персидское царство 175.
Персия 27, 32, 33, 39, 50—52, 57, 60, 61, 63, 64, 71, 72, 77, 80—83, 86, 87, 96, 107—109, 111—117, 119, 122, 124, 125, 140, 141, 142, 144—148, 150, 154, 162, 163, 172—175, 177, 178, 180, 182, 184, 187, 203, 207, 224, 227, 253, 265, 279, 282—287, 291, 295, 296.
Перфильев Иван 190.
Перфильев Максим 190.
Петербург 132, 199—203, 207, 209, 210, 212, 214, 218, 219, 228, 230, 233—236, 239, 254, 262, 268—270, 278—280, 283, 286—288, 292.

Петлин Иван 186, 187, 202.
Петра 154, 164.
Петр Великий 164, 182, 188, 192, 196, 197, 199, 200, 203, 204, 207, 208, 210—212, 215, 216, 218, 227, 229, 248, 294.
Петро-Александровск 249.
Петров Иван 186, 187.
Петров, санскритист 278, 282.
Петровский Н. Ф. 277, 281.
Петропавловск 213, 260.
Печора 185.
Пешавер 141. 180.
Peschel O. 79, 86, 104, 105, 124, 125, 164.
Пещуров 272.
Пиза 71.
Пимен, митроп. 170.
Писарев В. 288, 296.
Пицигани, бр. 75, 79.
Pischel R. 35.
Пишпек 64.
Плано Карпини 68—70, 79, 170, 171, 183.
Платон 7, 10.
Пленисниер 228.
Плиний Старший 43—45, 52.
Поволжье 167.
Погодин М. 119, 125, 184, 241, 281, 282.
Поджио Браччиолини 84.
Позднеев А. 231, 269, 274, 280, 281.
Позднеев Д. 216, 232, 241, 281.
Покок Ричард 116, 125.
Покок Эдуард 116, 125.
Покровский Ф. И. 202.
Поливий 9—12, 18, 37.
Поло см. Марко.
Поло Маттео 71, 72.
Поло Николо 71, 72.
Поляков Степан 193.
Поморцев Демьян (Гонза) 200, 201, 214.
Помпей 44, 52.
Попов А. В. 268, 269.
Попов А. Н. 216.
Попов П. С. 273.
Порденон 76.
Порсу 206.
Португалия 92, 93, 179.
Порфирий, архим. 290, 297.
Посольский мыс 190.
Поспелов 243, 260.
Постель Гильом 105, 124.
Потанин Г. 241, 269, 274.
Потанин, Н. 260, 267.
Pauthier G. 79.
Pott A. F. 86.
Поттинджер Эльдред 283.
Поярков Василий 188, 190.
Прашек 162.
Премар 101.
Принсеп 135.
Приселков М. Д. 184.
Прозоровский И. С. 182.
Пржевальский Н. М. 237, 241, 269, 274.
Псков 172.
Птолемей, географ 42, 43, 45—49, 51, 52, 57, 69, 75, 85, 86, 88, 193.
Птолемей II Филадельф 13.
Птолемей III Эвергет 43.
Птолемей V Эпифан 25.
Пул-и-Сангин 74.
Путимцев 244.
Путятин 234, 236.
Пущин 243.
Пяндж, р. 266.
Пясецкий 273.

Quatremère 62.

Рабати-Мелик 256, 266.
Раверти (Raverty H. G.) 141, 144.
Рагузинский Савва Владиславич 198.
Радлов В. В. 21, 79, 80, 212, 216, 238, 250, 254, 270, 271, 281.
Раимское укрепление 243.
Райт В. 79.
Рамсей (Ramsay) 149, 163.
Рамузио 73, 106.
Ранке 15, 22.
Раск 119, 125.
Рафаилов М. 228, 231.
Рафалович А. 290, 297.
Рашид-ад-дин 60, 62, 73, 191, 202.
Revillout E. 35.
Регули 238, 241.
Резанов 233, 234.
Рей 173.
Reinaud 61.
Рейнталь 276.
Рейске 120.
Реклю 162.
Ремезов Семен Емельянович 195, 204, 216.
Ренан Э. 151, 161, 164.
Ренат Иоанн-Густав 209, 216.
Рерихт (Röhricht) 151, 163.
Решт 203.
Рикорд П. 234, 241.
Рим 10, 18, 44—46, 48, 58, 77, 88, 95, 99, 106, 109, 110, 115, 120, 137, 155.
Римская имп. 45, 46, 48, 49, 52, 58, 159.
Риттер Карл (Ritter C.) 51, 52, 92, 119, 124, 125, 157—161, 164, 276, 281, 287, 295, 296.
Ritter H. 164.
Риттих П. А. 295.
Рихтхофен 79, 128, 143.
Риччи Маттео 88, 91, 92, 97, 98, 103, 104.
Richard L. 129, 142.
Риад 153.
Робертсон (Robertson Scott S. G.) 141, 144.
Робинзон (Robinson E.) 151, 163.
Роборовский В. И. 274, 281.
Родригуэз 94.

Рождественский С. В. 232.
Розен В. Р. бар. 61, 125, 254, 267, 281, 286, 287, 291, 296—298.
Розенберг О. О. 235, 241.
Розетта 25.
Рокхиль (Rockhill W.) 52, 79, 128, 142.
Ролинсон (Rawlinson) Генри 27, 146.
Романовский 246, 247.
Ромаскевич А. А. 286, 296.
Россия 38, 59, 68, 71, 72, 83, 86, 98, 107, 110—112, 119, 122, 124, 141, 142, 144, 158, 165—177, 179, 180—184, 186, 187, 189—192, 194—200, 202, 203, 205, 207, 208, 210—212, 214—222, 224—239, 241, 243—254, 258, 260, 263, 266, 268, 271, 273, 276—279, 282—284, 286, 287, 291—293, 295.
Ростовцев М. И. 52, 163, 291, 297.
Ross E. D. 254.
Росс Людвиг 148, 163.
Роттердам 95.
Рошан 247.
Рубруквис (В. де Рубрук, Руисбрук) 69, 70, 78, 79, 88.
Руднев А. Д. 281.
Рукавкин Даниил 221, 231.
Рум 60.
Rundall Th. 104.
Руссов Ст. В. 231.
Рустичиано 72.
Рыльск 228.
Рычков Ник. Петрович 223, 227.
Рычков Петр. Ив. 223, 227, 231.
Рэмер (Röhmer) 148.

Саалиби 56.
Савельев П. С. 231, 267.
Са'ди 113.
Садлер 153.
Сайгон 137.
Сайкс (Sykes) 145, 162.
Саламанка 77.
Салерно 78.
Салтыков кн. 278, 282.
Самара 178.
Самарканд 51, 57, 66, 76, 81, 86, 178, 217, 219, 247, 253, 256, 263, 264.
Самаркандская обл. 267.
Самарра 156.
Самиарды 65, 66.
Самойлович А. Н. 241, 267.
Санджар 66.
Сандрокотт (Чандрагупта) 42.
Санима 200.
Сани'-ад-даулэ 148.
Сапожников В. В. 241.
Сарай 75.
Сарайчик 75.
Саратов 233.
Сарат-Чандра-Дас 138, 144.
Саргон 29.
Sarnau 108.
Сарыкол 91.
Сарычев Г. 228, 231.
Сассетти 23, 35.
Сафат 175.
Саханский В. А. 285.
Сахаров И. 183, 184.
Sachau E. C. 61.
Саянский хребет 198.
Свенске К. 216.
Святая земля см. Палестина.
Святослав 167.
Северный ок. 39, 44, 73, 239; ср. Ледовитый ок.
Северцов 251.
Sédillot 61, 156, 157, 164.
Сеистан 144, 284, 295.
Сеитовский посад (Каргала) 223.
Сейфи 191, 202.
Селевк I Никатор 42.
Селенга 193.
Селенгинский острог (Селенгинск) 193, 197.
Селифонтов 184.
Селлам 54, 61.
Семенов А. А. 254, 257, 266.
Семенов Андрей, слуга 184.
Семенов П. П. 161, 164, 241, 251, 261.
Семен-Измаил (Сенька Жидовин) 180—182.
Семипалатинская область 222.
Семипалатинск 209, 210, 227, 228, 243, 244, 260, 275.
Семиречье 54, 64, 68, 78—80, 209, 217, 222, 231, 243, 244, 246, 249—251, 254, 276.
Сенар Э. 318.
Сенковский О. И. 102, 255, 262, 266, 283, 285, 288, 290, 295.
Сеньобос 21.
Сербия 283.
Сергий, переводчик 50, 52.
Сергиополь 243.
Серебренников А. Г. 262.
Серебрякова А. 21.
Сиам 137.
Си-ань-фу 55, 64, 79, 98.
Сибирское царство 185, 214.
Сибирь 54, 104, 172, 177, 184—186, 188—194, 202, 204, 206—208, 210, 212—216, 225—229, 231, 234, 235—241, 247, 254, 260, 274, 275.
Сибиряков И. М. 241.
Сивиллов о. Даниил 101, 272.
Сигизмунд имп. 80.
Sieglin 51.
Симла 135, 144.
Симонич гр. 283, 295.
Синай 297.
Синайский полуостров 152, 290.
Сингапур 116.
Сираф 55.
Сирия 5, 29, 30, 41, 50, 57, 58, 65, 71 76, 80, 82, 84, 106—109, 115, 116

119, 121, 125, 149, 152—155, 175, 288—290, 297.
Сицилия 57.
Скандинавия 168.
Скачков К. А. 100, 101, 104.
Скибин Фед. 218.
Скифия 71.
Скобелев 253.
Skrine Fr. H. 254.
de Slane M. Guckin 61.
Смирнов В. Д. 266, 287, 288, 296.
Смирнов Я. И. 125, 288, 296, 298.
Смит Джордж 28.
Смит (Smith E.) 151.
Смогоржевский С. Б. 164.
Смоленск 174.
Снук-Хургронье 152, 163.
Соболев М. Н. 281.
Соболевский А. И. 184.
Согд (Согдиана) 44, 51.
Соединенные Штаты 234.
Солдаия (Судак) 71, 72.
Соловьев С. М. 124, 183, 184, 202, 216.
Соломон 83.
Сопиков В. 231.
Сосновский 273.
Спаган см. Исфахан.
Спарта 6, 8.
Спасский Г. И. 192, 202, 228, 241.
Спафарий Николай Гаврилович 187, 190, 193—195, 202, 208.
Средиземное море 36—38, 58, 82, 157, 158, 160.
Срезневский И. И. 86, 184.
фон Сталь-Гольстейн А. А. бар. 143, 279, 282.
Staunton S. G. F. 92, 126, 142.
Стеллер 213, 214.
Степанов Онуфрий 189, 190.
Стерлибаш 223.
Стоддарт 141, 144.
Столетов 265, 279, 280, 282.
Столпянский П. 231.
Страбон 44—47, 52, 159.
Страленберг 188, 202, 206, 207, 212.
Streck M. 164.
Строгоновы 186.
Струве В. В. 35.
Стрэчи (Strachey) 138.
Ступин 209.
Суакин 152.
Субхан-Кули-хан 180.
Судан 152.
Сузиана 27, 28, 35; ср. Аравистан и Хузистан.
Сузы 38, 39.
Сулейман, купец 55.
Султания 77.
Суматра 47, 84.
Сун-юн 59.
Сурат 109, 118, 122, 123, 182.
Сургут 186.
Су-чжоу 91, 194, 240.
Суэцкий канал 125, 160.
Суэцкий перешеек 121, 156.
Сырку П. 202.
Сыр-Дарьинская обл. 254.
Сыр-Дарья 41, 42, 44, 66, 75, 192, 205, 207, 209, 218—220, 243—246, 249, 250, 276.
Сы-чуань 128.
Сэрр (Sirr H. D.) 127, 142.
Сюань-цзан (Hiouen-Thsang) 59.

Таверньe 113, 124.
Тавр 110.
Таз, р. 185.
Таймыр 213.
Таксила 135, 143.
Талас, р. 244.
Тамерлан см. Тимур.
Тана 75, 83; ср. Азов.
Танаис 37, 42; ср. Дон.
Танегасима, остров 87.
Тангут 269.
Танну-ола 198.
Тапробана 47.
Тара 186.
Тарбагатай 68.
Таргачинский хребет см. Хинган.
Тарим, р. 281.
Тартария 71, 128, 192.
Татарский пролив 236.
Татищев 215, 220.
Тацит 11, 44.
Ташкент 219, 221, 244, 246, 247, 249, 253, 254, 260, 261, 264, 267, 276.
Тверь 174.
Тебриз 83, 173, 175, 283.
Тевкелев 218, 219.
Тегеран 140, 148, 207, 208, 283.
Тексие (Texier Ch.) 149.
Тель-эль-Амарна 30, 35.
Темир см. Тимур.
Терентьев М. А. 216, 254, 282, 295.
Термез 248, 254.
Тешу-лама (Баньчань) 124.
Thibaut 35.
Thompson 162.
Тибет 34, 54, 76, 92, 96, 102, 104, 105, 124, 125, 128, 138, 144, 193, 224—226, 228, 269, 274, 275, 281.
Тиверись см. Тебриз.
Тигр, р. 65, 147, 175.
Tiessen E. 142.
Тизенгаузен бар. В. Г. 298.
Тимковский Е. 104, 268, 280.
Тимур (Тамерлан) 80-82, 86, 89—91, 183, 191, 202, 264.
Тифлис 233, 293, 294.
Тихонов Михаил 178, 179, 184.
Тмутаракань 171.
Тоблер (Tobler T.) 78, 151, 163.
Тобол, р. 185.
Тобольск 186—188, 196, 197, 202, 208, 210, 218, 226.

Токмак 64.
Тола, р. 197.
Томара М. Л. 285, 296.
Tomaschek W. 51, 52, 61.
Томсен 270, 281.
Томск 240.
Тосканелли Паоло 85.
Тохтамыш 183.
Tozer H. D. 51.
Трапезунт 41, 72, 81, 174, 175.
Требек 140.
Тредьяковский 207.
Триго 91.
Трог Помпей 44.
Трошин Матвей 218.
Troyer 282.
Трусевич Х. 202.
Тугирь 188.
Туголуков 229, 232.
Туманский А. Г. 61, 285, 286, 296.
Тунберг 35, 96, 104.
Тунис 154, 290.
Тураева К. А. 79.
Тураев Б. А. 21, 22, 35, 51, 52, 163, 291, 296, 297.
Турецкое царство 175; ср. Османская империя и Турция.
Туркестан 33, 35, 36, 47, 52, 62, 64, 72, 79, 91, 92, 138 — 140, 144, 153, 164, 179, 205, 209—211, 216, 218, 220, 227, 231, 240, 248—250, 252—254, 257, 261—263, 266, 267, 273, 275—277, 280, 281.
Туркестан, гор. 246.
Туркмения 216, 254, 264.
Туркменчай 291.
де-Турнефор Жозеф (Tournefort) 117, 125.
Турские земли 175.
Турткуль см. Петро-Александровск.
Туруханск 185.
Турфан 64, 79, 91, 140.
Турция 55, 105, 107, 109, 113, 114, 122, 124, 145, 148, 150, 154, 155, 175, 179, 203, 216, 219, 274, 284, 287, 289, 296, 297; ср. Османская империя и Турецкое царство.
Тэвено 113, 115.
Тюменец Василий 186, 187.
Тюмень 214.
Тюп, р. 210.
Тюп-Караган 205, 206.
Тявка 204, 218, 231.
Тянь-шань 51, 251, 281.

Уваров С. С. 35, 232, 241, 278, 282, 292.
Угримов 211.
Угэдэй 67, 68.
У-гэ-шань-ли (Александрия) 58, 62.
Уда, р. 193.
Удская бухта 196.
Узбой 206, 258, 265, 266.
Узун-агач 246.
Узун-Хасан 82, 83.
У-кун 59.
Улугбек 57, 61.
Улу-Мухаммед 82.
Ульджэйту 77.
Улья, р. 188, 211.
Ульяницкий Л. 202.
Умняков И. И. 266.
Унковский Иван 209—211, 216, 217.
Уокер (Walker) 257.
Упса, оз. 190.
Упсала 96.
Урал 75, 124, 178, 219, 239, 243; ср. Яик.
Уральск 243.
Уральский хребет 185.
Урарту 149, 163.
Ура-тюбе 247.
Ургенч 75, 124, 125, 176 — 178, 183, 192; ср. Куня-Ургенч.
Урка, р. 188, 189.
Урудж-бек 48, 111, 124.
Урус-богатырь 173.
Урянхайский край 198.
Услар 292, 293, 297.
Успенский Ф. И. 289.
Уссури, р. 237.
Уссурийский край 188, 234, 237, 241.
Усть-Каменногорск 209, 210.
Усть-Урт 242.
Уфа 218.
Уфимская губ. 220, 223.
Уя, р. 243.

Фалев П. А. 231.
Фалес 15, 36, 37.
Фарик 180.
Фаррух-Иесар 173.
Фарс 54, 55.
Фасис (Рион) 37.
Фа-сянь (Fa-hien) 59.
Федор Иоаннович 177, 186.
Федоров Ив. 212.
Федотов Иван 179.
Федченко 251, 260.
Фенев 214.
Феофилакт Симокатта 51.
Ферганская долина (Фергана) 164, 244, 246, 251, 260, 261, 276.
Ферганская обл. 47, 249, 260, 267.
Ferrand G. 61.
Ферье (Ferrier) 142, 144.
Филипп II исп. 92, 93.
Филипп Македонский 13.
Филипп, медик 66.
Филиппинские острова 95.
Фильби 153, 164.
Финикия 5, 36, 151.
Финляндия 238, 270.
Фирдауси 43, 163.
Фирсов Н. 231.
Фишер 215, 216.
Фиораванти 172.

Фланден (Flandin) 146.
Флетчер 155.
Флит (Fleet) 134.
Флоренция 75, 84.
Флоринский В. М. 202.
Flury S. 144.
Фо-го-цзи 59.
Фома, ап. 65, 66.
Forbiger A. 51.
Форбс (Forbes) 142.
Формоза 193.
Форсайт (Forsyth) 139, 144.
Форстер Джордж 123—125, 141.
Фотий, патр. 40.
Фракия 116.
Фра Мауро 85, 86.
Franke O. 61, 62.
Франк-Каменецкий 35.
Франкфурт 105.
Франция 77, 98, 105, 113, 115, 116, 118, 120, 123, 129, 137, 145, 165, 215.
Фрезер (Fraser) 145.
Фридрихштадт 112.
Фридрих II Гогенштауфен 78.
Фридрих IV гольшт. 112.
Фридрих V датский 119.
Фукидид 7 — 12, 15, 18.
Фу-линь 58, 60.
Фус 235.
Фушэ 142, 318.

Хабаровск 239.
Хабаров Ерофей Павлович 188—191.
Хабаш 178.
фон-Хавен Христиан 119, 120.
Хаджи-Баба 145, 162.
Хаджи-Хальфа 124.
Хайбак 318.
Хайд Т. (Hyde Th.) 116.
Хаким, халиф 56.
Хаккверди 113.
Хакодате 234.
du Halde см. Дюгальд.
Халеви (Halévy) 28, 154.
Halil Edhem 163.
Hallberg I. 79.
Хамадан 283; ср. Экбатаны.
Хами 91, 281.
Хаммер-Пургсталь (J. v. Hammer) 92, 150, 163.
Хаммураби 31, 35.
Ханбалык 75, 89; ср. Пекин.
Hanway J. 125.
Ханой 136, 137.
Ханфу (Кантон) 55.
Хан-чжоу-фу 73.
Ханыков Н. В. 161, 164, 256, 257, 284, 287, 295, 296.
Ханыков Я. В. 259, 266.
Хань-коу 273.
Харак, остров 95, 120
Хара-хото 274, 281.
Харес митиленский 43, 52.
Hartmann M. 144, 164.
Харузин А. 254.
Харун ар-Рашид 78, 79.
Хафиз-Таныш 177.
Хащаб А. Ф. 285, 296.
Хвостов М. 52.
Хвостов, офицер 234.
Helmersen 256.
Herrmann A. 62.
Herzfeld E. 146, 148, 156, 162, 164.
Хива, 75, 111, 179, 180, 184, 204, 206—208, 216, 220—222, 224, 231, 242, 244, 249, 254—256, 258—260, 266, 267; ср. Хорезм.
Хивинское ханство 177, 178, 204, 207, 216, 220, 221, 224, 248, 249, 258, 259, 266, 267.
Хилков кн. 184.
Хилок, р. 190.
Хинган 194, 197.
Хинджан (Хенжон) 180, 181.
Hinneberg P. 21, 35.
Хирадо 93, 95, 104.
Hirth F. 52, 62.
Хитай (Хатай) см. Катай.
Хитрово В. Н. 289, 297.
Hogarth 163.
Ходжа Нефес 205.
Ходжент 246, 247.
Ходзько 284.
Хой-сан 59.
Хоммель 28, 35.
Хорасан 112, 145, 178, 284.
Хорезм (Хуваразми, Хуваризм) 56, 66, 68, 166, 169, 170; ср. Хива.
Horn P. 163.
Хосрой I Ануширван 50.
Хотан 91.
Хоттингер (Hottinger) 115, 124.
Houtsma M. Th. 124, 125.
Хохлов И. Д. 177, 178, 184.
Хрисанф. митроп. 274, 281.
Христос 63, 93; ср. Иисус.
Хуан-де-Персия см. Урудж-бек.
Хубилай 72, 74, 89.
Худавендгяр 296.
Хузистан 147; ср. Аравистан и Сузиана.
Huc M. см. Гюк.
Humboldt W. 86.
Хумдан 55; ср. Си-ань-фу.
Хункяр-Искелеси 287.
Hunter 132, 142.
Хусейн (Хозя Уссейн) 173, 174, 184.
Хухунор 274.
Хэ-нань 130.
Хюар (Clément Huart) 149, 163.

Цагарели А. А. 289, 290, 297.
Царьград 183; ср. Константинополь.
Цейлон (Силян) 47, 50, 84, 123, 174, 279

Цельзиус 45.
Цеспедес 88.
Цицерон 7.
Цыбиков Г. Ц. 275, 281.
Цэван-Рабтан 210, 216, 218.
Цянь-Лунь 100, 102—104.

Чалыш (Карашар) 91.
Чаплин 211.
Чарджуй 179.
Чарикар 181.
Чарыков Н. 184.
Чауль 173.
Чахбар 285.
Чахотин С. 163.
Чекре 82.
Челюскин 213.
Ченслер 110.
Чередов Иван 210.
Черная, р. 195.
Черниговский Никифор 191.
Черное море 37, 38, 40, 44, 47, 165, 170, 171, 174, 175, 177, 203.
Черняев, ген. 246, 252, 262.
Чжан-цянь 57, 62.
Чжунгария см. Джунгария.
Чимкент 246.
Чина 48.
Чингиз-хан 66—68, 70, 91.
Чинистан (Tzintitza) 50.
Чинское море 89.
Чин (Син) 55.
Чипангу см. Япония.
Чириков 211, 284, 295.
Читраль 141.
Чихачев П. А. (Tchihatcheff) 238, 241, 288, 296.
Чу, р. 54, 244, 246.
Чугучак 244.
Чукотская земля 232.
Чулошников А. П. 231.
Чучалов 221.

Шаар см. Шахрисябз.
Шабин-дабага 198.
Chavannes E. 52, 62, 79, 130, 143, 272.
Шаль Адам 97, 99.
Шамполлион младший 25.
Шам см. Сирия.
Шанхай 127.
Шапп д'Отерош Клод 226.
аш-Ша'раний 295.
Шарден 113.
Шарльвуа 95, 104.
Шах-Алем 123.
Шахматов А. А. 165, 183.
Шах-Ниаз 204.
Шахрисябз 257.
Шах-яр 139.
Шварц 164, 239.
Schweiger-Lerchenfeld A. 163.
Шебунин А. 266.
Шейх-Джели 206.
Scheil V. 35.
Шелахский мыс 213, 215, 228.
Шелехов Григорий 228, 231, 233.
Шемаха 173, 179, 182, 207.
Шемяка 218.
Шенаныкин 214.
Шенстрем 207.
Шериф 225.
Шестаков 212, 215, 216.
Schefer Ch. 114.
Шик К. 289.
Шильдбергер Иван 81, 82, 86.
Шилка, р. 189, 191, 193, 195.
Шилкинский завод 236.
Шираз 83, 119.
Шир-Али 280.
Ширван 168, 173.
Шир-Гази, хан 207.
Ширли, братья 111, 124.
Шифнер 237, 250, 292.
Шлагинтвейты, братья 138.
Schlagintweit-Sakünlünski H. 144.
Шлегель Фридрих 23, 35.
Шлессинг 192.
Шлецер 215.
Шлоссер Фр. 22, 23, 31, 35.
Schlumberger G. 52.
Шмидт А. Э. 266, 295.
Schmidt F. M. 79.
Шмидт Я. И. (Schmidt I. J.) 268, 280.
Шопенгауер 1.
Шотт В. 237, 241.
Шоу (Schaw) 139, 144.
Шпангберг 211, 214.
Schrader O. 52.
Шренк (Schrenck L.) 236, 241.
Stein M. A. 135, 140, 144.
Штернберг Л. Я. 240.
Штинников Андрей 200, 201.
Штольце, доктор 146.
Stübe R. 184.
Шугнан 247, 248.
Шультенс А. 106.
Шульц Кузьма (Соза) 200, 201.
Шумахер 214.

Щербатской Ф. И. 279, 282.

Эверсман 255.
Эвлия-Челеби 114, 124.
Эгейское море 22.
Экбатаны 83; ср. Хамадан.
Эктаг 51.
Эллиот (Elliot H. M.) 133, 134, 143
Эльфинстон (Elphinstone) 140, 144.
Эмба, р. 222.
Энгельс 35.
Эратосфен 43.
д'Эрбело 102, 115, 210.
Эривань 294.
Эркеть (Еркеть) 205, 208, 209, 211; ср. Яркенд.
Эрпениус 106, 116, 124, 125.

Эр-Али 218.
Эфрон 241. 297.
Эцзин-гол 274.
Эчмиадзин 124, 294, 298.

Юань-ши 202.
Юдин Леонтий 177, 184.
Юзефович Т. 202, 216.
Юнь-Чжен 100, 104.
Юсти 28, 35.
Юстин II 51.
Юсуп Ижбулатов 203, 215.
Юсуф Ногайский 176, 184.

Яворский, д-р 280.
Ягмин 242.
Ядринцев 270, 281.
Языков Д. 79.
Яик 178, 179; ср. Урал.
Я'куб-бек 139, 276.
Я'куби 61.
Якут 57, 61.
Якутск 186, 188, 197, 200, 212.
Якутская республика 240, 241.
Ялычев Бурнаш 186, 187.
Ямбо 153.
Ямышева крепость 209.
Ямышево озеро 208.
Янкович де-Мириево Ф. И. 230.
Ян-цзы-цзян 128, 273.
Япония (Жи-бэнь-го, Чипангу, Zipangu) 35, 54, 73, 75, 85, 87—89, 92, 94—96, 98—100, 104, 131, 143, 193, 194, 202, 212, 214, 216, 229, 232—235, 241, 273.
Японский архипелаг 94.
Яркенд 91, 205, 208, 209, 211, 216, 224; ср. Эркеть.
Ярослав Мудрый 171.
Яффа 288.
Yate C. E. 144.
Yule H. 52, 62, 79.
Zarncke Fr. 79.

Дополнения и поправки.

Дополнения к стр. 142.

О работах *Фушэ* в настоящее время опубликованы: 1) в Journa Asiatique 1923 г., т. 202, письмо Фушэ из Кабула от 30 дек. 1922 г., стр 354—368, о работах в Бамиане; 2) в Journal Asiatique 1924 г., т. 205, статья Фушэ о работах в Хайбаке, стр. 139—153; 3) в Comptes Rendus de l'Académie des Inscriptions etc. за 1924 г. доклад Годара (Godard) о работах в Газне (7. XI. 24), стр. 312; отчет (rapport) Э. Сенара о работах экспедиции в Балхе за первое полугодие 1924 г., стр. 342—346. В общем отчеты экспедиции проникнуты некоторым чувством разочарования.

Важнейшие опечатки [1]).

Стран.	Строка	Читай
62	11—13 сверху	...Einflusses ...eigener... Berührung... mittelbare
125	15—16 снизу	Tuzuki jahangiri, transl. by A. Rogers
143	2 сверху	Richthofen
144	14 снизу	North of India
184	2 сверху	А. И. Соболевский
216	26 „	CLXVI.
232	9 „	С. К. Булич
263	1 „	С т. V
280	5 снизу	I. J. Schmidt

ФУНДАМЕНТАЛЬНАЯ
БИБЛИОТЕКА
Общественных Наук
Академии Наук СССР

[1]) Не оговорены такие опечатки, которые легко могут быть исправлены каждым читателем.